Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
СРЕДНЕРУССКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ - ФИЛИАЛ

На правах рукописи

БУКАЛОВА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА

ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (АВГУСТ 1914-ФЕВРАЛЬ 1917 ГОДОВ)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора исторических наук

5.6.1. – Отечественная история

Научный консультант:
доктор исторических наук, профессор
Меркулов Павел Александрович

Орёл-2025

Оглавление

	Введение……...	3
Глава 1.	**Концептуальные основы исследования системы социальной помощи в годы Первой мировой войны**……..……	38
1.1	Теоретические аспекты исследования истории социальной помощи…	38
1.2	Историография проблем социального призрения в годы Первой мировой войны ……...……	67
1.3	Источники изучения системы социальной помощи жертвам войны	94
Глава 2.	**Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов**……..……	117
2.1	Организационно-правовые основы деятельности Верховного Совета...	117
2.2	Финансовые основы деятельности Верховного Совета……...…	139
2.3	Особенности работы Верховного Совета…….	156
2.4	Особая Комиссия Верховного Совета и становление системы помощи инвалидам войны……..	177
Глава 3.	**Комитет ее императорского высочества великой княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну**……..…..	206
3.1	Полномочия и структура Елизаветинского комитета……..…….	206
3.2	Финансовые основы работы Елизаветинского комитета…….....	220
3.3	Елизаветинский комитет в системе призрения жертв войны……...…	225
Глава 4.	**Система общественного призрения жертв войны**……...…	252
4.1	Семьи мобилизованных как объект государственно-общественного попечения……..……	252
4.2	Развитие системы призрения детей в годы Первой мировой войны…..	273
4.3	Институциализация социальной помощи инвалидам войны……..	298
	Заключение……..…….	340
	Список источников и литературы……...……	354
	Список сокращений ……...…….	412
Приложение 1	Финансовые показатели Совета по призрению и Елизаветинского комитета ……..……..	413
Приложение 2	Организационная схема Елизаветинского комитета……..…	414
Приложение 3	Сводная ведомость о видах помощи семьям запасных нижних чинов, оказанной Комитетом Её императорского высочества великой княгини Елизаветы Фёдоровна и его отделениями по 5 мая 1915 г. ……..…….	415
Приложение 4	Распределение средств по видам деятельности, данные по Центральному комитету великой княгини Елизаветы Фёдоровны и его губернским отделениям ……..……..	416
Приложение 5	Схема устройства и полномочий попечительств о семьях мобилизованных ……...….	417
Приложение 6	Сравнительная таблица зарплат, цен и социальных пособий в годы Первой мировой войны ……	418
Приложение 7	Участие органов местного самоуправления в оказании помощи жертвам войны ……..……	420

Введение

Актуальность темы исследования. Для российской идентичности большое значение имеют понятия справедливости и солидарности, которые служат ценностной основой отношений в социальной сфере. Современное российское государство – Российская Федерация – разделяя эти ценности, провозглашается Конституцией социальным государством. Принято считать, что концепция социального государства является идеалом, на воплощение которого в жизнь направлена текущая политика государства в социальной сфере. Таким образом, ценности социальной справедливости и социальной солидарности исполняют целеориентирующую функцию в определении стратегии государственной социальной политики. Цели социальной политики во многом определяют механизмы государственного управления, воздействуют на приоритеты экономической политики. Между тем, оптимальные формы реализации государством социальной функции остаются предметом дискуссий, что актуализирует ретроспективное освещение взаимодействия государства и общества в социальной сфере. Одним из значимых, при этом малоизученных этапов этого взаимодействия является период Первой мировой войны. Раскрытие сущности социальной политики того или иного исторического периода возможно через комплексный анализ трёх аспектов проявления роли государства в социальной сфере: особых социальных групп, выделяемых в качестве объекта социальной политики; нормативно-правовой базы этой политики и органов, реализующих соответствующий комплекс мер, с присущей им правовой природой[1].

Рассмотрение трансформации системы социальной помощи обладает ***научной актуальностью***, способствуя расширению и углублению объективного знания о едином на протяжении столетий процессе становления социальной политики в России. Изучение институционального развития

[1] Меркулов П.А. Елисеев А.Л. Аронов Д.В. Государственная молодёжная политика в дореволюционной России – от сословности к полноценному социальному регулированию // Былые годы. 2018. № 49 (3). С. 1061-1073.

социальной помощи углубляет объективные представления о подходах к решению общественных проблем, в том числе о вопросах политической культуры, социального неравенства и солидарности, экономической стабильности. ***Практическая значимость*** изучения данной проблематики заключается в выявлении механизмов, возможностей и ограничений мобилизации общественных ресурсов для смягчения социальных проблем, возникающих в экстремальных условиях. Значимыми представляются темы соотношения государственных гарантий и благотворительной помощи, роли общественных организаций в решении проблем социальной сферы, уточнения представлений о социальной функции государства, которые являются частью политической культуры[2]. Следует подчеркнуть, что идеологические основания социальной политики государства берут начало в культурных и религиозных традициях данного социума. Уже в XVI веке государственная власть в России регулировала отдельные элементы социальной сферы, не рассматривая её как исключительную область частных или религиозных интересов. Т.Е. Покотилова связывает становление активной роли государства в социальной сфере с идеями эпохи Просвещения об ответственности правителя перед подданными[3]. «Учреждение о губерниях» Екатерины II создало в регионах сеть государственных органов – Приказов общественного призрения, и подведомственных им учреждений. Социальная инфраструктура начинает активно развиваться в конце XIX века в рамках земского самоуправления, а в начале XX века либерализация законодательства привела к появлению в социальной сфере огромного количества благотворительных объединений. Наконец, в мае 1917 года в составе Временного правительства было образовано Министерство государственного призрения, которое стало первым в российской истории специализированным органом реализации государственной социальной политики; однако, как будет показано в нашем

---

[2] Грибанова Г.Н. Государственная социальная политика и благотворительность - подходы и тенденции // Благотворительность в России: Социальные и исторические исследования. СПб.: «Лики России», 2001. С.56.
[3] Покотилова Т.Е. Благотворительность в социальной истории дореволюционной России : Мировоззрение и ист. опыт : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02. - Ставрополь, 1998. С. 213, 252.

исследовании, его появлению предшествовала довольно развитая практика государственного участия в решении социальных проблем, сложившаяся в Российской империи в годы Первой мировой войны. Советская власть перешла к реализации модели государственного социального обеспечения. На постсоветском этапе истории России модель социального обеспечения сменяется моделью социальной защиты. В разных исторических периодах наблюдается разный баланс государственных и общественных форм помощи; с определённого момента возникает система универсальных государственных социальных гарантий.

Таким образом, предреволюционный период Первой мировой войны занимает важное место в процессе усиления роли государства в социальной сфере и становления государственной социальной политики современного типа. Представляется продуктивным рассмотрение развития системы помощи жертвам Первой мировой войны как сочетания нормативно-организационной деятельности государства и квазигосударственных «именных» благотворительных комитетов, и её реализации структурами гражданского общества.

Степень разработанности научной проблемы. В историографии тыла Первой мировой войны социальная проблематика привлекала меньше внимания учёных, нежели политическая и экономическая. В свою очередь, в социальной сфере наиболее подробно освещена на сегодняшний день помощь беженцам. Что касается мероприятий в отношении коренного населения, то в **обобщающих работах**, посвящённых Первой мировой войне, она практически не затронута. Первая книга концептуального четырёхтомника «Мировые войны XX века» посвящена, в том числе, внутреннему положению воюющих государств, затрагивая и социокультурные аспекты[4]. Авторство разделов, характеризующих внутреннее положение Российской империи, принадлежит С.В. Тютюкину. Рассуждая о назревании внутриполитического кризиса после

[4] Мировые войны XX века : В 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война : Ист. Очерк / Отв. Ред. Г.Д. Шкундин. – М., 2002. – 685 с.

военных неудач 1915 г., он упоминает исход беженцев, распутинщину, распад патриотического консенсуса на фоне социально-экономических проблем, «*правительственный произвол*» и «*крайнюю негибкость правительственной политики*»[5], уделяя основное внимание политической борьбе.

Столетний юбилей Первой мировой сопровождался появлением нескольких фундаментальных изданий обобщающего характера. Но и в них социальная проблематика не стала предметом самостоятельного изучения. Так, в коллективной монографии «Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис»[6] социальные процессы раскрываются как изменения в социально-демографической структуре общества, а решение социальных проблем отнесено к разделу «Общество в годы войны», что как бы исключает присутствие государства в этой сфере. Раздел об общественных организациях в данном издании написан А.С. Тумановой, а о филантропической деятельности – Г.Н. Ульяновой. Оба автора являются авторитетами в области исследования структур и процессов гражданского общества, однако им не удалось выделить специфику развития социальной сферы военного периода. Так, А.С. Туманова, рассматривая добровольные ассоциации как агентов общественной мобилизации, упоминает лишь четыре из тысяч действовавших в России общественных объединений, уделяя также внимание организации, деятельности и политической роли ВЗС, ВСГ, Земгора и военно-промышленных комитетов.

Характеризуя социальную помощь раненым, солдатским семьям и беженцам, Г.Н. Ульянова указывает, что она осуществлялась как ранее существовавшими благотворительными ведомствами и обществами, так и вновьсозданными, включая в число благотворительных обществ всероссийские союзы органов местного самоуправления. На основе

---

[5] Тютюкин С.В. Назревание общенационального кризиса // Мировые войны XX века : В 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война : Ист. очерк / Отв. Ред. Г.Д. Шкундин. – М., 2002. - С.369-377.

[6] Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис : монография / отв. ред. Ю. А. Петров. – М., 2014. - 982 с.

привлечения пожертвований или волонтёрского участия, все мероприятия, осуществлявшиеся с использованием казённых средств или средств местного бюджета, автор относит к благотворительным. Г.Н. Ульянова приходит к заключению, что «*российская филантропическая общественность ... завоевала авторитет у народа*», что прямо противоречит последующим историческим событиям.

Подробный анализ историографии конкретных направлений социальной деятельности государства и общества в годы Первой мировой войны представлен в основном тексте диссертации.

До настоящего времени особенности развития социальной сферы периода Первой мировой войны не получили адекватного отражения в обобщающих работах и учебных пособиях по отечественной истории, истории государства и права России, истории социальной работы. Это доказывает оправданность ограничения хронологических рамок нашего исследования 1914-1917 годами. Приведённые аргументы позволяют выявить проблему исследования и сформулировать его цель.

Цель исследования: определить тенденции формирования системы социальной помощи жертвам Первой мировой войны и установить принципы взаимодействия государства и общества в деле помощи жертвам войны, что позволит уточнить роли государственных и общественных институтов в преодолении социальных дисфункций.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

1. Определить теоретико-методологические основы изучения роли государства в социальной сфере и конкретизировать их применительно к экстремальному периоду Первой мировой войны;
2. Проанализировать сложившиеся в научной исторической литературе подходы к исследованию взаимоотношений государства и общества в социальной сфере в годы Первой мировой войны;

3. Систематизировать нормативно-правовые, организационные и финансовые основы управления оказанием социальной помощи пострадавшим от войны в деятельности Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов как организационно-распорядительного органа;

4. Выявить структурно-функциональную организацию Особой Комиссии Верховного Совета по призрению как специализированного органа социальной помощи военным инвалидам;

5. Проследить подходы к развитию системы социальной помощи в общественно-политическом дискурсе Российской империи в дореволюционный период Первой мировой войны;

6. Охарактеризовать механизмы предоставления мер поддержки жертвам войны на местах через призму деятельности Комитета великой княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну как координационно-исполнительного органа;

7. Реконструировать комплекс мер социальной помощи солдатским семьям, детям воинов и инвалидам войны, выделяя соотношение государственных, общественных и частных элементов.

Объект исследования – совокупность организационных и правовых мер социальной помощи в отношении групп населения, пострадавших от воздействия военных факторов.

Предмет исследования – процесс институционального оформления в Российской империи системы социальной помощи жертвам Первой мировой войны (солдатским семьям, вдовам и сиротам, инвалидам войны).

Хронологические рамки исследования охватывают период с объявления мобилизации и вступления Российской империи в Первую мировую войну (18 июля 1914 года, даты по старому стилю) до отречения от престола Николая II (2 марта 1917 года), после чего коренным образом меняются механизмы управления всеми сферами общественной жизни, в том числе и общественным призрением.

Географические границы исследования определены на основе единообразного устройства системы управления и включают 51 губернию Европейской России. Они условно объединяются в несколько природно-географических и экономических регионов[7]: Русский Север, Черноземье, Центральный промышленный регион, Нечерноземье, Среднее и Нижнее Поволжье, Приуралье и т.д. Изучаемый макрорегион характеризовался значительным разнообразием природных условий, плотности населения, соотношения горожан и сельских жителей, земледелия, подсобного ремесла и отходничества, помещичьего и общинного землевладения; тем не менее, губернии региона Европейской России обладали единообразным устройством органов губернского управления и местного самоуправления, которые играли значительную роль в системе социальной помощи жертвам войны. За рамками рассмотрения остались казачьи области, Санкт-Петербург (Петроград) и Петроградская губерния, а также Москва и Московская губерния. Эти два мегаполиса Российской империи и тяготевшая к ним периферия отличались значительным своеобразием экономической жизни и социального уклада, имели отличия в механизме управления (генерал-губернаторства). Они были организационно выделены и в общероссийской системе призрения жертв войны. Кроме того, организация социального призрения в столичном Петрограде в годы Первой мировой войны стала темой самостоятельного диссертационного исследования Н.М. Ивановой[8].

Население Европейской России по расчётам на 1914 г. составляло 128,8 миллионов человек, или 72% от общероссийского[9]. Для преобладавшего здесь сельского православного населения, доля которого составляла 85,6%[10], была характерна традиционная патриархальная ментальность.

---

[7] См., например: Семенов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня в европейской России : очерк по экономической географии. - СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1910, 212 с.
[8] Иванова Н.М. Милосердие и благотворительность в годы первой мировой войны 1914 - 1917 гг. : На материалах Петрограда : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Санкт-Петербург, 2002. - 243 с.
[9] Статистический ежегодник России. 1914 г. Издание ЦСК МВД. Пг., 1915. Отдел 1. С. 1-25.
[10] Статистический ежегодник России. 1914 г., Пг., 1915. Отд. I. С.61

Общее представление о проблеме исследования было построено на основе обобщения, сопоставления и верификации данных широкого ряда разнообразных исторических источников. **Источниковую базу** исследования составили законодательство Российской империи, делопроизводственные материалы трёх центральных архивов (Российский государственный исторический архив, Российский государственный военно-исторический архив, Центральный архив города Москвы) и Государственного архива Орловской области, отчёты о деятельности объединений помощи жертвам войны, публикации в тематических периодических изданиях. Их сочетание позволяет раскрыть содержание мер социальной помощи и механизмы её оказания, выявить тенденции их институциализации. Более подробная характеристика источниковой базы представлена в соответствующем разделе диссертации.

Теоретическая и методологическая основа исследования сложилась на основе ***принципа плюрализма***, допускающего интеграцию различных методологических подходов. В целом исследование выполнено в рамках ***социальной теории*** – общей концептуальной части социальных наук, которая охватывает круг универсальных проблем социума, прежде всего – проблемы институциализации, структурной организации социума, социальной дифференциации и социальных изменений. Социальная теория предлагает наиболее общие теоретические представления о социальной реальности[11].

Теоретической основой исследования является ***системный подход***, который рассматривает общество как тип социальной системы и формируется под влиянием общей теории систем. Системный подход представляет человеческое общество как сверхсложную открытую нелинейную динамическую макросистему, обладающую качеством целостности и состоящую из подсистем низшего порядка. В любой системе возможно выделить её *структуру* как относительно устойчивую связь элементов в

[11] Резник Ю.М. Социальная теория: Предмет и междисциплинарный статус // Вопросы социальной теории. 2007 Том I. Вып. 1. С. 306-321. С. 309.

системе, отражающую отношение между системой как целым и её частями, а также *функцию* – роль каждого элемента в поддержании целостности и равновесия системы.

Наиболее последовательно системный подход к изучению общества был применён в ***структурном функционализме***, наиболее известным представителем которого является Т. Парсонс. Он выделяет основные функции общества: адаптация, целедостижение, интеграция, воспроизводство существующего порядка. Реализация перечисленных функций производится соответствующими функциональными подсистемами – экономической, политической, социальной и идеологической (духовной). Благодаря им общество приспосабливается к внешним изменениям, поддерживает внутреннее единство и снимает напряжение в системе. Экономическая подсистема занята материальным воспроизводством и обеспечивает взаимодействие со средой. Политическая подсистема обеспечивает целеполагание и целедостижение, оказывает упорядочивающее и регулирующее воздействие на общественные отношения. Духовная подсистема обеспечивает поддержание культурных образцов индивидуального поведения и коллективного взаимодействия, отвечает за легитимацию нормативного порядка. Адаптируясь к изменениям, общество наращивает свою дифференциацию, усложняя собственную структуру, создавая новые институты и организации, что мы и видим на примере трансформации системы социальной помощи в годы Первой мировой войны.

Особое внимание следует уделить социальной подсистеме, которая обеспечивает интеграцию членов общества, их необходимое сплочение, что порождает целостность и воспроизводство социальной жизни. В число её базовых элементов входят социальные институты, социальные организации и социальные группы[12]. Концепция нашего исследования уделяет особое внимание социальным группам, будучи основана на теории социальной

[12] Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. — 526 с. С.23.

стратификации, более подробно представленной в соответствующей главе основного текста диссертации. В качестве социального института, получившего качественное развитие именно в годы Первой мировой войны, можно выделить систему социальной помощи жертвам войны.

Системная парадигма в исследовании дополнена концепциями социальных статусов, социальных рисков, социальной модернизации, институциализации и патернализма. Их содержание также подробно раскрыто в соответствующей главе диссертации.

Методологическая база исследования исходит из следующих **познавательных принципов**:

Принцип **объективности** включает в себя опору на подлинные факты и позволяет в наиболее полной мере приблизиться к воссозданию реально существовавшего объекта или явления, не предвосхищая выводов и оценочных суждений. Основой для реализации принципа объективности в исследовании выступает опора на источники, существующие независимо от исследователя, и содержащие объективную информацию.

Принцип **историзма** предполагает конкретно-историческое рассмотрение post factum социальных процессов в рамках возможностей и средств той эпохи, которой они принадлежат, присущих ей культуры и ценностей.

Принцип **комплексности** требует всестороннего изучения в их многообразии и взаимодействии экономических, организационно-управленческих, ценностно-психологических аспектов реализации государством и обществом мер помощи жертвам войны. В то же время целостность исторического процесса как совокупности исторических событий указывает на его субстанциональность, единство социетальной системы.

В своей совокупности названные принципы позволяют составить достоверное представление о причинах и характере развития социальной помощи в контексте внешних и внутренних факторов её трансформации. **Диалектический** метод познания позволил представить историческое явление

социальной помощи в его непрерывном изменении и развитии, многомерности и противоречивости субъект-объектного взаимодействия, взаимовлиянии причинно-следственных связей с идеологическими приоритетами и ограничениями, перехода количественных изменений в качественно новое состояние общественных отношений.

Исследование выполнено с использованием таких **общенаучных теоретических методов**, как анализ и синтез, обобщение и конкретизация. ***Анализ*** позволяет выделить в едином объекте исследования (системе) его составные части (подсистемы) и рассмотреть их внутреннее устройство, взаимодействие со своим окружением. Структурно-функциональный анализ направлен на изучение строения и процесса деятельности объекта, морфологический анализ осуществляет изучение отдельных составных частей, реляционный анализ – изучение взаимосвязей, операционно-процедурный анализ позволяет установить соответствие процедур исполняемым функциям (по И.В. Понкину, А.В. Лаптевой)[13]. Также аналитические методы позволяют выделить общие черты эмпирических фактов и объединить их в определённую совокупность, выявить тенденции их эволюции. В свою очередь, метод ***синтеза*** позволяет интегрировать данные, полученные в результате анализа, в целостность нового научного знания. Особое место среди форм научного синтеза отводится синтезу системы дефиниций[14].

Обобщение – логический процесс восхождения от единичного к общему, установление общих признаков и свойств событий и явлений. Метод обобщения позволяет преодолеть иллюстративность и фактографичность в использовании разнообразных примеров социальной помощи.

Конкретизация позволяет отразить качественное разнообразие проявления социальных явлений, их вариативность в зависимости от внешних факторов и внутренних тенденций эволюции.

---

[13] Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. – М.: Буки Веди, 2021. С. 317.
[14] Там же, с. 324.

Специально-историческими методами исследования стали:

Исторический метод, который состоит в воссоздании ***исторических фактов*** как социально значимых явлений, событий и их введении в контекст исторического процесса. К историческим фактам в изучаемой сфере можно отнести введение государственных пособий и пенсий жертвам войны; создание центрального органа, координирующего и частично финансирующего дополнительную помощь пострадавшим; участие местного самоуправления в мерах поддержки этой категории населения, и др. Исторический факт, зафиксированный в источнике, сам по себе является продуктом интерпретации и в силу своей многослойности имеет самостоятельную ценность[15].

Историко-генетический метод ориентирован на изучение эволюции объекта: истоков его происхождения и факторов развития; он даёт возможность выявить причинно-следственные связи и установить закономерности в становлении системы призрения жертв войны. В развитии системы социальной помощи можно выделить этапы становления, стагнации и институциализации. Взятая в своей конкретной форме, российская система поддержки жертв Первой мировой войны оказывается, таким образом, вписанной в общий процесс эволюции социальной функции государства в модернизирующемся обществе. Тем самым историко-генетический метод позволяет взойти от единичного к общему и всеобщему.

Историко-сравнительный метод направлен на выделение общего и частного в механизмах социальной помощи разным категориям жертв войны, а также раскрытие динамики институциализации этой помощи в сравнении с предшествующим периодом. Сходство механизмов социальной помощи солдатским семьям, сиротам и военным инвалидам, а также различие в механизмах государственно-общественного взаимодействия в социальной сфере в годы Первой мировой и Русско-японской войны позволяет сделать

[15] Биск И. Я. Методология истории: курс лекций / И. Я. Биск. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007. С.42-44.

вывод о растущей нормативно-регулирующей роли государства в социальной сфере, растущем значении государственных финансовых ресурсов.

Историко-правовой метод позволяет провести анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих строение и деятельность системы призрения жертв войны, и оценить их значимость в исторической перспективе.

Количественный метод, позволяющий обобщить и проанализировать количественные данные, был использован для уточнения численности призреваемых категорий и выявления динамики оказываемой помощи.

Антропологический (культурно-антропологический, социально-антропологический) метод раскрывает социальные процессы в контексте ценностей и норм, определяющих модели поведения и восприятия окружающей действительности. Отношение к детям как «будущему нации», вдовам, сиротам и увечным как «священным жертвам во имя будущего» создаёт необходимые условия для становления централизованной универсальной системы социальной помощи.

Оформление результатов исследования предполагает использование **метода моделирования**, позволяющего реконструировать максимально целостную систему социальной помощи в условиях военного времени. Её элементами будут официальные и неформальные организационные структуры; отдельные события и длящиеся практики взаимодействия; поступление, распределение и расходование денежных средств; формальные процедуры регистрации и установления права на призрение; символы, образы и ценности.

Совокупность задействованных в диссертационном исследовании принципов, подходов и методов позволяет рассмотреть становление системы поддержки жертв войны как важное историческое явление, служащее значимым элементом трансформации социальной функции государства.

Научная новизна результатов исследования заключается в ракурсе рассмотрения процессов социальной помощи жертвам войны с точки зрения участия государства и официальных административных структур, что позволило сделать вывод об эволюции сложившейся в Российской империи

полисубъектной модели социальной помощи под воздействием экстремальных условий Первой мировой войны в сторону патерналистской модели, усиления государственного регулирования и складывания основ формирования в этом сегменте государственной социальной политики современного типа.

- Определены концептуальные подходы к представлению роли государства в социальной сфере применительно к предреволюционному периоду Первой мировой войны в рамках теорий модернизации, социальной мобилизации, государственного патернализма;
- Выявлены и преодолены пробелы и заблуждения сложившейся историографии относительно конфигурации системы поддержки жертв войны;
- Установлены принципы, особенности и тенденции нормативно-правового регулирования общероссийской системы помощи пострадавшим от войны, включая как систему органов предоставления помощи, так и правовой статус её получателей. Социальная помощь рассмотрена как целостное явление, интегрировавшее деятельность государства и гражданского общества, при этом выявлена растущая роль государства в организации социальной помощи;
- Осуществлён комплексный конкретно-исторический анализ организационной основы управления оказанием социальной помощи, реконструированы управленческие инструменты её стимулирования и координации. Уточнена роль различных социальных институтов – субъектов оказания социальной помощи, выявлены механизмы использования благотворительной активности для решения задач государственного управления;
- Охарактеризован объём и направления социальной помощи жертвам войны, определена численность их основных категорий, что позволяет объективно оценить становление государственной социальной политики в Российской империи;
- Систематизированы виды и формы социальной помощи основным категориям пострадавших от войны, а также механизмы их предоставления,

что дает возможность представить социальную помощь как аспект модернизации общественных отношений;

- Предложена периодизация развития системы социальной помощи жертвам Первой мировой войны;
- Переосмыслен категориальный аппарат социальной сферы, уточнено содержание и соотношение понятий «благотворительность», «общественное призрение», «социальная политика». Выявлена природа и место в общей системе социальной помощи таких её организационных элементов, как общество/объединение, орган/организация, учреждение, заведение.

Тем самым решение исследовательских задач позволило получить новые научные результаты относительно развития общественных отношений и социальной сферы накануне революционной трансформации российского социума, а также внести важные коррективы в научные представления об эволюции социальной функции государства в начале XX века.

Положения, выносимые на защиту:

1. Годы Первой мировой войны занимают особое место в процессе модернизации российского общества. Участие Российской империи в тотальной войне требовало мобилизации как экономических, так и социальных ресурсов, что определяло усиление роли государства в экономике и социальной сфере. Сложившиеся к началу XX века механизмы общественного попечения о нуждавшихся были не в состоянии компенсировать возникшие угрозы стабильности системы общественных отношений, испытывая воздействие одновременно двух негативных факторов: значительного увеличения числа нуждавшихся и падения благосостояния общества. Решение задач организации социальной помощи жертвам войны осуществлялось государством в формате консолидации, регламентации и поддержки благотворительной деятельности. Нормативно-санкционирующая функция государства реализовывалась на основе идеологии патернализма (*п. 11 «Социальная политика государства и ее реализация в*

соответствующий период развития страны», п. 23 «Россия в крупнейших международных конфликтах» паспорта научной специальности 5.6.1. «Отечественная история»).

2. Отличительной чертой политики государства в социальной сфере стало развитие социальных гарантий для отдельных категорий населения, что проявлялось в их правовом закреплении и нормативной регламентации организационных механизмов их реализации. Важным аспектом институциализации мер социальной помощи был учёт её получателей – их перепись, регистрация, которая осуществлялась или готовилась в отношении всех категорий жертв войны.

Следует отметить переход от индивидуальной к групповой помощи, преодоление сословности и общинности в предоставлении помощи. В то же время, сложившаяся в годы войны организационная система помощи конструировалась властью как временная и следовала российской традиции создания в социальной сфере крупных государственно-общественных структур, позволявших интегрировать благотворительную активность с административной поддержкой и государственным финансированием. Такая практика указывает на смешанный, государственно-общественный характер системы помощи жертвам войны. Альтернативная модель, основанная на установленных законом гарантиях получения помощи, их реализации органами местного самоуправления при финансировании из государственной казны, продвигалась Всероссийским Земским Союзом и Всероссийским Союзом Городов (*п. 11 «Социальная политика государства и ее реализация в соответствующий период развития страны», п. 23 «Россия в крупнейших международных конфликтах» паспорта научной специальности 5.6.1. «Отечественная история»*).

3. Учреждение чрезвычайного межведомственного органа – Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов – стало существенным шагом в направлении становления государственной социальной политики современного типа. Эта общественная

структура с широким административным участием, государственным финансированием и возможностью правотворческой инициативы, наделённая регламентирующими и контрольными функциями в отношении системы социальной помощи, явилась непосредственным предшественником государственного органа социальной политики – Министерства государственного призрения. Впервые в российской истории в составе Совета по призрению была образована Особая Комиссия как специализированный орган социальной помощи инвалидам войны (*п. 11 «Социальная политика государства и ее реализация в соответствующий период развития страны», п. 23 «Россия в крупнейших международных конфликтах» паспорта научной специальности 5.6.1. «Отечественная история»*).

4. Периферийную систему органов, координирующих меры поддержки жертв войны, составили местные отделения Комитета великой княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. Они взаимодействовали с работавшими на уровне губернии и уезда объединениями и структурами местного самоуправления, предоставлявшими меры помощи пострадавшим, координируя и регламентируя их деятельность, а также оказывая им финансовую поддержку. Кроме этого, отделения Елизаветинского комитета могли действовать и самостоятельно. Следует отметить значительное административное участие в составе местных отделений Елизаветинского комитета (*п. 4 «История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов», п. 11 «Социальная политика государства и ее реализация в соответствующий период развития страны», п. 23 «Россия в крупнейших международных конфликтах» паспорта научной специальности 5.6.1. «Отечественная история»*).

5. Финансирование социальной защиты жертв войны осуществлялось из государственной казны в виде пенсий и пособий, выплачиваемых на основании закона, а также в виде субсидий, предоставляемых Совету по призрению из военного фонда, которые распределялись затем между

сотрудничавшими с ним организациями. Значительную долю бюджета Совета по призрению в 1915 г. составили сборы от проведённой в его пользу лотереи. Однако, как показано в исследовании, особенности организации лотерей в изучаемый период, а также особенности проведения и масштаб лотереи Совета по призрению не позволяют отнести её к чисто благотворительным мероприятиям; её следует рассматривать как один из инструментов централизованного финансирования социальной сферы. Кроме того, Совет по призрению и все связанные с ним объединения привлекали благотворительные пожертвования, которые, однако, не могли составить финансовую основу социальной помощи жертвам войны. С продолжением войны значение благотворительных сборов падало, а государственного финансирования – возрастало (*п. 11 «Социальная политика государства и ее реализация в соответствующий период развития страны» паспорта научной специальности 5.6.1. «Отечественная история»*).

6. Характерной чертой системы социальной помощи была полисубъектность. Роль низовых распорядительно-управляющих элементов исполняли разнообразные негосударственные акторы уездного, волостного, поселенческого, участкового уровня: классические благотворительные общества, местные отделения всероссийских благотворительных обществ; земства/городские самоуправления и созданные ими органы (участковые попечительства, комитеты); церковные приходские попечительства, в редких случаях – волостные попечительства о семьях мобилизованных. Они могли выступать учредителями специализированных заведений призрения жертв войны, собирать и перераспределять пожертвования. Сотрудничая с Елизаветинским или Романовским комитетом, благотворительные общества и земства/городские самоуправления могли получать доступ к дополнительным средствам. Церковно-приходские и волостные попечительства действовали исключительно на местные благотворительные пожертвования. Непосредственную помощь пострадавшие от войны могли получить в виде услуг, предоставляемых разного рода специализированными учреждениями

или заведениями: мастерскими, столовыми, курсами, приютами, общежитиями, яслями и т.п.

Принципами функционирования системы социальной помощи являлись приоритет низовых инициатив оказания помощи, субсидиарность в её финансировании, формальная независимость ассоциированных организаций (*п. 4 «История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов», п. 11 «Социальная политика государства и ее реализация в соответствующий период развития страны», п. 23 «Россия в крупнейших международных конфликтах» паспорта научной специальности 5.6.1. «Отечественная история»*).

7. Приоритетной для общества и государства стала поддержка различных категорий пострадавших от войны, именно в их отношении проявились тенденции институциализации помощи. Система мер социальной защиты жертв войны была основана на наделении их минимальными государственными гарантиями (казённый паёк, пенсии). Как властью, так и обществом признавалось, что эти гарантии недостаточны и пострадавшим требуется дополнительная поддержка, которая осмысливалась как благотворительная. Основными направлениями такой помощи стали трудовая, жилищная, продовольственная и топливная. Кроме того, обнаружились категории нуждавшихся, лишённых поддержки со стороны государства. По аналогии с государственной поддержкой, они могли наделяться пайком от органов самоуправления или местных отделений Елизаветинского комитета.

Характерными чертами эволюции социальной сферы в годы Первой мировой войны стало развитие социальной инфраструктуры: появление новых форм помощи (земледельческие приюты, травматологические институты, курсы для инвалидов), значительное увеличение количества и масштабов деятельности существовавших социальных учреждений, таких как детские ясли, общественные столовые, протезные мастерские, санатории и др. Фактически, те формы социальной помощи, которые накануне войны имели

единичный, экспериментальный характер, в ходе войны получили государственную финансовую поддержку и встали на путь тиражирования.

Мероприятия в социальной сфере были направлены на поддержание социальной стабильности как условия сохранения экономического потенциала в настоящем и ближайшем послевоенном будущем. Можно говорить о социально-преобразующих технологиях социальной работы, направленных на реабилитацию и повышение ресурсного потенциала личности жертв войны через их личностное развитие и интеграцию в социальные отношения современного (модерного) типа (*п. 4 «История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов», п. 11 «Социальная политика государства и ее реализация в соответствующий период развития страны», п. 23 «Россия в крупнейших международных конфликтах» паспорта научной специальности 5.6.1. «Отечественная история»*).

8. Установлено, что пилотные проекты многих мероприятий поддержки жертв войны имели место в годы Русско-японской войны как благотворительные инициативы; в годы Первой мировой войны начинается их тиражирование и институциализация.

Первая мировая война стала особым периодом в развитии социальной функции государства. Его характерными чертами стали возросшая потребность в социальной поддержке уязвимых категорий населения, обусловленная интересами сохранения социальной стабильности и экономического потенциала, а также выраженным запросом на социальную справедливость. Религиозные идеологемы благотворительности сменяются идеологемами социальной солидарности. Реальный объём оказываемой государством помощи зависел от величины налогообложения и приоритетов в общей структуре государственной политики.

Прерванные крахом государственного строя тенденции, складывавшиеся в предреволюционный период, указывают на перспективы институциализации государственной социальной политики. Государство и образованные им

специальные структуры занимали центральное место в формировавшейся системе социальной помощи жертвам войны, в то же время заметна определённая инертность государственного управления, сохранявшего привычные формы партнёрской государственно-общественной системы призрения и избегавшего институциализации сферы социальной защиты внутри государственного аппарата, произведённой только Временным правительством (*п. 4 «История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов», п. 11 «Социальная политика государства и ее реализация в соответствующий период развития страны», п. 23 «Россия в крупнейших международных конфликтах» паспорта научной специальности 5.6.1. «Отечественная история»*).

9. Первая мировая война изменила соотношение между социальной политикой, общественным призрением и благотворительностью. Государство расширяло своё участие в регулировании социальных проблем и создании институтов для их решения. Органы общественного призрения интегрировались в создаваемую государством систему социальной помощи, будучи объектами нормативного регулирования и испытывая финансовую зависимость от государственной поддержки. Благотворительная активность общества приобретала вспомогательную роль как источник дополнительных средств и волонтёрского участия.

Общественная деятельность в сфере благотворительности и социального призрения является объектом государственного регулирования. Таким образом, сужение понятия благотворительности, исключение из него реализации государством своей социальной функции, позволяет преодолеть идеализацию отечественной благотворительности. В свою очередь, активизация государственного управления в социальной сфере указывает на институциализацию государственной социальной политики (*п. 4 «История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов», п. 11 «Социальная*

политика государства и ее реализация в соответствующий период развития страны», п. 23 «Россия в крупнейших международных конфликтах» паспорта научной специальности 5.6.1. «Отечественная история»).

Обоснованность и достоверность результатов исследования определяется комплексным использованием значительного массива документальных источников различного характера в сочетании с применением в процессе их изучения принципов, подходов и методов научного исследования.

Апробации результатов исследования осуществлялась на научных конференциях в рамках членства в Ассоциации историков Первой мировой войны.

Положения исследования были представлены в докладах на научных конференциях:

1. Международная научная конференция «Великая, Священная, Отечественная: Россия в Первой мировой» (г. Калининград, Министерство культуры Российской Федерации, Российское военно-историческое общество, 26-28 июня 2014 года);

2. Международная научная конференция «Первая мировая война – пролог XX века» (г. Москва, ИВИ РАН – МГУ им. М.В. Ломоносова – МГПУ, 8-10 сентября 2014 г.);

3. II международная научно-практическая конференция «Государственная молодёжная политика: история и современность» (г. Орёл, Орловский филиал РАНХиГС, 21 мая 2015 г.);

4. V международная научно-практическая конференция «Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 год» (г. Москва, Международный независимый эколого-политологический университет (Академия МНЭПУ), 26–28 ноября 2015 г.);

5. IV международная конференция «Первая мировая война, Версальская система и современность» (г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет, 9-10 октября 2015 г.);

6. XXXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы «Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X – XXI вв.» (г. Брянск, Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы при ОИФН РАН, 24-28 сентябре 2018 г.);

7. Международная научная конференция «Социально-демографические, этноконфессиональные, медико-социальные и социокультурные особенности развития российской провинции в XVIII-XXI вв.» (г. Тамбов, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 30 сентября 2020 г.);

8. Международная научная конференция «Первая мировая война в исторической памяти России и Европы: документальные свидетельства и исторические нарративы» (г. Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 9 ноября 2023 г.);

9. Международная научная конференция II Писаревские чтения «Актуальные источниковедческие и археографические проблемы истории Первой мировой войны», (г. Москва, ИРИ РАН, 16–17 ноября 2023 года);

10. XVI международная научно-практическая конференция «У истоков российской государственности» (г. Калуга, 24–25 мая 2024 года);

11. XII международная научная конференция «Studia internationalia: Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.» (Брянск, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, 02–03 июля 2024 года);

12. Международная научная конференция «Последние войны Российской империи: Русско-Японская (1904-1905) и Первая мировая (1914-1918)» (г. Санкт-Петербург, СПбИИ РАН, 20-21 ноября 2024 г.);

13. II Всероссийская научно-практическая конференция «Войны и военные конфликты в социальной и экономической истории России: к 80-летию Великой Победы» (г. Москва, РАНХиГС, 29−30 мая 2025 г.).

Перечень публикаций автора: по теме диссертации опубликовано 67 статей общим объёмом 48,75 авторских листа, разделы в трёх коллективных

монографиях, подготовленных при поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00494 (а). В том числе 21 статья была опубликована в ведущих научных российских периодических изданиях, включенных в перечень ВАК.

А. Статьи в изданиях, индексируемых международными базами данных.

1. Букалова, С.В. Развитие системы социальной помощи в Российской империи в годы Первой мировой войны / П.А. Меркулов, С.В. Букалова, О.В. Леонова // Былые годы. – 2021. – № 16(1). – С. 392-403. (1,3 п.л. / авторские – 0,75 п.л.).

2. Букалова, С.В. Патриотические настроения 1914 года как мобилизационный ресурс социальных трансформаций / П.А. Меркулов, С.В. Букалова, О.В. Леонова, Н.В. Мироненко // Былые годы. – 2021. – № 16(4). – С. 2062-2072. (1,1 п.л. / авторские - 0,75 п.л.).

3. Букалова, С.В. Организация социальной поддержки населения Российской империи в годы Первой мировой войны: финансовые аспекты / С.В. Букалова // Научный диалог. – 2024. – Т. 13. – № 5. – С. 371-389. (1 п.л.).

Б. Статьи в изданиях, включенных в Перечень изданий, рекомендованных ВАК России для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата (доктора) наук.

1. Букалова, С.В. Фактор национализма в происхождении Первой мировой войны / С.В. Букалова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 8 (34). – Часть II. – С. 27-29. (0,3 п.л.).

2. Букалова, С.В. Революционные события февраля 1917 года в Орле и тактика действий губернатора / С.В. Букалова // Государственное управление. Электронный вестник. – 2015. – № 53. – С. 174-188. (0,9 п.л.).

3. Букалова, С.В. Могли ли губернаторы спасти Николая II в 1917 году? / С.В. Букалова // Родина. – 2016. – № 3. – С. 106-108. (0,3 п.л.).

4. Букалова, С.В. Роль органов местного самоуправления в системе государственного управления Российской империи в годы Первой мировой

войны / С.В. Букалова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2016. – № 1. – С. 35–50. (1 п.л.).

5. Букалова, С.В. Мобилизационная трансформация системы местного самоуправления в Российской империи в годы Первой мировой войны: политический аспект / С.В. Букалова // Вестник государственного и муниципального управления . — 2019 . — Т. 8. № 4 . — С. 75-88. (1 п.л.).

6. Букалова, С.В. Обучение военно-увечных нижних чинов посильным ремеслам в России во второй четверти XIX – начале XX в. / С.В. Букалова, А.И. Чубаров // Вестник государственного и муниципального управления . — 2020 . — Т. 9. № 2 . — С. 43-54. (0,75 п.л.).

7. Букалова, С.В. Военные инвалиды в повседневной жизни провинциального социума в годы Первой мировой войны / С.В. Букалова, П.П. Щербинин // Вестник государственного и муниципального управления . — 2019 . — Т.8 № 3 . — С.86-99. (1 п.л.).

8. Букалова, С.В. Организация психиатрической помощи душевнобольным воинам в годы Первой мировой войны / С.В. Букалова, П.П. Щербинин // Вестник государственного и муниципального управления . — 2021 . — № 2. Т.10. С. 163-172. (0,75 п.л.).

9. Букалова, С.В. Трудовая помощь солдатским семьям Центрального Черноземья в годы Первой мировой войны / С.В. Букалова // Исторический журнал: научные исследования. – 2020. – № 5. – С. 147-156. (0,75 п.л.).

10. Букалова, С.В. Раненые в повседневной жизни провинциального города в годы Первой мировой войны (на материалах Центрального Черноземья) / С.В. Букалова // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 4. – С. 110-120. (0,5 п.л.).

11. Букалова, С.В. «Хозяева увечного дела»: становление системы помощи военным инвалидам в Российской империи в годы Первой мировой войны / С.В. Букалова, П.П. Щербинин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 25. – № 187. – С. 148-159. (1 п.л. / авторские – 0,8 п.л.).

12. Букалова, С.В. Становление системы помощи инвалидам войны в деятельности Особой Комиссии по призрению воинских чинов и других лиц,

пострадавших в продолжение войны, а также их семей / П.А. Меркулов, С.В. Букалова // История: факты и символы. – 2021. – № 4(29). – С. 16-22. (0,6 п.л. / авторские – 0,4 п.л.).

13. Букалова, С.В. Устройство инвалидных домов в Российской империи в годы Первой мировой войны / С.В. Букалова // Современные исследования социальных проблем. – 2021. – Т. 13. – № 3. – С. 50-66. (0,7 п.л.).

14. Букалова, С.В. Становление социальной защиты в Российской империи: между патернализмом и субсидиарностью / С.В. Букалова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2023. – № 1(65). – С. 148-157 (0,65 п.л.).

15. Букалова, С.В. Развитие системы детского призрения в годы I мировой войны / С.В. Букалова // Вестник Брянского государственного университета. – 2023. – № 1(55). – С. 27-37 (1,1 п.л.).

16. Букалова, С. В. Мобилизация рекреационных ресурсов России в годы Первой мировой войны (1914-1917) / С. В. Букалова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2025. – № 1(53). – С. 17-37 (1 п.л.).

17. Букалова, С. В. Государственная политика в санаторно-курортной сфере в период Первой мировой войны / С. В. Букалова // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2025. – № 1. – С. 111-126 (0,95 п.л.).

В. Статьи в научных изданиях, индексируемых в базе данных RSCI.

1. Букалова, С.В. Комитет великой княгини Елизаветы Федоровны в системе общественного призрения периода Первой мировой войны / С.В. Букалова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2023. – № 110. – С. 90-100. (0,75 п.л.).

Д. Иные работы автора.

Монографии:

1. Семейная жизнь русского солдата в период службы и после отставки: правовые реалии и повседневная жизнь: монография / П. П.

Щербинин (отв. ред.); С. В. Букалова, А. И. Чубаров. – Тамбов: Изд-во ИП Чеснокова А.В., 2019. – 268 с. (16,75 п.л. / авторские – 5 п.л.).

2. Военные ветераны в повседневной жизни столичного и провинциального социума в XVIII – начале XX века : монография / А. И. Чубаров, С. В. Букалова, С. Н. Симонов, И. А. Шикунова, П. П. Щербинин ; М-во науки и высш. обр. РФ, ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2020. – 196 с. (12,25 п.л. / авторские – 2 п.л.).

3. Военное сословие в социальной структуре и повседневной жизни Российской империи в XIX – начале XX века: монография / П. П. Щербинин (отв. ред.); С. В. Букалова, А. И. Чубаров. – Тамбов: Изд-во ИП Чеснокова А.В., 2021. – 171 с. (10,5 п.л. / авторские – 3 п.л.).

Публикации в иных изданиях:

1. Букалова С.В. Дворянство и земство Орловской губернии в начале I мировой войны // Интеллектуальная элита России. Век XX: сборник статей межвузовской областной научной конференции / под ред. Петрухиной Г.И., Кононыгиной Т.М., Дугиной Л.И. .- 21 апреля 2000 г., Орловский государственный технический университет . — Орёл: Издательство ОрёлГТУ, 2000 . — С. 31-34.

2. Букалова С.В. Значение национальной идеи в общественной жизни Орловской губернии во время I мировой войны (1914-февраль 1917 года) // Национальная идея как условие сохранения социокультурной самобытности и государственности: материалы международной научной конференции / под ред. Елисеева А.Л. 18-19 апреля 2000 г., Орловский государственный технический университет . — Орёл: Издательство ОрёлГТУ, 2000 . — С. 17-19.

3. Букалова С.В. Орёл накануне 1917 года: кризис государственной власти и потребительский рынок // Политическая стабильность в контексте демократизации российского общества. Проблемы теории и современная практика: материалы межрегиональной конференции молодых учёных / общ.

редакция Мерцалова А.А.- 10 апреля 2002 г., Орловская региональная академия государственной службы . — Орёл: Издательство ОРАГС, 2002 . — С. 25-27.

4. Букалова С.В. Провинциальное общество накануне 1917 года (по материалам Орловской губернии) // Социально-экономическое развитие регионов: реальность и перспективы: материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. Паринова Л.В.- 20-21 марта 2003 г., Воронежский государственный технический университет . — Воронеж: Издательство ВоронежГТУ, 2004 . — С. 27-31.

5. Букалова С.В. Использование краеведческого материала при изучении темы «Россия в годы I мировой войны» // Научно-методические и практические аспекты подготовки специалистов в современном вузе: сборник трудов международной научно-методической конференции / предс. редколлегии Вейнгольд Ю.Ю.- 15-16 апреля 2003 г., Белгородская государственная технологическая академия строительных материалов. Напр. 3, Ч.1 . — Белгород: Издательство БелГТАСМ, 2003 . — С.156-158.

6. Букалова С.В. Провинциальный Орёл в августе 1914 года // Россия на рубеже веков. История и современность: материалы II всероссийской научно-теоретической конференции / отв. ред. Авилова Н.Л.- 5 ноября 2004 г., Курский государственный технический университет . — Курск: Издательство КурскГТУ, 2004 . — С. 36-38.

7. Букалова С.В. Революционные организации в городе Орле в годы I мировой войны // Общественная мысль, движения и партии в России в XIX – начале XX века: сборник научных статей VI научной конференции / отв. ред. Анисин Ю.В.- 20 ноября 2004 г., Брянский государственный университет . — Брянск: Издательство БГУ, 2004 . — С. 22-24.

8. Букалова С.В. Геополитические последствия Первой мировой войны // Социально-политическое измерение современных мирополитических процессов. Сборник научных статей. (Материалы международной конференции молодых ученых "Управление социально-экономическими и

политическими процессами в регионах России: инновационные подходы и механизмы оптимизации" (17 апреля 2008 г.)) / Под общ. ред. В.В. Огневой . — Орел: Изд-во ОРАГС, 2008 . — С. 15-21.

9. Букалова С.В. Орловские губернаторы периода I мировой войны // Личность, персоналии в контексте исторического развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции / 22-24 мая 2008 . — Курск: Курский государственный технический университет . — С.89-95.

10. Букалова С.В. Экстремизм в предреволюционном Орле: формы, причины, цели // Экстремизм как социально-философское явление: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции / 15 мая 2008 г . — Орёл: Орловский юридический институт . — С. 41-47.

11. Букалова С.В. Актуальные вопросы управления политическими процессами и уроки Первой мировой войны // Среднерусский вестник общественных наук . — 2008 . — №2 . — С. 36-40.

12. Букалова С.В. Орловская губерния в 1914 году // Первая мировая война: история, геополитика, уроки истории и современность / Материалы международной научной конференции / 11-12 ноября 2008 . — Витебск: УО ВГУ им. П.М. Машерова . — С. 137-139.

13. Букалова С.В. Происхождение войны: актуальные теоретические и прикладные аспекты // Среднерусский вестник общественных наук . — 2009 . — № 4 . — С. 178-183.

14. Букалова С.В. Православная печать о причинах I мировой войны (по материалам «Орловских Епархиальных Ведомостей») // Первая мировая война. Взгляд спустя столетие: доклады и выступления участников Международной научно-практической конференции "Первая мировая война и современный мир" . — М.: Изд-во МНЭПУ, 2011 . — С. 344-348.

15. Букалова С. В. Исторический опыт государственного управления в России в начале XX века: проблемы изучения и преподавания // Среднерусский вестник общественных наук . — 2011 . — № 3 . — С. 162-169.

16. Букалова С.В. Теоретические основы, проблемы изучения и преподавания истории государственного управления // Вестник государственного и муниципального управления . — 2011 . - № 2 . - С. 19-27.

17. Букалова С.В. Помощь больным и раненым воинам в Орловской губернии в годы Первой мировой войны // Медицина в России в годы войны и мира: Новые документы и исследования / отв. ред. и сост. Л.А. Булгакова . — СПб.: Нестор-История, 2011 . — С. 359-380.

18. Букалова С.В. Российская провинция в годы «Забытой войны» // Военно-исторический журнал . — 2012 . — № 5 . — С.53.

19. Букалова С.В. Разработка русской национальной идеи провинциальной православной публицистикой в годы Первой мировой войны (по материалам «Орловских Епархиальных Ведомостей») // Первая мировая война, Версальская система и современность: Сборник статей / отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов . — СПб, 2012 . — С. 98-104.

20. Букалова С.В. Актуальные проблемы изучения и преподавания истории государственного управления в России в годы Первой мировой войны // Среднерусский вестник общественных наук . — 2012 . — № 4 . — С. 189-196.

21. Букалова С.В. Проблемы губернского управления в годы Первой мировой войны (1914-1917) // У истоков российской государственности (роль женщин в истории династии Романовых): Исследования, материалы . — СПб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2013 . — С. 59-66.

22. Букалова С.В. Рец. на книгу: Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 - февраль 1917 г. М.: АИРО-XXI, 2011. - 288 с. // Великая война 1914 - 1918: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны: вып. 2 . — М.: МБА; Квадрига, 2013 . — С. 122 - 124.

23. Букалова С. В. Военная пропаганда русской православной церкви (по материалам «Орловских епархиальных ведомостей» в годы Первой мировой войны) // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой

войны: политика и поэтика. Исследования и материалы . — М.: ИМЛИ РАН, 2013 . — С. 433-445.

24. Букалова С.В. Актуальные проблемы изучения местного самоуправления в годы Первой мировой войны // У истоков российской государственности (Роль женщин в истории династии Романовых): Исследования, материалы . — СПб.: Издательство «Юридический центр», 2014 . — С. 52-56.

25. Букалова С.В. Политика привлечения беженцев к сельхозработам в годы Первой мировой войны // Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X-XXI вв : XXXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений . — М: ИСл РАН, 2014 . — С. 127-129.

26. Букалова С.В. К вопросу о месте Первой мировой войны в периодизации истории государственного управления //Среднерусский вестник общественных наук . — 2014 . — № 3 . — С. 277-284.

27. Букалова С.В. «Провинция-госпиталь»: организация помощи раненым Первой мировой войны в Орловской губернии // Первая мировая война и российская провинция. Материалы Международной научной конференции / Сост. А.С. Минаков . — Орел: Издательский Дом «Орлик», 2014 . — С.164-172.

28. Букалова С.В. Государственная политика трезвости в годы Первой мировой войны // Вестник государственного и муниципального управления . — 2014 . — № 3 . — С.18-25.

29. Букалова С.В. «Сухой закон» и «пьяные бунты» августа 1914 г.: реализация политики трезвости в контексте культурной антропологии // Материалы международной научной конференции «Великая, Священная, Отечественная: Россия в Первой мировой» (г. Калининград, Министерство культуры Российской Федерации, Российское военно-историческое общество, 26-28 июня 2014 года) [Электронный ресурс] . — Портал «История.РФ» Режим доступа: https://histrf.ru/read/articles/sukhoi-zakon-i-p-ianyie-bunty-avghusta-

1914-gh-riealizatsiia-politiki-triezvosti-v-kontiekstie-kul-turnoi-antropologhii (дата обращения: 03.05.2025).

30. Букалова С.В. Геополитические цели России в Первой мировой войне в пропаганде Русской православной церкви // Теоретические и прикладные вопросы экономики и сферы услуг . — 2014 . — Т. 2. № 8 . — С. 53-56.

31. Букалова С.В. Политика привлечения беженцев к сельхозработам в годы Первой мировой войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год. Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X-X1 вв. . — М., Самара: Издательство «Самарский университет», 2015 . — С. 246-253.

32. Букалова С.В. Организация трудовых дружин учащихся Орловской губернии в годы Первой мировой войны // Государственная молодёжная политика: история и современность. Материалы 2-й международной научно-практической конференции (21 мая 2015 г.) / под ред. П.А. Меркулова . — Орёл: Изд-во ОФ РАНХиГС, 2015 . — С.54-57.

33. Букалова С.В. Трудовые дружины учащихся как форма реализации молодёжной политики в годы Первой мировой войны // Вестник государственного и муниципального управления . — 2015 . — Т. 4. № 2 . — С. 141-147.

34. Букалова С.В. Проблемы и тенденции в местном управлении Российской империи в годы I мировой войны // Первая мировая война – пролог XX века. Материалы международной научной конференции. Москва, ИВИ РАН – МГУ им. М.В. Ломоносова – МГПУ, 8-10 сент. 2014 г. Часть 2 / отв. ред. Е.Ю. Сергеев . — М.: ИВИ РАН, 2015 . — С.115-121.

35. Букалова С.В. Роль местного самоуправления в организации помощи беженцам в годы I мировой войны // Петербургский исторический журнал . — 2016. № 3 . — С.61-79.

36. Букалова С.В. Роль местного самоуправления в помощи беженцам (по материалам Орловской губернии) // I мировая война: взгляд спустя

столетие. 1915 год : доклады и выступления участников V международной научно-практической конференции .- М.: Издательство МНЭПУ, 2016 . — С. 440-447.

37. Букалова С.В. Роль органов местного самоуправления в организации тыла в годы Первой мировой войны // Первая мировая война, Версальская система и современность: Сборник статей / отв. ред. А.Ю. Павлов, А.В. Бодров, А.В. Малыгина . — СПб: Издательство РХГА, 2015 .- С. 30-41.

38. Букалова С.В., Белова И. Б. Демографические процессы в годы Первой мировой войны: город и село (по материалам Калужской и Орловской губерний) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016 год: Аграрное освоение и демографические процессы в России X-X1 вв./ Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы при ОИФН РАН: отв. ред. Е.Н. Швейковская. М., Уфа:, 2016. — С. 235-243.

39. Букалова С. В. Орловский гарнизон накануне октября 1917 года // 1917 год в российской провинции: материалы Международной научной конференции / сост. А.С. Минаков . — Орел: Издательский дом «Орлик», 2017 . — С.62-68.

40. Букалова С.В. Положение военных инвалидов в годы Первой мировой войны (на материале губерний Центрального Черноземья) // Российская провинция сквозь призму сословно-правовых, этноконфессиональных, социокультурных, медико-социальных и демографических коллизий XVIII-XXI веков : сборник статей участников Международной научной конференции (Тамбов, 30 августа 2019 года) /под ред. П.П. Щербинина . — Тамбов: Принт-Сервис, 2019 . — С. 28-35.

41. Букалова С.В. Сельскохозяйственная помощь семьям мобилизованных в годы Первой мировой войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2018 год: Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X – XXI вв./ Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы при ОИФН РАН: отв. ред. Е.Н. Швейковская . — М., Брянск: Издательство БГУ им. И.Г. Петровского, 2019 . — С. 87-98.

42. Букалова С.В. Крестьянки-солдатки как новый актор социального пространства Первой мировой войны // Социально-демографические, этноконфессиональные, медико-социальные и социокультурные особенности развития российской провинции в XVIII-XXI вв.: сборник статей участников Международной научной конференции (Тамбов, 30 сентября 2020 года) / под ред. П.П. Щербинина . — Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2020 . — С.172- 179.

43. Букалова С.В. Приходские попечительства о семьях мобилизованных в годы Первой мировой войны в Центрально-Черноземном регионе // Особенности демографического, медико-социального, этноконфессионального развития российской провинции в XVIII–XXI вв.: сборник статей участников Международной научной конференции (Тамбов, 30 ноября 2021 года) / под ред. П.П. Щербинина . — Тамбов: Изд-во ИП Чеснокова А.В., 2021 . — С. 45-48.

44. Букалова С.В. Организация социальной помощи жертвам Первой мировой войны на региональном уровне // Studia internationalia : Материалы XII международной научной конференции, Брянск, 02–03 июля 2024 года . — Брянск: Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, 2024 . — С. 62-68.

45. Букалова С.В. Периодические издания как источник по истории социального призрения жертв Первой мировой войны // Вторые Писаревские чтения: актуальные источниковедческие и археографические проблемы истории Первой мировой войны: материалы Международной научной конференции, Москва, 16–17 ноября 2023 года . — М.: Квадрига, 2024 . — С. 299-307.

46. Букалова С.В. Институциализация социальной политики в Российской империи в годы Первой мировой войны // У истоков российской государственности. Исследования, материалы : Материалы XVI Международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию Российской академии наук, 325-летию учреждения Андреевского флага и 100-

летию Первой Мировой войны 1914-1918 гг., Калуга, 24–25 мая 2024 года. – Калуга: Индивидуальный предприниматель Стрельцов Илья Анатольевич, 2024. – С. 66-70.

Структура диссертации определена системным подходом, которому соответствует проблемный принцип изложения результатов исследования, т.е. рассмотрение единого предмета исследования с разных точек зрения, что позволяет выделить и проанализировать отдельные аспекты темы. Работа состоит из Введения, четырёх глав, содержащих 13 параграфов, Заключения, Списка источников и литературы и Приложений. Введение содержит обоснование актуальности темы исследования, выявляет пробелы и противоречия в сложившейся историографии проблемы, представляет научный аппарат и методологию исследования, устанавливает его хронологические и территориальные границы. В первой главе охарактеризованы концептуальные основы и источниковая база исследования, а также историографические аспекты изучения объектной и субъектной стороны помощи жертвам Первой мировой войны. Содержательная часть работы построена по иерархическому принципу «единственное-единое-единичное». Во второй главе раскрыты организация и деятельность Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов как центрального координирующего органа системы помощи жертв войны. В третьей главе представлено устройство и механизмы работы Комитета великой княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, в качестве организационной основы системы призрения жертв войны. Четвёртая глава посвящён реконструкции полисубъектной системы мер помощи разным категориям пострадавших.

Глава 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1.1 Теоретические аспекты исследования истории социальной помощи

Исследование развития системы социальной помощи в Российской империи в годы Первой мировой войны осуществлено в рамках междисциплинарного подхода. В основе концепции исследования лежит теория социальной стратификации, рассматривающая в качестве базовых элементов социальной организации общества совокупность социальных статусов и связанных с ними социальных ролей[16]. Система социальных статусов формируется обществом, для индивида социальный статус связан с определённым набором ресурсов и сценариев поведения. В традиционных обществах социальный статус в большинстве случаев является наследуемым, а система социальных статусов – весьма стабильной. По мере модернизации общества в нём нарастает социальная мобильность, связанная в том числе с кардинальной сменой статуса. В структуре социального статуса личности всё большее значение приобретают индивидуальные достижения. Модерное общество нередко определяется как «общество риска». Применительно к предмету рассмотрения нашей работы понятие социального риска может быть использовано для объективации категории жертв войны.

Крупными категориями пострадавших от воздействия военных факторов, вызвавшего существенное, вплоть до нищеты, ухудшение материального положения и значительное, вплоть до маргинализации, снижение социального статуса, были следующие группы:

- члены солдатских семей, лишившиеся работника и кормильца, особенно солдатские жёны, превратившиеся в «безмужних солдаток», вдовы погибших воинов;

[16] Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 55.

- дети солдат, как осиротевшие, так и лишившиеся отцовской опеки и поддержки;

- инвалиды войны, потерявшие трудоспособность и возможность вести прежний образ жизни, а в некоторых случаях и отвергаемые своими семьями;

- беженцы, вынужденные покинуть места своего постоянного жительства, лишившиеся всего имущества, а зачастую и близких, и попавшие в чуждую культурную среду.

Численность каждой из таких категорий насчитывала от сотен тысяч до нескольких миллионов человек. В дальнейшем объектами анализа будет система помощи первым трём категориям, руководимая Верховным Советом по призрению. Система помощи беженцам создавалась параллельно и во многом по образцу системы помощи жертвам войны, но возглавлялась Особым Совещанием по призрению беженцев.

Английский социолог Б. Тернер выделял экономическое, политико-правовое и культурно-символическое измерение социальных статусов[17]. Иерархия социальных статусов выстраивается на основе утилитарного критерия полезности социальных функций индивида, проистекающих из его социальной роли, и господствующей в обществе системы ценностей. Сочетание этих критериев позволяет выделить для уязвимых социальных групп, порождённых условиями войны, особое место в социальной иерархии, которое наделяло солдаток, сирот, увечных и беженцев определённым престижем как пострадавших за общее дело в рамках концепта социальной солидарности, понимаемой как взаимная ответственность индивида и общества.

К социальным рискам относят любое изменение социального порядка, отклонение от действующих социальных норм[18]. Социологическая теория связывает риск с выбором индивида в ситуации неопределённости, который

---

[17] Turner, Bryan S. Status. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1988. Pp.65–67.

[18] Конькова Т.Н. Особенности социальных рисков // Научный электронный журнал «Меридиан». 2020. №4 (38). С.198-200.

Вишняков Я.Д. Общая теория рисков : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Я.Д. Вишняков, Н.Н. Радаев. 2-е изд., испр. М. : Издательский центр «Академия», 2008. 368 с.

потенциально может вести к негативным последствиям. Продуктивным представляется рассмотрение дефиниции социального риска, принятой в сфере социального обеспечения и закреплённого в федеральном законе «Об основах обязательного социального страхования». Согласно определению, содержавшемуся в первоначальной редакции ст. 3 данного закона, социальный страховой риск – это предполагаемое событие, влекущее изменение материального и (или) социального положения … граждан[19]. В действующей редакции это определение перенесено в ст.1, регламентирующую предмет регулирования федерального закона. Цель государственного регулирования состоит в компенсации либо минимизации наступивших негативных последствий посредством системы правовых, экономических и организационных мер, в своей совокупности составляющих систему социального страхования[20]. Таким образом, суть социального риска состоит в вероятности наступления события, влекущего ухудшение материального или социального положения индивида, т.е. снижение его социального статуса.

В обществе неопределённости и риска необходимо появление сложных институциональных структур, лимитирующих поведенческий плюрализм участников, и «посредника» массовых деперсонализированных взаимодействий в лице государства[21]. Социальные конфликты, в том числе войны, продуцируют социальные риски, которые, в свою очередь, связаны с необходимостью выработки и осуществления форм социальной защиты населения[22].

---

[19] Обзор изменений Федерального закона от 16.07.1999 N 165-ФЗ "Об основах обязательного социального страхования". Редакция подготовлена на основе изменений, внесенных Федеральным законом от 24.07.2009 N 213-ФЗ // СПС КонсультантПлюс .- Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78414/1a4402aaa4da9f0f13a4597c829130b1b64ff387/ (дата обращения: 18.02.2024).

[20] Федеральный закон "Об основах обязательного социального страхования" от 16.07.1999 N 165-ФЗ // СПС КонсультантПлюс .- Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4059/ (дата обращения: 18.02.2024).

[21] Дурова Л.И. Институционализация социальной политики в субъектах Российской Федерации : автореферат дис. ... канд. социологич. наук. М., 2000. С. 12.

[22] Социальная политика. Энциклопедия / Под ред. Н.А. Волгина и Т.С. Сулимовой. М.: Альфа-Пресс. 2006. С. 259.

С объективной стороны социальная защита предстаёт как система социальных институтов, ориентированная на снижение общественного неравенства, угрожающего социальной стабильности, и обеспечение социальной безопасности[23]. Существующие системы социальной защиты формировались в XIX-XX веках под влиянием индустриализации, усложнения социально-демографической структуры общества и усиления государственного регулирования социальных процессов[24]. Социальная защита реализуется в виде экономических и правовых мер защиты социальных прав отдельных категорий граждан. З.П. Замараева определяет цель социальной защиты как восполнение ресурсного потенциала объектов социальной защиты для достижения их самообеспечения, саморазвития и самоактуализации[25]. Таким образом, с субъективной точки зрения социальная защита предстаёт как система мер со стороны общества и государства, противостоящих угрозам индивидуальной деградации. Формами социальной защиты принято считать социальную помощь и социальное обеспечение.

Социальное обеспечение направлено на компенсацию потери доходов вследствие временного или постоянного, полного или частичного снижения трудоспособности, роста чрезвычайных расходов социального характера или безработицы. Оно может осуществляться как через страховые механизмы, так и непосредственно государством. В Российской империи социальное обеспечение, представленное страховыми механизмами, находилось на самой ранней стадии становления.

Социальная помощь – предоставление отдельным категориям лиц мер поддержки в материальной и нематериальной форме. Цель оказания социальной помощи – преодоление обстоятельств, ухудшающих условия жизнедеятельности. Социальная помощь является «одним из самых

---

[23] Воронин Ю.В. Социальная защита // Большая Российская энциклопедия [Электронный ресурс] .- Режим доступа: https://bigenc.ru/c/sotsial-naia-pomoshch-3a9ad3?ysclid=lsrj5yacej570633271 (дата обращения: 18.02.2024).

[24] Кононова Л.И. Социальная защита // Российская энциклопедия социальной работы : энциклопедия / под общ. ред. Е.И. Холостовой. 4-е изд. М. : «Дашков и К°», 2019. С. 747.

[25] Замараева З.П. Институционализация социальной защиты населения в условиях современной России : автореферат дис. ... доктора социологич. наук . М., 2007. С. 10, 12.

комплексных понятий социальных наук» и центральной структурообразующей характеристикой социальной работы, при этом её содержание меняется по мере эволюции общественных структур[26]. Наконец, социальная работа – способ реализации социальной помощи, вид деятельности по её оказанию.

В свою очередь, социальная поддержка выступает как факультативная и ситуативная, наименее организованная и регулярная форма социальной помощи. Социальная поддержка рассматривается как дополнение к мерам социальной помощи и социального обеспечения. Она характеризуется наибольшим разнообразием видов и субъектов[27]. Частным случаем социальной поддержки можно считать благотворительность. Ю.Ш. Капкаев характеризует национальную модель социальной помощи, функционировавшую в Российской империи в начале XX века как государственно-административную систему общественного призрения, в которой роль государства заключалась в правовом регулировании институтов благотворительности и содействии их деятельности[28]. Непосредственные меры помощи нуждающимся предоставлялись заведениями общественного призрения, состоявшими в ведении благотворительных обществ либо органов местного самоуправления. Таким образом, длительный период государство не исполняло социальных функций непосредственно. Со временем потребность в оптимизации количественных и качественных показателей социальных процессов потребовала активизации роли государства в социальной сфере.

Таким образом, социальная помощь является основным способом защиты социальной структуры общества и социальных прав личности от воздействия социальных рисков. В систему социальной помощи входят её объекты и субъекты, формы помощи, идейно-ценностные основы их

---

[26] Кононова Л.И., Студенова Е.Г. Социальная помощь // Российская энциклопедия социальной работы : энциклопедия / под общ. ред. Е.И. Холостовой. 4-е изд. М. : «Дашков и К°», 2019. С. 770.
[27] Воронин Ю.В. Социальная поддержка // // Большая Российская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https:// https://bigenc.ru/c/sotsial-naia-podderzhka-7ba36a (дата обращения: 18.02.2024).
[28] Капкаев Ю.Ш. Институциональная модель социального государства // Вестник ЧелГУ. 2010. №5. С.5-12. С.6.

определения, а также организационные, финансовые и кадровые механизмы оказания помощи. Первая мировая война оказала существенное влияние на все элементы системы социальной помощи, заложив основы для появления государственной социальной политики. Примечательно, что инициативная, активная роль в этой сфере принадлежала государственной власти, которая шла по пути мобилизации общественных ресурсов для решения социальных проблем, порождённых войной.

Участие Российской империи в войне являлось фактором социального риска, вызвавшего снижение социального статуса значительной части населения, что деформировало структуру общества и требовало компенсации в виде социальных гарантий. Однако в изучаемый период правовые, организационные и финансовые механизмы государственной социальной политики имели слабое развитие, что вынуждало реализовывать привычные алгоритмы государственно-общественного партнёрства в решении задач поддержания социальной стабильности. Ведущую роль в этом процессе играли механизмы социальной помощи, включавшие разнообразные формы социальной работы и социальной поддержки.

Эту деятельность уместно анализировать в контексте концепции тотальной мобилизации, описывающей алгоритм взаимодействия государства и общества в экстремальных условиях. Политико-философский конструкт тотальной мобилизации был предложен Э. Юнгером в 1930-е годы как рефлексия германского опыта Первой мировой войны[29], однако научная разработка различных аспектов его содержания началась только в 1950-е годы. Из военной сферы понятие мобилизации было распространено на сферу экономики. Затем мобилизационные механизмы стали предметом научной рефлексии и применительно к иным областям общественных отношений. В проблемном поле появились понятия политической и этнической мобилизации, социальной мобилизации. Сложилось мнение о том, что для

[29] Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт : Тотальная мобилизация; О боли / Пер. с нем. А. В. Михайловского; Под ред. Д. В. Скляднева. СПб. : Наука, 2000. С. 443-470.

нашей страны периодически актуализируются именно мобилизационные модели развития[30].

Эволюция представлений об экономической мобилизации представлена В.Л. Берсеневым[31]. Подчёркивается, что концентрация экономических ресурсов на решении узкого круга задач, как правило, связанных с обеспечением национальной безопасности, предполагает использование для этого нерыночных, внеэкономических инструментов властного воздействия. По мнению К.И. Зубкова, это ведёт к появлению автаркической модели национальной экономики, которая обеспечивает подконтрольность экономических ресурсов дирекционной власти государства[32].

Расширяя ресурсный базис обеспечения национальной безопасности, необходимо включить в него также социальные и политические ресурсы. Социальную мобилизацию следует рассматривать как формирование в социальной группе готовности к активным действиям и сами эти действия[33]. Важно отметить, что процессы социальной мобилизации ведут к образованию солидарных сообществ, которые одновременно с обретением внутренней целостности получают возможность преобразовывать систему социальных отношений.

Профессор Университета Оклахомы Мелисса Стокдейл оценивает идеолого-пропагандистские практики периода Первой мировой войны как «*огромный творческий проект мобилизации*», направленный на сплочение нации ради участия в войне[34]. Развивая характеристику мобилизационного типа развития, предложенную А.Г. Фонотовым, можно заключить, что национальная мобилизация как интегративное явление состоит в концентрации всех сил и ресурсов общества на решении проблемы

---

[30] Гончаров Г.А., Баканов С.А., Гришина Н.В., Пасс А.А., Фокин А.А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке: монография. Челябинск: Энциклопедия, 2013. 128 с.
[31] Берсенев В.Л. Мобилизационная модель экономического развития в контексте историографического анализа // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 1. С. 15–20.
[32] Зубков К.И. Феномен мобилизационной экономики: историко-социологический анализ // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск, 2009. С. 65.
[33] Социология: словарь-справочник / под общ. ред. Ю.Г. Волкова. – М. Краснодар : Диапазон-В, 2006. - 347 с.
[34] Stockdale, Melissa Kirschke Mobilizing the Russian nation: patriotism and citizenship in the First World War. Cambridge : Cambridge univ. press, 2016. 284 p.

поддержания его целостности. В структуру мобилизационной модели управления он включает цели, меры и организационные формы их реализации[35]. Важным аспектом социальной мобилизации является рекрутинг – мотивы и способы вовлечения индивидов, основанные на структурных (участие значимых других), психологических (эмпатия) и культурных предпосылках (альтруистические ценности), самоидентификации с целями движения[36].

Как целенаправленный процесс (т.е. ориентированный на достижение некой цели), мобилизация приобретает качество управляемости. Представляется, что субъектом такого целенаправленного сосредоточения разнородных ресурсов общества может быть только государство, располагающее для этого необходимыми инструментами. Соответственно, успешная реализация государством мобилизационной политики требует расширения государственного контроля над ресурсами, этатизации значительной части общественных отношений. И.А. Климов приходит к выводу, что в обществе как целостной системе процессы социальной мобилизации могут разворачиваться лишь в связи с общей трансформацией всей социальной структуры[37], которая в широком смысле может быть охарактеризована как модернизация общества.

Более подробно роль государства в этой системе может быть представлена через концепт патернализма. Патернализм в широком смысле рассматривается как социальная практика, построенная по иерархической модели взаимодействия субъектов (государства и населения) как агента и подчинённых, в которой агент ограничивает автономию подчинённых во имя заботы об их благе в обмен на лояльность[38]. По замечанию многих авторов, патернализм исторически выступает характерной чертой российской

---

[35] Фонотов А.Г. Россия от мобилизационного общества к инновационному. М.: Наука, 1993. С.96.
[36] Яницкий О.Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования 2012 № 6 (338) С. 4.
[37] Климов И.А. Социальная мобилизация: к истории понятия // Южнороссийский журнал социальных наук. 2004. № 1. С. 6–21
[38] Роик В.Д. Социальная политика времен отказа от патернализма и иждивенчества // Человек и труд. 1997. № 2. С. 109-145.

политической культуры[39]. И.И. Курилла в качестве одной из особенностей российского государства отмечает интегрированность общественных структур в аппарат государственного управления, преобладание вертикальной иерархии над горизонтальными взаимодействиями[40].

Как социальная политика советского государства, так и роль государства в общественных отношениях в советский период оцениваются как патерналистские. Однако генезис государственного патернализма в социальной сфере можно проследить уже в дореволюционный период Первой мировой войны. Формы, принимаемые патернализмом, обуславливаются субъектами патерналистских отношений и сферой их взаимодействия. Рассматривая характерные черты политического патернализма[41] в контексте изучаемого периода, можно отметить, что подчинённое положение индивида и социума по отношению к административной элите выражалось в том, что инициатива установления социальных гарантий, их вида и объёма принадлежала официальным структурам; у самих получателей помощи не было никаких рычагов воздействия на их содержание. Общественные структуры, такие, как благотворительные объединения, Земский Союз и Союз Городов имели крайне ограниченные возможности влияния на содержание государственной политики в отношении жертв войны. В такой модели нет места для гражданского общества как равноправного партнёра государства, патерналистские отношения не предполагают согласования интересов сторон[42].

Значение имел также коллективный характер подчинения, при котором его объектом выступал не индивид, а группа, что порождало необходимость институциализации таких групп, находившей своё воплощение в установлении правового статуса получателей государственной поддержки. В

---

[39] См., например: Ермоленко Т.В. Патернализм в России: культурологический анализ: автореф. дис. … доктора философских наук. Ростов-н.-Д., 2000. 38 с.
[40] Курилла И.И. Общества почти не видно // Новое Прошлое. 2022. №2. С.226-231.
[41] Нестеренко Е.С., Реут Л.Д. Патернализм: необходимость или «политический рудимент»? // Теоретическая экономика. 2021. № 9 (81). С. 104-110.
[42] Лубский А.В., Лубский Р.А. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 100.

социополитической сфере субъектами государственного патернализма чаще всего и в первую очередь становятся уязвимые категории населения[43].

Идеологизация патерналистского взаимодействия в годы Первой мировой войны порождала специфическое содержание государственной пропаганды, которая подавала меры поддержки жертв войны как заботу императора и монаршей семьи о подданых. Ответственность государства за жизнеобеспечение отдельных категорий населения служила дополнительным механизмом обеспечения лояльности. В свою очередь, государство испытывало прессинг растущих ожиданий подданых, с удовлетворением которых была связана легитимность существующего строя.

В.Д. Роик определяет патернализм как принятие государством-«патроном» ответственности за экономическое положение с одновременным использованием им любых административных средств, которые представляется ему наиболее целесообразными[44]. Такой подход существенно увеличивает нагрузку на бюджет. Патерналистская социальная политика предполагает концентрацию в руках государства материальных ресурсов, в предельном выражении ведущую к преобладанию государственной собственности. Таким образом, патернализм выступает как социальный феномен, генерирующий особое качество общественных отношений.

Полнее раскрыть процесс трансформации системы социальной помощи в военный период возможно через определение содержания и соотношения базовых понятий, характеризующих социальную сферу, таких, как «благотворительность», «общественное призрение» и «социальная политика», а также связанных с ними понятий «филантропия», «социальная помощь», «социальная защита», «социальная работа». Как отмечает Ю.В. Воронин, в современной российской законодательной практике отсутствует устоявшаяся

---

[43] Патернализм // Большая Российская энциклопедия : в 30 т. Т. 25. М.: Большая Российская энциклопедия, 2014. С.439.

[44] Роик В.Д. Социальная политика времен отказа от патернализма и иждивенчества // Человек и труд. 1997. № 2. С. 109-145.

таксономия дефиниций в сфере социальной политики[45]. Это усложняет исследование исторического пути её развития. В отношении понятийного аппарата социальной сферы сложился противоречивый научный дискурс, осложнённый несовпадением правовых категорий дореволюционного, советского и современного законодательства.

Авторы, касавшиеся тематики благотворительности и общественного призрения, подчёркивают добровольный и бескорыстный характер благотворительности, акцентируя в общественном призрении его организованность и регулярность. Таким образом, разграничение этих двух понятий производится по разным основаниям, что является логической ошибкой. Что касается субъектов благотворительности и общественного призрения, которые определяют качественное различие этих двух явлений, то в этом отношении научная рефлексия также недостаточна. Современники различали частную (в форме милостыни) и организованную благотворительность (в формате благотворительных обществ и заведений). Историки называют благотворительную активность атрибутом гражданского общества, акцентируя её негосударственную природу. Трудность представляет классификация Ведомства учреждений императрицы Марии и Императорского Человеколюбивого общества, чьи отделения и учреждения составляли в изучаемый период существенный элемент социальной сферы. Эти крупные структуры составляли специфическую часть государственно-общественной системы социальной помощи Российской империи.

Определение общественного призрения не вызывало особых затруднений для дореформенного периода, когда повсеместно действовали организованные государством Приказы общественного призрения и подведомственные им учреждения. В пореформенной России, по мнению

[45] Воронин Ю. В. Функциональное воздействие правовых дефиниций на социальную политику в Российской Федерации / Ю. В. Воронин // Трудовое право и право социального обеспечения в условиях больших вызовов (Седьмые Гусовские чтения) : Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 03–04 июня 2022 года / Под общей редакцией Н.Л. Лютова, Ф.О. Дзгоевой. Москва: РГ-Пресс, 2022. С. 236-254.

авторов словаря «Гранат»[46], на которое ссылаются многие исследователи данной проблематики, общественное призрение осуществлялось «*административными единицами, пользующимися правами самоуправляющихся союзов*», т.е. органами местного самоуправления. Тем не менее, земская деятельность в социальной сфере либо причисляется историками к благотворительности, либо именуется «государственным призрением». Терминологическая путаница не позволяет верно определить сущность рассматриваемых явлений и приводит исследователей к противоречивым выводам. Так, С.Г. Казанцева полагает, что в пореформенный период «*государство стало всерьёз заботиться о своих малообеспеченных гражданах*», создав систему общественного призрения, которую она относит к «государственной благотворительности»[47].

Концептуальный характер имеют исследования Г.Н. Ульяновой, И.П. Павловой, И.Ю. Ташбековой, Ю.Н. Малеки, Т.Е. Покотиловой, которые касаются проблемы определения сущности основных понятий социальной сферы в историческом контексте.

И.П. Павлова строит своё исследование вокруг понятия социальное попечение, определяя его как вид общественной деятельности, направленный на борьбу с бедностью. По мнению автора, социальное попечение выделяется из более широкой области благотворительности благодаря своему объекту, а именно – неимущим[48]. Автор концептуализирует происходивший на рубеже XIX-XX веков переход от традиционного воспомоществования нуждающимся членам общества, основанном на религиозно-нравственной мотивации, к преимущественно государственной, регулярной и обеспеченной законом

---

[46] Боровой А.А. Призрение общественное //Энциклопедический словарь Товарищества А. и И. Гранат и Ко». Издание 7-е, совершенно переработанное / под ред. Проф. В.Я. Железнова, М.М. Ковалевского, С.А. Муромцева и др. Т. 33: Поляновский мир — Пуазель. М.: Изд. тов. А. Гранат и К°, 1913. 687 стб.: ил. Стб. 443-449.

[47] Казанцева С.Г. Развитие благотворительности в Самарской и Симбирской губерниях во второй половине XIX - начале XX века : дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. С. 3.

[48] Павлова И.П. Социальное попечение в России в конце XIX - начале XX века: дисс. ... доктора ист. наук. Санкт-Петербург, 2004. С. 35.

поддержке[49]. В число исследовательских задач И.П. Павлова включает разработку понятийно-лингвистического аппарата проблем организации помощи нуждающимся[50]. Центральное место отводится понятию общественного призрения, однако И.П. Павлова воздерживается от представления его авторской дефиниции, отмечая, что для исследуемого периода понятия попечения и призрения были синонимичными. И.П. Павлова чётко разделяет благотворительность как «личностное явление» и социальное попечение – как общественное. Благотворительность И.П. Павлова рассматривает как бескорыстное оказание социальной помощи, но такой подход требует, в свою очередь, дать определение социальной помощи. Вместо этого И.П. Павлова выделяет из состава благотворительности социальное попечение, приравнивая его к социальной работе на основе «*относительности понятий вообще*»[51].

Утверждая близость исторического понятия общественного призрения с современным понятием социальной работы, автор полагает, что оно способно интегрировать все формы и виды работы с нуждающимися, отразить процесс их развития. Вслед за современниками И.П. Павлова выделяет «общественное призрение» органов местного самоуправления, «государственное призрение» приказов общественного призрения и «частное призрение» благотворительных обществ. За рамками этой классификации остаются структуры ВУИМ, ИЧО, РОКК, составлявшие основной пласт организаций в данной сфере.

Касаясь вопроса о соотношении государственного призрения и частной благотворительности, автор делает вывод о появлении представления об обязательности государственного призрения отдельных категорий нуждающихся как перспективной цели, о реализации общественного попечения органами самоуправления и о трудовой самопомощи и частной

---

[49] Павлова И.П. Социальное попечение в России в конце XIX - начале XX века: дисс. ... доктора ист. наук. - Санкт-Петербург, 2004. – С.5.
[50] Павлова И.П. Социальное попечение в России в конце XIX - начале XX века : дисс. ... доктора ист. наук. - Санкт-Петербург, 2004. – С. 18, 25, 27.
[51] Там же, С. 35.

инициативе, лежащих в основе общественной помощи. Таким образом, И.П. Павлова не проводит чётких границ между социальным попечением, общественным призрением и социальной политикой.

Г.Н. Ульянова рассматривает развитие благотворительности как аспект становления гражданского общества в России[52]. В её диссертации уделено особое внимание разработке терминологического аппарата сферы помощи неимущим. Охарактеризовав ряд понятий, относящихся к благотворительной деятельности, автор переходит к раскрытию значения понятия «призрение» и «общественное призрение», относя его ко всей сфере социальной реабилитации нуждающихся[53]. Г.Н. Ульянова констатирует, что на протяжении XIX века происходит размежевание благотворительности, как общественной активности, и государственной деятельности. Для разделения благотворительности и реализации социальной функции государства Г.Н. Ульянова предлагает два критерия – финансовый и институциональный: благотворительность осуществляется на частные средства негосударственными субъектами[54]. Деятельность органов местного самоуправления, осуществлявшаяся за счёт местных налогов и унаследованных капиталов Приказов общественного призрения, определяется как «*земская деятельность в сфере благотворительности*» и одновременно – как «*общественное призрение*»[55]. Действительно, органы местного самоуправления нередко становились распорядителями частных благотворительных пожертвований, однако местное самоуправление – это публично-правовой властный институт, что не позволяет говорить о соблюдении в этом случае институционального критерия благотворительности. Несмотря на то, что применительно к системе местного самоуправления Г.Н. Ульянова применяет определение «*общественная власть*», она называет именно благотворительность, а не общественное

[52] Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, конец XVIII - начало XX века : дисс. ... доктора ист. наук. – М., 2006. - 612 с.
[53] Там же. С. 133.
[54] Там же. С. 135.
[55] Там же. С. 341, 344.

призрение, «*неотъемлемой функцией*» этой системы[56], что свидетельствует о расширительном трактовании автором сферы благотворительности.

Сложным является и вопрос о природе деятельности Ведомства учреждений императрицы Марии, которое определяется Г.Н. Ульяновой как «*особое придворное благотворительное ведомство*», его деятельность – как «*преобладание государственного начала в помощи бедным*», вместе с тем ВУИМ причисляется к «общественному призрению»[57]. Появление в начале XIX века под контролем государства занятых помощью нуждающимся «учреждений, на особых основаниях управляемых» стало началом становления светской благотворительности в России, уже на первом этапе включённой в систему государственного администрирования и финансирования. Так, Императорское человеколюбивое общество получало поддержку из казны, которая за столетие его существования превысила 9 млн. рублей[58].

Г.Н. Ульянова мотивированно отмечает, что понятие благотворительности не вполне применимо к социальной деятельности общественных организаций в годы Первой мировой войны: «*чистой благотворительностью является лишь деятельность, целиком осуществляемая на пожертвования и силами добровольцев, а в годы войны наблюдался симбиоз власти и общества в сфере оказания помощи: частные пожертвования поступали в филантропические ведомства, имевшие также государственные дотации, и, наоборот, субсидии из казны переходили к местному самоуправлению, частным филантропическим обществам*»[59].

И.Ю. Ташбекова исследует государственную политику в социальной сфере. Интересным является её подход к разграничению понятий «государственная политика в социальной сфере» и «социальная политика

---

[56] Там же. – С. 356-357.
[57] Там же. С. 303-306.
[58] Там же. С. 283, 285, 299.
[59] Ульянова Г. Н. Благотворительная помощь общества жертвам войны в 1914-1918 гг.: дискуссионные вопросы и содержание проблемы // Россия в годы Первой мировой войны. Материалы Международной научной конференции (Москва, 30 сентября - 3 ноября 2014 г.). М., 2014. С. 230-237. С. 230.

государства» применительно к рубежу XIX-XX веков: политика в социальной сфере предстаёт как более широкое понятие, отражающее роль государства в регулировании общественных отношений и не всегда приводящее к правовому закреплению социально-экономических прав личности, которое связывается непосредственно с социальной политикой. В основу государственной социальной политики автор полагает комплекс прав личности в социально-экономической сфере; в отличие от этого, политика в социальной сфере не преследует цели формирования комплекса таких прав, развивая лишь отдельные институты социальной сферы и создавая условия для реализации социально-экономических прав отдельных социальных групп. Согласно И.Ю. Ташбековой, и социальная политика, и политика в социальной сфере имеют своим предметом социальные отношения и социальную структуру, в своей совокупности формирующие социальную среду бытия индивида[60].

Характеризуя сложившуюся к началу XX в. модель государственной политики Российской империи в социальной сфере, она констатирует переход от либеральной модели «минимального государства» к консервативной, в рамках которой государство принимает на себя обеспечение гарантий политических и личных прав гражданина, возлагая обеспечение социально-экономических прав на структуры гражданского общества и самого индивида, а также на страховые механизмы.

К субъектам формирования и реализации политики в социальной сфере И.Ю. Ташбекова относит собственно государство, а также органы местного самоуправления. Внимание автора сфокусировано на развитии рабочего законодательства, также затронуты проблемы правового регулирования в сфере образования, земской медицины и в аграрном секторе. В качестве одной из подсистем социальной сферы упомянута и сфера социального обеспечения.

Рассматривая заключительный этап исторической эволюции государственной политики Российской империи в социальной сфере,

[60] Ташбекова И.Ю. Государственная политика Российской империи в социальной сфере: вторая половина XIX - начало XX века : Историко-правовой аспект : дисс. ... доктора юридич. наук. – М., 2012. С. 26, 30, 35.

относимый к 1905-1917 годам, И.Ю. Ташбекова выделяет значимую роль местного самоуправления и заметное развитие социальной инфраструктуры. Автор приходит к заключению о формировании после 1905 г. предпосылок к появлению социальной политики. Несмотря на то, что верхняя граница диссертационного исследования связана с крушением государственности Российской империи, диссертация не касается изменений, произошедших в исследуемой области в годы Первой мировой войны, называя значимым фактором периода лишь революционное движение.

Ю.Н. Малека посвятил свою работу изучению социальной деятельности государства, под которой он понимает деятельность государственных органов по управлению социальными процессами, обобщающее понятие для таких явлений, как общественное и государственное призрение, социальная защита, социальное обеспечение и социальная работа[61]. Несмотря на то, что автор простирает хронологические рамки своего исследования до 1917 г. и прослеживает эволюцию социальной деятельности в России от частной милостыни до государственного обеспечения (в рамках созданного Временным правительством Министерства государственного призрения), качественные особенности этапа Первой мировой войны не нашли упоминания в его работе, будучи растворены в последнем этапе эволюции социальной деятельности абсолютистского государства – с 1861 по 1917 год. Его содержание Ю.Н. Малека определяет как «*совершенствование системы общественного призрения, частной благотворительности и становления попечительств*»[62]. В рамках задачи научного обоснования категориального аппарата социальной деятельности, автор не расчленяет понятия благотворительности и общественного призрения. Так, в связи с передачей земствам имущества Приказов общественного призрения, автор указывает на начавшуюся трансформацию государственного призрения в сторону

[61] Малека Ю.Н. Социальная деятельность Российского государства: исторический опыт управления процессами: XVIII - начало XX вв. : автореферат дисс. ... доктора ист. наук. М., 2003. 48 с.
[62] Малека Ю.Н. Социальная деятельность Российского государства: исторический опыт управления процессами: XVIII - начало XX вв. : автореферат дисс. ... доктора ист. наук. М., 2003. С.31.

общественного, «*о чём говорит анализ состояния и деятельности благотворительных учреждений и заведений в России*»; «*проанализировав систему благотворительных учреждений Российской империи*», автор отмечает, что «*в стране была неплохо организованная разнопрофильная и многофункциональная структура государственных учреждений, направленная на оказание социальной помощи многим группам населения*»[63]. По его мнению, накануне революции социальная система страны включала государственное призрение, частную благотворительность, а также некую «*земско-приходскую помощь*»[64].

Исследованию правового регулирования социальной деятельности Российской империи посвящена и диссертация Е.Ф. Балашовой[65]. Основным направлением социальной деятельности государства она называет оказание помощи нуждающимся, которое может быть организовано по двум моделям: как государственная система всеобщих минимальных гарантий и как развитие сети негосударственных – общественных и частных – организаций. Именно второй вариант был реализован в Российской империи, система общественного призрения которой была основана на благотворительности как добровольной безвозмездной деятельности. Однако автор указывает, что благотворительность, как любая социально значимая деятельность, требует правовой регламентации, задающей уровень её эффективности. Также Е.Ф. Балашова выделяет в качестве организационных «зачатков» государственного призрения учреждения, фактически находившиеся под «государственным покровительством», чья деятельность получала бюджетное финансирование и состояла под контролем чиновников – ВУИМ, ИЧО. Однако их поддержка не распространялась на всех нуждавшихся, была частичной, а не общей – вследствие чего автор определяет её как «государственную благотворительность». Со временем эта система разрасталась благодаря

---

[63] Там же. С. 36-37.
[64] Там же. С.43
[65] Балашова Е.Ф. Правовое регулирование социальной деятельности в Российской империи : Вторая половина XIX - начало XX века : дисс. ... канд. юридич. наук : М., 2004. С.96, 120.

созданию новых организаций и принятию под их эгиду ранее независимых благотворительных обществ. Этот процесс закладывал предпосылки для формирования государственной системы социальной защиты.

Т.Е. Покотилова уделяет особое место генезису организованной благотворительности как направлению нормативно-санкционирующей и стабилизирующей деятельности государства, которая нашла своё выражение в «учреждениях, на особых основаниях управляемых» полуобщественного полугосударственного характера, которые оцениваются как наиболее эффективная организационная форма благотворения к началу XX века[66]. Характерной чертой их деятельности стало сочетание вовлечения общественности с административным контролем.

Не все авторы усматривают сущностную разницу между благотворительностью и общественным призрением. Так, Н.М. Попов использует в отношении деятельности органов городского самоуправления в социальной сфере термин «социальная политика», в то же время называя её «благотворительной деятельностью», а органы местного самоуправления – «благотворительными организациями», элементом «системы государственной филантропии»[67].

А.В. Федулова включает частную благотворительность в систему общественного призрения, относя органы местного самоуправления к государственным институтам этой системы[68]. Элементами этой системы автор называет «государственное» (т.е. осуществляемое местным самоуправлением), сословное (фактически же – только дворянское) и частное призрение, представленное разнообразными учреждениями.

И.Н. Юргина следующим образом разграничивает дефиниции «общественного призрения» и «социальной помощи»: первое рассматривается

---

[66] Покотилова Т.Е. Благотворительность в социальной истории дореволюционной России : Мировоззрение и ист. опыт : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02. - Ставрополь, 1998. - 443 с.
[67] Попов Н.М. Социальная политика городских самоуправлений Тамбовской губернии в конце XIX-начале XX веков : автореферат дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02. - Тамбов, 2006. – С. 2,4.
[68] Федулова А.В. Общественное призрение и благотворительность в Симбирской губернии во второй половине XIX - начале XX века : автореферат дисс. ... канд. ист. наук. - Ульяновск, 2006. – С. 13.

как любая организованная помощь, второе – совокупность социальных услуг. Касаясь благотворительной деятельности в экстремальные периоды войн и природных бедствий, автор упоминает о создании временных комитетов, которые позволяли заметно увеличить как число лиц, участвующих в благотворительности, так и получателей поддержки[69].

Н.А. Разуваева называет милостыню низшей, простейшей формой благотворительности, а общественное призрение – её высшей организованной формой. Если милостыня – это взаимодействие частных лиц, то субъектом общественного призрения является коллектив – такой, как территориальная или сословная корпорация, общественная организация или же государство. В то же время автор относит к «*государственному общественному призрению*» деятельность земств, именует ВУИМ «*частным благотворительным обществом*», а ИЧО – «*благотворительным ведомством*», не различает благотворительные общества и благотворительные учреждения[70].

Д.И. Герасимова рассматривает генезис системы социальной защиты в Уфимской губернии, оценивая его как часть процесса институциализации социальной политики. В систему социальной защиты автором включены опека, государственное и общественное призрение, благотворительное попечительство[71].

С.С. Олейникова исследовала развитие правового обеспечения социальной функции государства[72]. Представляя периодизацию накопления структурных элементов, лежащих в её основе, она выделяет пореформенный период, характеризуя его распространением социального законодательства на более широкие слои населения и включением органов местного

---

[69] Юргина И.Н. Учреждения социальной помощи в Тверской губернии второй половины XIX - начала XX в. : дисс. ... канд. ист. наук. - Тверь, 2010. - 225 с.

[70] Разуваева Н.А. История российской благотворительности во второй половине XIX - начале XX вв. : По материалам Пензенской губернии : дисс. ... канд. ист. наук. - Пенза, 2006. - 220 с.

[71] Герасимова Д.И. Становление и развитие системы социальной защиты населения в 1865-1917 гг. (на материалах Уфимской губернии) : автореферат дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02. - Уфа, 2016.- С. 16.

[72] Олейникова С.С. Теоретические и организационно-правовые основы становления социальной функции российского государства в XVII - начале XX вв. : историко-правовой аспект : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Олейникова Светлана Сергеевна; [Место защиты: Волгогр. гос. ун-т]. - Волгоград, 2012. – С.11-12.

самоуправления в круг субъектов, реализующих социальную функцию. Вместе с тем автор приходит к заключению, что в предреволюционный период ни одно из направлений реализации социальной функции не было обеспечено нормативной основой, соответствующей масштабу и сложности социальных проблем. Хотя верхней хронологической границей исследования С.С. Олейниковой обозначен 1917 год, в работе не затронута проблематика Первой мировой войны.

Н.Г. Семионкина исследует сферу социальной защиты[73], представляя её как сочетание общественного призрения и благотворительности. Термин «общественное призрение» рассматривается как центральная дефиниция понятийно-категориального аппарата правового регулирования социального обеспечения. Также автор предлагает использовать понятие социального законодательства для характеристики совокупности нормативно-правовых актов, направленных на институциональное оформление государственной помощи социально незащищённым слоям населения[74]. Автор приходит к заключению, что к началу XX века в Российской империи сложилась стройная институциональная система общественного призрения, элементами которой являлись государственная, муниципальная, церковная, сословная и частная подсистемы. Несмотря на то, что хронологически исследование Н.Г. Семионкиной включает период Первой мировой войны, она не уделяет внимания специфике этого периода. Касаясь развития социального обеспечения нижних чинов, автор оценивает его как шаг в сторону оформления системы полноценного социального обеспечения, но при этом делает необъяснимый вывод о сохранении сословного характера организации государственного призрения в его правовых нормах[75].

---

[73] Семионкина Н.Г. Правовое регулирование общественного призрения и благотворительности в Российской Империи: диссертация ... кандидата юридических наук . - Белгород, 2019. - 133 с.
[74] Семионкина Н.Г. Правовое регулирование общественного призрения и благотворительности в Российской Империи: автореферат дисс. ... канд. юридич. наук . – С.10.
[75] Семионкина Н.Г. Правовое регулирование социального обеспечения нижних чинов в Российской империи (опыт начала XX века) // Российское государствоведение. – 2015. – № 4. – С. 21-29. – С.28.

Р.Н. Балицкий[76] объединяет явления благотворительности и меценатства понятием филантропии, разделяя их по сферам реализации – социальной и культурной, и объединяя такими признаками, как добровольность, бескорыстие, ориентация на гармонизацию общественных отношений. Под «государственной благотворительностью» автор имеет в виду деятельность учреждений, на особых основаниях управляемых, которые состояли под покровительством членов императорской фамилии и привлекали к своей деятельности провинциальную элиту. Также к благотворительности в работе Р.Н. Балицкого отнесена деятельность органов местного самоуправления в социальной сфере. Поворотным моментом в развитии отечественной благотворительности автор называет первые десятилетия XX века, когда складывались новые подходы к решению социальных проблем. Важным представляется замечание Р.Н. Балицкого о преемственности этих подходов с некоторыми аспектами социальной политики советской власти. Относительно периода Первой мировой войны автор замечает лишь сокращение числа филантропических обществ и масштаба их деятельности.

М.Г. Ковалёва[77] затрагивает проблему соотношения государственных и общественных форм социального призрения в России на рубеже XIX─XX вв. в контексте правительственной политики в сфере призрения. Призрение трактуется автором как постоянные меры помощи, а общественное призрение – как система организации помощи неимущим, установленная государством и реализуемая за счёт налогов. При этом действия органов местного самоуправления в изучаемой сфере М.Г. Ковалёва также именует «благотворительностью», то есть смешивает эти понятия. Система связанных с правящей династией государственных (полугосударственных) благотворительных учреждений оценивается автором как «громоздкая и противоречивая», при этом признаётся, что её возможности значительно

[76] Балицкий Р.Н. Меценатство и благотворительность в Центральном Черноземье в конце XIX-начале XX вв. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Курск, 2004. - 206 с.
[77] Ковалева М.Г. Учреждения социального призрения России в XIX - начале XX в.: на материалах Воронежской и Курской губерний: диссертация ... канд. исторических наук: 07.00.02. Белгород, 2006. 179 с.

превосходили ресурсы частной благотворительности. Взаимодействие правительственного и общественного элемента в области социального призрения представлено как сотрудничество и соперничество.

С.Ч. Мантурова посвятила свою работу изучению государственного призрения и благотворительности в Забайкалье на рубеже веков[78]. Призрение она определяет как культурно-исторические практики социальной помощи. Становление государственного призрения автор связывает с развитием территориальных структур помощи, административных форм управления и законодательной базы, регламентирующей взаимоотношения между государством и различными социальными группами. Государство исполняет функции наблюдения, контроля и законодательного регулирования. Особо подчёркивается, что государственное призрение реализовывалось за счёт средств казны, а благотворительность осуществлялась на частные средства.

О.М. Мокроносова, исследуя организованную благотворительность на Южном Урале в пореформенный период, останавливает внимание на определении места благотворительных организаций в системе помощи нуждающимся и приходит к заключению, что в конце XIX - начале XX вв. благотворительность достигла своего наивысшего уровня и заняла ведущее место в решении социальных проблем[79]. Автор признаёт, что возникновение и развитие благотворительных организаций зависело от государственной политики, которая, с одной стороны, стимулировала участие общественности в решении социальных проблем, но с другой – ограничивала реализацию частной инициативы в социальной сфере. Наиболее оптимальной формой преодоления отмеченного противоречия автор считает «смешанные» организации, соединявшие государственное и общественное начало, имея в виду учреждения, на особых основаниях управляемые, которые получали от

---

[78] Мантурова С.Ч. Государственное призрение и благотворительность в социальной и культурной жизни Забайкалья во второй половине XIX - начале XX вв. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005. 230 с. Мантурова С.Ч. Государственное призрение и благотворительность в Забайкалье: историко-культурные практики во второй половине XIX - начале XX вв.: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук: 24.00.01 / Мантурова Светлана Чимитовна. - Улан-Удэ, 2005. - 50 с.

[79] Мокроносова О.М. Благотворительные организации во второй половине XIX - начале XX вв. : На материалах Южного Урала : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Оренбург, 2002.- 262 с.

государства финансовую, организационную и методическую поддержку. Включая период Первой мировой войны в хронологические рамки своей диссертации, она отмечает скудость региональных материалов, что затрудняет полноценный анализ работы благотворительных организаций Южного Урала на финальном этапе их существования[80]; таким образом, автор воздерживается от каких-либо содержательных выводов относительно периода Первой мировой войны.

Одной из немногих, Е.Ю. Семёнова вписывает благотворительность в рамки более масштабного явления, рассматривая её как часть духовной культуры общества[81]. Автор ставит задачу проследить трансформацию региональной культуры Среднего Поволжья под влиянием военного фактора во взаимосвязи развития культуры и общества. Развитие благотворительности освещается в рамках культуры поведения как результата перевода внутренних нравственных установок личности во внешнюю деятельностную сферу, и как часть социальной культуры – системы представлений о нормах и правилах поведения, регулирующих взаимодействия внутри социальной группы либо общества в целом. При этом, отталкиваясь от предложенного М.В. Фирсовым определения общественного призрения как организованной помощи нуждающимся со стороны государства и общества[82], Е.Ю. Семёнова немедленно делает парадоксальный вывод о тождественности благотворительности и общественного призрения.

Таким образом роль государства в социальной сфере в начале XX века (в период бурного роста российской экономики и модернизационной трансформации социальной структуры страны) не получила должного осмысления; терминологический аппарат остаётся размытым, не установлены соответствия исторических и современных понятий социальной сферы. В

[80] Мокроносова О.М. Благотворительные организации во второй половине XIX - начале XX вв. : На материалах Южного Урала : автореферат дисс. ... канд. ист. наук. С. 16.
[81] Семенова Е.Ю. Культура Среднего Поволжья в годы Первой мировой войны, 1914 - начало 1918 гг.: По материалам Самарской и Симбирской губерний: дис. ... кандидата исторических наук. Самара, 2001.
[82] Фирсов М.В. Социальная работа в России: теория, история, общественная практика: Дисс. д-ра ист. наук. М., 1997. С. 186.

исследуемом проблемном поле присутствуют такие взаимно пересекающиеся концепты, как «благотворительность» (частная, общественная, и даже государственная), «общественное призрение», «социальное попечение», «политика в социальной сфере», «социальная политика». Как представляется, необходимо более чёткое определение ролей основных субъектов социальной помощи – государства и государственных органов, органов местного самоуправления и негосударственных общественных объединений в оказании социальной помощи нуждавшимся.

По нашему мнению, в зависимости от природы субъекта возможно выделить три типа социальной поддержки: благотворительность, социальную помощь и государственную социальную политику.

Благотворительность – меры добровольной бескорыстной помощи, оказываемые одним индивидом другому непосредственно (частная благотворительность) или при посредстве общественных объединений (организованная благотворительность). Институциональное развитие благотворительности идёт по пути обособления организаций, служащих посредниками между благотворителем и получателем помощи. Эту организационную особенность, придающую благотворительности сложный и разноплановый характер, Г.Н. Ульянова определила как синтетический характер социальной коммуникации в сфере благотворительности[83]. В.П. Богданов определяет совокупность организаций, осуществлявших посредничество между благополучателем и жертвователем, как систему общественного призрения[84], а Г.Н. Грибанова подчёркивает ориентацию общественного призрения на поддержание социального порядка[85].

Социальная помощь (общественное призрение) предстаёт как совокупность мер поддержки, оказываемой обществом нуждающимся в

---

[83] Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, конец XVIII - начало XX века. М., 2005. С. 19.
[84] Богданов, В. П. История благотворительности в России. Москва и московская пресса конца XIX века : учебное пособие для вузов / В. П. Богданов. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — С.23.
[85] Грибанова Г. Н. Государственная социальная политика и благотворительность - подходы и тенденции // Благотворительность в России: Социальные и исторические исследования. СПб.: «Лики России», 2001. С. 56.

помощи индивидам. Это самый сложный и противоречивый вид помощи, так как конкретными субъектами её предоставления выступают отдельные сообщества – территориальные (органы местного самоуправления), сословные, религиозные, профессиональные. При этом источники средств такой помощи имеют различную природу – местные налоги, самообложение, пожертвования, государственные субсидии негосударственным акторам помощи. Общественное призрение обладает большей структурированностью и устойчивостью по сравнению с частной благотворительностью. Традиционно в России оно включало широкое благотворительное участие как источник кадров и средств для своей работы.

И благотворительность, и общественное призрение выступали объектом государственного правового регулирования. Спецификой переходного периода модернизации общественных отношений в Российской империи в начале XX в. было сохранение и даже определённый подъём благотворительных пожертвований в адрес общественных институтов социальной помощи. Особенностью общественного призрения являлось также преобладание необязательных мер поддержки нуждавшихся, предоставление которых зависело от финансового состояния и приоритетов субъектов социальной помощи.

В пореформенный период, с ликвидацией Приказов общественного призрения, государство устраняется от непосредственного оказания помощи нуждавшимся, и возвращается в эту сферу только во время Первой мировой войны. Вместе с тем, присутствие в российской системе общественных отношений в социальной сфере таких субъектов, как «учреждения, на особых основаниях управляемые», составляло яркую особенность организации социальной помощи в Российской империи. Как констатируют А.Р. Соколов и И.В. Зимин, Собственную его императорского величества Канцелярию, IV отделение которой контролировало Ведомство учреждений императрицы Марии, и Опекунский совет, осуществлявший непосредственное управление,

можно характеризовать как государственные органы[86]. Главноуправляющий образованной на базе IV отделения С.е.и.в Канцелярии по учреждениям императрицы Марии обладал правами министра по своему ведомству[87]. При этом к работе благотворительных учреждений на местах привлекались общественные активисты, а финансирование осуществлялось за счёт инвестиционных капиталов Опекунского совета, благотворительных обществ и частных пожертвований.

А.Р. Соколов и И.В. Зимин перечисляют характерные черты государственного органа и общественной организации, одновременно присущие ВУИМ. Можно заключить, что Ведомство было не только старейшей, но и самой огосударствлённой структурой в социальной сфере, сотрудники которой имели право на ношение мундира С.е.и.в. Канцелярии и права государственной службы. Авторы именуют его «*специфическим, исключительным в своем роде государственным учреждением, действовавшим как благотворительная общественная организация*».

Однако, кроме ВУИМ, существовал и ряд других «учреждений, на особых основаниях управляемых». Удачным представляется определение, данное В.П. Булдаковым такого рода объединениям, в разной степени встроенным в государственный аппарат – «*организации, патронируемые властью*»[88]. Л.А. Булгакова полагает, что существование крупных полугосударственных благотворительных структур позволяло государству аккумулировать частные пожертвования, направлять и контролировать благотворительную деятельность[89]. Таким образом, частная благотворительность была тесно интегрирована в систему общественного

---

[86] Соколов А.Р., Зимин И.В. Благотворительность семьи Романовых. XIX - начало XX В. Повседневная жизнь российского Императорского двора. М. ; СПб. : Центрполиграф: русская тройка. СПб. , 2015. 604 с.
[87] Гаврюшин С.И. Организационное устройство и деятельность Ведомства учреждений императрицы Марии (1797-1917 гг.) : автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2002. С. 17.
[88] Булдаков В.П. Общественные организации в России: особенности самовыражения, траектории самореализации // Мастерство Историка : памяти доктора исторических наук И. С. Розенталя : сборник статей и материалов / Институт общественной мысли ; редколлегия: В. В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]. – М. : Политическая энциклопедия, 2019. С. 166-182.
[89] Булгакова Л.А. Проблемы интеграции в сфере социальной помощи в дореволюционной России // Благотворительность в России: Социальные и исторические исследования. СПб.: «Лики России», 2001. С. 314.

призрения. По мнению Г.Н. Ульяновой, ВУИМ и ИЧО были примерами реализации принципа патернализма, который играл важнейшую роль во внутренней политике самодержавия[90]. Тех же взглядов придерживается и В.П. Булдаков, который вычленяет верноподданическую мотивацию во внешне патриотической или филантропической активности, рассматривая её как один из вариантов конформного поведения и выделяя «псевдогражданские симулякры» в качестве элементов авторитарно-патерналистской системы[91].

Г.Н. Ульянова заключает, что для российской системы социальной помощи был характерен дуализм, при котором администрирование социальных учреждений осуществлялось государственными органами, а их финансирование велось на частные средства. Государственное управление без государственного финансирования составляло специфику российского законодательства о благотворительности[92].

Накопленный опыт и организационные принципы Ведомства учреждений императрицы Марии и других полугосударственных структур был использован при проектировании системы социальной помощи в годы Первой мировой войны.

Переход государства к активным действиям в социальной сфере соответствовал логике трансформации полицейского государства в государство благосостояния, что отражало трансформацию идеологических оснований социальной помощи. Полицейское государство ставило перед собой задачу обеспечения общественной безопасности; постепенно государство признаёт свою ответственность за поддержание благосостояния отдельных, первоначально ограниченных социально-демографических групп населения. В основе такого признания в годы Первой мировой войны лежала определённая система ценностей, связанная с понятием социальной

---

[90] Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, конец XVIII - начало XX века. М., 2005. С.386.
[91] Булдаков В.П. Общественные организации в России: особенности самовыражения, траектории самореализации // Мастерство Историка: памяти доктора исторических наук И.С. Розенталя : сборник статей и материалов. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. – С.169-170.
[92] Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, конец XVIII - начало XX века. М., 2005. С. 384.

справедливости и компенсации потерь, понесённых жертвами войны во имя государственных интересов.

Отметим, что ресурсы благотворительной помощи далеко отставали от потребности в социальной поддержке со стороны модернизирующегося российского общества, переживавшего рост имущественного расслоения и распад традиционных общинных и сословных механизмов взаимопомощи. Социальная модернизация порождает совокупность экономических, политических, демографических и психологических изменений. Неотъемлемой чертой общества модерна следует назвать институциональную дифференциацию[93]. В условиях модернизации необходимостью становилась организация регулярной, упорядоченной поддержки незащищённых категорий населения в целях обеспечения как стабильности модернизационных процессов, так и создания условий для дальнейшего развития.

В плане развития социальной сферы модернизационные процессы соответствуют веберовской логике рационализации общественной жизни и отхода от религиозной системы ценностей. В соответствии с этим принципом, в содержании мер социальной поддержки жертв войны можно увидеть реализацию протестантской модели благотворительной деятельности. В отличие от католической модели, она направлена на личность опекаемого, а не благотворителя. Протестантская модель, взятая за образец Петром I и Екатериной II, включала социально-реабилитационные функции[94]. С таким подходом связана трансформация благотворительной деятельности от «душеспасительного» служения к рациональной социальной работе. Отметим, что именно на таких позициях стояли и благотворительные общества, учреждённые в России молодой императрицей Александрой Фёдоровной – Попечительство о трудовой помощи и Попечительство об охране материнства и младенчества. Впоследствии императрица сыграла заметную роль в становлении системы помощи жертвам войны. В содержании мер поддержки прослеживаются те же черты социальной реабилитации и интеграции жертв, их вовлечения в производственную деятельность.

---

[93] Проскурина А.В. К вопросу о генезисе модернизационных теорий // Terra Linguistica. 2010. №111. С.13.
[94] Березина Е.М. Благотворительность в контексте социально-культурной практики // Вестник ЧГАКИ. 2010. №4 (24). С. 54-60.

1.2 Историография проблем социальной помощи в годы Первой мировой войны

Особенности развития системы социальной помощи в период Первой мировой войны редко и не всегда удачно становились предметом самостоятельных исследований. Советский период изучения истории Первой мировой войны отличался значительным догматизмом. Задачей историков было показать страдания широких народных масс в годы империалистической войны, доказать неизбежность падения самодержавия и прихода к власти большевиков. Закономерно, что систематические и целенаправленные усилия по поддержке жертв войны оставались за рамками этой парадигмы. Начиная с 1990-х годов происходит возвращение исследовательского интереса к периоду Первой мировой, в котором было открыто множество новых измерений – таких, как локальная история, гендерная история, история эмоций и т.п. В это же время коренным образом меняются оценки благотворительности как социальной практики в целом и исторического опыта российской благотворительности в частности. На пересечении этих тенденций начинает складываться историография социальной помощи в годы войны преимущественно как благотворительной общественной активности.

Проблематика социальной сферы периода Первой мировой войны рассматривается в монографии И.П. Павловой[95]. В качестве предмета исследования выступает роль государственных органов в социальном попечении и социальное попечение как род общественной деятельности. Исследование И.П. Павловой охватывает как Европейскую Россию, так и Сибирь, Польшу; затрагивая деятельность ведомственных, сословных, религиозных, благотворительных, национальных структур в сфере социального попечения. Это обстоятельство скорее препятствует чёткому выявлению тенденций в исследуемой области. Ограниченность источниковой

[95] Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. – Красноярск: Издат. центр Краснояр. гос. аграр. ун-та, 2003. - 150 с.

базы не позволила в полной мере решить задачу представления комплексной характеристики помощи жертвам войны.

Н.Л. Матвеева[96], анализируя участии членов императорского дома в оказании социальной помощи (традиционно определяемой автором как благотворительность), пришла к важному содержательному обобщению о том, что создание новых именных благотворительных комитетов в годы войны лежало в русле принятой политики в социальной сфере: власть стремилась компенсировать пробелы в системе социальной поддержки созданием особых организаций под эгидой царской семьи[97]. В то же время за рамками рассмотрения осталось большая часть элементов, составлявших в годы Первой мировой войны систему социальной помощи Российской империи, ядром которой были именные комитеты.

В диссертационном исследовании А.Н. Грицаевой[98] представлен общий обзор благотворительных и общественных (ВЗС, ВСГ) организаций, появившихся в связи с войной или включивших помощь жертвам войны и фронту в предмет своей деятельности. По её наблюдению, участие государства в войнах и связанные с этим социальные процессы активизируют благотворительность, расширяя её поле деятельности. При этом в работе не проводится границы между благотворительной помощью армии и фронту и благотворительной помощью мирному населению, пострадавшему от войны. Не выделено сущностное различие между организациями помощи жертвам войны принципиально разного правового статуса. Перечисляя структуры, возникшие с началом Первой мировой войны, А.Н. Грицаева по умолчанию считает их благотворительными, а помощь пострадавшим от военных

---

[96] Матвеева Н.Л. Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны : дисс. … канд. ист. наук. С.-Пб., 2000. 226 с.
Матвеева Н.Л. Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. - Москва : Изд-во МГОУ, 2004. 189 с.
Матвеева Н.Л. Благотворительная деятельность именных комитетов членов императорской семьи в годы первой мировой войны М.: МГОУ, 2004. 106 с.

[97] Матвеева Н.Л. Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. - Москва : Изд-во МГОУ, 2004. С. 70.

[98] Грицаева А.Н. Благотворительность в России в годы первой мировой войны (1914 - февраль 1917 г.) : опыт помощи пострадавшим от военных действий : диссертация ... кандидата исторических наук . – М., 2008. 289 с.

действий однозначно определяет как благотворительность. В диссертации проанализирована деятельность 49 таких обществ, приведена краткая характеристика направлений их работы. При этом автор не пытается раскрыть системно-организационные принципы взаимодействия между различными институциями в рассматриваемой сфере.

В русле абсолютизации благотворительности как механизма социальной помощи выполнено и диссертационное исследование Н.Н. Кайдышевой, которое освещает региональный контекст взаимодействия государства и общества в социальной сфере на примере Пермской губернии[99]. Сделан вывод о патриотических и религиозных мотивах активизации благотворительности в годы войны, а также об усилении сотрудничества государства и общества в интересах мобилизации тыла. В такой парадигме область благотворительности охватывает все проявления общественной активности в социальной сфере, роль государственных инициатив игнорируется.

Т.Е. Покотилова рассматривает благотворительность как социокультурный феномен, что позволяет выявить эволюцию его нормативно-ценностных оснований от религиозных к рациональным. Большую гносеологическую ценность имеет заключение о становлении государственной монополии на идеологию и практику благотворительности в Российской империи. При этом светская благотворительность определяется автором как сфера реализации некоторых функций государства как социального института. Анализируя правовое и организационное оформление процесса благотворения в имперский период российской истории, автор связывает его с развитием политической культуры, подчёркивая центральную роль государства и его довлеющее влияние на все стороны общественной активности. К сожалению, Т.Е. Покотилова исключает из хронологических рамок своего исследования период 1914-1917 годов, поспешно заявляя о «*постепенном сужении сферы функционирования благотворения как особого*

[99] Кайдышева Н.Н. Благотворительная деятельность в Пермской губернии в годы Первой мировой войны : 1914 - февраль 1917 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук . - Екатеринбург, 2016. 325 с.

регулирующего социального механизма» в этот период. Отчасти закрывая этот пробел в двух позднейших публикациях[100], она, тем не менее сохраняет мнение о недостаточности мер и масштабов социальной помощи накануне революции, архаичности и абсолютной неэффективности системы её реализации и предоставления на государственном уровне, рассматривая эти факторы в качестве одной из причин социального взрыва 1917 года[101].

На этом фоне принципиальным выглядит вопрос о природе социальной помощи жертвам Первой мировой войны, который раскрывается через уточнение соотношения в ней государственных и общественных элементов. Внимание к социальному обеспечению семей мобилизованных впервые привлекли публикации Л.А. Булгаковой, П.П. Щербинина и Н.Л. Пушкаревой[102]. В их статьях освещались нормы Положения о призрении нижних воинских чинов и их семей, заложившего основы регулярной социальной помощи этой категории. Дальнейшее развитие эта проблематика получила в работах А.И. Чубарова, А.Д. Грудины, С.А. Торопкина, К.А. Степанова[103]. А.И. Чубаров делает вывод об эволюции воинского призрения от

---

[100] Покотилова Т.Е. От сословного призрения и частной благотворительности к всеобщему социальному обеспечению в России // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. №4. С. 103-108.
Она же. Российская филантропия и первая мировая война (на материалах Терской области) // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. №4. С. 86-92.

[101] Покотилова Т.Е. Благотворительность в социальной истории дореволюционной России : Мировоззрение и ист. опыт : дисс. ... доктора ист. наук. С. 106.

[102] Булгакова Л.А. Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века: материалы конференции памяти В.С. Дякина. СПб. ; Кишинев: Nestor-Historia, 2001. С. 431-496.
Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 147-162.
Есиков С.А., Щербинин П.П. Государственная поддержка семей призванных на войну крестьян в первый период Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Государственная власть и крестьянство в XX — начале XXI века. Коломна, 2007. С. 86-91.
Булгакова Л.А. Невенчанные солдатки: борьба за признание гражданских браков в годы Первой мировой войны // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX в.: исследования, историография, источники. СПб., 2009 С. 183.

[103] Чубаров А.И. Социальная опека солдатских семей и пострадавших военнослужащих России в войнах конца XIX - начала XX веков на типичном примере Курской губернии : дисс. ... канд. ист. наук. - Курск, 2016. - 321 с.
Грудина А.Д. Государственная помощь семьям нижних чинов Российской армии в годы Первой мировой войны : дисс. ... канд. ист. наук. - Брянск, 2019. - 242 с.
Торопкин С.А. О праве на пенсию участников Первой мировой войны // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. №9-2. С.93-99.
Степанов К.А. Ростовское уездное по призрению семейств нижних воинских чинов попечительство в годы Первой мировой войны // История и культура Ростовской земли: Материалы XXI научной конференции. Ростов: Издательство Ростовского музея-заповедника, 2011. С. 143-168.

общественного к государственно-общественному и затем к государственному с наличием некоторых общественных элементов. А.Д. Грудина исследует преимущественно правовые аспекты назначения и получения государственного денежного пособия, оценивая эффективность этой меры на основе сообщений периодической печати. С.А. Торопкин даёт характеристику пенсионных прав уволенных с военной службы, а также солдатских вдов. К.А. Степанов подробно освещает специфику деятельности уездного попечительства о семьях призванных, касаясь также организации работы волостных попечительств.

Подробно охарактеризовав общественную и ведомственную дискуссию относительно развития правовых норм обеспечения солдатских семей, Л.Б. Булгакова отмечает признание государством недостаточности и неполноты гарантий, предоставляемых Законом 1912 года, что подразумевало оказание дополнительных мер поддержки за счёт общественных ресурсов. Н.Л. Пушкарёва и П.П. Щербинин рассматривают совокупность казённой и дополнительной помощи солдатским семьям в качестве прогрессивной модели социальной работы, в которой доминировали государственные агенты.

Новые социальные гарантии отразились на социальной роли солдаток. Гендерный аспект введения казённых пайков затронут в работах П.П. Щербинина и Барбары Энгл[104]. Исследования позволяют говорить об их эмансипации, возросшей социальной активности, сформировавшемся запросе на социальную справедливость.

Земская деятельность в пользу семей мобилизованных подробно охарактеризована К.А. Степановым в ряде публикаций по материалам

[104] Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов: Юлис, 2004. 507 с.
Он же. Как жилось российской солдатке в годы Первой мировой войны (1914-1918 ГГ.) // Женщина в российском обществе. 2004. № 1-2. С. 57-71.
Он же. Российская солдатка: опыт реконструкции повседневной жизни в период войн России XIX -начала XX вв. Клио. 2003. № 2. С.241-250.
Энгл Барбара Алперн Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в первую мировую войну // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. №1. С. 148-178.

Ростовского уезда Ярославской губернии[105]. Также имеется ряд более кратких статей локального охвата по схожей тематике[106]. В них представлены основные направления и формы земской помощи семьям мобилизованных, однако вне связи с деятельностью волостных и приходских попечительств и местных отделений Елизаветинского комитета они не дают объективного представления о механизме социальной поддержки уязвимых категорий населения.

Рассматривая систему обеспечения семей призванных, историки отмечают сочетание в ней государственных и негосударственных акторов, однако представление об их соотношении, о взаимодействии правительственных, общественных и чисто благотворительных органов и объединений нуждается в дальнейшем изучении.

Становление российской гендерной истории, в частности, истории детства, обуславливает выделение в отдельную категорию детей-сирот Первой мировой войны и изучение реализуемой в их отношении политики. Развитие

---

[105] Степанов К.А. Деятельность Ростовского земства по оказанию помощи семьям нижних воинских чинов в годы Первой мировой войны // Земское самоуправление в истории России: к 150-летию земской реформы : Материалы Международной научно-практической конференции С.195-202.
Он же. Деятельность Ростовского земства по оказанию помощи нуждающимся в годы Первой мировой войны // История и культура Ростовской земли: Материалы XXIV научной конференции. Ростов: Издательство Ростовского музея-заповедника, 2014. С. 250-270.

[106] Цуканов Д.А. Организация социальной помощи в Воронежской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 4. С.123-126.
Шилова Р.Р. Деятельность земства Уфимской губернии по оказанию помощи нуждающимся в годы Первой мировой войны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. №11. С.26-30.
Алёхина Е.В. Участие Тамбовского земства в оказании помощи женщинам-солдаткам в годы Первой мировой войны // Женская повседневность в России в XVIII-XX вв.: Материалы международной научной конференции, 25 сентября 2003 года. С. 117-121.
Кравченко Е. В. Общество и война: организация помощи семьям запасных в 1914 г. (на примере г. Одессы) // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1914 год: от мира к войне. М., 2015. С. 317-325.
Bolotova E.Yu., Tretyak D.V. Implementation of the state policy of social support for the families of enlisted men in tsarist russia during the First World War // МНИЖ. 2021. №10-3 (112). P. 168-172.
Заяц Н.А. Деятельность Воронежского губернского земства в годы Первой мировой войны (1914–1917 годы) // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2016 № 2. С. 59-66.
Карманов Д. В. Воронежское земство: 1914–1918 гг. : дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2002.
Петровичева Е. М. Земства Центральной России в период первой мировой войны. - М., 2001. - 126 с.
Судавцов Н. Д. Земство в годы Первой мировой войны // Земское самоуправление в России. 1864–1918. М., 2005. Кн. 2. С. 237–316.
Герасимова Н.В. Земское самоуправление в 1914–1918 гг. на территории Чувашии.: дисс. … канд. ист. наук. М., 2002 223 с.
Солдатов Я.В. Казанское земство в период Первой мировой войны: историко-политический анализ: дисс. … канд. ист. наук. Казань, 2004. 216 с.
Алехина Е.В. Деятельность Тамбовского земства в годы Первой мировой войны: 1914–1918 гг.: дис. … канд. ист. наук. Тамбов, 2005. 197 с.

системы детского призрения в Российской империи в годы Первой мировой войны в настоящее время исследовано фрагментарно. Общая характеристика организации помощи детям в период Первой мировой войны представлена Г.Л. Микиртчан. Крупнейшими всероссийскими организациями детского призрения данного периода автор считает ВУИМ, РОКК и Императорское человеколюбивое общество. Упоминаются также городские участковые попечительства о бедных, Романовский и Алексеевский комитеты, Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества. Вслед за Н.М. Ивановой[107], на основании получения казённого финансирования Г.Л. Микиртчан определяет природу характеризуемых ею обществ как «*государственные благотворительные организации*». Область деятельности этих организаций и их взаимоотношения определены неточно, а работа в Елизаветинского комитета в области детского призрения осталась нераскрытой[108].

П.П. Щербинин и А.И. Чубаров ведущее место в помощи детям отводят Елизаветинскому, Алексеевскому и Романовскому комитетам[109]. Важным наблюдением является то, что правом на помощь располагали не только сироты или дети, потерявшие одного из родителей, но все нуждавшиеся дети призванных. В публикации М.А. Васильевой охарактеризованы организационные формы попечения о детях в Оренбургской губернии во время Первой мировой войны[110], при этом не разделены категории детей, пострадавших от войны, и подкидышей. Автор уделил значительное внимание позиции земства по «детскому вопросу», но не раскрыл взаимодействие

[107] Иванова Н. М. Милосердие и благотворительность в годы первой мировой войны 1914-1917 гг. (на материалах Петрограда): дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 243 с.
[108] Микиртичан Г.Л. Организационные технологии помощи детям в годы Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2014. №4. С.212-229.
Микиртичан Г.Л. Организация помощи детям в годы Первой мировой войны // Российский педиатрический журнал. 2014. №4. С. 61-64.
[109] Чубаров А.И., Щербинин П.П. Социальное призрение детей во время Первой мировой войны // Вестник Тамбовского государственного университета. 2020. №188. С. 195-201.
[110] Васильева, М. А. Социальная помощь сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, в годы первой мировой войны в Оренбургской губернии / М. А. Васильева // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2015. – № 2. – С. 472-487.

местного самоуправления с «*государственными благотворительными комитетами*», как автор именует Елизаветинский и Романовский комитеты.

Деятельность именных благотворительных комитетов в сфере детского призрения затронута в статьях Е.П. Баевой и Н.М. Ивановой, однако связь между ними и работой Совета по призрению не установлена[111]. Создание и деятельность Всероссийского попечительства по охране материнства и младенчества освещена в ряде статей, появившихся в связи со столетним юбилеем этого общества, и рассматривается в качестве важного этапа формирования системы охраны материнства и детства в России[112]. Становлению Романовского комитета для призрения сирот сельского состояния посвящена статья Н.Л. Матвеевой[113]. Автор отмечает совпадение целей Комитета и задач, выдвинутых на первый план военным временем, что включало его в систему Совета по призрению. В статье приводятся ценные сведения по финансовой стороне деятельности Романовского комитета, однако механизм его взаимоотношения с источниками и получателями денежных средств раскрыт недостаточно. Характеризуя различные формы призрения, практикуемые Романовским комитетом, Н.Л. Матвеева уделяет мало внимания наиболее перспективной из них – земледельческим приютам-колониям.

На фоне историографии российского беженства и помощи солдатским семьям, историография призрения инвалидов Великой войны отличается скудостью, характеризующей существующее в современном российском обществе отношение к людям с ограниченными возможностями. Между тем,

---

[111] Баева Е.П., Иванова Н.М. Благотворительные комитеты и Первая мировая война // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2006. №24. С. 48-52.
Баева Е.П., Иванова Н.М. Организация социальной помощи в годы Первой мировой войны // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2004. №17. С. 117-122.

[112] Микиртичан Г.Л. Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества: преемственность идей. (к 100-летию со дня основания) // Педиатр. 2013. №3. С.130-137.
Микиртичан Г.Л. К 100-летию со дня основания Всероссийского Попечительства об охране материнства и младенчества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2014. №1. С.260-274.
Колганова Е.В. Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2011. №6. С. 37-50.
Шерстнёва Е.В. Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества (к 100-летию со дня основания) // Вопросы современной педиатрии. 2013. №2. С. 150-152.

[113] Матвеева Н.Л. Из истории благотворительности в России. Романовский комитет в годы Первой мировой войны // Клио, 2005 №3 (30). С. 168-172.

парадигма социальной эксклюзии (исключенности) в отношении инвалидов, сложившаяся в советский период и сохраняющаяся до настоящего времени, имеет определённую, хотя и не прямую связь с теми процессами, которые зародились в этой сфере именно в годы Первой мировой войны.

Проведение в 2013 г. Международной научно-практической конференции «Инвалиды и война. Инвалиды Первой мировой войны: исторические и нравственные уроки»[114] показало слабый исследовательский интерес к этой проблематике. Тема инвалидизации и военной травмы оставалась одной из наименее привлекательных. Российским инвалидам были посвящены лишь выступления И.П. Павловой и М.В. Раттур[115], которые представляли отрывочные сведения о мероприятиях в пользу инвалидов, оцениваемых как благотворительная деятельность.

Первым исследователем, обратившим внимание на инвалидов Первой мировой войны как особую социальную страту, стал французский историк Александр Зумпф (Sumpf), который опубликовал несколько статей, посвящённых вопросам правового, экономического и социального статуса инвалидов войны в российском обществе[116]. При этом А. Зумпф приходит к заключению, что «*их (инвалидов войны) положение осложнялось тем, что в тылу, среди здоровых, они не могли предъявить какой-либо весомый личный военный подвиг, который мог бы оправдать то, что они перестали*

---

[114] Инвалиды Первой мировой войны: исторические и нравственные уроки: доклады и выступления участников II Международной научно-практической конференции «Инвалиды и война». М., 2013. 384 с.

[115] Павлова И.П. Инвалиды Первой мировой войны: государственная помощь и благотворительная поддержка // Инвалиды Первой мировой войны: исторические и нравственные уроки: доклады и выступления участников II Международной научно-практической конференции «Инвалиды и война». М., 2013. С. 17-21.

Раттур М.В. Социальная помощь семьям инвалидов Первой мировой войны в Российской империи // Инвалиды Первой мировой войны: исторические и нравственные уроки: доклады и выступления участников II Международной научно-практической конференции «Инвалиды и война». М., 2013. С. 22-26.

[116] Зумпф А. Инвалидность и экспертиза во время Первой мировой войны в России // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М., 2014. С.58-78.

Сумпф А. Российские инвалиды Первой мировой войны: жертвы прошлого и современная социальная группа? // Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX-середина XX в.: мате-риалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 17-20 июня 2013 г.) / С.-Петерб. ин-т истории РАН [и др. ; редкол.: Н. В. Михайлов отв. ред.) и др.]. - СПб, 2014. С. 297-311.

сражаться. Единственный их «подвиг» заключался в том, что они сумели выжить, но на взгляд тылового общества, этого было недостаточно»[117].

Этой позиции противостоит точка зрения, обоснованная Е.Е. Беловой. По её мнению, в последней четверти XIX - начале XX вв. общественная помощь раненым и инвалидам войны воспринимается как общественная обязанность, организация частной и общественной благотворительности в адрес этих групп активизируется в период войн и становится неотъемлемым элементом провинциальной повседневности[118].

Немецкий историк Беата Физелер замечает, что становление социальной помощи военным инвалидам, её выход за рамки благотворительности происходит быстрее, чем в отношении гражданских инвалидов. При этом Б. Физелер полагает, что ни государство, ни благотворительная общественность не имели достаточно средств для обеспечения нужд миллионной армии искалеченных, обезображенных и травмированных фронтовиков, вместе с которыми «*в города вселялись ужасы войны*». Охарактеризовав таким образом «стартовые условия», Б. Физелер посвящает основную часть своей статьи политике в отношении инвалидов первых трёх десятилетий советской власти[119]. Другие публикации Физелер позволяют провести сравнение между политикой в отношении инвалидов войны в военный период, практиковавшейся царским и советским режимами[120].

Развитие системы попечения о людях с инвалидностью в пореформенный период охарактеризовано в диссертации Т.А. Зальцман, которая хронологически охватывает и годы Первой мировой войны[121]. При этом, несмотря на то, что одной из исследовательских задач было изучение

---

[117] Сумпф А. Ук. соч. С. 306-307.

[118] Белова Е. Е. Культурно-исторический смысл общественного призрения русских военнослужащих последней четверти XIX – начала XX вв. (по материалам губерний Центральной промышленной области): автореф. дисс. … канд. ист. наук. Ярославль, 2014

[119] Физелер Б. Развитие государственной помощи инвалидам в России от поздней Российской империи до сталинской "революции сверху" // Опыт мировых войн в истории России: сборник статей.- Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 49-64.

[120] Физелер Б. «Нищие победители»: инвалиды Великой Отечественной войны в Советском Союзе // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа: сборник . М.: Неприкосновенный запас. 2005. С. 577-591.

[121] Зальцман Т.В. Становление и развитие системы помощи людям с инвалидностью в России (1861-1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 23 с.

специальной терминологии, используемой в работе с инвалидами, применительно к периоду Первой мировой войны автор говорит о «*социальной и медицинской помощи больным и раненым воинам*»[122], тогда как ключевой особенностью статуса инвалидов войны было именно то, что они не входили больше в ряды армии, соответственно, Военное ведомство снимало с себя ответственность за их дальнейшую судьбу. Тем не менее, Т.В. Зальцман отмечает, что масштабный военный конфликт способствовал поиску новых форм решения проблем людей с инвалидностью. Сделав вывод о том, что государственное регулирование выступает необходимым условием качества социальной политики, автор приходит к заключению, что становление системы помощи инвалидам войны было результатом деятельности государства и общественных организаций, при этом основное внимание в исследовании сосредоточено на деятельности Земского Союза и Союза Городов. Игнорирование роли Совета по призрению приводит к тому, что предлагаемая в диссертации периодизация мероприятий по оказанию помощи военно-увечным[123] не учитывает некоторые важные аспекты, в частности, включение попечения об инвалидах в сферу компетенции Совета по призрению в январе 1915 г.

Вопрос «приводных механизмов» становления организованного призрения инвалидов поднимает О.К. Охотникова[124]. В своей статье она анализирует общественную дискуссию относительно места военных инвалидов в социуме, форм необходимой им помощи и её источника. Автор связывает переход к реабилитационной модели социальной помощи с модернизационными процессами позднеимперской России. Вместе с тем, привлечение целого ряда прожектов, носящих частный и публицистический характер, не решает поставленной исследовательской задачи установления связи между публичной дискуссией (представленной далеко не полно) и

[122] Там же. С.11.
[123] Там же. С. 17.
[124] Охотникова О.К. «Увечные воины»: социальный статус военных инвалидов в российской публицистике 1914–1916-х годов // Россия и современный мир. 2022. №3 (116). С.40-60.

реализованными инициативами. К тому же, автор парадоксально игнорирует масштабный альтернативный официальному проект призрения военно-увечных, разработанный Земским Союзом.

В целом, детали организации системы призрения инвалидов войны в отечественной исторической науке пока не получили точного определения. П.П. Щербинин частично касается земской и благотворительной помощи жертвам войны, отмечая, что «*земцы и общественность вынашивали обширные планы оказания помощи увечным воинам*»[125], реализовать которые помешала революция. А.А. Смирнова и М.А. Смирнов прямо утверждают, что «*в начале XX в. в рамках реализации социальной политики в Российской империи активно развивалась система социальной помощи инвалидам*»[126]. Рассматривая функционирование этой системы в Вятской губернии в годы Первой мировой войны, авторы отмечают, что «*был предпринят комплекс социальных и экономических мер, направленных на реабилитацию и адаптацию инвалидов и на улучшение их благосостояния*», причём ключевую роль в организации взаимодействия власти и общества в интересах инвалидов приписывают губернатору, якобы располагавшему «*в рамках правового, надзорно-бюрократического, исполнительного и посреднического механизмов … компетенциями в сферах социальной защиты инвалидов*». Действительно, в Вятке был открыт один из крупнейших и лучших в России Дом инвалидов и сирот Великой войны[127], однако в действительности механизм его создания отличался от представленного в статье.

---

[125] Щербинин П.П. Особенности призрения военных инвалидов и членов их семей в России в XVIII – начале XX в. // Вестник ВГУ. 2005 № 2 С. 222–233; Щербинин П.П. Особенности призрения увечных воинов в России в XVIII – начале XX в. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005 С. 381–399.

[126] Смирнова А.А., Смирнов М.А. Оказание социальной помощи инвалидам в период Первой мировой войны (опыт взаимодействия власти и общественных организаций) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2018. №4. С. 628-633.
Смирнов М.А., Смирнова А.А. Деятельность губернской власти и общественных организаций Вятской губернии по оказанию социальной помощи населению в начальный период Первой мировой войны // Вестник ВятГУ. 2015. №12. С. 63-67.

[127] Артамонова Л.М. Замысел Дома инвалидов в общественной и культурной жизни провинциального города периода Первой мировой войны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. - 2017.- Т. 23.- № 2.- С. 14-18.

Отдельное место в историографии инвалидности Первой мировой войны занимает такая деликатная тема, как душевнобольные воины. Им посвящено всего несколько публикаций; между тем, период Первой мировой войны стал важным этапом в понимании природы психических и неврологических отклонений. В годы войны проблема диагностики и лечения психического расстройства, статуса душевнобольных инвалидов войны приобрела самостоятельное значение. Перед психиатрами воюющих сторон стояла задача установления причинно-следственной связи между психическим заболеванием солдата и условиями боевых действий. В случае положительного заключения душевнобольной воин получал статус инвалида войны и право на государственное призрение. Исследования, посвящённые отечественной психиатрии периода Первой мировой войны[128], концентрируют своё внимание на профессиональной полемике вокруг связи душевных болезней военнослужащих – особенно знаменитой «воздушной контузии» (шелл-шока) – с обстоятельствами боевых действий, выявлении их органической либо психогенной природы.

Трансформации различных подходов к решению этого вопроса посвящена программная статья И.Е. Сироткиной[129]. Взгляды главного врача одного из передовых психиатрических лечебных заведений своего времени – Орловской губернской психиатрической больницы представляет О.Ю. Казакова[130]. Из этих публикаций можно почерпнуть отдельные замечания (не всегда верные и исчерпывающие) и об организации психиатрической помощи душевнобольным воинам в годы Первой мировой войны.

Как можно заметить, в историографии социальной помощи Первой мировой войны конкурируют исследовательские подходы, основанные на изучении комплекса мер помощи отдельным категориям пострадавших, и исследования вклада различных субъектов оказания помощи. Л.А. Булгакова

---

[128] Александровский Ю.А. История отечественной психиатрии: в 3 т.- Т.1. - М.: ИД «Городец», 2020. - 408 с.
[129] Сироткина И.Е. Российские психиатры на Первой мировой войне // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 326-344.
[130] Казакова О.Ю. Первая мировая война и развитие отечественной психиатрии // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Т.116. № 3. 2016. С.68-72.

представляет периодизацию развития системы социальной помощи в зависимости от её акторов: до создания Приказов общественного призрения единственным оператором благотворительной активности была церковь, на первом этапе к ней добавились государственные и сословные структуры, в пореформенный период – органы местного самоуправления, и после либерализации законодательства в 1906 г. – общественные организации[131].

Основными элементами структуры социальной помощи жертвам войны на местах была сеть отделений Елизаветинского комитета и органы земского и городского самоуправления. В целом, для российского местного самоуправления годы Первой мировой войны стали важнейшим этапом развития. В публикациях, посвящённых истории местного самоуправления этого периода[132], отмечается его участие в мобилизации тыла, преимущественно – в организации помощи раненым и заготовке продовольствия для армии. Немногочисленные обобщающие работы по истории земства и ещё более редкие труды, посвящённые городскому самоуправлению, хронологически охватывающие период Первой мировой войны[133], уделяют большое внимание политизации местного самоуправления, нашедшей выражение в конфликте между правительством и центральными органами ВЗС и ВСГ. Деятельность земств и городов по мобилизации тыла рассматривается в этих работах как один из сюжетов, наряду с общими принципами организации местного самоуправления, полемикой о введении

---

[131] Проблемы интеграции в сфере социальной помощи в дореволюционной России // Благотворительность в России: Социальные и исторические исследования. СПб.: «Лики России», 2001. С. 313.

[132] Рыбков А. Г., Фетисов П. Л. Деятельность Пензенского земства в годы первой мировой войны // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. №3 (42). С.124-127.
Тарабрин Е.Г. Рязанское земство и первая мировая война // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2010. №26. С. 46-53.
Кобзева Т.А. Земства среднего Поволжья в годы Первой мировой войны (на материалах Симбирской губернии) // Власть. 2014. №2. С. 170-173.
Судавцов Н.Д. Ставропольское земство в годы первой мировой войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. №4. С. 68-73.
Молодчик А.В., Нагорная М.С. Деятельность органов земского самоуправления на Южном Урале в условиях Первой мировой войны // Управление в современных системах. 2014. №3. С. 3-16.

[133] Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. – М.: Наука, 1990. – 262 с.
Судавцов Н.Д. Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны - М.; Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2001. - 718 с.
Жукова Л. А. Взаимодействие властных структур и органов земского самоуправления в России 1864-1917 гг. М.: Б\и, 2000. 68 с.
Петровичева Е.М. Земства Центральной России в период первой мировой войны. – М.: Б/и, 2001. - 126 с.

мелкой земской единицы, мерами в области здравоохранения и образования, что зачастую выводит из области рассмотрения земское и городское участие в помощи солдатским семьям. Так, в диссертации и монографии Н.Д. Судавцова рассмотрено участие органов местного самоуправления в решении социально-экономических проблем, при этом основное внимание уделено работе на оборону и поддержанию потребительского рынка, упомянута деятельность в сфере образования и здравоохранения, а социальные вопросы остались незатронутыми. Между тем, Л.Б. Булгакова уверена, что земствам принадлежала ведущая роль в работе волостных попечительств о солдатских семьях, которые играли роль «суррогата» мелкой земской единицы[134]. Этот взгляд также не вполне объективен, прежде всего потому (как будет показано нами далее), что волостные попечительства в массе своей не стали инструментами индивидуализации помощи, ограничиваясь раздачей пайков, а участие земств в их работе не было непосредственным. Кроме того, формы участия земств в помощи солдатским семьям были более многообразными.

Е.М. Петровичева рассматривает земское призрение в период войны, отмечая, что правительство привлекало органы самоуправления к решению насущных задач помощи инвалидам и сиротам войны, приводит пример создания земствами соответствующих учреждений[135], однако не раскрывает организационных механизмов взаимодействия в этом отношении с другими структурами, не касается помощи семьям мобилизованных.

Более объёмно новые, обусловленные войной функции земств могли получить освещение во второй книге фундаментального труда «Земское самоуправление в России, 1864-1918»[136]. Однако здесь деятельность местного самоуправления в пользу солдатских семей очерчена скупо и фрагментарно, без анализа её механизмов. Взаимодействия местного самоуправления с

---

[134] Булгакова Л.А. Привилегированные бедняки... С. 435-436.
[135] Петровичева Е. М. Земское самоуправление Центральной России в 1906–1918 гг.: эволюция на последних этапах деятельности.: дисс. … доктора ист. наук. М., 2003. С.211-234.
[136] Земское самоуправление в России, 1864-1918 : в 2 кн. / [редкол.: Н. Г. Королева (отв. ред.), А. П. Корелин, Л. Ф. Писарькова]. - Москва : Наука, 2005- (СПб. : ГУП Тип. Наука). Кн. 2 : 1905-1918. - 2005. - 384 с.

Елизаветинским комитетом не упоминается, относительно участия земств в призрении инвалидов назван только проект ВЗС.

Несколько диссертационных исследований посвящены изучению регионального опыта местного самоуправления периода Первой мировой войны[137]. Их авторы отмечают новые направления работы земств в социальной сфере, однако не принимают во внимание ряд важных практических аспектов взаимодействия органов самоуправления с государственными и окологосударственными структурами, что не позволяет дать адекватную оценку этой активности с позиций решения задач государственного управления в социальной сфере.

Ещё больше диссертаций, посвящённых истории местного самоуправления, включают Первую мировую войну в свои хронологические рамки[138]. При этом расширение тематического охвата таких работ приводит к

---

[137] Герасимова Н.В. Земское самоуправление в 1914-1918 гг. на территории Чувашии: автореф. дисс. … канд. ист. наук. М., 2002. 29 с.
Карманов Д.К. Воронежское земство: 1914–1918: автореф. дисс. … канд. ист. наук. Воронеж, 2002. 22 с.
Горлова Т.В. Эволюция местного самоуправления в Курской губернии : 1890 - октябрь 1917 гг. : автореф.дисс. ... кандидата исторических наук. - Курск, 2010. - 27 с.
Гавриков Ф. А. Города российской провинции в условиях Первой мировой войны (на примере Курской губернии) : дисс. ... канд. ист. наук. – 307 с.
Забелин П.В. Местное самоуправление в годы Первой мировой войны: новые направления деятельности (на материалах Смоленской губернии): автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2013. 23 с.

[138] Коннова Л.А. Деятельность земств на территории Мордовии в 1890-1918 гг. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - Саранск, Николаев Д.А. Нижегородское земство в 1865–1918 гг.: обзор хозяйственной деятельности и анализ социально-политических инициатив: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1999. 19 с.
Нагорная М.С. Земское самоуправление на Южном Урале накануне и в годы Первой мировой войны : 1913 - февраль 1917 гг. : дисс. ... канд. ист. наук. - Курган, 1999. - 206 с.
Субботина А.М. Земство в Удмуртии, 1867-1918 гг. : дисс. … канд. ист. наук. - Ижевск, 2000. - 301 с.
Чирков М.С. Земство и власть в России. 1890 - февраль 1917 гг. : По материалам Самарской губернии : дисс. ... канд. ист. наук. - Самара, 2000. - 197 с.
Солдатов Я. В. Казанское земство в годы Первой мировой войны: Историко-политологический анализ : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - Казань, 2004. 28 с.
Ростова Т.А. Земство Симбирской губернии в 1905 - начале 1918 г. : автореф. дисс. … канд. ист. наук. Ульяновск, 2005. 22 с.
Севастьянов С.А. Земское самоуправление в Уфимской губернии : 1874-1917 : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - Уфа, 2005. - 25 с.
Филипцева С.В. Организация деятельности земских учреждений в Воронежской губернии : 1865-1918 гг. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - Тамбов, 2009. - 23 с.
Семенченко И.В. Деятельность земств на Урале : 1900-1919 гг. : дисс. ... доктора ист. наук. - Оренбург, 2010. - 459 с.
Суханова О.Н. Калужское земство в годы Первой мировой войны: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владимир, 2012. 22 с.
Патрушев А.В. Вятское земство накануне и в годы Первой мировой войны : дисс. ... канд. исторических наук : Йошкар-Ола, 2016. - 179 с.
Азаматова Г.Б. Земское самоуправление в многонациональном регионе России : на примере Уфимской губернии, 1874-1917 гг. : дисс. ... доктора ист. наук :. - Уфа, 2018. - 586 с.

тому, что социальные аспекты деятельности земств в годы войны оказываются обойдёнными вниманием. Зачастую провинциальные историки стараются оценивать деятельность органов местного самоуправления и местных структур их всероссийских объединений через призму противостояния «власти» и «общественности», игнорируя многообразные механизмы их взаимодействия в социальной сфере. Пожалуй, только Н.А. Заяц, рассматривая на примере Воронежской губернии деятельность местного самоуправления в годы войны параллельно с деятельностью губернской администрации[139], пришёл к важному и интересному выводу, что после создания Особых Совещаний значение Земского и Городского союзов упало, и в своей практической деятельности местное самоуправление начало дистанцироваться от Союзов, ориентируясь на государственное финансирование[140].

Следует отметить фактографичность локальных исследований, подчас слабую осведомлённость авторов об особенностях общероссийской системы социальной помощи, что ведёт к неверным трактовкам фактов и неточностям.

Елизаветинскому комитету принадлежала центральная роль в оказании разнообразных видов помощи солдатским семьям в дополнение к казённому пайку. Однако эта сторона общественной деятельности великой княгини Елизаветы Фёдоровны до настоящего времени не получила должной оценки и признания. В книге И.К. Кучмаевой «Когда жизнь истинствует...: Культура благотворения Великой княгини Елисаветы Феодоровны»[141] самостоятельный раздел посвящён Елизаветинскому комитету. Однако он не содержит подробностей о создании Комитета, образовании его отделений, финансировании и распределении ассигнований – между тем, именно эти сведения способны определить место Елизаветинского комитета в системе помощи жертвам войны, его отношения с государством. Автор делает акцент

---

[139] Заяц Н.А. Кризис государственного управления и организация новых властных структур Воронежской губернии в 1914-1918 гг. : дисс. … канд. ист. наук. - Воронеж, 2017. - 404 с.
[140] Заяц Н.А. Кризис государственного управления и организация новых властных структур Воронежской губернии в 1914-1918 гг. : дисс. ... канд. ист. наук . - Воронеж, 2017. – С. 93-94.
[141] Кучмаева И.К. Когда жизнь истинствует...: Культура благотворения Великой княгини Елисаветы Феодоровны. М.: Индрик, 2008. 363 с.

на благотворительном, религиозно обусловленном характере социального служения великой княгини, что не позволяет в полной мере раскрыть значение деятельности такой крупной организации, как Елизаветинский комитет, в масштабах страны, применительно к задачам социальной политики, поставленным войной.

Другие работы, также посвящённые благотворительной деятельности Елизаветы Фёдоровны, концентрируются на её личности и уделяют периоду Первой мировой войны ещё меньше внимания. В диссертационном исследовании Л.Б. Максимовой Первой мировой войне посвящён подраздел параграфа «Благотворительная помощь населению в экстремальных ситуациях» [142] (имеются в виду голод и войны). Работа ставит своей задачей анализ личного участие великой княгини в создании благотворительных учреждений в России в связи с войнами, определение принципов, форм и методов устройства этих благотворительных учреждений, однако в полной мере эти задачи реализованы лишь в отношении довоенных учреждений. Посвящённый Первой мировой раздел содержит только хронологию различных инициатив и мероприятий с участием великой княгини. Вместе с тем, автор вводит в научный оборот чрезвычайно важный материал дневниковых записей П.А. Базилевского – товарища председательницы Московского комитета по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, раскрывающий иерархию взаимоотношений между Комитетом и Верховным Советом по призрению.

В диссертационном исследовании П.В. Волошун также объединены благотворительная деятельность Елизаветы Фёдоровны в отношении «мужчин-воинов» и членов их семей в годы русско-японской и Первой мировой войн. Объектом исследования в этой работе выступает личность великой княгини, тем не менее, автор включает в число своих исследовательских задач изучение методов организации ею

[142] Максимова Л.Б. Вклад Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны в благотворительное движение России конца XIX - начала XX века : дисс. … канд. ист. наук. М., 1998. 229 с.

благотворительных учреждений, их целей и задач деятельности, структуры, схемы финансирования и системы отчётности[143]. Применительно к периоду Первой мировой войны характеристика деятельности Елизаветы Фёдоровны и курируемой ею структуры основана на единственном источнике – Кратком обзоре деятельности Комитета великой княгини Елизаветы Фёдоровны.

Новейшей работой на эту тему является диссертация Е.Ю. Ковальской, представляющая развёрнутый анализ устройства, деятельности и правового статуса организаций, работавших под началом великой княгини[144]. Не выводя их природу за рамки благотворительности, автор уделяет особое внимание периоду Первой мировой войны, относя его, наряду с годами русско-японской войны, к «военной» благотворительности. Внимание исследовательницы концентрируется на Москве, так как именно здесь находилась большая часть из патронируемых Елизаветой Фёдоровной организаций. Такая точка зрения приводит к тому, что самая крупная и значимая из подобных организаций – Елизаветинский комитет – охарактеризована поверхностно. Характер Елизаветинского комитета определён как государственно-общественный на основании того, что в состав его руководящего органа включались государственные чиновники. Неверно представлен порядок организации и организационная структура Комитета.

К.А. Степанов подробно характеризует процесс создания провинциальной сети Елизаветинского комитета и взаимодействие между губернским отделением и уездными комиссиями на примере Ростовского уезда Ярославской губернии[145]. В статье, рассказывающей о работе Елизаветинского комитета в Области войска Донского подчёркивается роль отделения как координирующего центра разнообразных мер помощи семьям призванных[146].

---

[143] Волошун П.В. Благотворительная деятельность как сфера повседневной жизни великой княгини Елизаветы Фёдоровны в России конца XIX - начала XX века : дисс. … канд. ист. наук. Тверь, 2014. 204 с.
[144] Ковальская Е.Ю. Благотворительные организации великой княгини Елизаветы Фёдоровны : руководство, структура, источники финансирования, жертвователи (1884–1918) : дисс. ... канд. ист. наук . - Москва, 2022. - 457 с.
[145] Степанов К.А. Ростовская уездная комиссия Елизаветинского Комитета в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2013. № 5. С. 144–153.
[146] Рылова Н.Е. Лобова В.В. Донское отделение Комитета великой княгини Елизаветы Фёдоровны // Былые годы. 2018. Т.48. №2. С. 850-860.

Публикация содержит ценные сведения о предполагавшейся Советом по призрению регистрации нуждающихся семей, которая должна была осуществляться Елизаветинским комитетом.

М.В. Оськин характеризует Елизаветинский комитет как «*общественную организацию с государственной поддержкой*»[147]. В статье не проведено разграничения деятельности собственно отделений Комитета, губернаторов по линии МВД, крестьянских общин, земств. Однако автор делает важный вывод о том, что к осени 1915 г. соединение двух тенденций: сокращения частной благотворительности ввиду падения уровня жизни и роста числа нуждающихся в помощи по причине новых призывов и появления беженства – привело к тому, что провинциальные отделения Елизаветинского комитета больше не могли удовлетворяться местными средствами и попали в зависимость от субсидий центра.

В перечисленных публикациях представлено разнообразие видов помощи, получаемой солдатскими семьями при посредничестве Елизаветинского комитета, однако порядок её организации, взаимодействия местных и центральных органов Комитета, взаимодействие Елизаветинского комитета с властью, самоуправлением, благотворительными организациями и благотворителями нуждается в дальнейшем исследовании.

Неожиданно предметом специального научного интереса, вызванного оживлением молодёжной политики в современной России, стал опыт деятельности ученических трудовых дружин, работавших на крестьянских полях в годы Первой мировой войны. Появился целый ряд статей, посвящённых этому забытому явлению. Авторы реконструируют быт их участников, их взаимоотношения с крестьянами в рамках микроистории и истории повседневности.

---

[147] Оськин М.В. Поддержка беднейших слоев населения Центральной России в годы Первой мировой войны (1914-1916) (на примере Елизаветинского комитета) // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2018. №80. С. 107-120.

Более 20-ти публикаций, посвящённых разным сторонам деятельности трудовых дружин, принадлежит В.В. Карповой[148]. Они освещают работу дружин учебных заведений, подведомственных Министерству народного просвещения, из-за чего получило распространение неверное мнение о стихийном характере появления трудовых дружин, о первенстве учебных заведений белорусских губерний в этом деле. Между тем, инициатором привлечения учащихся к помощи крестьянским хозяйствам следует считать Главное управление землеустройства и земледелия и сельскохозяйственные учебные заведения. Н.И. Горлова рассматривала опыт трудовых дружин в контексте волонтёрства[149], а Н.В. Тарасова – как воспитательную педагогическую технологию[150]. А.И. Потворов принял попытку выявить роль военных властей в появлении трудовых дружин, рассматривая это явление как

---

[148] Карпова В.В. «Встреча города и деревни»: опыт взаимодействия школьников и сельского населения в годы Первой мировой войны (на примере деятельности сельскохозяйственных ученических дружин) // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность : материалы междунар. науч. конф., 14—16 марта 2019 г. / отв. ред. В. А. Веременко. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. Т. 2. С. 37—43.
Карпова В.В. Деятельность трудовых дружин Владимирской губернии на полях семей воинов, призванных в годы Первой мировой войны // Клио. 2019. № 2. С. 71-78.
Карпова В.В. К вопросу о рентабельности деятельности ученических трудовых дружин в годы Первой мировой войны (1915—17 гг.) // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность : материалы междунар. науч. конф., 17—19 марта 2016 г. / под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова ; отв. ред. В. А. Веременко. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. С. 370-377.
Карпова В.В. «Северопомощь» и организация трудовых дружин учащихся в Виленском учебном округе в 1916 г. // Клио. 2018. № 4 (136). С. 108—113.
Карпова В.В., Семенова Л.Н. Организация деятельности трудовых дружин учащихся общеобразовательных учебных заведений в Петроградской губернии в 1915 г. // Судьба детей военной поры: документы, воспоминания, историография : материалы междунар. науч.-практ. конф., 23—24 апр. 2015 г. Курск : КурскийГУ, 2015. С. 49—54. и многие другие.

[149] Горлова Н.И. Источники по исследованию ученических трудовых дружин как формы волонтерской деятельности молодежи в годы Первой мировой войны (по материалам Центрального государственного архива города Москвы) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (28). С. 113—123.
Горлова Н.И. История возникновения и развития добровольных трудовых дружин учащихся как формы волонтерской деятельности молодежи на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник ТГПУ. 2018. № 5 (194). С. 123-128.

[150] Тарасова Н.В. Трудовая помощь российских школьников в годы Первой мировой войны // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2013. № 1 (70). С. 133-141.
Тарасова Н.В. Трудовая помощь школьников в военные годы как одна из форм патриотического воспитания в России второй половины XIX – начала XX вв. // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 4-3 (43). С. 202-206.
Тарасова Н.В., Кузнецова А.А., Бойко Е.И. Формирование созидательной культуры школьников в России в годы Первой мировой войны // В сборнике: Культура мира и ненасилия подрастающего поколения: ракурсы интерпретации и педагогические условия развития. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции. Отв. редактор С.И. Беленцов. 2020. С. 106-108.

способ мобилизации трудового потенциала[151]. Целую серию публикаций посвятил трудовым дружинам Алтая и Западной Сибири В.С. Сулимов[152]. Несколько авторов также представляют региональный опыт работы ученических трудовых дружин[153].

Как и в более широком контексте, спорным является вопрос об отнесении этой формы поддержки семей мобилизованных к благотворительности или же к сфере государственной социальной политики. Д.Ю. и Ю.Г. Листопадовы характеризуют трудовые дружины учащихся как результат совместных действий государственных и общественных структур, а инициативу устройства таких дружин отдают ГУЗиЗ[154]. В.В. Карпова настаивает на том, что движение трудовых дружин является формой благотворительной активности, истоки которой обнаруживаются среди учащихся Минской губернии летом 1914 года. Н.И. Горлова называет трудовые

---

[151] Потворов А.И. Сельскохозяйственные дружины учащихся как элемент трудовой мобилизации в годы Первой мировой войны // Вестник государственного и муниципального управления № 3 (45) 2022. С.69-77.

[152] Сулимов В. С. Трудовые дружины учащихся школ Алтайского округа в 1915 году // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 4 (29). С. 172—174.

Сулимов В. С. Трудовые дружины учащихся школ Алтайского округа в 1916 году // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 5 (30). С. 282—284.

Сулимов В. С. Трудовые дружины учащихся школ Новониколаевска в 1916 г. // Образование в истории, история в образовании : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. «Интеграция исторического и образовательного пространства» / под ред. В. А. Зверева. Новосибирск : НГПУ, 2011. С. 247—254.

Сулимов В. С. Движение трудовых дружин учащихся школ Западной Сибири в 1915 г. (на примере Барнаула) // Сибирский пед. журнал. 2011 № 2 С. 190–195.

Сулимов В.С. Движение трудовых дружин в Тобольске в годы Первой мировой войны // Зыряновские чтения. материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2008. С. 69-70.

Сулимов В.С. Трудовые дружины учащихся школ Омска в годы Первой мировой войны // Научные труды Тобольской комплексной научной станции УрО РАН. Тобольск, 2011. С. 119-131.

[153] Гордиенко О. Н. Организация трудовых дружин учащихся в помощь солдатским семьям на территории Алтайского округа в годы Первой мировой войны // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. Вып. 3. С. 83—85.

Лаврова Л.А. Деятельность трудовых дружин Красноуфимского промышленного училища в годы Первой мировой войны (1915—1916 гг.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.bibl-krasnoufimsk.ru/index.php/materialy-muzeya/429-deyatelnost-trudovykh-druzhin.

Минакова В.П. К истории организации в России движения трудовых ученических дружин. Воронеж: АОНО «ИММиФ», 2002. 15 с.

Сергеев В.В. Организация и деятельность трудовых дружин учащихся в помощь солдатским семьям на территории Кузнецкого уезда Саратовской губернии в период Первой мировой войны // Первая мировая война в истории российской нации : сб. науч. статей междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию начала Первой мировой войны, г. Пенза, 10—11 июня 2014 г. / под общ. ред. О. А. Суховой, О. В. Ягова. Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 147—148.

[154] Листопадов Ю.Г., Листопадов Д.Ю. Деятельность трудовых дружин учащихся во время Первой мировой войны (взаимодействие государственных и общественных структур) // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков. материалы XIV Международной научной конференции: в 2 ч.. 2015. С. 409-415.

дружины формой мобилизационной и молодёжной политики государства. Разрешению этого вопроса могло бы помочь тщательное исследование порядка организации, регламентации и финансирования трудовых дружин.

Иностранные авторы обращаются к проблематике развития социальной сферы в Российской империи в связи с вопросами становления гражданского общества и модернизации общественных отношений. Наибольшее внимание западных исследователей привлекают добровольные объединения (Voluntary Associations) в социальной сфере, появление и деятельность которых вписывается в широкий контекст становления в России политической нации[155].

Адель Линденмайер (Lindenmyer)[156] исследует формы помощи бедным и частную благотворительность в России, ставит перспективные вопросы дальнейшего развития этой темы в контексте эволюции политической культуры, включающей представления общества и правящей элиты о социальном неравенстве, социальной иерархии, социальной справедливости и социальной стабильности. А. Линденмайер подвергает сомнению противопоставление частной благотворительности и государства всеобщего благосостояния в рамках модернизационной концепции. В частности, во время Первой мировой войны государственные и частные организации, муниципальные попечительства объединили усилия для оказания помощи нуждавшимся; их дело, как замечает Линденмайер, являлось национальным, патриотическим и общественным, при этом финансовые ресурсы поступали из

---

[155] Bradley, Joseph Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2009., 366 pp.
Paul van Dijk Assemblies, Associations and Autocracy: on civil society in imperial Russia, 1850-1917: Research Tutorial. Geesteswetenschappen: Utrecht University, 2014. 27 p.

[156] Lindenmyer A. Poverty Is Not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia. Princeton. Princeton University Press. 1996. XIV + 335 p.;
Lindenmyer A. Public Life, Private Virtues: Women in Russian Charity, 1762-1914 // Journal of Women in Culture and Society Volume 18, Number 3. P. 562-591.
Lindenmyer A. Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies, Issue: 807. - Pittsburgh (Pa) : Univ. of Pittsburgh, 1990. - 1990, Pp. 1-44.
Линденмайер А. Открывая Атлантиду: тенденции и перспективы изучения истории российской благотворительности // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. - СПб.: Нестор-История, 2008. С. 95-107.

разных источников. Она ставит вопрос о природе благотворительных организаций, которые находились под опекой квазигосударственных структур, также как и других специфически российских форм социальной помощи[157].

Мелисса Стокдейл (Stockdale) рассматривает различные механизмы общественной мобилизации и нациестроительства в период Первой мировой войны[158]. Делая акцент на массовой пропаганде, М. Стокдейл упоминает также и правительственные мероприятия, направленные на укрепление единения монарха и подданых. Частично тему политической активности общественных объединений исследуемого периода затрагивают такие историки-русисты, как Эрик Лор (Lohr)[159], Джошуа Санборн (Sanborn)[160], Питер Холквист (Holquist)[161].

Теме тотальной мобилизации и её механизмам посвящена публикация П. Холквиста «Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914-1921) в европейском контексте»[162], в которой он отмечает соединение усилий государства и образованного общества в мобилизации социальных ресурсов, приходя к выводу, что для ведения тотальной войны необходима самоорганизация общества «через войну и во имя войны». В своей монографии Холквист развивает эти взгляды, реконструируя политическую историю социальных движений и взаимодействия государственной политики и местной практики, власти и общества в чрезвычайных условиях, однако делает это на примере донского казачества. Тем не менее, заслуживает

---

[157] Линденмайер А. Открывая Атлантиду: тенденции и перспективы изучения истории российской благотворительности // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. - СПб.: Нестор-История, 2008. С. 95-107. С. 96-97.

[158] Stockdale, Melissa Kirschke Mobilizing the Russian nation: patriotism and citizenship in the First World War [Текст] / Melissa Kirschke Stockdale. - Cambridge : Cambridge univ. press, 2016. - XVII, 284 с.

[159] Lohr Eric Nationalizing the Russian Empire: The Campaign Against Enemy Aliens During World War I.- Harvard University Press, 2003 г. – 237 p.
Лор, Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против. «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / Эрик Лор; перевод с английского В. Макарова. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 304 с.

[160] Sanborn, Joshua A. Drafting the Russian nation : military conscription, total war, and mass politics, 1905-1925 / Joshua A. Sanborn. - DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 2003. - 278 с.

[161] Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914 - 1921. Harvard University Press. Cambridge, Lnd. 2002. 360 p.

[162] Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914 - 1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. коллоквиума, 1- 5 июня 1998 г. / отв. ред. Н.Н. Смирнов.- СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С.83-101.

внимание наблюдение автора о том, что каналом политического участия стали возникшие под влиянием военного фактора полугосударственные-полуобщественные «парагосударственные» институты, действовавшие в экономической и социальной сфере. В их составе власть и общественность пересекались, и они смогли стать для альтернативной политической элиты «лестницей» для восхождения к власти.

Касаясь роли армии и военной службы в нациестроительстве, Дж. Санборн затрагивает вопрос об обеспечении семей мобилизованных. Он отмечает, что гарантия обеспечения пайком солдатских семей по Закону 1912 года коренным образом меняла представление о взаимных обязательствах монарха и подданых: мужчина был обязан нести военную службу, но взамен государство обязано было содержать его семью.

Питер Гатрелл (Gatrell) специализируется на проблемах вынужденной мобильности эпохи Первой мировой войны. Также ему принадлежит рассмотрение в более широкой перспективе социальных и экономических аспектов участия России в Первой мировой войне[163]. Социальные аспекты темы раскрыты автором в главах, описывающих стратегии образованных элит, низших классов и властей как «трёх полюсов» «старого режима» в военных условиях. Автор связывает мотивацию личной жертвенности и общей «легитимности войны» с понятием гражданственности. Констатируя, что война обостряла социальную конфликтность общественных отношений, П. Гатрелл раскрывает её через экономические проблемы и политические разногласия, подчёркивая, что военные неудачи и экономические трудности расшатывали легитимность официальной власти и повышали доверие к её оппонентам. При этом Гатрелл отмечает функциональное сотрудничество коронной администрации с Земским Союзом и Союзом Городов. В целом в работе экономическая проблематика раскрыта более подробно, нежели социальная. Возвращаясь к теме пропаганды, национальной политики и

[163] Gatrell, Peter: Russia's First World War. A social and economic history.- Harlow: Pearson/Longman, 2005.- 318 p.

управления военной экономикой в обширной статье «Царская Россия на войне: взгляд сверху, 1914-1917»[164], Гатрелл употребляет применительно к российской власти эпитет «склеротичная автократия», что указывает на его ангажированность.

В итоговой статье к коллективной монографии «Российский тыл в войне и революции, 1914-19122»[165], подчёркивая дробность социальных миров тыловой повседневности, Дж. Санборн полагает, что общей для социальной активности была идеология прогрессизма, требовавшая модернизации общественных отношений ради решения социальных проблем. Эту модель он противопоставляет принятой концепции конфликта автократического государства и публичной сферы. Технократический в своей сути, прогрессизм позволяет выделить определённое совпадение целей власти и общественности. Эта мысль развивает применительно к периоду Первой мировой войны идеи, высказанные в более широком контексте исследователем сталинского СССР Дэвидом Хоффманом (Hofmann), который отмечал определённую преемственность в социальной политике советского и предреволюционного периода[166]. По мнению Хоффмана, идеология вмешательства властей в общественную жизнь исходила из общего для государств эпохи модерна представления о рациональной трансформации общества. При этом констатируется, что Первая мировая война, как в России, так и в других странах-участницах, сыграла решающую роль в становлении национальных систем социального регулирования, основанного на принципах заботы и контроля. При этом идейное обеспечение социальной помощи в обществе модерна, как показывает Д. Хоффман, ориентировано не на реализацию прав индивида, а на купирование социальных дисфункций (своеобразную «социальную гигиену»). Ориентация на «защиту общества»

[164] Gatrell, Peter Tsarist Russia at War: The View from Above, 1914–February 1917 // The Journal of Modern History 2015 87(3): Pp. 668-700.
[165] Russia's Home Front in War and Revolution, 1914-22 / edited by Adele Lindenmeyr, Christopher Read, and Peter Waldron Indiana: Slavica Publishers, 2016. Входит в издательскую серию «Russia’s Great War and Revolution».
[166] Hofmann, David L. Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939 .-Ithaca, NY: Cornell University Press, 2011.- 344 p.

делала объектами государственной политики поощрения или ограничения целые социальные группы и слои.

В упомянутой выше коллективной монографии Джуду Рихтеру (Richter) принадлежит обзор «Благотворительность и социальное обеспечение в России, 1914-1918»[167]. В нём автор констатирует общий с другими участниками войны рост потребности в социальной помощи, отмечает беспрецедентную централизованность социальных служб и в целом рассматривает войну как период трансформации российской филантропии и социального обеспечения. Автор отмечает, что благотворительное участие служило выражением гражданской солидарности, описываясь в патриотических терминах. Интересным является также наблюдение, что разворачивавшиеся в ходе войны процессы лежали в русле ожиданий и надежд сторонников реформы благотворительности на принципах рационализации и централизации, которые, вместе с тем, опасались попасть в подчинение «мертвящего бюрократического начала». Вместе с тем, в своём очерке Дж. Рихтер опирается на известные работы российских историков – И.П. Павловой, Н.Л. Матвеевой, Л.А. Булгаковой, а также материалы журналов «Трудовая помощь» и «Призрение и благотворительность в России», не вводя в научный оборот нового фактического материала. По нашему мнению, констатация «*кризиса социального обеспечения, вызванного войной*» выглядит поспешной и недостаточно аргументированной. Уделено внимание созданию Совета по призрению, однако его структура и функции, по-видимому, остались непонятыми автором.

Можно заметить, что военная благотворительность как финальный аккорд в развитии дореволюционной отечественной благотворительности постепенно обособляется в самостоятельную сферу изучения, при этом её историографии характерен мозаичный характер освещения вопросов. Обращает на себя внимание малое количество монографических работ и

[167] Richter Jude Philanthropy and Welfare in Russia, 1914–18 // Russia's Home Front in War and Revolution, 1914-22 / edited by Adele Lindenmeyr, Christopher Read, and Peter Waldron Indiana: Slavica Publishers, 2016. Pp. 11-30.

тематических сборников в исследуемой области, причём основная масса работ были выполнены в 2000-2010-е годы. Ими был введен в научный оборот значительный массив фактов, позволяющих составить представление о реализации различных мер поддержки, т.е. о функционировании системы социальной помощи. Вместе с тем, организационно-структурные аспекты, прежде всего межведомственное взаимодействие между правительственными, квазигосударственными, общественными и частными органами, нуждается в дальнейшей детализации и систематизации. Можно заметить некритический подход и недостаточную концептуализацию проблем становления социальной помощи. Такое положение актуализирует задачу перехода с уровня «микроистории» на макроуровень – обобщения, систематизации и концептуализации накопленного знания.

1.3 Источники изучения системы социальной помощи жертвам войны

Исследование базируется на официальных делопроизводственных материалах, связанных с работой структур, вовлечённых в единую систему социальной помощи жертвам войны.

Первую группу источников исследования составляют ***нормативные акты***, регламентировавшие правовой статус жертв войны и организацию мер их поддержки. Общий обзор законодательных основ государственной политики в области общественного призрения в России представлен С.Ч. Мантуровой[168]. Автор предпринял попытку систематизации и структурирования нормативных документов, представленных в Полном Собрании Законов Российской Империи. Отмечается чрезвычайное многообразие актов этой категории, так как любое выражение воли императора приобретало силу закона. В статье выделены такие группы, как

[168] Мантурова С.Ч. Законодательные основы государственной политики в области социального призрения в России во второй половине XIX - начале XX вв. // Отечественный журнал социальной работы. – 2017. – № 4(71). – С. 77-94.

основополагающие для социально-политического и экономического развития страны акты; акты, регулирующие основные направления государственного призрения и акты, регламентирующие благотворительность.

Центральное место в корпусе законодательства, регулировавшего вопросы социальной помощи нуждавшимся, занимает Устав общественного призрения, который может оцениваться как кодекс норм общественного призрения и благотворительности Российской империи[169]. Его общая характеристика представлена В.В. Крамским и А.С. Коновальцевым, С.П. Вольф, Д.А. Пашенцевым[170]. Отмечается сословный характер организации призрения, определение подлежащих призрению категорий через установление типов «богоугодных заведений», возложение обязанностей призрения отдельных лиц на общество. Т.Е. Покотилова полагает, что разработка и принятие новых редакций Устава указывают на озабоченность правительства социальной обстановкой в стране, однако принципы, лежавшие в основе его последней версии, не отвечали ценностям капиталистического общества с развитой гражданской активностью[171].

Устав определял предметы ведения органов общественного призрения, разделяя собственно меры призрения и их материально-финансовое обеспечение. При этом государство достаточно подробно регламентировало организационные формы призрения, но не давало гарантий их денежного обеспечения. Устав состоял из двух частей: первая книга характеризует общее устройство органов общественного призрения и содержит уставы подведомственных учреждений, вторая содержит уставы учреждений и заведений, «на особых основаниях управляемых». В целом для Устава характерна жёсткая нормативно-санкционирующая позиция, выражавшаяся в

---

[169] Пашенцев Д.А. Российские правовые традиции в социальной сфере (историко-правовой аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Право 2018 № 2: С. 139–156.

[170] Крамской В.В., Коновальцев А.С. Институт призрения в свете правового регулирования законами Российской империи // Современное право. 2013. №2. С. 143-149.

Вольф С.П. Благотворительное законодательство в Российской империи: камень преткновения или прочная основа для развития благотворительности? // Вестник СИБИТа. 2016. №1 (17) С.92-101.

[171] Покотилова Т.Е. Благотворительность в социальной истории дореволюционной России : Мировоззрение и ист. опыт : дисс. ... доктора ист. наук. - Ставрополь, 1998. - С. 212.

детальной, порой мелочной регламентации различных сторон организации благотворительной деятельности (к примеру, сиротам в приютах предписывалось одеваться самостоятельно, без помощи служителей).

Обобщая дореволюционную критику содержания Устава общественного призрения, И.В. Фролова отмечает такие его недостатки, как отсутствие разграничения полномочий между центральными и местными органами управления, отсутствие определённого порядка деятельности и ответственности властных структур, отсутствие указаний на источник финансирования общественного призрения[172]. С.Ч. Мантурова полагает, что Устав общественного призрения являлся значительным шагом вперёд в деле создания законодательной основы общественного призрения и видит в Уставе основы комплексной централизованной системы социальной помощи. Среди многочисленных законодательных актов, касавшихся деятельности благотворительных обществ и частной благотворительности, выделены акты, регламентирующие деятельность Ведомства учреждений императрицы Марии и Императорского Человеколюбивого общества. Существенно, что автор определяет их как носящие полуобщественный полугосударственный общенациональный характер. Обобщая, С.Ч. Мантурова указывает, что развитие законодательства в области социального призрения являлось мощным фактором формирования государственной политики социальной помощи и поддержки населения посредством регулирования различных форм призрения[173].

Устав общественного призрения был впервые принят в 1832 г.; вышеперечисленные авторы рассматривают его редакцию от 1892 г., в которую были интегрирована регламентация деятельности местного самоуправления в сфере общественного призрения. Наше исследование основано на нормах

---

[172] Фролова И.В. Региональный опыт социальной помощи несовершеннолетним в Российской империи во второй половине XIX - начале XX вв. : в Новгородской и Псковской губерниях : дис. ... канд. ист. наук. - Екатеринбург, 2018. – С.33.

[173] Мантурова С.Ч. Законодательные основы государственной политики в области социального призрения в России во второй половине XIX - начале XX вв. // Отечественный журнал социальной работы. – 2017. – № 4(71). – С. 94.

Устава общественного призрения в редакции 1915 года[174]. В данное издание были внесены нормативные акты, принятые по 1 апреля 1915 года. Во вторую книгу новой редакции Устава были включены положения о Романовском комитете, Попечительстве о трудовой помощи, Алексеевском главном комитете и учреждениях по призрению нижних воинских чинов и их семейств. В качестве примечания к статье 555 отмечено, что в 1914-1915 годах на основании особых правил были высочайше утверждены Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну (далее по тексту – Совет по призрению), Комитет великой княгини Елизаветы Фёдоровны и Особый для города Петрограда и Петроградской губернии местный комитет под почётным председательством великой княжны Ольги Николаевны, Комитет великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий и Комитет по снабжению одеждой нижних чинов, увольняемых на родину из всех лечебных заведений Империи под председательством великой княгини Марии Павловны.

И.В. Поткина проделала при поддержке гранта РГНФ громадную кропотливую работу выявления и систематизации нормативных правовых актов социально-экономической тематики, принимавшихся в Российской империи в годы войны. Это позволило ей выделить группу нормативных актов социальной сферы, которая насчитывает 167 постановлений. В неё автором включены нормы, определявшие права различных категорий на получение помощи, расширение прав женщин поступать на службу, а также мероприятия «сухого закона». Эти правовые новации, по мнению И.В. Поткиной, позволяют говорить о формировании социально ориентированной внутренней политики[175]. Исследовав весь массив нормативных правовых актов, принятых в Российской империи в период Первой мировой войны, И.В. Поткина установила, что доля актов социально-экономического содержания возрастала

[174] Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1915 года / Россия. Законы и постановления. - Пг., 1915. Т. 13 : Устав об общественном призрении. - 1915. - 243 с.
[175] Поткина И. В. Новые подходы к изучению законодательных источников периода Первой мировой войны // Исторический журнал: научные исследования. – 2017. – № 1. – С. 97-106.

по мере продолжения войны[176], что характеризовало усиление регулирующей роли государства. Добавим, что существенная часть этих узаконений касалась уточнения порядка выплаты пенсий, суточных и проездных денег различным категориям военнослужащих и чинов военного ведомства.

Формирование правовой основы государственных гарантий военнослужащим и их семьям в свете перехода ко всеобщей воинской повинности имело своими этапами принятие Устава о воинской повинности 1874 г., предусматривавшего: призрение семейств воинских чинов, убитых или без вести пропавших на войне или же умерших от ран, полученных в сражениях, и призрение семейств чинов запаса, призванных в военное время на действительную службу.

Новаторская роль принадлежала Закону «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» от 25 июня 1912 года[177]. Он определял систему социальной защиты солдатских семей, вдов и инвалидов войны: регламентировал размер государственной помощи, определял категории лиц, имевших право на её получение, и характеризовал организационную сторону предоставления помощи. Введённая в действие во время Первой мировой войны, эта система неоднократно изменялась: меры поддержки распространялись на одни категории (например, добровольцев) и снимались с других (военнопленных, дезертиров); менялся срок выплаты пособий, состав надзорных органов. Некоторые постановления в области социального обеспечения, призрения и благотворительности издавались в порядке ст. 87 Основных законов, временно изменяя изложение отдельных статей Устава общественного призрения. Эти постановления издавались сборниками в 1915-1917 годах[178]. Редакция Устава 1915 г. содержит отсылки к нормам принятых на тот момент постановлений.

---

[176] Поткина И.В. Регулирование социальной сферы в России в годы Первой мировой войны // Экономическая история. 2017. №1 (36). С. 36-49.

[177] О призрении нижних воинских чинов и их семейств // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37507

[178] Сборник действующих постановлений, изданных в порядке статьи 87 основных государственных законов. Дополнение к сборнику, изданному в 1913 году / сост. Гос. канцелярией. - Пг. : Гос. тип., 1915. - 328 с. Сборник действующих постановлений, изданных в порядке статьи 87 основных государственных законов. Второе дополнение к сборнику, изданному в 1913 году / сост. Гос. канцелярией. - Пг. : Гос. тип., 1915. - 217 с.

Статья 579 Устава общественного призрения предоставляла министру внутренних дел, военному министру и министру финансов право издавать инструкции в разъяснение порядка применения Закона 1912 года, с обнародованием их через Правительствующий Сенат. В частности, порядок избрания и выполнения возлагаемых на волостные попечительства обязанностей, а также обязанности земских начальников в этом отношении, согласно статье 567, определялись инструкцией Министра внутренних дел по соглашению с министром финансов и государственным контролёром. Так, инструкция Министерства внутренних дел уточняла порядок избрания попечительств и их полномочия[179]. В разъяснение порядка назначения пособий была выпущена инструкция МВД от 23 июля 1913 г., ставившая наделение пособием боковых родственников в зависимость от их трудоспособности[180]. Делопроизводство, связанное с выдачей пособий и финансовой отчётностью, также детализировалось инструкцией МВД[181]. Кроме того, различными министерствами – внутренних дел, финансов, земледелия – в адрес губернаторов и подведомственных региональных структур издавались циркуляры по вопросам призрения.

Законодательные изменения также обсуждались в Междуведомственном совещании Совета по призрению и затем вносились им как законодательные предположения в Совет министров, а Советом министров выносились на усмотрение императора в порядке ст. 87 Основных законов Российской империи. Таким образом, поправки в закон имели вид положений, принимаемых Советом министров и утверждаемых императором[182]. Эволюция Закона «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» подробно

Сборник действующих постановлений, изданных в порядке статьи 87 основных государственных законов. Третье дополнение к сборнику, изданному в 1913 году / сост. Гос. канцелярией. - Пг. : Гос. тип., 1916. - 298 с. Сборник действующих постановлений, изданных в порядке статьи 87 основных государственных законов. Четвертое дополнение к сборнику, изданному в 1913 году / сост. Гос. канцелярией. - Пг. : Гос. тип., 1917. - 586 с.

[179] ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37507. С. 944.

[180] Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел первый. Санкт-Петербург, 1913. Ст. 2164.

[181] ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37507. С. 944-945.

[182] Собрание Узаконений 1914. Отд. 1. Ст. 2243, 2279, 2369, 3498; СУ 1915. Отд. 1. Ст. 761, 893, 988; СУ 1916. Отд. 1. Ст. 2151, 2152, 2154, 2398

освещена в диссертации А.Д. Грудины[183]. Закон 1912 года, разъяснения и комментарии к закону и дополняющие его нормы неоднократно издавались в виде отдельных брошюр, носивших справочно-разъяснительный характер[184].

К группе законодательных источников примыкает родственная ей группа ***Положений*** тех центральных учреждений, «на особых основаниях управляемых», которые занимались реализацией мер поддержки жертв войны. В отличие от многочисленных благотворительных организаций, чьё устройство и деятельность регламентировались их уставами, основу системы поддержки жертв войны составляли организации иной правовой природы, действовавшие на основе Положений, утверждавшихся императорскими указами Сенату. Их деятельность носила бюрократический характер, однако они не входили в общую систему государственных органов и не подчинялись никакому министерству. Положения содержали нормы о включении в состав руководящих органов «членов по должности» – занимавших одновременно определённую административную должность. Е.Ю. Ковальская предлагает классифицировать такие социальные организации как «государственные»[185]. На наш взгляд, подобного качества недостаточно для определения принадлежности органа к системе государственной власти, но всё же регламентированное наличие в составе членов, назначаемых властью и являющихся государственными служащими, указывает на специфический характер рассматриваемых организаций.

Частное благотворительное участие признавалось важнейшим элементом работы и источником финансовых средств таких организаций, придавая им государственно-общественный характер. Важной чертой было также высочайшее покровительство кого-либо из членов императорской

---

[183] Грудина А.Д. Государственная помощь семьям нижних чинов Российской армии в годы Первой мировой войны : дисс. ... канд. ист. наук. - Брянск, 2019. - 242 с.

[184] Например, Авербах Е.И. Законодательные акты вызванные войною 1914-1916 гг. : законы, манифесты, рескрипты, указы, положения Совета министров, военного и адмиралтейств советов : распоряжения и постановления министров и др. : Изд. неофиц. : Т. 1-4.- Пг., 1915-1916;
Сборник узаконений и распоряжений о призрении воинских чинов и их семей. Пг., 1916.

[185] Ковальская Е.Ю. Благотворительные организации великой княгини Елизаветы Фёдоровны: руководство, структура, источники финансирования, жертвователи (1884–1918) : дисс. ... канд. ист. наук. - Москва, 2022. – С. 178-179.

фамилии, что подчёркивало высокий статус в системе социальной иерархии и может рассматриваться в качестве социального капитала таких организаций. Состоящие под августейшим покровительством учреждения, на особых основаниях управляемые, были неотъемлемой частью системы политической репрезентации императорской власти и особой формой социальной деятельности государства.

Подчёркивая личную связь проводимых мероприятий с членами императорской фамилии, большинство инициатив в данной сфере были оформлены императорскими указами. Особые правила о поименованных комитетах, именные указы и высочайшие повеления об их учреждении и внесении изменений в положения об их деятельности публиковались в Собрании Узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате[186].

Центральный орган, призванный курировать меры социальной поддержки солдатских семей – Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов – был создан на основе именного высочайшего указа Правительствующему Сенату от 11 августа 1914 года[187]. Также высочайшим указом были утверждены Положения Елизаветинского комитета[188] и Романовского комитета[189]. По мере

---

[186] Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате : [Издание официальное]. - СПб., 1914-1917.

[187] Именной высочайший указ Правительствующему Сенату от 11 августа 1914 года об образовании Верховного Совета по призрению лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов // Отчёт о деятельности состоящего под августейшим её императорского величества государыни императрицы Александры Фёдоровны председательством Верховного Совета по призрению лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, и подведомых ему учреждений с 11 августа 1914 по 1 января 1916 года.- Пг.: Государственная типография, 1916.- С. 91-92.
Об образовании Верховного совета по призрению семей, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914. № 224. Ст. 2239.
Собрание узаконений 1914. Отд.1 Ст. 2239, 2281, 2366; Собрание узаконений 1915. Отд.1 Ст. 148

[188] Положение о высочайше утверждённом под августейшим её императорского величества государыни императрицы Александры Фёдоровны покровительством Комитете её императорского высочества великой княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну // Отчёт о деятельности состоящего под августейшим её императорского величества государыни императрицы Александры Фёдоровны председательством Верховного Совета по призрению лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, и подведомых ему учреждений с 11 августа 1914 по 1 января 1916 года.- Пг.: Государственная типография, 1916.- С. 98-100.

[189] Высочайше утверждённое, 29 июня 1914 года, Положение о состоящем под высочайшим его императорского величества покровительством Романовского комитета // Общие основания организации земледельческих приютов для детей увечных и павших воинов. - Пг. : Гос. типография, 1916. С. 28-31.

продолжения войны полномочия вышеназванных органов расширялись. Трансформация сферы их ведения оформлялась внесением изменений в Положения, также получавших форму именных высочайших указов, высочайше утверждённых положений Совета министров, высочайших повелений, включавшихся затем в Собрание узаконений.

Третью группу источников составляют ***распоряжения нормативного характера***, принимаемые самими центральными органами призрения жертв войны, которые регламентировали их собственную структуру и деятельность, а также имели руководящее значение для всех учреждений, получавших от них финансирование. Такие распоряжения могли иметь форму правил, инструкций, циркуляров. Например, циркуляры, издаваемые Елизаветинским комитетом в адрес своих губернских отделений, регламентировали различные аспекты призрения. Большой интерес представляют подготовительные материалы, отражающие дискуссию, предшествовавшую принятию решений и раскрывающие механизм организационного и финансового взаимодействия между центральными органами и провинциальными отделениями, содержащие сведения о конкуренции и разногласиях в выработке мер призрения жертв войны.

К этой же группе следует отнести и Наказ образованной в составе Совета по призрению Особой Комиссии по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжение войны, а также их семей, одобренный по журналу заседаний Совета по призрению 5 мая 1915 года[190].

Важным источником являются журналы заседаний Совета по призрению, в которых нашло отражение как содержание его деятельности, так и её организация. Кроме того, журналы заседаний Совета по призрению дают сведения о составе членов и частоте их участия в заседаниях Совета. Как правило, в основе журналов лежали проекты заключений по тем или иным

[190] Наказ образованной в составе Верховного Совета Особой Комиссии по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжение войны, а также их семей // Отчёт состоящей под августейшим председательством её императорского высочества великой княгини Ксении Александровны образованной в составе Верховного Совета Особой Комиссии по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжение войны, а также их семей за 1915 год.- Пг.: Государственная типография, 1916. С.83-88.

текущим вопросам, подготовленные профильными комиссиями и вносимые на рассмотрение Совета по призрению. Они могли приниматься как в исходной, так и в отредактированной форме. Журналами оформлялись решения о распределении финансирования. Таким же образом осуществлялась и регламентация работы Совета по призрению – был принят «Порядок деятельности Совета по призрению», «Правила о порядке приёма, хранения, расходования и проверки пожертвований и других сумм, поступающих в распоряжение Совета по призрению». Журналы утверждались императрицей Александрой Фёдоровной. Всего существует 12 журналов заседаний Совета, они опубликованы в «Известиях Совета по призрению».

Четвёртая группа источников представлена ***делопроизводственной документацией*** изучаемых структур по частным вопросам. Это как внутренние, так и внешние документы распорядительного и информационного характера. Переписка по полученным прошениям, отношения и запросы, проекты циркуляров, стенограммы заседаний – детализируют подготовку тех или иных решений, нашедших своё воплощение в опубликованных циркулярах. Отметим, что до сих пор эти документы практически не были задействованы исследователями. Основными архивохранилищами, содержащими в себе фонды органов социального призрения и социальной политики периода Первой мировой войны, являются Российской государственный исторический архив (РГИА) и Российской государственный военно-исторический архив (РГВИА).

РГИА хранит фонды правительственных и аффилированных с правительством структур, такие, как: Ф.1253 Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. В составе фонда находятся дела с докладами и сметами взаимодействовавших с Советом по призрению организаций, таких, как Александровский комитет о раненых, Комитет великой княгини Марии Павловны и др., отчёты ведомственных благотворительных комитетов (занятых попечением о семьях мобилизованных в армию чиновников). Значительный объём занимают

постановления Финансовой комиссии о распределении средств по отдельным ходатайствам благотворительных обществ. Дело 87 содержит представления в Совет министров с законодательными предположениями, выработанными Советом по призрению. Несколько архивных дел содержат сведения об Особой Комиссии Совета по призрению, в том числе обзор её деятельности к началу 1917 г. (Дело 46), материалы о постановке профессионального обучения инвалидов войны. Дело 130 «Всеподданейшие доклады статс-секретаря Горемыкина, члена Совета Витте, гофмейстера Штюрмера» составляют Всеподданейшие доклады управляющего делами Совета по призрению Г.Г. фон Витте и председательствующего в Совете по призрению Б.В. Штюрмера за март 1916 г. императору и императрице по делам Совета по призрению с резолюциями Александры Фёдоровны. Здесь же представляется список лиц, отличившихся особыми трудами в деле призрения семей призванных на войну на предмет представления их к высочайшим наградам. Собственной рукой императрицы начертано: «*Согласна кроме ордена святой Ольги*».

РГВИА содержит фонды всероссийских объединений органов местного самоуправления – Земского Союза (Ф.12564) и Союза Городов (Ф. 12593), которые аккумулируют сведения о постановке призрения инвалидов. В фонде Земского Союза отложилась переписка с Советом по призрению о призрении лиц, призванных на войну (Дело 37). Интерес представляют циркуляры ВЗС губернским комитетам, затрагивающие вопросы помощи военным инвалидам и участие в этом деле ВЗС. Представлены проекты организации регистрации военно-увечных (Дело 93), их рационального распределения по территории страны (Дело 139), организации специализированного лечения (Дело 859, 986 и др.). Затрагиваются темы взаимодействия и разграничения полномочий Земского Союза, Союза Городов и Красного Креста. В фонде Союза Городов находятся материалы совещания врачей и представителей комитетов ВСГ об организации помощи военно-увечным (Дело 119), переписка о постановке помощи инвалидам войны в городах (Дело 217, 1052, 1065 и др.), протоколы

заседаний комиссий и совещаний по организации помощи военно-увечным (Дело 2071, 2072 и др.).

Эти важные данные дополняются перепиской, отложившейся в фонде 16323 Особой Комиссии Совета по призрению (Ксениинской комиссии), на которую была возложена организация попечения о военно-увечных. Здесь находятся дела с перепиской по ходатайствам различных благотворительных структур, губернаторов, епархиальных властей и органов местного самоуправления о финансировании различных проектов помощи инвалидам войны. Переписка позволяет раскрыть формы призрения, организационно-финансовую сторону их реализации, круг участников призрения инвалидов войны и принципы взаимодействия между ними. Также в фонде отложились журналы заседаний отделов Особой Комиссии: финансового, учебного, отдела призрения. Интерес представляют материалы Совещания по выработке общего плана призрения душевнобольных воинов (Дело 52). Важное значение имеют материалы, содержащиеся в деле о выработке и проведении мероприятий по регистрации увечных воинов (Дело 195).

Также в РГВИА хранятся фонды всероссийских благотворительных комитетов (Ф. 16280 Скобелевский комитет, Ф. 16325 Алексеевский главный комитет, Ф. 16324 Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне нижним чинам армии и флота и их семьям, Ф. 14595 Георгиевский комитет). В фонде Георгиевского комитета находится дело об устройстве санаториев для реабилитации раненых (Дело 21). Фонд Скобелевского комитета содержит материалы об устройстве инвалидных домов. Наиболее подробные сведения об устройстве и деятельности благотворительной организации представлены в фонде Общества повсеместной помощи: это дела об организации его местных отделений, списки субсидируемых благотворительных учреждений, отчёты центрального правления общества. Фонд Алексеевского комитета содержит три типа дел: ходатайства о пособии солдат, утративших трудоспособность; акты их медицинского освидетельствования и сведения о детях и семьях погибших воинов.

Материалы о работе Московского комитета по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, которое имело всероссийский охват, находятся в Центральном государственном архиве города Москвы (ЦГАМ, Ф. 113). Дело 33 оп.1 посвящено организации сети губернских отделений. В фонде представлены дела с перепиской центрального комитета и губернских отделений, а также отчёты о движении денежных сумм по отделениям, циркуляры Комитета в адрес местных отделений об организации их деятельности (Дело 1), журналы заседаний Елизаветинского комитета и Комиссии общих дел. Особый интерес представляет Дело 219, в котором собраны материалы съезда местных представителей Елизаветинского комитета 6-9 ноября 1916 г. (доклады, стенограммы обсуждения, резолюции). Дела 205, 210, 211 посвящены разграничению полномочий между Елизаветинским комитетом и Особой Комиссией.

Также в работе приведены показательные сведения о составе волостных попечительств о семьях мобилизованных и данные о ценах на товары потребительского рынка, извлечённые из документов Государственного архива Орловской области (ГАОО).

Анализ нормативных и делопроизводственных документов позволяет систематизировать организационные основы управления социальной помощью, установить структурно-функциональное устройство субъектов предоставления помощи и выявить роль государства в системе социальной помощи жертвам войны.

Периодическая печать является самостоятельным видом исторических источников. Для неё характерны такие черты, как массовость, функция информирования, оперативность, публичный характер распространяемых сведений и мнений, наличие редакционной политики. Типология печатных средств массовой информации выделяет такие группы изданий, как бюллетени, газеты, журналы, ведомственная периодика, повременные издания

общественных организаций[191]. Функциональное назначение каждой из этих групп оказывает влияние и на их содержание.

Для нашего исследования наиболее важную группу составляют материалы специализированных периодических изданий, которые были официальными печатными органами упомянутых выше структур. Они публиковали руководящие распоряжения, обобщающие отчёты о разных направлениях деятельности и её итогах, сообщения о постановке работы на периферии. Данная группа изданий исполняла прежде всего информационные функции, она практически не содержит авторских публицистических материалов. Наиболее существенной чертой, позволяющей положить в основу исследования именно эту группу источников, является периодичность их издания по определённой программе, позволяющая проследить динамику многих аспектов деятельности системы общественного призрения жертв войны, таких как развитие организационной структуры, объём финансирования, эволюция правовых основ её работы.

К данной группе могут быть отнесены следующие издания:

- Известия Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов
- Еженедельник, затем Ежемесячник комитета Ея Императорского Высочества великой княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц призванных на войну
- Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам
- Известия Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам
- Вестник Российского общества Красного Креста
- Трудовая помощь

[191] Источниковедение: Теория, история, метод. Источники российской истории: Учеб. пособие для гуманитарных специальностей / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 2004. С. 451.

- Призрение и благотворительность в России

Мысль о необходимости широкого распространения поступающих в Совет по призрению сведений о различных мероприятиях по поддержке солдатских семей была высказана на заседании Распорядительной комиссии уже 3 сентября 1914 г. Представлялось, что подобная форма обмена опытом будет полезна самим деятелям в сфере призрения. На заседании распорядительной комиссии 17 сентября 1914 г. было принято постановление о начале издания ежемесячных «Известий Совета по призрению»[192]. Первый номер «Известий» был издан в ноябре 1914 г. в количестве 4 тысяч экземпляров. Новое издание бесплатно рассылалось учреждениям, ведающим делом призрения семей призванных на войну. Составлением и изданием «Известий Совета по призрению» занималась его Канцелярия. Всего до 1917 года было выпущено 16 номеров (выходили сдвоенные номера).

Издание имело своей целью информирование всех, вовлечённых в дело помощи семьям мобилизованных, о распоряжениях в данной сфере и о практике их реализации. Согласно разработанной Распорядительной комиссией программе, «Известия» включали семь отделов[193]. В первом отделе приводились правительственные узаконения и распоряжения, касавшиеся предметов ведения Совета по призрению. Второй раздел освещал работу самого Совета по призрению, публикуя журналы его заседаний, а также материалы о работе его комиссий и комитетов, сведения об изменениях в личном составе Совета и данные о движении денежных средств – о суммах, поступивших в распоряжение Совета по призрению и наиболее крупных частных пожертвованиях, а также о пособиях, отпущенных Советом по призрению на связанные с войной благотворительные нужды. Самостоятельные разделы были посвящены деятельности наиболее важных благотворительных структур: Особой Комиссии Ксении Александровны,

[192] Отчёт о деятельности … Верховного Совета по призрению лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, и подведомых ему учреждений с 11 августа 1914 по 1 января 1916 года. С. 69 Известия Верховного Совета. 1914. №1. С. 49. Там же. 1914. №3. С. 72.
[193] Известия Верховного Совета. 1914. №3. С. 16.

Елизаветинского и Ольгинского комитета. Третий раздел содержал сведения о практических мероприятиях местных структур Елизаветинского комитета, православной церкви, ведомственных благотворительных комитетов и органов местного самоуправления, частной благотворительности. Что касается последней – поскольку сведения о благотворительной деятельности были чрезвычайно многочисленны, разнообразны и разнородны – предполагалось выбирать для публикации «*наиболее целесообразные примеры благотворительности*», которые могли использоваться как образец для других. Четвёртый отдел составляли отчёты и очерки. В заключение публиковалась библиография изданий, посвящённых сфере деятельности Совета по призрению. В основном это были различные руководства по получению пособий для разных категорий призреваемых и отчёты разнообразных благотворительных институций. Наконец, в виде приложения публиковались тексты законов и распоряжений, определявших способы и порядок оказания помощи семьям лиц, призванных на войну. Вариативность этой программы присутствовала только в первых двух выпусках «Известий Верховного Совета по призрению», вышедших в 1914 году. Затем порядок составления номеров устоялся и соблюдался вплоть до конца издания, при этом наполняемость разделов могла варьироваться.

В «Известиях Верховного Совета по призрению» регулярно публиковались данные о финансировании социальной помощи. Первоначально обнародовались сведения о пожертвованиях, поступивших в адрес Совета по призрению, с указанием наиболее заметных жертвователей и внесённых ими сумм, а также общий итог принятых благотворительных взносов. Эта информация выделялась до середины февраля 1916 г. и представлялась в виде Отчёта о движении сумм, поступивших в распоряжение Совета по призрению за определённый период и ежемесячных Ведомостей о суммах, поступивших в распоряжение Совета по призрению, которые охватывают период с 1 марта 1915 г. по 1 декабря 1916 г. Эти сведения позволяют составить представление об источниках финансирования работы

Совета по призрению в период его регулярной деятельности, а также сделать определённые выводы о динамике благотворительных пожертвований и их соотношении с государственным финансированием. Также «Известия Верховного Совета по призрению» содержат сведения о доходах и расходах Особой Комиссии и Комитета великой княгини Марии Павловны, которые, однако, не являются полными и регулярными. Так, сведения о Комитете Марии Павловны помещались только в №4 и №5. Регулярно размещались сведения о денежных оборотах Елизаветинского комитета. Эпизодически публиковались данные о движении денежных сумм по его местным отделениям.

В №7 (Июль-Сентябрь 1915 г.) Канцелярия Совета по призрению на специальной вклейке уведомляла получателей издания, что несвоевременный выход номера из печати связан с «*задержкой в получении партии бумаги и отсутствием запасов бумаги на рынках вообще*».

Особое место в системе общественного призрения периода Первой мировой войны отводится Московскому комитету Ее императорского величества великой княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну (Елизаветинский комитет). Именно его отделения осуществляли организованные меры помощи жертвам войны на периферии, действуя как от собственного имени, так и от имени Совета по призрению. Комитет имел собственное информационное издание – Еженедельник, публиковавший распорядительные и отчётные материалы о работе Комитета как в столице, так и на местах. Издание Елизаветинского комитета имело целью осведомлять о его работе все учреждения и местные отделы комитета, а также давать жертвователям отчёт о внесённых пожертвованиях. Всего было издано 42 выпуска общим тиражом более 1 млн 700 тыс. экземпляров, которые распространялись в качестве бесплатных приложений к популярным газетам.

Спустя год после образования Елизаветинского комитета, когда его структура и организация работы вполне определились, было решено перейти к ежемесячной публикации сведений о его деятельности. В Ежемесячнике

публиковались обзорные сведения о постановке того или иного вида помощи солдатским семьям, её объёме. Всего вышло 14 номеров этого издания; с марта 1916 г. издание начинает выходить сдвоенными книжками на бумаге худшего качества.

Ежемесячник содержал детальные сведения об изменении в личном составе губернских комитетов, о движении денежных средств. Обязательным разделом была Хроника, содержавшая краткие сообщения о благотворительных инициативах, предпринимаемых в провинции. Также публиковались развёрнутые очерки работы губернских отделений. Издание Ежемесячника обходилось в 1200 рублей за номер.

Ценный материал представляют представленные в издании циркуляры центрального комитета местным отделениям, которые раскрывают подход августейшей председательницы комитета к организации его деятельности и взаимоотношению с государственными органами, местным самоуправлением и другими структурами на местах.

На совещании местных деятелей Елизаветинского комитета в ноябре 1916 г. представитель Костромского отделения о. Дьяконов предложил «*для более непосредственного осведомления публики*» вернуться к изданию Еженедельника. Однако редактор Ежемесячника Н.С. Соколов признал, что он не удовлетворён его составом и подачей материала, так как местные отделения крайне скудно предоставляли сведения о своей работе, присылая лишь выборку из журналов заседаний.

Более «живым» было содержание Вестника Красного Креста, который помещал беллетризированные очерки об организации медицинской помощи в прифронтовой зоне. Журнал ставил своей задачей осведомление широкого круга публики о помощи, оказываемой Красным Крестом; кроме того, журнал публиковал специальные статьи по медицинским, техническим и гигиеническим вопросам. Так как именно за Красным Крестом было закреплено оказание психиатрической помощи в армии, исследовательский интерес представляют материалы об организации эвакуации и лечения

душевнобольных воинов, в том числе устройство «психиатрической санатории» в Абхазии. Отчёты уполномоченных Психиатрической организации Красного Креста позволяют реконструировать систему военно-психиатрической помощи и её взаимодействие с лечебными заведениями, которые в подавляющем большинстве своём состояли в ведении местного самоуправления.

Известия Городского и Земского союзов посвящены преимущественно вопросам организации госпитального лечения, которое изначально составляло предмет их деятельности. По мере расширения направлений работы Союзов и её размаха, увеличивается и круг освещаемых вопросов. Для исследований социальной тематики ценность представляют материалы совещаний, организуемых ВЗС, ВСГ или обоими союзами совместно. Так, «Известия Всероссийского Союза Городов помощи больным и раненым воинам» поместили протоколы заседаний Совещания врачей и представителей комитетов Союза Городов по вопросу об организации помощи увечным воинам 22 февраля 1916 г. В докладах приводятся результаты статистических обследований, позволяющие установить состав военно-увечных, организованные и проектировавшиеся формы помощи для них. Важно также проследить распределение обязанностей и финансирования между органами местного самоуправления как таковыми и местными отделениями Союзов.

В последней трети XIX века стали появляться специализированные издания по благотворительности. Они являются важным источником, отражающим эволюцию института благотворительности в период модернизации российского общества. Р.Ш. Цинпаева предлагает разделять посвящённую благотворительности периодику на издания светских благотворительных обществ и религиозные издания, как правило, включавшие благотворительную проблематику – наиболее массовыми среди них являются «Епархиальные ведомости»[194]. Материалы, публикуемые в «Епархиальных

[194] Цинпаева Р.Ш. Благотворительность в российской империи на страницах периодических изданий 1860х-1880х гг. // Казачество. 2017. №1 (25). С. 47-53.

ведомостях», касались по большей части каритативной деятельности православной церкви, содержали отчеты местных духовных благотворительных обществ, а также общетеоретические статьи о религиозных началах благотворительности. Специализированные периодические издания сферы общественного призрения служат важными источниками, позволяющими раскрыть сущность переходного этапа от частной благотворительности к государственной социальной политике.

Журнал «Трудовая Помощь» издавался с 1897 г. как печатный орган Попечительства о трудовой помощи. Его бессменным редактором был В.Ф. Дерюжинский – профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Журнал размещал как описательные, так и обзорно-аналитические материалы. Несмотря на то, что трудовая помощь рассматривалась в качестве основного желаемого вида благотворительной помощи, дополняющей казённый паёк, Всероссийское попечительство о трудовой помощи играло второстепенную роль в её организации. В годы войны в журнале появилась регулярная рубрика «Помощь семьям запасных и ратников». Она была невелика по объёму и представляла собой дайджест сообщений центральной и провинциальной прессы.

Журнал «Призрение и благотворительность в России» издавался с 1912 г. Всероссийским союзом учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению. Союз приветствовал создание Совета по призрению, выражая надежду, что «*этой структуре удастся, наконец, объединить государственную, общественную и частную благотворительность, поставить её на основу рациональной филантропии*»[195]. Журнал размещал авторские обзорные статьи по практике организации призрения жертв войны и её усовершенствованию в парадигме рациональной филантропии. Бессменным редактором журнала был правовед С.К. Гогель, бывший в годы войны ректором Психоневрологического института.

[195] Укше С.А. Объединение общественной благотворительности // Призрение и Благотворительность в России. 1914. №8-10. Стб. 907-930. Стб. 912.

Во всех названных изданиях нами использовался раздел хроники, содержащий фактические сведения об отдельных мероприятиях помощи жертвам войны, проводимых на местах. Как правило, они представляли собой перепечатку сообщений региональной прессы, подобранных редакцией специализированных изданий. Такие сообщения, будучи систематизированными, позволяют сделать выводы о формах и механизмах социальной работы, собрать дополнительные данные по источникам финансирования и межведомственному взаимодействию.

Поскольку неотъемлемой чертой российской системы общественного призрения в начале XX века была публичность, данные периодических изданий могут быть дополнены материалами ***отчётов*** о деятельности структур социальной помощи за известный период, которые можно объединить в **пятую группу** исторических источников. Особую значимость приобретают отчёты структур, не имевших своего периодического органа (Ксениинской комиссии, Романовского комитета).

Обращение к материалам периодической печати и отчётам субъектов предоставления помощи позволяет охарактеризовать разнообразие механизмов оказания мер поддержки жертвам войны, оценить их объём, проследить взаимодействие государственных, общественных и частных элементов в системе социальной помощи пострадавшим.

Шестая группа источников – ***источники личного происхождения*** – играет в нашем исследовании вспомогательную роль. Несмотря на обилие и разнообразие мемуарной литературы, посвящённой предреволюционному периоду, она остаётся малосистематизированной, и выявление в воспоминаниях современников темы оказания, получения и восприятия социальной поддержки в связи с военными обстоятельствами остаётся делом будущего. Нами были установлены и задействованы в исследовании около двух десятков мемуаров высших сановников и представителей аристократии империи, входивших в состав Совета по призрению. Они позволяют оценить личное участие членов императорской фамилии в работе покровительствуемых ими структур и освещают нюансы деятельности

центральных органов общественного призрения, не нашедшие отражения в официальной документации.

Эту группу составляют воспоминания членов Совета по призрению Н.Н. Покровского, П.А. Базилевского, Б.А. Васильчикова, В.И. Мамантова, С.Е. Крыжановского, А.Н. Наумова, Е.А. Нарышкиной, а также близко соприкасавшихся с кругами высшей аристократии и бюрократии М.В. Родзянко, В.Ф. Джунковского, В.И. Гурко, В.Б. Лопухина, В.Д. Лобановой-Ростовской, А.А. Вырубовой (Танеевой), великого князя Александра Михайловича и др. Отметим, что социальная деятельность государства не находилась в центре интересов их авторов; основное внимание они уделяли личной характеристике членов императорской фамилии, их отношению к своим обязанностям и окружению. Однако поскольку в этот период социальная политика в значительной степени воспринималась как благотворительная инициатива царской фамилии, такой подход помогает глубже понять её содержание.

Таким образом, структура социальной помощи жертвам войны охарактеризована с опорой на создавшее её законодательство, делопроизводственные материалы специализированных органов, отложившиеся в их архивных фондах, и дополнена нормативными и отчётными материалами, размещёнными в периодических изданиях. Подсистемы социальной помощи отдельным категориям жертв войны (солдатским семьям, детям, военным инвалидам) реконструированы на основе делопроизводственных документов помогающих субъектов, а анализ и обобщение многочисленных конкретных примеров помощи, регулярно публиковавшихся в специализированной периодике, позволяют сделать вывод о формах оказания помощи, выделить особенности организационных механизмов её предоставления.

Эмпирическая база исследования охватывает широкий круг разнообразных источников, которые представляют как детали, так и общую картину развития социальной деятельности государства и общества в отношении жертв войны. Сопоставление сведений, зафиксированных в

исторических источниках, позволяет выявить тенденции регламентации социального призрения и усиления роли государства в социальной сфере.

* * *

В сложившейся историографии периоду Первой мировой войны не уделено должного внимания, его место в процессе развития социальной помощи не выявлено. Освещение процессов, разворачивавшихся в управлении социальной сферой на рубеже XIX-XX веков, несёт в себе целый ряд противоречий и методологических неточностей, что приводит к неполноте выводов, искажению фактов и неверной их интерпретации. Противоречивым остаётся само представление о роли государства в социальной сфере, о границах между государственным и общественным участием в помощи нуждавшимся.

В начале XX века Россия находилась в состоянии модернизации, перехода от традиционного к современному типу общественных отношений. Процесс модернизации неизбежно отмечен трансформацией общественной структуры, причём изменение структуры общества создаёт обстановку социальной нестабильности, которая, в свою очередь, порождает риски для политического устройства. Этот алгоритм подчёркивает актуальность определения роли государства в социальной сфере, в том числе ретроспективного, опирающегося на исторический материал. Детальное планомерное исследование особенностей и тенденций развития социальной сферы России в годы Первой мировой войны способно полнее раскрыть закономерности осуществления социальной функции государства в обществе переходного типа.

Следует отметить, что понятия «общественное призрение», «социальное обеспечение», «социальная защита» имеют конкретно-исторический характер, относясь к конкретному периоду российской истории. Их содержание возможно определить исходя из анализа объекта и субъекта, цели оказания помощи, идеологического обоснования выделения как опекаемых категорий, так и содержания предпринимаемых мер помощи; также необходимо рассмотреть функции системы социальной помощи в жизни общества и механизмы её работы.

Глава 2. ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ ПО ПРИЗРЕНИЮ СЕМЕЙ ЛИЦ, ПРИЗВАННЫХ НА ВОЙНУ, А ТАКЖЕ СЕМЕЙ РАНЕНЫХ И ПАВШИХ ВОИНОВ

2.1 Организационно-правовые основы деятельности Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов

Первая мировая война с момента своего возникновения была коалиционной войной, что предопределяло большой масштаб и высокую интенсивность боевых действий. В момент начала войны никто не предполагал её затяжного характера, однако ставка на напряжение усилий вступивших в войну сторон требовала от государственной власти принятия экстраординарных мер по мобилизации общественных ресурсов, включая координацию активности государственных и негосударственных субъектов по оказанию помощи различным категориям пострадавших от войны. Признавалось, что самоорганизации и взаимопомощи населения недостаточно для решения поставленных войной задач внутренней жизни. Необходимо было принятие управленческих мер для активизации и упорядочения деятельности многочисленных частных, общественных и правительственных инициатив. Поскольку социальная сфера не была объектом детальной государственной регламентации – постольку такой орган принял специфическую форму формально негосударственного учреждения, состоящего под августейшим покровительством членов императорской фамилии.

Как следует из дневниковых записей близкого к великой княгине Елизавете Фёдоровне московского губернского предводителя дворянства (впоследствии товарища председателя Елизаветинского комитета) П.А. Базилевского, идея создания такой организации принадлежала Елизавете Фёдоровне и была основана на опыте её работы во время русско-японской войны. Эти планы вызвали неудовольствие императрицы, которая «*сочла неудобным, чтобы учреждение, распространяющее свои действия на всю Империю, было не под её непосредственным руководством*». Компромиссным

решением стало создание под председательством императрицы нового органа, которому будут подчинены все учреждения, занятые помощью участникам войны. Проект был утверждён императором и опубликован в виде высочайшего указа Правительствующему Сенату[196]. Так возник Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов (*далее по тексту – Совет по призрению, Совет, – прим. авт.*). Своей целью Совет называл «*устроение и правильное направление*» благотворительной помощи, придание «*всем начинаниям в деле призрения необходимой силы и стройности*»[197]. Он создавался как коллегиальный совещательный и распорядительный орган, включавший в свой состав как членов по должности, так и по назначению.

Принципами деятельности Совета по призрению было сохранение самостоятельности координируемых им организаций, а также приоритет трудовой помощи среди мер призрения[198]. Натуральная помощь провозглашалась более предпочтительной, нежели денежные выдачи. Подчёркивался также принцип адресности – предоставление различным категориям нуждающихся тех видов призрения, которые соответствуют их потребностям.

Работа Совета по призрению регламентировалась Положением, утверждённым императорским указом. Дважды (10 января и 17 августа 1915 г.) в него вносились изменения также в форме Высочайшего указа. Они касались призрения инвалидов. К сфере компетенции Совета по призрению было отнесено наблюдение, общее руководство и объединение деятельности отдельных учреждений, ведающих призрением семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов[199]. Впоследствии к ведению

---

[196] РГБ ОР Ф. 1541 Дневник П.А. Базилевского 1879-1918. Семейная хроника. Л. 54-57. Цит. по: Максимова Л.Б. Вклад Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны в благотворительное движение России конца XIX - начала XX века. Дисс. … канд. ист. наук. М., 1998.- С. 130-134.

[197] Отчет о деятельности Совета по призрению… С. 7.

[198] Отчет о деятельности Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, и подведомых ему учреждений. Пг., 1916. С. 8, 16.

[199] Именной высочайший указ Правительствующему Сенату от 11 августа 1914 года. Собр. Узаконений ст. 2239 // Известия Совета по призрению… 1914. №1. С. 5-7.

Совета была добавлена организация помощи военным инвалидам и, что не вполне логично – снабжение одеждой и оказание денежной помощи нижним чинам, выходящим из госпиталей. Это направление курировалось великой княгиней Марией Павловной. С начала 1915 г. с расширением круга задач Совета по призрению ему предоставлялись права юридического лица и возможность приобретать на своё имя имущество[200].

На первом заседании Совета по призрению председатель Совета министров И.Л. Горемыкин указал, что к предметам ведения Совета относится ознакомление с постановкой призрения семейств воинов посредством периодического получения данных от различных ведомств; рассмотрение вопросов, связанных с распределением казённого пайка и предоставления различных льгот семьям воинов; предварительное обсуждение вопросов об отпуске средств из казны на дело призрения и распределение средств, находящихся в непосредственном распоряжении Совета. Таким образом Совет по призрению был призван исполнять надзорные, координирующие, распорядительные и финансовые функции.

Следует отметить, что попечение о беженцах не было прямо упомянуто в Положении о Совете по призрению; также перемещённые лица как таковые не подразумевались в числе опекаемых категорий. Не вносились упоминания о беженцах и при внесении изменений в Положение о Совете по призрению. Финансовая комиссия признала, что задача призрения семей беженцев не относится непосредственно к предмету ведения Совета по призрению[201].

Совет по призрению имел довольно сложную структуру. Во главе его стояла Председательница – императрица Александра Фёдоровна, двумя вице-председательницами были её родная сестра – великая княгиня Елизавета Фёдоровна, и старшая дочь – великая княжна Ольга Николаевна. Августейшая председательница подписывала решения, принятые на заседаниях Совета.

---

[200] Журнал заседаний Совета по призрению (*далее – Журнал заседаний…*) №6 // Известия Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов (*далее – Известия Совета по призрению*). 1915. №4. С.17;
Журнал заседаний… №8 // Известия Совета по призрению. 1916. №6. С.77-78.

[201] Журнал заседаний… №10 // Известия Совета по призрению. 1916. №9. С.46.

Участие Александры Фёдоровны в делах Совета должно было подчёркивать и помещение на нагрудном знаке Совета по призрению вензеля императрицы.

Председательствующим в Совете по призрению по должности являлся председатель Совета министров. Также по должности в состав Совета были включены представители ведомств, непосредственно соприкасавшихся с повседневными нуждами солдатских семей – Внутренних дел, Путей сообщения, Финансов, Военного министерства и Синода, Главного управления Землеустройства и земледелия (с конца 1915 года – Министерства земледелия). Министры довольно часто присутствовали на заседаниях Совета по призрению. Так, министр путей сообщения С.Е. Рухлов был на 8-ми заседаниях, столь же часто участвовал в заседаниях Совета главноуправляющий Землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин, затем – пришедший ему на смену А.Н. Наумов. А вот из министров внутренних дел в работе Совета по призрению принимал участие лишь Н.А. Маклаков, посетивший 6 заседаний. Его преемники на министерском посту заседания игнорировали.

Представители исполнительной власти и православной церкви были обязаны регулярно сообщать Совету по призрению данные о своей деятельности в пользу пострадавших от войны, что подчёркивает квазигосударственный характер этого учреждения и его высокий статус в бюрократической иерархии. Также ведомства должны были выносить на обсуждение Совета все возникавшие в деле призрения вопросы, не регламентированные действующими нормами, и предложения по их разрешению через принятие общих распоряжений. Тем самым Совет по призрению закреплял за собой участие в нормотворческом процессе в сфере помощи жертвам войны[202].

Независимо от инициативы ведомств, Совет по призрению мог самостоятельно разрабатывать необходимые меры помощи и испрашивать на этот предмет ассигнования из государственного казначейства. Такие вопросы

[202] Отчет о деятельности Совета по призрению… С. 106-107.

вносились на рассмотрение Совета его комиссиями или же управляющим делами Совета.

Члены Совета по призрению были связаны друг с другом сословными, корпоративными и родственными связями, принадлежа к высшим кругам аристократии и бюрократии Российской империи. Так, ведомство государственного контроля с января 1916 г. было представлено Н.Н. Покровским (впоследствии – последний министр иностранных дел). Одновременно он был членом Особого совещания по продовольственному делу, товарищем председателя Центрального военно-промышленного комитета, заместителем председателя Романовского комитета, а также исполнял должность председателя Главного управления Российского общества Красного Креста. Впоследствии председателем РОКК стал А.А. Ильин – член Государственного Совета по выборам, а также член Совета по призрению[203].

Двоюродный брат Н.Н. Покровского, Г.Г. фон Витте, играл ключевую роль в работе Совета по призрению в качестве управляющего делами. Также он был членом Татьянинского и других комитетов. До войны Г.Г. фон Витте управлял делами Попечительства по охране материнства и младенчества, председательницей которого была императрица.

Членами Совета по призрению были два родных брата – Д.Б. Нейдгарт, вице-председатель Комитета Марии Павловны, и А.Б. Нейдгарт, возглавлявший Татьянинский комитет и член Романовского комитета (он лишь дважды принимал участие в заседаниях Совета по призрению).

На заседаниях Совета по призрению присутствовал заведующий канцелярией императрицы Александры Фёдоровны, её личный секретарь – граф Я.Н. Ростовцев, управляющий делами царских детей и член Комитета помощи русским военнопленным. Также членом Совета по призрению был В.И. Мамантов – главноуправляющий канцелярией Его императорского величества по принятию прошений[204]. Его предшественник на посту главы

[203] Голотик С.И., Ипполитов С.С. Российское общество Красного Креста (1917 - 30-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. №4. С. 237-250.
[204] Мамантов В.И. На государевой службе: Воспоминания. - Таллин : Изд. авт., 1926. - 246 с.

императорской канцелярии – А.С. Танеев, отец Анны Вырубовой, входил в Совет по призрению по должности вице-председателя основанного императрицей Попечительства о трудовой помощи.

Кроме представителей высшей бюрократии, в состав Совета по призрению были включены главы избранных благотворительных обществ: Романовского комитета (состоявшего под покровительством самого императора) и названного в честь наследника Главного Алексеевского комитета. Председатель Государственного Совета А.Н. Куломзин известен как крупный государственный деятель и председатель Романовского комитета для призрения сирот сельского состояния, энергичный организатор его работы. В августе 1915 г. он был избран председателем Наблюдательной комиссии Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Кроме Куломзина, к Романовскому комитету имели отношение ещё три члена Совета по призрению: товарищем председателя Комитета был Н.Н. Покровский, членами – Г.Г. Витте и главноуправляющий собственной его величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии Фёдоровны А.Г. Булыгин, бывший в 1905 г. министром внутренних дел.

Алексеевский комитет представлял А.С. Стишинский, который также стал в 1916 г. председателем Особого комитета по борьбе с немецким засильем. Кроме того, в Алексеевский комитет с довоенных пор входили А.С. Танеев и А.Ф. Трёпов. Членом Совета по призрению был главный попечитель Императорского Человеколюбивого общества сенатор В.И. Маркевич[205]. И.о. председателя Центрального правления Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям – Н.Н. Крейтон, делопроизводитель Главного управления уделов, также был членом Совета по призрению вплоть до своей смерти в 1916 г.

По Положению о Совете по призрению, представитель Александровского комитета о раненых не включался в его состав, однако он был введён по выбору императрицы. Им стал управляющий Александровского

[205] Мурзанов Н.А. Словарь русских сенаторов, 1711-1917 гг. СПб., 2011. С. 266.

комитета, генерал-лейтенант П.А. Смородский, с октября 1910 по январь 1914 г. занимавший должность начальника пенсионного и по службе нижних чинов отдела Главного Штаба.

Также императрицей была приглашена в состав Совета по призрению единственная женщина – Е.А. Нарышкина, статс-дама, старшая фрейлина (обер-гофмейстерина) Александры Фёдоровны. Многие десятилетия Е.А. Нарышкина занималась благотворительной деятельностью в пользу заключённых, участвовала в работе Алексеевского комитета[206].

По приглашению императрицы членами Совета по призрению стали граф П.Н. Апраксин, состоявший при Александре Фёдоровне, товарищ председателя особого комитета Великой княгини Ольги Николаевны; член Татьянинского комитета, московский предприниматель и благотворитель К.В. Рукавишников, в 1893-1897 гг. бывший московским городским головой (скончался в 1915 г.).

Политические позиции Совета по призрению не были монолитными. Сторонниками рабочего взаимодействия с Государственной Думой и общественными организациями были государственный контролёр П.А. Харитонов и министр земледелия А.Н. Наумов. В оппозиции к последнему министру внутренних дел А.Д. Протопопову находились князь В.М. Волконский и министр путей сообщения А.Ф. Трёпов[207]. Занимавший в начале войны пост председателя Государственного Совета, а затем ставший его вице-председателем И.Я. Голубев подал в отставку в связи с выраженным ему высочайшим неудовольствием.

Председатель Думы IV созыва М.В. Родзянко, впоследствии известный своей либеральной антисамодержавной позицией, часто присутствовал на заседаниях Совета по призрению, однако лишь раз он высказал замечания по

---

[206] Нарышкина Е.А. Мои воспоминания. Под властью трех царей. М.: Новое литературное обозрение. 2018. 688 с.

[207] Показания кн. В.М. Волконского, 19 июля 1917 г. // Падение царского режима / ред. П.Е. Щеголев. Л.: Государственное издательство, 1926. Т. 6. С. 128-143.
Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917). Рязань, 2004. С.369-396.

его работе при определении окладов служащих[208]. Также от Государственной Думы в работе Совета по призрению участвовали Е.П. Ковалевский (младший), депутат III и IV Государственной Думы, с 1915 г. – член Чрезвычайной следственной комиссии, изучавшей военные преступления противников России в Первой мировой войне, и М.М. Алексеенко – член Государственной Думы III и IV созывов, принадлежавший к фракции земцев-октябристов, которого связывала с М.В. Родзянко совместная деятельность в Екатеринославском губернском земстве[209].

Были включены в состав Совета по призрению и главноуполномоченные Всероссийских Земского и Городского Союзов – князь Г.Е. Львов, который лишь дважды был на заседаниях Совета, и М.В. Челноков, присутствовавший трижды.

Для значительной части членов Совета по призрению, представлявших Государственный Совет и вошедших в Совет по призрению по приглашению императрицы, была характерна правоконсервативная ориентация. Так, П.П. Кобылинский состоял членом Бюро для взаимной осведомленности и совместных действий правых деятелей. В марте 1914 г. он выступил в качестве члена-учредителя Всероссийского Филаретовского общества народного образования, возникшего по инициативе В.М. Пуришкевича[210]. Также членом Бюро состоял и князь А.Н. Лобанов-Ростовский. Одновременно Лобанов-Ростовский был казначеем Императорского Православного Палестинского общества, членом Особого совещания по обороне и Комитета великой княгини Марии Павловны[211]. А.Н. Лобанов-Ростовский был председателем, а П.П. Кобылинский – членом Совета Русского Собрания. Князь А.А. Ширинский-Шихматов, один из организаторов прославления преподобного Серафима Саровского в 1903 г., в 1907-1912 годах был председателем упомянутого Бюро

---

[208] Журнал заседаний… №12 // Известия Совета по призрению. 1916. №13. С.24, 26-27.
[209] Кирьянов И. К. Алексеенко М. М. — «отец делового парламентаризма» // Власть. — 2009. — № 4. — С. 127—130.
[210] Государственный Совет Российской Империи в годы Первой мировой войны (1914-1917). Том 2 / под общ. ред А.Ю. Шутова и др. — Москва: издательство Московского Университета, 2020. - С. 225-226.
[211] Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900-1917. Отв. редактор О.А. Платонов. М.: Крафт+, Институт русской цивилизации, 2008. С. 290-291.

для взаимной осведомленности и совместных действий правых деятелей. С осени 1916 г. стал председателем Особого комитета для борьбы со злоупотреблениями, порождёнными тыловой обстановкой[212]. В группу крайне правых Государственного Совета входили А.А. Стишинский и А.Н. Наумов[213].

Князь Б.А. Васильчиков, один из основателей и первый председатель Всероссийского национального клуба, вошёл в Совет по призрению по приглашению императрицы. В декабре 1916 г. жена князя, Софья Николаевна, написала письмо императрице Александре Фёдоровне с просьбой удалить Григория Распутина, за что ей было приказано покинуть двор. Борис Александрович сложил свои полномочия и добровольно последовал за своей женой в семейное имение[214].

В годы войны императорская фамилия включала около 60-ти человек; почти все её члены по традиции более или менее активно занимались благотворительной деятельностью, однако почти никто из них не был вовлечён в работу Совета по призрению. Из представителей императорской фамилии в состав Совета вошли великая княгиня Мария Павловна-старшая (вдова дяди императора, великого князя Владимира Александровича), великая княгиня Ксения Александровна – родная сестра царя, и великий князь Георгий Михайлович (состоял при Ставке Верховного Главнокомандующего, занимая должность Генерал-инспектора, затем – в должности Особого уполномоченного Государя), а также старшие дочери императрицы – Ольга и Татьяна.

Отношения между августейшими участницами Совета по призрению были далеки от семейной идиллии. По существу, Александра Фёдоровна была изолирована, а её старшие дочери не принимали ещё какого-либо активного участия в административной работе. Отчуждение между императрицей и её

---

[212] Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений, 1802-1917: Биобиблиографический справочник. 2-е изд. — СПб., 2002. С. 680.
[213] 252. Куликов С.В. Стишинский // Большая российская энциклопедия : Т. 31. — М., 2016. С. 257.
[214] Воспоминания / князь Борис Васильчиков ; [сост., предисл., примеч. Г.И. Васильчикова. Подгот. текста В.П. Полыковской. Коммент. Д.А. Беляева]. - М. : Наше наследие ; Псков : ГУП "Псков. обл. тип.", 2003. - 270 с.

родной сестрой началось задолго до войны. В военные же годы камнем преткновения стала фигура Распутина, не вызывавшая восторга у Елизаветы Фёдоровны и ставшая предметом злых пересудов в салоне «тёти Михень» – Марии Павловны.

Апофеозом противоречий между царской семьёй и императорской фамилией стала вторая половина декабря 1916 г., занятая следствием по делу об убийстве Г.Е. Распутина. Великая княгиня Елизавета Фёдоровна и великий князь Александр Михайлович – тесть Ф.Ф. Юсупова и супруг Ксении Александровны – ходатайствовали перед императором о прекращении преследования убийц[215]. 29 декабря Мария Павловна и её сыновья, в числе прочих представителей императорской фамилии, подписали известное письмо с просьбой о помиловании одного из убийц – великого князя Дмитрия Павловича. После убийства Распутина Мария Павловна открыто предлагала Родзянко «уничтожить» императрицу[216].

Таким образом, в руководящий состав Совета по призрению вошли некоторые члены императорской фамилии, возглавившие именные комитеты или комиссии (за исключением Георгия Михайловича), первые лица государственного управления, представители избранных благотворительных организаций, главы объединений местного самоуправления.

Как председательница, так и председательствующий в Совете по призрению были одними из самых высокопоставленных лиц в империи и по определению не могли уделять работе Совета большую часть своего времени и внимания. Основная организационно-распорядительная работа проходила в отраслевых и функциональных комиссиях и объединялась управляющим делами Совета по призрению. Управляющий делами организовывал его работу, делал доклады на заседаниях и вёл переписку Совета.

Для подробной разработки и обсуждения вопросов, относящихся к предмету ведения Совета по призрению, в его составе были созданы

---

[215] Великий князь Александр Михайлович Книга воспоминаний / предисл. и коммент. А. Виноградова.- М.: Современник, 1991.- 271 с.

[216] Родзянко М. В. Крушение империи. Государственная Дума и февральская 1917 г. революция. С. 209–210.

функциональные подразделения – комиссии. Подготовительная комиссия обсуждала необходимые изменения в законодательстве; Финансовая – не только распределяла средства, но и разрабатывала меры по их привлечению; Распорядительная комиссия вела текущие дела, не требовавшие вынесения на заседание Совета, и рассматривала поступившие на имя Совета прошения и предложения. Позже к ним добавилась Особая Комиссия, ведавшая помощью военно-увечным и по своему характеру приближавшаяся к именным комитетам.

Комиссии состояли из членов Совета по призрению и возглавлялись председателем, назначаемым императрицей. Председатели могли приглашать для работы в комиссиях также представителей отдельных ведомств, сословных учреждений, местного самоуправления, участие которых в работе комиссии признавалось ими полезным.

Кроме того, было образовано постоянное Междуведомственное совещание, занятое рассмотрением проблем законоприменения в сфере призрения лиц, призванных на войну, и их семейств[217]. Совещание имело своего председателя, назначаемого императрицей, включало в свой состав управляющего делами Совета по призрению и членов, назначаемых министрами. К работе совещания, помимо министерств, представленных в Совете по призрению, привлекались представители морского ведомства, а также юстиции. Председателем междуведомственного совещания был член Совета по призрению С.Ф. Вебер.

На рассмотрение Совещания выносились проблемы, возникавшие при применении законов и иных нормативно-правовых документов в сфере социальной помощи. Инициаторами такого рассмотрения могли быть губернаторы, представители ведомств или Распорядительная комиссия самого Совета. В частности, имели значение определения губернских присутствий по делам о выдаче казённого продовольственного пособия, которые признавались окончательными и обжалованию не подлежали; при этом могла складываться

[217] Отчет о деятельности Совета по призрению… С. 13, 109, 118.

различная региональная практика разрешения сходных проблем. По закону разъяснение порядка применения постановлений о призрении нижних воинских чинов было предоставлено министру внутренних дел, военному и морскому министрам, министру финансов. Совет по призрению, объединив представителей этих органов в межведомственное совещание, решал задачу толкования правовых норм, обобщения и анализа правоприменительной практики, разработки новых правовых норм для разрешения спорных моментов.

По завершению обсуждения в Совещании его заключение вместе со справочными сведениями, лежащими в его основе, сообщалось заявителю, возбудившему рассмотрение вопроса. Если выяснялось, что проблема требует изменений закона – составлялся проект необходимых изменений, который вносился в Совет по призрению, а затем выносился им в Совет министров.

На своих заседаниях Междуведомственное совещание рассматривало вопросы о порядке документирования состояния здоровья выписываемых из госпиталей в связи с их правами на пенсию, об установлении единообразного порядка выдачи суточных денег уволенным в отпуск и о правах семей сверхсрочнослужащих нижних чинов на призрение[218].

Также Совет по призрению принял решение собирать опубликованные в прессе сведения о недостатках в деле призрения: несвоевременность в выдаче казённого пособия, неправильность его начисления, злоупотребления в деле получения пособия и т.д. Выявленные факты следовало проверять и обобщать на предмет принятия необходимых мер общего характера. В итоге Распорядительная комиссия не нашла оснований для выработки каких-либо общих мер нормативного толка для предупреждения подобных недочётов[219].

Для ознакомления с постановкой призрения на местах Совет мог командировать главноуполномоченных-инспекторов, как членов Совета по призрению, так и иных лиц по выбору императрицы, с их последующим

[218] Журнал заседаний… №12 // Известия Совета по призрению. 1916. №13. С.82-83.
[219] Журнал заседаний… №4 // Известия Совета по призрению. 1915. №3. С.31; Журнал заседаний… №7 // Известия Совета по призрению. 1915. №6. С.37.

отчётом перед Советом[220]. Инспекторам были назначены немалые командировочные в размере 20 рублей для членов Совета по призрению и Особой Комиссии и 15 рублей – для прочих командированных лиц, а также оплата проезда по железной дороге 1-м классом[221].

Предложения Совета по призрению выносились на рассмотрение Совета министров. Так как председательствующий в Совете одновременно был председателем Совета министров, он и обеспечивал этот процесс. Далее Совет министров запрашивал Высочайшее соизволение на внесение в порядке ст.87 Основных государственных законов изменений в действующие правила. Например, таким образом были изменены сроки выдачи пособий, определённые в Уставе о пенсиях[222].

Первоначально ведением делопроизводства Совета по призрению занималась Государственная канцелярия, но возросшие масштабы его деятельности вызвали необходимость учреждения специализированной канцелярии. Особым журналом Совета министров была учреждена Канцелярия Совета по призрению под руководством управляющего делами и состоящая из чиновников особых поручений 5 и 6 классов. Штат Канцелярии первоначально насчитывал 10 человек, а также экспедитора и казначея. Затем было разрешено причислять в состав канцелярии кандидатов[223]. В начале 1916 г. чинам Канцелярии Совета по призрению было присвоено право носить форменную одежду, установленную для чинов Государственной канцелярии с вензелевыми инициалами Августейшей председательницы Совета на пуговицах и в петлицах[224].

Финансирование расходов на делопроизводство осуществлялось из процентных начислений на средства Совета по призрению в коммерческих банках. Годовая смета делопроизводственных расходов на 1916 г. была

---

[220] Постановления Распорядительной комиссии // Известия Совета по призрению. 1915. №3. С.77; Журнал заседаний… №9 // Известия Совета по призрению. 1915. №7 С.31

[221] Журнал заседаний… №12 // Известия Совета по призрению. 1916. №13. С.30.

[222] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.3. Л.231об.

[223] Отчет о деятельности Совета по призрению… С. 109, 118.

[224] Описание форменной одежды для чинов Канцелярии Совета по призрению, высочайше утверждённое императором 4 февраля 1916 года // Известия Совета по призрению. 1916. №10. С.18.

определена в 25 тыс. рублей[225]. Канцелярия принимала весьма деятельное участие в трудах Совета по призрению, занимаясь подготовкой проектов постановлений и докладов комиссий, ведя переписку по исполнению их решений.

Канцелярия собирала правительственные узаконения и распоряжения, определяющие порядок оказания помощи семьям воинов, и составляла справочные издания по этому предмету. До конца 1915 г. Советом по призрению был издан сборник нормативных актов тиражом 60 тыс. экземпляров, и изложение в доступной форме правительственных мер по поддержке семей мобилизованных и деятельности благотворительных учреждений в этой сфере тиражом 300 тыс. экземпляров. Оба издания распространялись бесплатно[226].

22 апреля 1916 г. императором было утверждено Положение о нагрудных знаках и значках Совета по призрению. По усмотрению августейшей председательницы Совета по призрению его членам, а также деятелям объединяемых им учреждений за их выдающиеся труды мог быть пожалован золочёный нагрудный знак или же значок на цепочке, к которым прилагались дипломы с собственноручной подписью императрицы. Отметка об их получении вносилась в послужные списки лиц, состоящих на государственной службе. Серебряный нагрудный знак и значок на цепочке выдавались по постановлениям Совета по призрению, утверждённым императрицей. Серебряные знаки отличия сопровождались свидетельством за подписью управляющего делами, скреплённым печатью Совета.

Дела о награждении знаками и значками велись Канцелярией Совета. Нагрудный знак должен был носиться мужчинами на левой стороне груди, а женщинами – на левом плече. Первый из таких знаков от имени всего Совета был поднесён императрице[227]. Знаки были именными; при награждении ими с получателя взыскивалась стоимость награды. Нагрудный знак представлял

[225] Журнал заседаний… №8 // Известия Совета по призрению. 1915. №6. С.136.
[226] Отчет о деятельности Совета по призрению… С. 18-19.
[227] Журнал заседаний… №12 // Известия Совета по призрению. 1916. №13. С. 12.

собой золочёный или серебряный матовый крест, наложенный на круг сиреневой эмали с помещённым на нём вензелевым изображением инициалов императрицы Александры Фёдоровны. На лопастях креста сверху размещена императорская корона, и надпись «Верховный Совет 11 августа 1914 года». Значки на цепочках имели меньший размер[228].

Совет по призрению, согласно своему Положению, являлся высшим всероссийским органом объединения всех видов помощи солдатским семьям. Объединение этой помощи на местах, то есть на губернском уровне, возлагалось на Московский, Петроградский и Кавказский комитеты. Спустя год работы Совета по призрению, к середине 1915 г., практика показала, что задача объединения не решена в полной мере. Выяснилось, что на местах действуют многочисленные и весьма разнообразные объединения, занятые помощью семьям воинов, чьи отношения с Советом по призрению не определены должным образом, а взаимная координация не налажена. Это порождало дублирование, неравномерное развитие разных видов призрения и нерациональное распределение имеющихся средств.

Отмечалось, что организационное объединение осуществляется Советом по призрению посредством включения в его состав представителей ведущих правительственных и общественных учреждений в данной сфере. Рассматривая вопрос об объединении деятельности по призрению семей лиц, призванных на войну, на местах, в качестве системного решения проблемы предлагалось возложение координирующих функций на уездном уровне на уездных предводителей дворянства, которые к тому же в большинстве случаев возглавляли уездные комиссии Елизаветинского комитета. Также планировалось включение представителей локальных благотворительных организаций в состав губернских отделений Елизаветинского комитета. Подготовительная комиссия советовала председателям губернских отделений Елизаветинского комитета регулярно приглашать уездных предводителей дворянства на заседания отделений с правом совещательного голоса; на

[228] Журнал заседаний… №12 // Известия Совета по призрению. 1916. №13. С. 149-150.

заседания уездных комиссий рекомендовалось приглашать «*выдающихся местных деятелей*». Председателям уездных комиссий, т.е. предводителям дворянства, рекомендовалось регулярно инспектировать постановку в уезде помощи семьям мобилизованных, осуществляемой разными организациями. На предводителей дворянства предлагалось возложить и контрольные функции, а также разбор и переадресацию частных прошений. Ближе ознакомившись с нуждами населения, уездные предводители должны были, по мысли Совета по призрению, разрабатывать план мероприятий и обеспечивать его финансирование через Елизаветинский комитет. За разрешением встретившихся затруднений общего порядка главы уездных комиссий могли обращаться в Московский Елизаветинский комитет или напрямую в Совет по призрению, оставляя на долю губернских отделений кадровые и организационные вопросы текущей деятельности[229]. Таким образом, в структуре социального призрения проектировалось новое звено – координационный центр уездного уровня. Реализация этого проекта относилась на 1916 г., но он так и не нашёл своего воплощения в жизни. В действительности Совет по призрению делил полномочия по систематизации мероприятий в пользу жертв войны и их финансированию с Елизаветинским комитетом.

По точному смыслу п.7 Положения о Елизаветинском комитете, в его распоряжении должны были находиться все данные по деятельности подлежащих его надзору учреждений, получающих пособия из средств Совета по призрению – такие, как сведения о состоянии денежных средств, об открытых и поддержанных благотворительных учреждениях и реализованных ими мероприятиях[230]. Например, в конце 1915 г. Череповецкий уездный земский комитет по призрению раненых и семейств ушедших на войну обратился в Совет по призрению за назначением постоянного пособия в 5,5 тыс. рублей в год, что соответствовало произведённым земским

[229] Журнал заседаний… №9 // Известия Совета по призрению. 1915. №7. С. 31.
[230] Журнал заседаний… №6 // Известия Совета по призрению. 1915. №4. С.41.

ассигнованиям. При рассмотрении ходатайства было отмечено, что Совет по призрению не располагал никакими сведениями о деятельности Череповецкого комитета и других благотворительных установлений Череповецкого уезда. Так как этими сведениями должен был владеть Елизаветинский комитет – туда и следовало обращаться с ходатайством[231].

Совет по призрению предпринял попытку ввести правило об обращении за пособиями только центральных органов благотворительных учреждений[232]. Так, главы епархий на основании циркуляра Святейшего Синода, изданного на основании постановления Распорядительной комиссии Совета по призрению, должны были сделать распоряжение о том, чтобы благотворительные учреждения при монастырях и приходах впредь возбуждали бы ходатайства о пособиях только через епархиальное начальство, которое, по собрании надлежащих справочных сведений и по признании ходатайства заслуживающим уважения, будет вносить их в Центральное управление духовного ведомства, а последнее, со своим заключением – представлять их в органы, из средств которых пособие испрашивается[233].

Признавая, что Совет не всегда имел данные о том, не получало ли обратившееся с ходатайством о субсидии благотворительное учреждение помощь из какого-либо иного источника, было решено собирать ежемесячные отчёты ведомств об оказанной ими благотворительным организациям помощи, взаимно осведомляя их об ассигнованиях Совета по призрению[234]. К 1916 году Канцелярия Совета по призрению производила регистрацию отпущенных пособий на особых карточках, где отмечалось учреждение-получатель, время выдачи пособия, его размер, вид и назначение[235].

Совет по призрению предпринял попытку регистрации объединений, действующих в сфере его компетенции. Распорядительная комиссия

---

[231] Журнал заседаний… №10 // Известия Совета по призрению. 1916. №9. С.46
[232] РГИА Ф.1253 Оп.1 Д.73 Л.2.
[233] РГИА Ф.1253 Оп.1 Д.73 Л.1. Отношение Канцелярии Обер-прокурора Святейшего Синода в Канцелярию Совета по призрению от 2 мая 1916 г.
[234] Отчет о деятельности Совета по призрению… С. 20-21; Журнал заседаний… №9 // Известия Совета по призрению. 1916. №7. С.48.
[235] РГИА Ф.1253. Оп.1 Д.63. Л.205.

разработала «Правила собирания сведений о пособиях, отпускаемых на связанные с войной благотворительные нужды, и взаимного осведомления о сих пособиях учреждений, ведающих таковые», которыми сбор таких сведений возлагался на управляющего делами Совета и его канцелярию. Следовало выяснить их ведомственную принадлежность, организационную форму, какими уставами регламентирована их деятельность. Сведения подлежали регистрации и статистической обработке[236].

Делопроизводство Совета по призрению вело карточную регистрацию учреждений, оказывающих помощь, и форм оказываемой помощи[237]. К началу 1916 г. были получены сведения о 15 тысячах организаций, сверенные с данными Министерства внутренних дел. На основе этой информации были подготовлены к печати справочники благотворительных учреждений по Владимирской, Киевской, Полтавской, Херсонской губерниям и городам Москве и Петрограду[238]. Очевидно, что информационная поддержка нуждающихся в помощи солдатских семей должна была быть продолжена и относительно других регионов. Столь же очевидны и ограничения этой формы содействия, связанные с общей нестабильностью сферы частной благотворительности, усугублённой развитием экономического кризиса в стране.

«Под крылом» Совета по призрению действовал целый ряд разнообразных организаций, как всероссийского охвата, так и локального характера; как специализировавшихся на помощи жертвам войны, так и тех, для которых это составляло лишь одно из направлений работы. Финансировались и такие структуры, деятельность которых не лежала непосредственно в русле компетенции Совета по призрению. Их финансовая поддержка определялась статусом их августейших покровительниц.

Прежде всего, среди таких организаций следует выделить Склады императрицы Александры Фёдоровны. Первый опыт работы в таком формате

---

[236] Постановления Распорядительной комиссии // Известия Совета по призрению. 1915. №3. С. 69-71.
[237] РГИА Ф.1253 Оп.1. Д.5. Л.84-84об. Постановление Распорядительной комиссии от 26 ноября 1914 г.
[238] Отчет о деятельности Совета по призрению… С.18.

был связан с Русско-японской войной, когда в Зимнем дворце был открыт склад с мастерской, в работе которой государыня принимала личное участие. Деятельность склада должна была уровнять условия в лечебных заведениях Красного Креста и военного ведомства[239]. Описание склада в Харбине оставил военный корреспондент Н.Э. Гейнце, назвав его «*одним из самых симпатичных и благодетельных учреждений, созданных для нужд русской армии*»[240]. Отметим, что работа Склада была всецело ориентирована на нужды действующей армии.

С началом Первой мировой войны работа Склада императрицы возобновилась, расширившись и усложнившись. Цель его существования заключалась в удовлетворении различных потребностей лазаретов и фронтовых воинских частей. Здесь следует заметить, что военная медицина в исследуемый период находилась в руках Военного ведомства и Красного Креста – даже Земский и Городской Союзы формально считались состоящими под патронажем Красного Креста. Тем самым, деятельность Склада императрицы вторгалась в сферу их компетенции. Склад снабжал необходимыми предметами лазареты и воинские части, находящиеся на передовых позициях, фактически дублируя работу интендантства.

Спустя год своей деятельности Склад насчитывал 15 отделов и около 6 тысяч сотрудниц. Обращают на себя внимание Отдел по выдаче работ на дом, два отдела кройки, Изготовительный отдел в Зимнем дворце с отделением машиновязальных работ. За год было раскроено около 2 млн единиц белья и сшито около миллиона единиц, причём 1/3 этого количества была пошита на дому жёнами запасных[241]. Именно это направление деятельности Склада – предоставление работы солдаткам – можно признать соответствующим уставным целям Совета по призрению. Однако Попечительство о трудовой

---

[239] Шевцова Г.И. Деятельность складов императрицы Александры Фёдоровны в период русско-японской и Первой мировой войн // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. №28. 2018. С. 284.
[240] Гейнце Н.Э.В действующей армии: Письма военного корреспондента. – СПб., 1912.- С. 232.
[241] Краткий обзор годовой деятельности склада ее императорского величества государыни императрицы Александры Фёдоровны в Зимнем дворце. 23 июля 1914 г. - 23 июля 1915 г. Пг., 1915. 24 с. С. 12.

помощи отмечало, что расценки интендантства были низкими. Так, пошив комплекта солдатского беля (рубашка и кальсоны) стоил 21 копейку[242]. То есть, изготовив 300 000 единиц белья (150 000 комплектов) – солдатки могли бы заработать на этом всего около 30 тысяч рублей, что несопоставимо с тем финансированием, которое Склад получал от Совета по призрению.

За первый год войны оборот Склада превысил 2,5 млн. рублей[243]. От Совета по призрению Склад императрицы Александры Фёдоровны получил до конца 1915 г. 3 млн. рублей из средств благотворительной лотереи[244]. К марту 1916 г. на нужды Склада императрицы было израсходовано уже 6,3 миллиона рублей. На 1916 г. Склад представил Совету по призрению смету на 4,14 млн. рублей. Очевидно, что лишь незначительная часть этих средств выплачивалась жёнам запасных за шитьё белья, в основном затраты шли на транспортировку и отчасти закупку необходимых предметов, в том числе и за границей.

В конце 1915 г. операционные расходы складов в Петрограде, Москве и Харькове составляли до 400 тыс. руб. в месяц, а к весне 1916 г. из-за роста цен (а не роста объёмов деятельности) они достигли 540 тыс. руб. в месяц. Совет по призрению одобрил ассигнование лишь 460 тыс. рублей в месяц. Ежемесячное финансирование Складов императрицы, наряду с финансированием Особой Комиссии, к 1916 г. стало основной строкой регулярных расходов Совета[245]. При этом на заседаниях Совета по призрению и его комиссий никогда не поднимался вопрос, какая часть этих денег идёт в пользу солдаток, а какая – расходуется на нужды действующей армии, и насколько эффективны эти расходы.

Кроме Склада императрицы Александры Фёдоровны сходные учреждения меньшего масштаба состояли под началом вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны и великой княгини Ксении Александровны. Они также получали финансирование от Совета по призрению. Киевский

---

[242] Помощь семьям запасных и ратников // Трудовая помощь. 1916. №2. С.139.
[243] Краткий обзор… С. 20.
[244] Отчет о деятельности Совета по призрению… С. 29.
[245] Журнал заседаний… №10 // Известия Совета по призрению. 1916. №9. С.28.
Журнал заседаний… №12 // Известия Совета по призрению. 1916. №13. С.38, 76.

склад императрицы-матери Марии Фёдоровны в 1914-1915 году получил 1,5 миллиона рублей, из них 1 миллион – из средств лотереи Совета по призрению[246]. Великая княгиня Ксения Александровна с самого начала войны также учредила в своём дворце склад для изготовления солдатского белья. Вместе с бельём на передовые позиции отправлялся сахар, табак, мыло, чай и другие полезные предметы, а также перевязочные материалы. Также Склад выдавал на дом оплачиваемые заказы на шитьё белья жёнам призванных и другим бедным женщинам. При ежемесячном расходе в 16 тыс. рублей собственно на нужды семей воинов и призрение раненых Склад расходовал не более 8 тыс. руб., однако Финансовая комиссия рекомендовала ассигновать ему 50 тыс. рублей для продолжения работы до конца 1915 года[247].

На 1916 год Склад Марии Фёдоровны представил Совету по призрению смету на 1,5 миллиона рублей, Склад Ксении Александровны – на 40 тысяч рублей[248]. Соединёнными комиссиями было решено ежемесячно ассигновать 150 тыс. рублей Складу вдовствующей императрицы[249].

Великая княгиня Мария Павловна-старшая вошла в Совет по призрению по её личному обращению к императрице с просьбой принять под покровительство созданный по её инициативе и лично ею руководимый Комитет по снабжению одеждой нижних чинов, увольняемых на родину из лечебных заведений[250]. Комитет существовал как отдельное подразделение Совета по призрению, имел разветвлённую структуру, включавшую главноуполномоченных, уполномоченных, особо уполномоченных губернаторов и градоначальников. Образование Комитета и придание ему статуса, отличного от большинства других вызванных войной благотворительных начинаний, было результатом личной активности амбициозной Марии Павловны. Великая княгиня была очень деятельной

---

[246] Отчет о деятельности Совета по призрению… С.29.
Журнал заседаний… №8 // Известия Совета по призрению. 1915. №6. С.134
[247] Журнал заседаний… №8 // Известия Совета по призрению. 1915. №6. С. 108.
[248] Журнал заседаний… №12 // Известия Совета по призрению. 1916. №13. С. 34-35.
[249] Журнал заседаний… №12 // Известия Совета по призрению. 1916. №13. С. 77.
[250] Матвеева Н.Л. Ук. соч. С. 31.
ГАРФ. Ф.655 Оп. 1. Д. 74. Л.1-2.

председательницей Комитета, часто выступала на его заседаниях, готовила и подписывала документы. Вице-председателем Комитета был назначен член Государственного Совета Д.Б. Нейдгарт. Проект Положения о Комитете Марии Павловны был разработан Военным ведомством, из него же отпускались средства для деятельности Комитета[251].

Предметом заботы Комитета были раненые, проходившие лечение в госпиталях и лазаретах. Попав в госпиталь иногда прямо с поля сражения или проведя на лечении длительный срок, солдаты могли не иметь подходящей к сезону формы или не иметь её вообще, а госпитальную одежду необходимо было сдать при выписке. Выдача обмундирования была обязанностью воинских начальников, которые, однако, были перегружены другими задачами и зачастую не имели запаса необходимых вещей. Довольно большое число раненых получали длительные отпуска на родину, некоторым из них предстоял дальний и долгий путь домой. Немалое количество раненых после медицинской комиссии признавались негодными к военной службе, т.е. инвалидами, и увольнялись из рядов армии. Им также была необходима одежда, чтобы добраться до дома. В процессе работы отделения Комитета Марии Павловны обзавелись мастерскими по изготовлению одежды для увольняемых на родину, приютами-мастерскими, где военные инвалиды ожидали протезирования и могли освоить какое-либо новое занятие[252].

Идея Марии Павловны в целом была востребованной и, безусловно, полезной – однако масштаб её деятельности всё же значительно уступал размаху Елизаветинского или Татьянинского комитетов. Как и у Складов императрицы, лишь часть функций Комитета Марии Павловны была непосредственно связана с предметом деятельности Совета по призрению.

Общества и учреждения, получавшие деньги от Совета по призрению и занятые помощью жертвам войны, именовались «подведомыми учреждениями». В их отношении Совет по призрению рассматривал

---

[251] Журнал заседаний… №6 // Известия Совета по призрению. 1915. №4. С.17.
[252] Матвеева Н.Л. Ук. соч. С.58.

соответствие содержания их деятельности целям Совета. Зачастую ходатайства о финансовой помощи одобрялись со снижением суммы вспомоществования, чему предшествовал разбор потребностей и источников для их удовлетворения. В круг таких «подведомых учреждений» входили как крупные и существующие давно общества, так и сравнительно небольшие, возникшие во время войны. Взаимоотношения Совета по призрению с подведомыми учреждениями будут рассмотрены в последнем параграфе главы.

2.2 Финансовые основы деятельности Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов

Согласно своему Положению, Совет по призрению получал право распределять между учреждениями, оказывающими помощь жертвам войны, казённые ассигнования и частные пожертвования, а также изыскивать иные меры, способы и средства усиления призрения. Министерство финансов выделяло Совету по призрению средства государственного казначейства с тем, чтобы по окончании войны необходимое для продолжения его работы финансирование было испрошено через законодательные учреждения[253]. В отношении государственных средств Совет проводил предварительное обсуждение их объёма и назначения[254]. Финансируя деятельность благотворительных учреждений, Совет по призрению устанавливал правила выдачи пособий и определял условия финансирования[255]. Так, в октябре 1914 г. Финансовая комиссия обсуждала вопрос об установлении единообразного размера пособий для детей, размещаемых в петроградские приюты. Было рекомендовано уменьшить размер такого пособия со 150 до 120 руб. в год,

[253] Журнал заседаний… №12 // Известия Верховного Совета. 1916. №13. С.27.
[254] Отчет о деятельности Верховного Совета… С.8.
[255] Отчет о деятельности Верховного Совета… С. 106.

ориентируясь на данные Общества попечения о бесприютных детях[256]. Ассигнованию должно было предшествовать обследование работы учреждения и установление правильности организации его хозяйственной деятельности. Отчёты об освоении отпущенных сумм было решено сделать ежеквартальными[257]. Таким образом, финансовая функция Совета по призрению обуславливала его экспертную и нормативно-распорядительную роль.

Изучение состава источников финансовых средств, которыми располагал Совет по призрению, является весьма важным, так как позволяет охарактеризовать сущность этого учреждения. За 1914-1915 гг. благотворительные пожертвования, перечисленные непосредственно Совету по призрению, составили 774,5 тыс. рублей наличными деньгами и 170 тыс. рублей в процентных бумагах[258] – т.е. около 1 млн. рублей. Ещё миллион был отпущен Совету по призрению государственным казначейством[259]. Таким образом, на первом этапе благотворительность и государственное участие уравновешивали друг друга.

Для получения пожертвований Совет прилагал усилия по информированию о своей деятельности широких слоёв. Сведения о задачах Совета и порядке приёма пожертвований бесплатно размещались во всех массовых газетах. Результатом этого был не только приток пожертвований, но и рост числа обращений за помощью.

По мере продолжения войны отмечалось сокращение пожертвований, поступавших в адрес Совет по призрению (Приложение 1). Это происходило как вследствие нарастания трудностей и ухудшения материального положения жертвователей, так и из-за роста числа нуждавшихся в помощи, что приводило к распылению благотворительных средств. Говорить о значительном

---

[256] Журнал заседания Совета по призрениюот 16 октября 1914 г. №3 // Известия Верховного Совета. 1914. №2. С.15.
[257] Журнал заседаний… №6 // Известия Верховного Совета. 1915. №4 С.34.
[258] Ведомость суммам, поступившим в Совет по призрению за время с 11 августа 1914 по 1 января 1916 года // Отчет о деятельности Верховного Совета… С. 132.
[259] Отчет о деятельности Верховного Совета… С.25.

сокращении числа пожертвований было бы неправильно, так как следует принимать во внимание пожертвования, получаемые не только самим Советом, но и отдельными элементами его системы – Елизаветинским и Ольгинским комитетами, Особой Комиссией и подчинёнными им структурами и учреждениями. Оценить же в динамике всю совокупность полученных этим сектором частных благотворительных средств не представляется возможным.

Уже в первые месяцы работы Совета, когда приток пожертвований был значительным и среди них встречались весьма крупные, Финансовая комиссия признавала, что частных пожертвований далеко недостаточно для реализации задач Совета[260].

В качестве нематериальных мер поощрения и мотивации жертвователей по ходатайству Иркутского генерал-губернатора было принято решение о представлении крупных жертвователей к государственным наградам через местные отделения Елизаветинского комитета[261].

В первые полтора года работы Совета не частные пожертвования и не бюджетные средства стали важнейшим источником финансирования его деятельности. Советом по призрению был реализован масштабный проект всероссийской благотворительной лотереи, которая принесла более 16 миллионов рублей. С одной стороны, эти средства соответствуют категории добровольных благотворительных пожертвований. Но, с другой стороны, организация лотереи была невозможна без государственной поддержки, касавшейся как санкционирования лотереи, так и её проведения.

Лотереи занимали важное место в ряду источников средств российской благотворительности, однако организация лотереи рассматривалась не как регулярный способ усиления средств того или иного благотворительного проекта, а как мера исключительного характера. Проведение всех прочих лотерей, кроме благотворительных, было запрещено как «*приучающее население к азартной игре и возбуждающее стремление к быстрой наживе*».

---

[260] Отчет по высочайше разрешенной благотворительной лотерее 1914 года. - Пг., 1917.С. 5.
[261] РГИА Ф.1253. Оп. 1. Д.41. Л.1.

В 1901 г. были приняты «Правила о порядке выдачи разрешений на лотереи и наблюдения за их разыгрыванием», согласно которым проведение благотворительных лотерей сопровождалось существенными ограничениями: запрещались денежные выигрыши (разыгрывались какие-либо ценные вещи), стоимость тиража не должна была превышать 1,5 тыс. рублей. Как правило, доход от таких лотерей составлял 50%, т.е. 750 рублей. Была запрещена продажа лотерейных билетов вне городов; заниматься продажей билетов могли исключительно члены благотворительных обществ, проводящих лотерею, а не сторонние лица. Воспрещалось проведение лотерей заведениями, получавшими финансирование от местного самоуправления. Последняя общегосударственная лотерея – в пользу голодающих – прошла в 1891 году. В царствование Николая II несколько сравнительно крупных лотерей, выигрыш которых составлял 15-25 тыс. рублей, в виде исключения были проведены в пользу учреждений, состоящих под покровительством августейших сестёр – Александры Фёдоровны и Елизаветы Фёдоровны[262].

В годы Первой мировой войны был реализован крупнейший проект проведения общегосударственной лотереи по примеру лотереи в пользу голодающих. Её организация была исключительной: разыгрывались денежные призы, лотерейные билеты продавались повсеместно самыми разными учреждениями. Разработкой порядка её проведения занималась Финансовая комиссия Совета по призрению. Предполагался выпуск билетов на 10 млн. руб., выигрыши составляли 1,5 млн. руб.[263]. Однако на частном совещании с представителями московских и петроградских коммерческих банков 22 ноября 1914 г. было высказано мнение о возможности реализации вдвое большего тиража билетов. Эта позиция была представлена Совету министров на заседании 25 ноября и получила одобрение[264].

---

[262] Павлова И.П. Благотворительные лотереи в дореволюционной России // Благотворительность в России: Социальные и исторические исследования. СПб.: Лики России, 2001. С.429-435.
[263] Матвеева Н.Л. Ук. соч. С. 115.
[264] Отчет по … лотерее… С.6.

Чтобы подобные мероприятия не конкурировали друг с другом, Финансовая комиссия предлагала организовать проведение одной крупной денежной лотереи, с тем, чтобы средства от неё были распределены не только между связанными с Советом по призрению организациями, но в пользу учреждений, заботящихся о раненых и оказывающих помощь жителям пострадавших от войны местностей[265]. Доход от лотереи организаторы предполагали распределить следующим образом: 2 млн. рублей предназначались Татьянинскому комитету, 1 млн. – Красному Кресту и 1 млн. – Складу императрицы Александры Фёдоровны. Остальные средства – свыше 4 млн. – поступали в распоряжение Совета по призрению. Совет министров включил в этот перечень Склады императрицы Марии Фёдоровны, которым причитался 1 млн. рублей[266].

Продажа лотерейных билетов стартовала 18 декабря. До конца года было продано билетов почти на 6 млн. рублей, причём более трети этой суммы дал Петроград. В провинции реализация шла менее активно – это связывалось с недостаточной осведомлённостью о лотерее[267]. Для популяризации лотереи было изготовлено 23 варианта рекламных плакатов, оттиски которых размещались в публичных местах – в том числе в трамваях. Эскиз одного из таких плакатов был выполнен художником Экспедиции заготовления государственных бумаг Р.Г. Зарриным (Зариньшем) – автором дизайна почти всех российских банкнот начала XX века. Более 1300 периодических изданий разместили объявления о лотерее. Также билеты лотереи продавались и в Финляндии – для этого были отпечатаны плакаты на финском языке.

Средства, поступавшие от продажи билетов благотворительной лотереи, зачислялись на счета в крупных частных банках – Русском для внешней торговли, Азовско-Донском, Московском купеческом, Соединённом и Сибирском торговом. Эти кредитные учреждения согласились начислять 5% годовых на эти суммы, что принесло Совету по призрению доход,

---

[265] Журнал заседаний… №4 // Известия Верховного Совета. 1915. №3. С.22-23.
[266] Там же.
[267] Сведения о ходе продажи лотерейных билетов // Известия Верховного Совета. 1915. №4. С.44-45.

превысивший полмиллиона рублей. Предназначенные для выплаты выигрышей 3 млн. рублей были помещены под 5% годовых в Учётно-Ссудный банк Персии. Начисляемые проценты обращались на покрытие текущих расходов по делопроизводству, изготовлению и рассылке тиражных таблиц[268].

В начале января Комитет благотворительной лотереи принял меры к увеличению числа мест продажи билетов, привлекая к этому посредством Главного управления почт и телеграфов до 4 тысяч почтовых отделений, 2664 земских начальников, 1286 податных инспекторов, 474 инспекторов мелкого кредита, распространявших билеты среди крестьян. Всем должностным лицам было вменено в обязанность оповещать широкие круги о целях лотереи. Также продажа билетов велась и через местные отделения Елизаветинского комитета. В результате этих мер число мест продажи билетов выросло более чем вдвое и превысило 17 тысяч[269].

Всего было выпущено 4 млн. билетов двух серий; из них 0,9 млн. было оставлено в резерве и для реализации в Петрограде, а остальные были распределены между конторами Государственного банка. В дальнейшем билеты распределялись ими в местных казначействах, государственных сберегательных кассах и отделениях коммерческих банков. Казначейства, в свою очередь, должны были снабжать билетами почтово-телеграфные учреждения. С правлениями 268 крупнейших заводов и фабрик было достигнуто соглашение о продаже лотерейных билетов в заводских и фабричных кассах.

Стоимость полного билета составляла 5 рублей; он был разделён на 5 купонов, которые можно было приобретать по отдельности. Первоначально предполагалось, что билеты будут преимущественно приобретаться целиком представителями состоятельных классов, как это имело место в 1891 году[270]. Однако практика показала, что наибольшим спросом пользуются рублёвые части полного билета.

---

[268] Журнал заседаний… №8 // Известия Верховного Совета. 1915. №6. С.115.
[269] Журнал заседаний… №7 // Известия Верховного Совета. № 6. 1915. С.45.
[270] Отчет по … лотерее… С.23.

К 23 февраля было собрано без малого 12 млн. рублей[271]. Первоначально продажу билетов планировали окончить 1 марта. Однако за неделю до этого срока было продано всего лишь 60% тиража, из них половина – за первую неделю продажи, которая пришлась на предрождественские дни[272]. Первоначальный высокий спрос на лотерейные билеты затем несколько сократился, причём падение интереса было более выражено в крупных городах, где первоначально продажи шли лучше, чем в провинции. Из продажи в январе 1915 г. на долю столиц пришлось 20%, провинция дала 80% сборов[273].

Широкую продажу билетов продлили до 15 мая, а реализацию из казначейств – до 17 июня. При этом полностью увеличенный тираж реализовать не удалось: билетов было продано на 19 млн. рублей. Около 5% билетов остались непроданными[274]. Розыгрыш проходил в два этапа – 1 и 20 июня, что подогревало интерес к лотерее. Было уплачено 2,7 млн. рублей выигрышей. Самый крупный выигрыш серии составлял 100 тысяч рублей, наименьший – 200 рублей (сумма выигрыша делилась между купонами билета)[275]. Признавалось, что максимальный выигрыш выглядел недостаточно привлекательно для публики в сравнении с главным выигрышем внутреннего займа в 200 тыс. рублей[276].

Чистый доход от лотереи составил 16,8 млн. рублей[277]. К распределению этой суммы Совет по призрению приступил по мере получения денег, не дожидаясь завершения лотереи. В итоге к началу 1916 г. весь сбор от лотереи был распределён.

Всего Советом по призрению за 1914-1915 годы было выдано чуть более 17,1 млн рублей пособий различным обществам и учреждениям. Эти пособия распределились следующим образом: 3,5 млн получил Елизаветинский

---

[271] Заседание Совета по призрению25 февраля 1915 года // Известия Верховного Совета. 1915. №5. С.11.
[272] Журнал заседаний… №6 // Известия Верховного Совета. 1915. №4. С.45.
Заседание Совета по призрению25 февраля 1915 года // Известия Верховного Совета. 1915. №5. С.11.
[273] Журнал заседаний… №7 // Известия Верховного Совета. 1915. № С. 47.
[274] Отчет по лотерее… С.23.
[275] Там же. С.59
[276] Отчет по… лотерее… С.23.
[277] Отчёт по … лотерее… С. 21.

комитет; 3 млн – Татьянинский, 2,2 млн – Ольгинский; 3 млн рублей было передано Складу императрицы Александры Фёдоровны, 1,5 млн. – Складу императрицы-матери Марии Фёдоровны[278]. Особой комиссии до конца 1915 г. было перечислено 1 млн руб.[279].

Комитет Елизаветы Фёдоровны, который выполнял на местах исполнительную и экспертную роль, указывал, что насущная нужда в помощи не может быть удовлетворена только местными средствами и требовал финансовой поддержки одних органов другими в нисходящем порядке – иными словами, перераспределения благотворительных и иных средств в общегосударственном масштабе, что предусматривалось Положением о Елизаветинском комитете. Исходя из этих соображений, Комитет великой княгини Елизаветы Фёдоровны возбудил ходатайство об открытии ему Советом по призрению кредита в размере 1,2 млн. рублей на удовлетворение насущных нужд его губернских комитетов из расчёта 1 тысячи рублей на уезд и 5 тысяч рублей на каждое губернское отделение. Соглашаясь с обоснованностью такой постановки проблемы, Совет по призрению, тем не менее, направил на рассмотрение своей Финансовой комиссии вопрос об определении общей суммы денежных пособий и порядке их выдачи, выделив Елизаветинскому комитету на первое время 200 тысяч рублей. Затем были ассигнованы ещё 400 тысяч рублей – т.е. половина просимой суммы[280].

За первое полугодие 1916 г. Совет по призрению получил от правительства ещё 4 млн рублей. Первый транш в 2 млн. руб. был распределен следующим образом: 920 тыс. рублей было передано Складам императрицы, 250 тыс. – Московскому городскому попечительному совету об увечных и больных воинах на сооружение приюта, 200 тыс. – Романовскому комитету, 200 тыс. – Елизаветинскому комитету, 213 тыс. – Особой Комиссии и 20 тыс. руб.

---

[278] Отчет о деятельности Верховного Совета… С. 29.
[279] Журнал заседаний… №8 // Известия Верховного Совета. 1915. №6. С.90-91; Журнал заседаний… №9 // Известия Верховного Совета. 1915. №7. С.43.
[280] Журнал заседаний… №3 // Известия Верховного Совета. 1914. №2. С.16. Журнал заседаний… №4 // Известия Верховного Совета. 1915. №3. С.34.

– Костромскому отделению Елизаветинского комитета также на устройство приюта[281].

В смете на 1916 г. на основе расходов предыдущего года и поступивших в Финансовую комиссию смет, было предположено следующее распределение средств: 5,64 млн. рублей – складам Александры Фёдоровны и Марии Фёдоровны на условиях регулярного ежемесячного финансирования; Особой Комиссии – 15 млн. рублей; 1,3 млн. – Елизаветинскому и Ольгинскому комитетам. 300 тыс. руб. предполагалось направить на осуществление деятельности собственно Верховного Совета по призрению. Общая сумма представленных смет составляла 23 миллиона рублей; добавление к ней пособий прочим благотворительным учреждениям доводило итог до 30 млн рублей, которые и были согласованы Министерством финансов к отпуску из государственного казначейства на осуществление мероприятий по призрению увечных воинов и семей лиц, призванных на войну[282].

Таким образом, в 1914-1915 годах между различными благотворительными организациями (за исключением благотворительных комитетов) было распределено около 2,5 млн. рублей. В 1916 г. эта сумма была увеличена до 7 млн. рублей. В конце февраля 1917 г., непосредственно перед началом Февральской революции, Совет по призрению вошёл в Совет министров с просьбой утвердить, согласно Высочайше утверждённого порядка разрешения чрезвычайных по гражданским ведомствам кредитов на потребности военного времени, отпущенный Министерством финансов очередной аванс из средств Государственного Казначейства в 7 млн руб. на неотложные надобности Складов их императорских величеств, Особой Комиссии и комитетов их императорских высочеств. При этом сообщалось, что аванс в 5 миллионов рублей, отпущенный 4 ноября 1916 г., полностью израсходован[283]. Это показывает, как росла динамика расходов Совета по призрению, подчёркивая значимость казённого финансирования в его

[281] Журнал заседаний… №12 // Известия Верховного Совета. 1916. №13. С.76.
[282] Журнал заседаний… №12 // Известия Верховного Совета. 1916. №13. С.34-35.
[283] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.87. Л.9-9об.

бюджете. На динамику оказывало влияние как увеличение масштабов деятельности опекаемых Советом организаций, так и инфляционные процессы.

В сентябре 1914 г. Главное управление местного хозяйства МВД обратилось к управляющему делами Совета по призрению с просьбой сообщить, предназначены ли ассигнуемые из государственного казначейства Совету денежные суммы исключительно на выдачу безвозвратных пособий, или же они могут служить также источником ссуд для учреждений местного самоуправления. Главное управление сообщсло, что все города Империи в связи с войной переживают финансово-экономический кризис[284].

Финансовая комиссия Совета по призрению полагала, что органам земского и городского самоуправления следует использовать для помощи семьям воинов собственные средства – так как за земскими и городскими учреждениями по Земскому и Городовому положениям закреплены обязанности осуществлять призрение. Оказание же финансовой помощи местному самоуправлению является задачей Министерства внутренних дел, в распоряжении которого предоставлены для этой цели особые и весьма значительные средства. Просьбы о пособии, основанные лишь на общем затруднительном финансовом положении того или иного земства или города, были признаны не подлежащими удовлетворению из средств Совета по призрению.

Рассмотрев этот вопрос на соединённом заседании Финансовой и Подготовительной комиссии, члены Совета пришли к заключению, что Совет по призрению занят распределением одних лишь безвозвратных пособий, но не ссуд[285]. Вместе с тем, если органы местного самоуправления запланируют какие-либо особые меры, способные коренным образом решить некоторые проблемы семейств мобилизованных – в таком случае, как исключение, средства для их реализации могли быть выделены Советом по призрению по

[284] Журнал заседаний… №8 // Известия Верховного Совета. 1915. №6. С.138.
[285] РГИА Оп.1. Ф.1253. Д.4. Л.29.

рекомендации Министерства внутренних дел и при отсутствии иных источников финансирования. Указывалось, что менее значительные и дорогостоящие мероприятия земств и городских самоуправлений могли претендовать на пособие Елизаветинского комитета, опять-таки испрашиваемое через МВД и получившее положительное заключение Министерства внутренних дел[286].

Примером такого подхода может служить рассмотрение обращения Новоржевской управы Псковской губернии, просившей у Совета по призрению 5 тыс. руб. на поддержание деятельности трёх комитетов, созданных земством для оказания помощи семьям лиц, призванных на войну. Поскольку управа не указала ни конкретных мер, ни сведений о числе нуждавшихся в помощи, не сообщив и о каких-либо особых обстоятельствах, делающих помощь Совета необходимой и неотложной, ходатайство было признано подлежащим передаче на рассмотрение МВД[287].

Ассигнования Совета по призрению в пользу земств были исключением. Городская дума Каменец-Подольска Подольской губернии просила о выделении 23,5 тыс. рублей безвозвратного пособия для обеспечения солдатских семей, так как выдаваемого казной пособия едва хватало для их пропитания. Из 1300 жителей города 500 человек были членами солдатских семей. Для удовлетворения их насущных нужд Дума назначила из городских сумм дополнительное пособие по 3 рубля в месяц взрослому и 1,5 руб. – ребёнку до 5 лет. Не нуждались в таком пособии только 15 семей. Городские власти представили Совету по призрению подробную смету найма, отопления и освещения разных по размеру жилых помещений с учётом летнего и зимнего сезонов. Главное управление по делам местного хозяйства МВД высказалось за удовлетворение ходатайства Каменец-Подольска. Финансовая комиссия уменьшила круг призреваемых лиц за счёт исключения бездетных солдатских жён и уменьшила размер квартирного пособия, рекомендовав в виде

[286] Журнал заседаний… №5 // Известия Верховного Совета. 1915. №3. С.49-52.
[287] Журнал заседаний… №8 // Известия Верховного Совета. 1915. №6. С.137-138.

исключения предоставить разорённому неприятелем Каменец-Подольску 15 тыс. рублей[288].

Редкое исключение из принятого правила составил также Севастополь. Севастопольская городская дума вышла в Совет по призрению с ходатайством об отпуске 40 тыс. руб. на компенсацию семьям призванных найма жилья в зимние месяцы. Ходатайство было завизировано Севастопольским градоначальником и министром внутренних дел. Указывалось, что Севастополь как база Черноморского флота находится в зоне военных действий, и семьи мобилизованных не имеют возможности ни покинуть город, ни найти себе в городе дополнительный источник дохода ввиду почти полной приостановки торговой и промышленной жизни. По рекомендации Финансовой комиссии Совет по призрению согласился отпустить Севастопольской городской думе 35 тыс. руб. для наделения дополнительным квартирным пособием действительно нуждающиеся семьи[289]. С декабря 1915 г. по февраль 1916 г., по исчерпании отпущенной Советом по призрению суммы, пособия продолжали выплачиваться из городских средств. Без очередных перечислений этот вид помощи был бы прекращён, что было признано нежелательным. Было санкционировано перечисление Севастопольскому городскому самоуправлению 35 тыс. руб. на продолжение выплаты дополнительных пособий наиболее нуждающимся семьям призванных до 1 февраля 1917 г.[290].

К концу 1915 г. в Совет по призрению поступили ходатайства Костромы, Екатеринослава, Новгорода, Пскова, Киева, Харькова и Симбирска о выдаче из средств Совета пособия на дополнительную финансовую помощь семьям мобилизованных. В основе всех ходатайств лежала констатация неудовлетворительного состояния городского бюджета. На тех же основаниях Министерство внутренних дел поддержало эти обращения, общая сумма которых приблизилась к полумиллиону рублей. Позиция МВД сводилась к

[288] Журнал заседаний… №8 // Известия Верховного Совета. 1915. №6. С.128.
[289] Журнал заседаний… №6 // Известия Верховного Совета. 1915. №4. С.35-36.
[290] Журнал заседаний… №12 // Известия Верховного Совета. 1916. №13. С.56.

признанию большей нужды городских жителей по сравнению с сельскими при одинаковом размере казённого пайка для городов и сельской местности[291].

Позиция Финансовой комиссии, вторично обратившейся к рассмотрению этой темы, была основана на том, что органы местного самоуправления могли бы получить пособия Совета по призрению только на реализацию каких-либо «определённых особых мер», а не на механическое производство доплат к казённому пособию. Отмечалось, что финансовые трудности переживаются всеми городами, и оказание помощи некоторым из них повлечёт за собой обращение за поддержкой всех остальных. Это превысит финансовые возможности Совета по призрению, в то время как отпуск дополнительных средств из государственного казначейства следует признать невозможным ввиду и без того значительных военных расходов казны. Указывалось также, что местные органы самоуправления имеют полную возможность провести обследование материального положения семей мобилизованных и установить круг действительно нуждающихся, чего до настоящего времени не было сделано. Местные средства также могли быть усилены кредитами Министерства внутренних дел и Министерства финансов, в распоряжении которых находились не исчерпанные к текущему моменту специально предназначенные для этих целей средства. Так, на основании журнала Совета министров, высочайше утверждённого 10 декабря 1914 г., в распоряжении министра внутренних дел было передано 17 миллионов рублей процентными бумагами для выдачи земствам ссуд на покрытие неотложных сверхсметных расходов, причём из этой суммы было выдано ссуд лишь на полтора миллиона рублей. Также органами местного самоуправления могли быть получены ссуды из касс Городского и земского кредита[292].

Совет по призрению избегал прямого финансирования проектов небольших, локально действующих обществ. Так, по ходатайству Новоладожского церковно-приходского попечительства о выдаче средств на

[291] Журнал заседаний… №10 // Известия Верховного Совета. 1916. №9. С.35.
[292] Журнал заседаний… №10 // Известия Верховного Совета. 1916. №9. С.35.

оказание помощи призреваемым 30 воинским семействам, Финансовая комиссия докладывала Совету, что выдача вспомоществования благотворительному учреждению с незначительным кругом деятельности непосредственно Советом помимо местного отделения Елизаветинского комитета представляется нецелесообразной[293]. Таким образом, распределение средств Совета по призрению было замкнуто на два территориальных комитета – Елизаветинский и Ольгинский, на которые возлагалась также экспертиза ходатайств. Исключение составляли те благотворительные организации, которые наладили взаимоотношения с Советом в первые месяцы его деятельности, когда обращений к нему было ещё немного. Такие общества и впоследствии продолжали получать средства от Совета по призрению с известной регулярностью.

Например, Виленское губернское попечительство детских приютов Ведомства императрицы Марии предложило открыть в трёх своих приютах дополнительно 50 мест для детей-сирот воинов, запрашивая пособие в 46 рублей на открытие одного места и 72 рубля в год на его содержание. Несмотря на то, что запрашиваемая сумма была заметно ниже установленной для Петрограда, Финансовая комиссия Совета по призрению поручила Елизаветинскому комитету провести обследование деятельности приютов и выяснить на месте условия удовлетворения ходатайства, внеся затем от своего имени запрос об отпуске необходимых средств[294]. Общество трудовой помощи образованным лицам предложило устроить типографию, в которой могло бы работать 150 человек, а также приют при ней на 100 человек. Ходатайство было передано на рассмотрение в Особую Комиссию, при этом Общество получило аванс в 10 тыс. рублей[295].

Финансирование отпускалось центральным органам благотворительных обществ, которые самостоятельно распределяли суммы между своими отделениями, отчитываясь затем перед Советом по призрению. Но без

[293] Журнал заседаний… №4 // Известия Верховного Совета. 1915. №3. С.32-33.
[294] Журнал заседаний… №4 // Известия Верховного Совета. 1915. №3. С.29-30.
[295] Журнал заседаний… №9 // Известия Верховного Совета. 1915. №7. С.58.

конкретной сметы проекта Совет по призрению денег не давал, рассматривая содержательную сторону ходатайств[296], что в конечном итоге сужало и свободу центральных органов в распоряжении деньгами. Для получения финансирования следовало обосновать принадлежность призреваемых лиц к «профильной» категории подопечных Совета по призрению, доказать их нуждаемость, предложить перечень конкретных мероприятий, способных улучшить их положение, стоимость которых отвечала бы критерию разумной достаточности.

Так, Харьковская уездная комиссия Елизаветинского комитета ходатайствовала о выдаче 5 тыс. рублей для раздачи пособий нуждающимся семьям нижних чинов. Ходатайство было отвергнуто Советом по призрению на основании того, что в нём не были указаны конкретные меры, которые намечены к осуществлению, и конкретные обстоятельства, требующие неотложной помощи. Аргументом стало и то, что ходатайство было представлено помимо центрального органа Елизаветинского комитета и не было поддержано его губернским отделением[297]. А обращение Воронежской уездной земской управы в Совет по призрению за пособием на устройство яслей-приютов для малолетних детей призванных Финансовая комиссия переадресовала в Попечительство об охране материнства и младенчества, которому было отпущено от Совета по призрению полмиллиона рублей[298].

Действуя в условиях ограниченного бюджета, несоизмеримого с общим объёмом потребностей (что характерно для благотворительной модели финансирования социальной помощи), Совет по призрению не всегда последовательно, но всё же придерживался стратегии сокращения расходов. Финансовая комиссия указывала, что военные обстоятельства могут

[296] Журнал заседаний… №9 // Известия Верховного Совета. 1915. №7. С.55
[297] Журнал заседаний… №9 // Известия Верховного Совета. 1915. №7. С.60.
[298] Журнал заседаний… №9 // Известия Верховного Совета. 1915. №7. С.61.

продлиться значительно дольше предполагавшегося, а государственное финансирование Совета по призрению может встречать затруднения[299].

Примером крайне сдержанного подхода Совета по призрению к отпуску финансовых средств служат его взаимоотношения с Александровским комитетом о раненых. Александровский комитет был одной из старейших и крупнейших всероссийских окологосударственных благотворительных организаций. С начала войны им были произведены выплаты офицерским семьям, насчитывавшим 4,5 тыс. человек, в размере 650 тыс. рублей и 10,3 тысячам нижних чинов и членам их семей в размере 156,7 тыс. руб. Ввиду недостаточности средств инвалидного капитала, дефицит которого достигал 2 млн. рублей, и оскудения потока пожертвований в пользу Комитета (за полгода с открытия военных действий было собрано всего 23 тысячи), пришлось максимально урезать пособия пострадавшим в русско-японскую войну. Меры эти, по словам председателя Александровского комитета, военного министра Сухомлинова, вызывали глубокое неудовлетворение в широких слоях населения, лишая просящих о вспомоществовании доблестных воинов и их близких той помощи, которой они достойны и получать которую из Комитета они привыкли.

В.А. Сухомлинов просил неотложно отпустить Александровскому комитету 750 тыс. руб. из средств лотереи Совета по призрению. Финансовая комиссия поддержала это ходатайство, с чем согласился и Совет по призрению.

Журналом Совета министров от 23 февраля 1916 г. на средства Совета по призрению было отнесено финансирование Александровского комитета в размере 1,5 млн. рублей[300]. Сам Александровский комитет запрашивал из государственного казначейства 3,62 млн. рублей на выдачу пособий раненым нижним чинам. По сведениям Комитета, за 1915 г. им было удовлетворено 193 тыс. прошений, средний размер пособий составил 6 рублей. При этом в

[299] Журнал заседаний… №9 // Известия Верховного Совета. 1915. №7. С.50.
[300] Журнал заседаний… №8 // Известия Верховного Совета. 1915. №6. С.92

Комитете скопилось до 66 тысяч неудовлетворённых ходатайств, а средний размер пособия желательно было увеличить вдвое.

На это Совет по призрению указывал, что потерявшие трудоспособность раненые по закону 25 июня 1912 г. получили право на пенсию, и помощь им Александровского комитета является факультативной. Позиция Совета сводилась к тому, что среди различных мер призрения увечных воинов выдача им незначительных единовременных выплат наименее продуктивна и едва ли может существенно улучшить положение пострадавших на войне. Наиболее важным было устранение различных проволочек в назначении и выплате положенных нижнему чину пенсий и суточных денег от казны. Кроме того, выдача из средств Совета по призрению трёх миллионов рублей поставила бы его перед необходимостью существенно сократить финансирование других проектов. В итоге было решено отпустить Александровскому комитету до 1 млн. руб. по мере действительной надобности и на условиях отчётности в расходовании полученных средств. «Сэкономленные» полмиллиона были перераспределены на расходы самого Совета по призрению и содержание его делопроизводства (200 тыс. руб.) и пособия другим связанным с Советом учреждениям – 300 тыс. рублей[301].

Таким образом, финансовый оборот Совета по призрению в 1914-1915 годах составил около 17 миллионов рублей, увеличившись в 1916 г. до 30 миллионов рублей, половина из которых направлялась на нужды инвалидов. Большую часть средств первых полутора лет работы Совета по призрению дала благотворительная лотерея. Принципами финансирования проектов были их направленность на опекаемые категории, наличие утверждённых смет и временный характер расходов.

[301] Журнал заседаний… №12 // Известия Верховного Совета. 1916. №13. С. 48-50, 79.

2.3 Особенности работы Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов

Заседания Совета по призрению проходили в Зимнем дворце, а в отсутствие императрицы – в Мариинском дворце (резиденция Государственного Совета) под председательством премьер-министра[302]. По воспоминаниям их участника, Н.Н. Покровского, заседания с присутствием Александры Фёдоровны происходили обычно в Малахитовом зале Зимнего дворца и были весьма непродолжительными – около получаса. Члены Совета являлись в вицмундирах, звездах и лентах. Императрица входила в сопровождении дочерей и обходила стол, подавая всем руку, а с некоторыми — и останавливаясь для разговора. Докладывал Г.Г. фон Витте, императрица ограничивалась молчанием, кивком указывая на свое согласие с докладами. Великие княжны также молчали, Ольга Николаевна рисовала портреты присутствующих[303]. М.В. Родзянко, представивший в своих мемуарах весьма критическое отношение к царской фамилии, вспоминал, что императрица «*в сущности не знала, что ей надо делать*», а её присутствие производило «*леденящее впечатление*»[304]. П.А. Базилевский также отмечал, что председательствуя на заседаниях Совета по призрению, императрица казалась совершенно безучастной, не высказывая вслух своего мнения; в этих случаях принимались решения, заранее подготовленные в соответствующих комиссиях[305].

Следует заметить, что Журналы заседаний Совета по призрению содержат свидетельства о различных позициях, которые озвучивались в ходе заседаний, и не всегда проект, представленный профильной комиссией,

---

[302] Отчет о деятельности Совета по призрению… С.15.
Матвеева Н.Л. Ук. соч. С. 65.
[303] Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце: воспоминания министра иностранных дел. М., 2015. С. 127-126.
[304] Родзянко М.В. Крушение империи. Л., 1929. С. 100-101.
[305] РГБ ОР Ф. 1541 Дневник П.А. Базилевского 1879-1918. Семейная хроника. Л. 54-57. Цит. по: Максимова Л.Б. Вклад Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны в благотворительное движение России конца XIX - начала XX века. Дисс. … канд. ист. наук. М., 1998. С. 130-134.

принимался в неизменном виде. Замечания могли поступить от Финансовой комиссии, либо от членов Совета. В ходе обсуждений мог вырабатываться компромиссный вариант, либо вопрос мог быть отправлен на доработку.

Всего с 1914 по 1917 год прошло 12 заседаний Совета по призрению: пять в 1914 г., пять – в 1915 г., и всего два – в 1916 г. Первое заседание состоялось спустя неделю после создания Совета – 18 августа 1914 года, последнее – 9 июня 1916 года. В 1914 г. Совет собирался ежемесячно, его заседания носили организационный характер, определялся круг проблем и пути взаимодействия по их решению. Когда механизм помощи жертвам войны был сравнительно налажен, заседания стали проводиться реже, также реже присутствовала на них императрица. Всего же Александра Фёдоровна присутствовала на семи заседаниях Совета по призрению, чаще – вместе с великой княжной Ольгой. Великая княжна Татьяна лишь трижды присутствовала на заседании Совета по призрению, но она была включена в его состав только в мае 1915 года[306]. Ни императрица, ни её дочери не выносили на рассмотрение Совета каких-либо вопросов.

Журналы постановлений Совета по призрению, принятых на заседаниях в отсутствие августейшей председательницы, впоследствии подлежали её утверждению. Также императрица направляла поздравительные телеграммы в адрес Совета, собственноручно награждала золотым нагрудным знаком Совета по призрению. Непосредственное влияние Александры Фёдоровны может быть прослежено только в разрешении вопроса о наделении казённым пособием внебрачных детей и невенчанных жён призванных. Эта проблема поднималась уже на первом заседании Совета. Мобилизация показала неожиданно большое количество незарегистрированных семейных союзов в городах. Аргумент против положительного решения вопроса был сформулирован как «*защита устоев законной семьи и святости брачного союза в народном сознании*»[307], хотя действительные мотивы сводились к

[306] Матвеева Н.Л. Ук. соч. С.31.
[307] Журнал заседаний… №4 // Известия Совета по призрению. 1915. №3. С.18-19.

нежеланию существенно увеличивать нагрузку на государственные финансы и невозможности объективно установить право на пособие.

На заседании Совета по призрению заслушивались доклады его комиссий с обсуждением поднятых в них проблем. Это могли быть организационные либо правовые вопросы, а также распределение финансирования. На заседаниях заслушивались доклады глав ведомств относительно постановки дела призрения по линии Министерства внутренних дел, финансов, Главного управления землеустройства и земледелия и православной церкви. Затем управляющий делами Совета докладывал о движении денежных сумм за истекший период, поступлениях и расходах, а также о свободном остатке сумм, находящихся в распоряжении Совета. В заключение перечислялись принятые Советом решения в окончательных формулировках.

Несмотря на краткость собственно заседаний Совета по призрению, они позволяли выявить руководящую позицию верховной власти в области социальной помощи жертвам войны и легитимизировать решения, выработанные комиссиями и междуведомственным совещанием. Второй важной функцией заседаний было распределение финансирования, которое также подчёркивало приоритеты в социальной сфере.

Наиболее активная работа протекала в комиссиях Совета по призрению. Так, за 1914-1915 гг. (17 месяцев) Распорядительная комиссия провела 50 заседаний, собираясь в среднем трижды в месяц[308].

Наиболее сложные вопросы рассматривались в соединённых заседаниях Подготовительной и Финансовой комиссии. Некоторые постановления принимались Финансовой комиссией самостоятельно, другие – выносились с заключением комиссии на рассмотрение Совета по призрению, который и принимал окончательное решение, публиковавшееся затем в журнале заседаний Совета[309].

---

[308] Отчет о деятельности Совета по призрению… С.15.
[309] Журнал заседаний… №9 // Известия Совета по призрению. 1915. №7. С.82.

В комиссиях Совета по призрению был создан новый именной благотворительный комитет – Георгиевский. Подготовительная, Распорядительная и Финансовая комиссия в соединённом заседании обсуждали вопрос о выработке положения о Георгиевском комитете под председательством великого князя Михаила Александровича, которое затем было вынесено на рассмотрение Совета по призрению. Соединённые комиссии признали крайнюю незначительность денежных выплат из казны, назначаемых георгиевским кавалерам. Нижние чины, награждённые Георгиевским крестом 4-й степени, получали 36 рублей в год, 3-й – 60, 2-й – 96 и первой – 120 рублей. Ещё меньше были выплаты за георгиевскую медаль. Так как увеличение вознаграждения Министерство финансов признало невозможным ввиду чрезвычайных военных расходов, средства к лучшему обеспечению георгиевских кавалеров и их семей следовало изыскивать за счёт благотворительности.

Была отвергнута первоначальная идея образования Георгиевского комитета как правительственного учреждения, объединяющего деятельность других правительственных, общественных и частных организаций в деле всестороннего попечения о георгиевских кавалерах. Образуя комитет как ещё одну благотворительную структуру, было решено подчеркнуть его особый статус, представив Положение о комитете на утверждение императора, а также ходатайствуя о разрешении вновь образованному комитету находиться под августейшим покровительством царского брата. Примечательно, что Совет по призрению принял самое непосредственное участие в корректировке проекта Положения. Положение о Георгиевском комитете его императорского высочества великого князя Михаила Александровича было высочайше утверждено 17 января 1916 г. приказом по военному ведомству[310]. Однако уже в начале августа Михаил Александрович просил разрешения своего старшего брата на реорганизацию Комитета «*на твердой почве военного учреждения, подчиненного на общих основаниях военному министру*» для объединения

[310] Журнал заседаний… №11 // Известия Совета по призрению. 1916. №10. С.21-26, 53.

государственной заботы о георгиевских кавалерах. Сам Михаил, по его словам, был «*даже в мирное время не в состоянии единолично выполнить всю эту ответственную и многосложную работу*»[311].

Именно по инициативе Совета по призрению выдача казённого пайка была распространена на семьи ушедших на войну добровольцами, а не призванных воинскими начальниками. Такая мера распространялась на семьи «охотников», ушедших на войну после завершения мобилизации.

В начале войны в видах предполагаемого распространения права на казённый паёк на семьи отбывающих воинскую повинность, председатель Подготовительной комиссии Совета по призрению А.С. Стишинский «совершенно доверительно» просил начальника Генерального штаба М.А. Беляева сообщить ориентировочную долю служащих по призыву от общего числа армии[312]. Впоследствии Совет по призрению высказался против наделения пайком семей тех солдат, которые несли службу по призыву, а не были призваны из запаса, аргументируя это принципом безвозмездности отбывания воинской повинности, будь то в мирное или военное время. Также аргументом для такого решения послужили и соображения о том, что такая мера на четверть увеличит казённые расходы на выплату пособий солдатским семьям[313]. 20 мая 1915 г. Распорядительная комиссия внесла на рассмотрение Соединённой Финансовой и Подготовительной комиссии предложение по законодательному установлению трёхлетнего срока со времени поступления нижнего чина на службу по призыву, по истечении которого его семья получает право на казённое продовольственное пособие. Однако Соединённые комиссии оставили этот проект без рассмотрения, так как принятие этой законодательной меры вызвали бы значительное и совершенно недопустимое «обременение средств казны» [314].

---

[311] Цит. по: Хрусталев В.М. Первая мировая. Во главе "Дикой дивизии". Записки великого князя Михаила Романова. М., 2014. С. 589.
[312] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.3. Л.41-43.
[313] Журнал заседаний… №4 // Известия Совета по призрению. 1915. №3. С.16.
Булгакова Л.А. Привилегированные бедняки… С. 462.
[314] Журнал заседаний… №9 // Известия Совета по призрению. 1915. №7. С.81.

По инициативе Совета по призрению установление графика выдачи пайков было передано Уездным съездам. Закон 1912 года предусматривал ежемесячную выдачу пайков в городах и вперёд за квартал – в сельской местности. Однако Совет по призрению усмотрел, что получение довольно крупной суммы на руки «*при некоторой неосмотрительности в расходовании этой суммы отражается нежелательным образом на общем благосостоянии семьи*». Кроме того, Совет по призрению выступил с предложением освободить от взысканий за долги суммы казённого пайка. Все эти меры были проведены в порядке статьи 87 основных государственных законов как высочайше утверждённое положение Совета министров[315].

Совет по призрению смог добиться сохранения казённого пайка за семьями солдат, находившихся в длительном отпуске после выписки из госпиталя. Мнение Совета по данному вопросу легло в основу циркуляра Министерства внутренних дел, разъясняющего порядок применения Устава о пенсиях. Наряду с этим, Совет по призрению отклонил идею распространения права на казённый паёк на пасынков, падчериц и приёмных детей военнослужащих, аргументируя эту позицию достаточно широким кругом лиц, на которые закон распространяет такие права. Посему обойдённые пайком, по мнению Совета, могли рассчитывать на поддержку прочих членов семьи «*за счёт щедрой помощи, оказываемой им государством*»[316].

Также Совет по призрению усмотрел необходимость освобождения от платы за обучение детей из неимущих семей призванных. Распоряжения по этому предмету должны были быть сделаны ведомствами, в ведении которых находились учебные заведения; о сделанных распоряжениях следовало довести до сведения Совета[317]. На этом примере виден своеобразный высокий статус Совета по призрению в системе государственного управления, который делал подотчётными ему центральные органы исполнительной власти.

---

[315] Отчет о деятельности Совета по призрению… С. 23-24.

[316] Отчет о деятельности Совета по призрению… С. 22.
Журнал заседаний… №4 // Известия Совета по призрению. 1915. №3. С.16.

[317] РГИА Ф.1253. Оп.1 Д.3. Л.16. Доклад Подготовительной Комиссии по вопросу об освобождении детей лиц, призванных на войну, от платы за обучение. 29 августа 1914 г.

Уже в 1914 г. Министерство внутренних дел сообщало о возбуждаемых на местах вопросах о праве внебрачных детей и их матерей на получение установленного законом пайка. МВД считало безусловно необходимым распространить действие закона на ближайших родственных призванному лиц – не только внебрачных детей, но также пасынков и падчериц, тестя и тёщу, и других лиц, которые содержались трудом призванного, а также и на семьи отбывающих срочную службу. Отмечалось, что Закон 3 июня 1902 г. об улучшении положения незаконнорожденных детей уравнял их в правах с законнорожденными в случае вступления их родителей в брак[318].

Обсуждая достаточно болезненную проблему призрения внебрачных семей мобилизованных, и признавая невозможность установить в административном порядке отношения членов гражданской семьи к призванному в его отсутствие на основе одностороннего заявления матери внебрачных детей, Совет по призрению высказался против законодательного наделения незаконнорожденных правом на казённое пособие[319]. Попечение о внебрачных семьях было поручено благотворительным организациям, причём преимущество получали дети, а их матери – только в том случае, если они не могли содержать себя своим трудом[320].

Корректировкой законодательства в области призрения семей мобилизованных занималось также Междуведомственное совещание. Например, оно рассматривало вопрос о правах на призрение семей сверхсрочнослужащих нижних чинов. В Законе 25 июня 1912 г. они не были упомянуты, и по разъяснению Государственного казначейства – не имели права на получение пайка. Это вызывало обращения начальников войсковых частей в Особое по Петрограду присутствие по призрению семей нижних чинов запаса и ратников государственного ополчения. Особое присутствие и вошло

[318] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.3. Л.6. Справка к вопросу о дополнении Закона 25 июня 1912 о призрении нижних воинских чинов и их семейств.
[319] Журнал заседаний… №10 // Известия Совета по призрению. 1916. №9. С.30.
[320] Отчет о деятельности Совета по призрению… С.23.

с этой проблемой в Совет по призрению, который вынес вопрос на рассмотрение Междуведомственного совещания.

На предварительном обсуждении, состоявшемся 6 апреля 1916 г., представители Военного ведомства, МВД, Министерства юстиции высказались за безусловное распространение права на казённый паёк на семьи сверхсрочных служащих. Однако представители финансового блока – Министерства финансов, Государственного контроля, а также и Управления по воинской повинности МВД – заняли позицию, согласно которой действующие нормы закона не дают оснований к расширительному его толкованию, так как относительно сверхсрочных служащих существуют особые правила. Совещание пришло к принципиальному согласию относительно необходимости установления права семейств сверхсрочнослужащих нижних чинов на получение продовольственного пособия, условия чего должны были быть определены дополнительно[321].

18 мая Совещание вновь вернулось к этому вопросу. Представители Военного министерства, Министерства внутренних дел, финансов и Государственного контроля провели частные переговоры и пришли к мнению о целесообразности засчитывать в счёт казённого пайка квартирные деньги и 1/3 жалования нижнего чина, издав специальный закон. Такая формулировка и была внесена в Совет по призрению. Однако военный министр настаивал на том, что Закон 25 июня 1912 года распространяется на всех нижних чинов без ограничений. При своём первоначальном мнении осталось и Министерство юстиции[322].

Также рассматривался вопрос о порядке регистрации повреждений, полученных нижними чинами на военной службе, для наиболее точного установления прав на призрение[323]. Наиболее важным для раненых было признание связи увечья с участием в войне и степень утраты трудоспособности. Междуведомственное совещание выслушало объяснение

[321] Журнал заседаний… №12 // Известия Совета по призрению. 1916. №13. С. 82-83.
[322] Журнал заседаний… №12 // Известия Совета по призрению. 1916. №13. С.113.
[323] Журнал заседаний… №12 // Известия Совета по призрению. 1916. №13. С.115-116.

по данному вопросу представителей Главного военно-санитарного и Интендантского управлений и просило Военное ведомство подготовить список учреждений, в которые нижним чинам, их вдовам и сиротам следовало обращаться за документами, недостающими для назначения пенсий. Было признано необходимым дополнить действующее Временное положение об эвакуации раненых и больных указанием на обязанность эвакуационных комиссий и других учреждений относительно освидетельствования раненых для определения степени утраты трудоспособности и права на пенсию[324].

Тогда же Совет по призрению рассматривал вопрос о корректировке законодательства о пенсиях нижних чинов. Великий князь Георгий Михайлович обратил внимание на то, что существовавший порядок выдачи пенсий и суточных денег нижним чинам должен быть изменён в том направлении, чтобы пенсия начинала бы выдаваться сразу по выписке из лазарета. В том же смысле должен был быть изменён порядок выплаты суточных, назначаемых до получения пенсии или возвращения в строй[325].

Практика показала, что медленность назначения пенсий была связана в первую очередь с неполнотой необходимых сведений в актах врачебного освидетельствования степени потери трудоспособности, что ставило перед присутствиями по воинской повинности задачу проведения переосвидетельствования. Ст.19 Закона 1912 года предусматривала, что назначение пенсии должно производиться на ближайшем заседании присутствия после получения акта об освидетельствовании нижнего чина. Имея в виду, что в дело пенсионного обеспечения нижних чинов было сосредоточено в МВД, Юридический отдел Совета по призрению постановил просить министра внутренних дел дать разъяснения о порядке назначения пенсий нижним воинским чинам; войти в сношение с Военным министерством о разъяснении им в циркулярном порядке необходимости включения в акты освидетельствования сведений, требуемых статьёй 16 Закона о пенсиях[326].

---

[324] Журнал заседаний… №12 // Известия Совета по призрению. 1916. №13. С.121.
[325] РГИА Ф.1253. Оп.2. Д1. Л.1. Выписка из журнала Отдела призрения от 19 июня 1915 г.
[326] РГИА Ф.1253. Оп.2. Д1. Лл.2об., 4.

Инициатива великого князя принесла результаты: Военное министерство выпустило циркуляр от 9 августа 1915 г. № 415 об устранении несоблюдения врачебными комиссиями требований об освидетельствовании нижних воинских чинов. Министерство внутренних дел также издало циркуляр для губернаторов от 8 сентября 1915 г. № 99 с разъяснением о том, что пенсии нижним воинским чинам, освидетельствованным в установленном порядке, подлежат назначению без ожидания поступления прошений от них и без истребования свидетельств об исполнении воинской повинности, если таковых не имеется[327].

Обсуждались Междуведомственным совещанием и подходы к определению трудоспособности получателей казённого пайка. Совещание признало разнообразие сложившейся местной практики в деле назначения пайков. Совет по призрению также отмечал значительное число обращений, содержавших жалобы на формальный порядок разрешения дел о продовольственном пособии. Определённое влияние на распространение такого подхода оказало циркулярное распоряжение Министерства финансов от 29 августа 1914 г. № 139 на имя управляющих казёнными палатами, состоявших членами губернских присутствий. Циркуляр рекомендовал предпринимать усилия к сбережению средств казны и указывал, что нормы Устава о воинской повинности относят родителей нижнего чина до 55 лет к трудоспособным, почему их не следует наделять пособием безусловно.

Петроградский областной комитет Союза городов сообщал по этому поводу, что четверть обращений в его Юридический отдел связана с установлением прав родителей мобилизованного на получение пособия. Часть попечительств принимали во внимание заявление мобилизованного о том, что он действительно содержал своих родственников; другие назначали пособие только лишь нетрудоспособным и не имеющим никаких иных источников дохода родным солдата. С течением времени был выработан возрастной рубеж

[327] РГИА Ф.1253. Оп.2. Д1. Л.8. Отношение Управления воинской повинности МВД по 4 делопроизводству в Особую Комиссию от 11 сентября 1915 г.

утраты трудоспособности, принятый и губернскими присутствиями. Таким образом, по мнению Союза Городов, требуемое законом индивидуальное рассмотрение каждого ходатайства в соответствии с имущественным и семейным положением просителя было заменено формально-бюрократическим подходом, ведущим к несправедливому распределению пайков.

Член Совещания, А.Н. Неверов свидетельствовал, что в его бытность губернатором Акмолинской области он неоднократно сталкивался с такими случаями – например, было отказано в пайке как не достигшему 55-летнего возраста слепому, то есть безусловно нетрудоспособному, отцу мобилизованного, хотя большинство местных попечительств и губернских присутствий придерживалось расширительного подхода к выдаче казённых пайков. Как правило, на основе поступивших жалоб губернские присутствия пересматривали решения местных попечительств и восстанавливали права на паёк.

Межведомственное совещание пришло к заключению, что установление степени зависимости родителей и боковых родственников от труда призванного должно в каждом случае устанавливаться индивидуально и не нуждается в издании каких-либо новых дополнительных руководящих указаний[328].

На протяжении 1915-1916 гг. рассматривалась проблема уклонения получивших увечье нижних чинов от долечивания до назначения им постоянной пенсии: отмечалось, что в народе укоренилось представление о преимуществах казённой пенсии перед самостоятельным заработком. Рассмотрев разряды пенсий и увечья, им соответствующие, было определено, что по многим из них пересмотр степени потери трудоспособности невозможен или не принципиален, а потому возможно определять права на пенсию незамедлительно по выходе из госпиталя и ни в коем случае не пересматривать их в сторону понижения. Излагая эти соображения,

[328] Журнал заседаний… №12 // Известия Совета по призрению. 1916. №13. С.133.

управляющий делами Особой Комиссии предлагал Отделу призрения Особой Комиссии просить Юридический отдел Совета по призрению выработать проект изменений в Закон о пенсиях, внести его на рассмотрение Особой Комиссии и в случае одобрения представить в Совет по призрению с ходатайством об издании в предусмотренном порядке[329].

Предложения об отмене норм Закона 1912 г. о временной пенсии были внесены в виде законодательного предположения в Совет по призрению в октябре 1916 г.[330]. Междуведомственное совещание поддержало его, указывая, что выгоды государства от повышения трудоспособности военных инвалидов существенно превысят его издержки на повышение пенсии, которое составит 3-4 рубля в месяц. Однако Финансовая комиссия отвергла эти соображения[331].

Важнейшей основой организации системы социальной помощи была регистрация её адресатов. В начале войны высказывались намерения организации сплошного учёта нуждающихся в дополнительной помощи солдатских семей и получаемых ими мер поддержки. Установление единообразного порядка собирания таких сведений Совет по призрению возложил на свою Распорядительную комиссию, которая пришла к выводу, что целесообразнее будет вести регистрацию на уровне уезда и разработала регистрационный формуляр[332].

Уже 5 ноября 1914 года Советом по призрению были утверждены Правила собирания сведений о нуждающихся в благотворительной помощи семьях лиц, призванных на войну, и семьях раненых и павших воинов. Они гласили, что оказанию благотворительной помощи должно предшествовать обследование семейного и имущественного положения просителей. Также обследование могло быть полезно и при выявлении лиц, нуждающихся в помощи[333].

---

[329] РГИА Ф.1253. Оп.2. Д.1. Л.14-15. Доклад Особой Комиссии от 4 октября 1915 г.
[330] РГИА Ф.1253. Оп.2. Д.1. Л.58а. Журнал Междуведомственного совещания 28-29 октября 1916 г.
[331] РГИА Ф. 1253. Оп.1. Д. 86. Лл. 140-146.
[332] РГИА Ф1253 Оп.1. Д.5. Л.17. Доклад о порядке собирания сведений о нуждающихся в благотворительной помощи семьях лиц, призванных на войну, представленный в заседании Распорядительной комиссии 2 октября 1914 г.
[333] Отчет о деятельности Совета по призрению… С.19.

Ведение карточной регистрации возлагалось на уездные комиссии Елизаветинского комитета – либо могло передаваться ими с согласия губернского комитета низовым благотворительным организациям, имеющим своих представителей в составе Елизаветинского комитета, в том числе церковно-приходским попечительствам. В тех районах, где таковые отделения ещё не были образованы, обязанность регистрации нуждавшихся в помощи семей возлагалась Советом по призрению на губернские присутствия, за которыми были закреплены функции надзора за деятельностью уездных и участковых попечительств по выдаче казённого пайка[334]. Этот момент можно рассматривать как яркое свидетельство взаимопроникновения благотворительных и государственно-организованных начал в социальной сфере.

Были разработаны образцы регистрационных карточек – особые для городов и сельской местности. За образец была взята форма, используемая Ольгинским комитетом, с учётом опыта русско-японской войны, когда подобная регистрация предпринималась Попечительством её императорского величества государыни императрицы Марии Фёдоровны о семьях воинов, призванных на войну.

Местные отделения, участковые комиссии, земские и городские, волостные, церковно-приходские попечительства и все благотворительные организации должны были сообщать уездным комиссиям о выдаваемых ими вспомоществованиях. В свою очередь, уездные комиссии должны были сообщать по их просьбе сведения о получателях пособий и размере пособия.

Предполагалось единовременно напечатать в Государственной типографии и разослать по губерниям до 3 миллионов регистрационных карточек, что соответствовало числу получавших казённый паёк семейств по данным Управления воинской повинности МВД. Также предполагалось ввести в уездных комитетах две должности регистраторов.

Журнал заседаний… №3 // Известия Совета по призрению. №2. С.12-13.

[334] Постановления Распорядительной комиссии // Известия Совета по призрению. 1915. №3. С.62.

На практике провести регистрацию помощи, получаемой семьями мобилизованных, смог только Ольгинский Петроградский комитет. На производство регистрации им было израсходовано около 7 тыс. рублей[335]. Канцелярией Ольгинского комитета было заполнено более 60 тыс. личных учётных карточек и собраны сведения от 872-х благотворительных учреждений о мерах оказываемой ими помощи и лицах, её получающих. Выяснилось, что они опекают без малого 15 тыс. семейств, распределяя около 3 млн рублей. При этом оказалось, что 4,1 тыс. семей получали и казённый паёк, и благотворительную помощь, и, кроме того, обратились за поддержкой в Ольгинский комитет[336].

Текущая работа Совета по призрению имманентно имела ограниченный горизонт планирования, первоначально заданный представлением о скоротечности войны, а затем – ожиданием её близкого окончания. Поскольку Совет рассматривал и утверждал годовые сметы, таким же был и горизонт планирования благотворительной деятельности. По мнению Финансовой комиссии, оказание текущей помощи поглощало все свободные средства Совета. Гигантский размер неотложных расходов, которые нёс Совет по призрению, вынуждал воздерживаться от капитальных затрат, хотя бы они и обещали выгоды в будущем. Допуская исключение из названного правила, вопрос о каждом намеченном капитальном расходе должен был тщательно обсуждаться[337]. Такой подход вынуждал отклонять реализацию целого ряда хорошо обоснованных проектов и перекрывал пути решению задачи создания инфраструктуры социальной помощи, настоятельная потребность в которой в достаточной степени обозначилась в годы войны.

Однако не всегда это правило применялось последовательно. Так, Приют для бедных и бесприютных детей на 50 человек, открытый на улице Литераторов в Петрограде благотворительным обществом Синего Креста (попечение о бедных и больных детях), состоявшим под августейшим

[335] Журнал заседаний… №11 // Известия Совета по призрению. 1916. №10. С.44.
[336] Отчет о деятельности Совета по призрению… С. 64.
[337] Журнал заседаний… №9 // Известия Совета по призрению. 1916. №7. С. 44, 55.

покровительством великой княгини Елизаветы Маврикиевны, без обсуждений получил от Совета по призрению 10 тыс. рублей на капитальный ремонт флигеля для увеличения числа мест[338]. В дальнейшем Синий Крест получал финансовую помощь от Романовского комитета, позволившую довести число мест до 149, и Петроградского Ольгинского комитета, за счёт которых в приютах общества содержалось 230 солдатских детей[339].

Позже Совет по призрению рассматривал вопрос о расширении Сергиево-Елизаветинского трудового приюта для увечных воинов во Всехсвятской роще под Москвой, находившегося под покровительством Елизаветы Фёдоровны и посвящённого памяти её погибшего супруга. Предполагалась постройка жилого корпуса на 200 человек, корпуса для служащих, лазарета и ряда хозяйственных построек. Общая смета составила полмиллиона рублей. Особая Комиссия поддержала это ходатайство. Финансовая комиссия также одобрила эти капитальные расходы, и Совет по призрению согласовал ассигнование половины необходимой суммы, т.е. 250 тыс. рублей, для начала работ[340].

В то же время Киевскому отделению Общества повсеместной помощи солдатам и их семьям не согласовали ассигнование в 50 тыс. рублей на сооружение дома, в котором могли бы размещаться все учреждения Общества, хотя это обращение и было поддержано его центральным правлением[341]. Ставка делалась на размещение благотворительных установлений в арендуемых помещениях.

Аргументом для капитальных вложений со стороны Совета по призрению могли служить «*какие-либо важные преимущества*», приносимые постройкой новых зданий. Применительно к проекту приюта на 300 сирот Севастопольского благотворительного общества, таковыми были признаны наличие земельного участка, многолетний опыт благотворительной

[338] Журнал заседаний… №8 // Известия Совета по призрению. 1915. №6 С.122.
[339] Журнал заседаний… №11 // Известия Совета по призрению. 1916. №10. С. 36.
[340] Журнал заседаний… №12 // Известия Совета по призрению. 1916. №13. С.40-42.
[341] Журнал заседаний… №9 // Известия Совета по призрению. 1915. №7. С.54-55

деятельности, готовность взять на себя текущие расходы по содержанию приюта и его размещение в исключительно благоприятных климатических условиях, что в перспективе давало возможность использовать его как санаторий для детей воинов. Однако Совет по призрению предложил вдвое уменьшить размер приюта и, соответственно, размер ассигнований – со 100 до 50 тыс. рублей. Освоение назначаемого пособия должно было осуществляться под наблюдением местного отделения Елизаветинского комитета, который и выступил инициатором проекта[342].

Примером тщательной разработки проекта открытия нового благотворительного учреждения и использования самых разнообразных средств для его реализации может служить устройство детского приюта в Павлограде. Дворянское общество Екатеринославской губернии принесло в дар Совету по призрению имение для устройства в нём приюта для детей-сирот офицерских чинов. Для определения размера необходимых расходов в Павлоград был командирован один из чинов Канцелярии Совета по призрению. Выяснилось, что стоимость ремонта усадебного дома составляет 10 тыс. руб., оборудования приюта – 100 руб. на одно место при наполняемости до 40 детей. Годовое содержание приюта оценивалось в 19 тыс. рублей. Финансовая комиссия нашла, что требующиеся расходы не являются чрезмерными, а председатель губернского отделения Елизаветинского комитета – и.д. Екатеринославского губернатора – признал возможным взять на себя часть расходов на устройство и содержание приюта. Пожертвованное здание было принято в собственность Совета по призрению и приют был основан как самостоятельное благотворительное учреждение под наименованием «Приюта имени генерал-лейтенанта А.Ф. Лихачёва для осиротевших детей офицеров». В целях его скорейшего открытия в распоряжение Екатеринославского отделения были направлены 10 тыс. рублей из суммы, пожертвованной екатеринославским же дворянством Совету по призрению. Этими расходами было решено ограничить участие Совета в

[342] Журнал заседаний… №12 // Известия Совета по призрению. 1916. №13. С.57.

устройстве приюта[343]. Соглашаясь принять будущий приют под своё заведование, Екатеринославское губернское отделение Елизаветинского комитета сообщало, тем не менее, что не имеет средств на его содержание. Совет по призрению нашёл, что содержание и обучение детей-сирот офицеров может оплачиваться Алексеевским комитетом, также приют мог рассчитывать на доходы от аренды части принадлежащей ему земли, взносы за платных воспитанников, благотворительные пожертвования – и только отчасти на пособия Совета по призрению. Тем не менее, Совет перечислил сумму, необходимую для первого года работы приюта[344].

Другой масштабный проект был связан с московским городским самоуправлением. Московский попечительный совет об увечных и больных воинах задумал устроить трудовой приют на тысячу военных инвалидов, для чего приобрёл участок земли за 115 тыс. рублей. Кроме этого, в распоряжении Попечительного совета имелось всего 150 тыс. рублей, тогда как весь проект оценивался в 1,3 млн. рублей, и содержание приюта – в четверть миллиона рублей в год. Глава Попечительного Совета – он же Московский городской голова М.В. Челноков, входивший и в Совет по призрению, пояснил, что для притока пожертвований на возведения приюта надо начать стройку, и ходатайствовал о выделении 250 тыс. рублей Советом по призрению. Эта сумма позволила бы завершить фундамент здания до конца 1916 г. Финансовая комиссия разделила эти соображения и согласовала выделение просимой суммы из средств Особой Комиссии[345].

По общему правилу, земли, приобретённые на средства Совета по призрению, и построенные на них здания считались собственностью Совета по призрению, земству же или благотворительному обществу передавалось право использовать недвижимость по назначению[346].

---

[343] Журнал заседаний… №9 // Известия Совета по призрению. 1915. №7. С.62, 79.
[344] Журнал заседаний… №12 // Известия Совета по призрению. 1916. №13. С.59-60.
[345] Журнал заседаний… №12 // Известия Совета по призрению. 1916. №13. С. 68-69.
[346] РГВИА Ф.16323. Оп 1. Д. 16. Лл.34, 61.

Кроме согласования капитальных вложений, Совет по призрению на своих заседаниях принимал решения по обращениям различных благотворительных обществ о предоставлении финансирования. Совет выделял некоторые категории населения, которые должны были пользоваться большим, по сравнению с остальными, вниманием благотворительных институций. Так, Филаретовскому обществу, одним из учредителей которого состоял член Совета по призрению сенатор Кобылинский, было ассигновано 50 тыс. рублей на призрение семей призванных и павших народных учителей. Ходатайство общества об отпуске 200 тысяч рублей было сочтено необоснованным[347].

Совет по призрению взаимодействовал также с Главным комитетом имени наследника цесаревича Алексея Николаевича (Алексеевским комитетом), чьё попечение с началом Первой мировой войны распространилось и на детей павших на полях её сражений.

Алексеевский комитет наделял своих подопечных пособиями за счёт казённых средств. В том случае, если возникала потребность превысить установленные размеры пособия, особенно для внесения платы за обучение, она удовлетворялась за счёт процентов на благотворительный капитал, немногим превышавших 6 тыс. руб. в год. Указывая, что с 1 августа 1914 г. по 1 марта 1915 г. Алексеевскому комитету удалось собрать лишь 3,5 тыс. рублей пожертвований, Комитет ходатайствовал перед Советом по призрению о выделении 600 тыс. рублей на усиление своего капитала для оказания дополнительной помощи многочисленным жертвам Великой войны с тем, чтобы доходы с этого капитала использовались исключительно на нужды детей жертв войны. Было решено отпустить Алексеевскому комитету 300 тыс. рублей на покрытие его расходов в течение 10 лет с предоставлением финансового отчёта каждые полгода[348].

---

[347] Журнал заседаний… №4 // Известия Совета по призрению. 1915. №3. С. 29.
[348] Журнал заседаний… №8 // Известия Совета по призрению. 1915. №6. С.99, 103, 106

Учреждённое императрицей Попечительство об охране материнства и младенчества просило выделить ему полмиллиона рублей. При этом 221 тыс. руб. компенсировала бы расходы Попечительства на оказание помощи семьям мобилизованных, не входившей в круг его прямых задач, а оставшиеся 279 тыс. руб. могли бы быть направлены на снижение младенческой смертности в солдатских семьях, помощь роженицам и кормящим матерям и т.п. Ходатайство было поддержано[349].

Другая учреждённая Александрой Фёдоровной всероссийская благотворительная организация – Попечительство о трудовой помощи – устроило несколько десятков мастерских для солдаток и ясли для солдатских детей. Для продолжения этой «*высокополезной*» деятельности до конца 1915 г. Совет по призрению санкционировал предоставление Попечительству просимых 200 тыс. руб.[350].

При рассмотрении обращения Общества помощи бедным города Одессы, помогавшего детям и содержавшего бесплатные столовые, Финансовая комиссия указала, что некоторые виды помощи относятся к ведению учреждений, не входящих в состав Совета по призрению. Так, приюты-ясли и дневные детские приюты могли рассчитывать на пособие от Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества (что не помешало финансировать подобную деятельность Попечительства о трудовой помощи). Определение детей запасных на работу в магазины, на фабрики и т.п. парадоксальным образом было отнесено Финансовой комиссией к ведению Особой Комиссии. Была поддержана только выдача бесплатных обедов солдатским детям, на эти цели было единовременно ассигновано 10 тыс. руб., тогда как Одесское общество запрашивало такую сумму ежемесячно[351]. Несколько месяцев спустя Общество помощи бедным города Одессы вновь запросило 6 тыс. рублей на продолжение деятельности благотворительной столовой, которая снабжала бесплатными обедами 5 тысяч жён и детей

[349] Журнал заседаний… №8 // Известия Совета по призрению. 1915. №6. С.110.
[350] Журнал заседаний… №9 // Известия Совета по призрению. 1915. №7. С.53.
[351] Журнал заседаний… №9 // Известия Совета по призрению. 1915. №7 С. 55-56.

запасных ежедневно, отмечая, что приток пожертвований почти совсем прекратился. Однако Совет по призрению, рассмотрев это ходатайство, посчитал, что бесплатные обеды являются дополнительным благотворительным мероприятиям по отношению к казённым продовольственным пайкам и не счёл возможным отпустить пособие одному, хотя и крупному городу. Всё же «*для поощрения полезной деятельности Одесского общества*» ему было отпущено 10 тыс. рублей для оказания других видов помощи нуждающимся семьям призванных[352].

Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям запрашивало дополнительное пособие не менее 100 тыс. рублей, при том, что из отпущенных ему в ноябре 1914 г. 50 тыс. рублей к 1 февраля 1915 г. остались неизрасходованными 5313 руб., т.е. около 10%. Этот остаток Финансовая комиссия сочла незначительным. По отчёту Центрального правления Общества, его расходы колебались от 7,5 до 24,4 тыс. рублей в месяц. Очевидно, что в масштабе страны это была ничтожная сумма. Для сравнения, расход Варшавского городского попечительства на помощь только детям призванных, составлял около 11 тыс. рублей ежемесячно, при этом из общего числа нуждающихся в призрении детей до 17 лет, определённом в 24 тысячи человек, помощью могли пользоваться только дети от 5 до 10 лет.

Тем не менее, Финансовая комиссия сочла запрашиваемую сумму в 100 тыс. рублей преувеличенной, приняв во внимание, что она равна всем расходам Общества за полгода, и нашла более правильным определить размер пособия в соответствии с выданным ранее, т.е. в 50 тыс. рублей[353].

Морское благотворительное общество, состоявшее под покровительством великой княгини Ксении Александровны, запрашивало 20 тыс. рублей на содержание приюта для осиротевших детей моряков, однако Финансовая комиссия рекомендовала выдать всего 5 тыс. рублей, которые

[352] Известия Совета по призрению. 1916. №10. С.38.
[353] Журнал заседаний… №8 // Известия Совета по призрению. 1915. №6. С.116, 127.

следовало направить на оказание благотворительной помощи семьям моряков, пострадавших в настоящую войну[354].

Российское общество защиты женщин, состоявшее под председательством её императорского высочества принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской, оказывало помощь жёнам, детям и ближайшим родственницам призванных на войну в Петрограде, Киеве, Вильне, Минске, Одессе и Севастополе. Общество предоставляло им дешёвое жильё, на льготных условиях продавало швейные машины, подыскивало работу. Общество ходатайствовало о субсидии в 25 тыс. рублей на продолжение этой деятельности, указывая, что в его распоряжении осталось всего 3 тыс. рублей. Было решено удовлетворить эту просьбу с представлением ежеквартального отчёта[355]. Спустя полтора года Общество получило от Совета по призрению ещё 20 тыс. руб.[356].

При отсутствии систематического учёта получаемой и оказываемой помощи финансирование отдельных благотворительных обществ приводило к распылению средств, часть из которых неизбежно тратилась на накладные расходы. В целом деятельность Совета по призрению была посвящена уточнению правовых норм, регламентировавших социальную помощь солдатским семьям, распределению финансирования между оказывавшими её организациями, а также попыткам оптимизировать основные параметры всей государственно-общественной системы помощи. Однако за весь период своего существования Совет по призрению не смог составить сколь-нибудь полного реестра нуждающихся и получающих различные виды поддержки, а также структур, эту поддержку оказывающих – тем самым, централизующая, упорядочивающая и организующая функция Совета была реализована в слабой степени. Для сферы социальной помощи периода войны по-прежнему была характерна полисубъектность, многоуровневость и многоукладность, фрагментарность и ситуативность, что проявлялось и в работе самого Совета по призрению.

---

[354] Журнал заседаний… №8 // Известия Совета по призрению. 1915. №6. С.118.
[355] Журнал заседаний… №6 // Известия Совета по призрению. 1915. №4. С.31-32
[356] Журнал заседаний… №12 // Известия Совета по призрению. 1916. №13. С.44.

2.4 Особая Комиссия Совета по призрению и становление системы помощи инвалидам войны

По мере продолжения войны и умножения числа её жертв всё отчётливее стала ощущаться необходимость построения общегосударственной системы поддержки инвалидов войны, которая упорядочивала бы территориально и организационно все необходимые формы призрения. Инициатива её создания принадлежала императрице Александре Фёдоровне. Уже в первые месяцы войны выяснилось, что категория военных инвалидов оказалась на периферии общественной поддержки: оказание им помощи не регулировалось какими-либо правилами и не было возложено ни на одно из учреждений. Императрица поручила Совету по призрению принять меры к облегчению бедственного положения «военно-увечных».

Совет по призрению установил, что деятельность Комитета Марии Павловны не охватывает всех нужд нижних чинов, выписанных из госпиталей: в начальный период войны принципиальная разница между краткосрочными и пожизненными мерами призрения была неочевидна даже для тех кругов, которые были заняты их принятием[357]. Совет по призрению признал необходимым сосредоточить под своим руководством заведывание всей совокупностью мер помощи инвалидам войны для реализации тех мероприятий, которые не были отнесены к ведению Комитета Марии Павловны, создав для этого специальную структуру в статусе Особой Комиссии Совета по призрению[358]. В обсуждении этих мер приняли участие представители Верховного начальника санитарной и эвакуационной части, Красного Креста, Комитета Марии Павловны, Александровского комитета и Союза Городов[359]. Основным предполагалось сделать оказание трудовой помощи в виде приискания занятий по примеру русско-японской войны, когда с 1906 по 1911 год под председательством Александры Фёдоровны действовал

[357] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.3. Л.144-145.
[358] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.5. Л.83.
[359] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.3. Л.144-145.

Комитет по приисканию мест воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией.

Соединённые комиссии Совета по призрению выработали проект Высочайшего указа Правительствующему Сенату в развитие положений Указа 11 августа и проект Правил о деятельности Особой Комиссии[360]. В январе 1915 г. на их основе в составе Совета по призрению была образована Особая Комиссия по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжение войны, а также их семей. Указ о создании Особой Комиссии был издан 10 января 1915 года[361]. Её председатель назначался императрицей. Поскольку великая княгиня Ксения Александровна – родная сестра императора Николая II – изъявила желание принять участие в трудах Особой Комиссии, председательствующий в Совете по призрению И.Л. Горемыкин предложил императрице назначить Ксению Александровну членом Совета по призрению и председательницей Особой Комиссии. Именной рескрипт об этом был подписан императрицей 23 января 1915 года[362].

Сама комиссия стала именоваться Ксениинской в честь августейшей председательницы. Великая княгиня принимала непосредственное участие в работе комиссии, заседания которой назначались в ее дворце на набережной Мойки. Ксения Александровна придерживалась широкого подхода к определению круга подопечных лиц, полагая, что сам факт отставки раненого или больного воина указывает на понижение его трудоспособности и требует компенсации путём обучения[363].

Особая Комиссия первоначально размещалась в съёмной квартире доходного дома на Офицерской улице. По воспоминаниям Б.В. Лопухина, теснота этого помещения была такова, что не только не было разных помещений для одновременных заседаний разных отделов, но не было и

[360] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.3. Л.185об.
[361] Отчет состоящего под Августейшим председательством ее императорского высочества великой княгини Ксении Александровны образованной в составе Совета по призрению Особой Комиссии по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжении настоящей войны, а также членов их семей за 1915 год (далее – Отчёт Особой Комиссии…). Пг., 1916. С. 1.
[362] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.38. Лл.4, 8об.
[363] Отчёт Особой Комиссии С. 54.

специального помещения для заседаний хотя бы одного отдела. Проводить собрания приходилось в поздние часы, когда заканчивалась работа служащих. Заседания общего собрания происходили во дворце Ксении Александровны, собрания врачебного отдела — в одной из зал Министерства внутренних дел, по связи врачебного отдела комиссии с медицинским управлением этого министерства[364].

Первое заседание Особой Комиссии состоялось 27 марта 1915 г. При участии великой княгини проходило обсуждение Наказа Особой Комиссии[365]. Ксения Александровна предложила войти в состав Особой Комиссии великому князю Георгию Михайловичу – старшему брату её мужа, своей дочери – княгине И.А. Юсуповой, М.А. Родзянко, управляющему делами Александровского комитета П.А. Смородскому, члену Государственного Совета князю А.Н. Лобанову-Ростовскому, Н.Н. Крейтону от Общества повсеместной помощи солдатам и их семьям, Главноуполномоченным Земского Союза и Союза Городов, депутатам Госдумы, и управляющему делами Верховного Совета.

Также в состав Особой Комиссии входили представители следующих ведомств: Военного и Морского министерств, Министерства внутренних и Министерства иностранных дел, Министерства императорского двора, Ведомства учреждений императрицы Марии, Главного военно-санитарного управления, Министерств земледелия, Народного просвещения, Путей сообщения, Торговли, Финансов, Юстиции, Государственного контроля, Управления государственного коннозаводства и Ведомства православного вероисповедания. В состав Особой Комиссии были включены представители Татьянинского, Ольгинского, Романовского, Алексеевского комитетов, Императорского человеколюбивого общества. Заместителем председательницы Особой Комиссии стал член Госсовета Н.Н. Покровский.

---

[364] Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. - Санкт-Петербург, 2008. - С. 265.
[365] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.38. Л.11-14.

Наказ, определявший порядок деятельности Комиссии, был рассмотрен Советом по призрению и одобрен императрицей в начале июня 1915 г.[366]. Принятию этого документа, регламентирующего основы построения организационной системы помощи военным инвалидам, предшествовал напряжённый период консультаций, так как появление нового оператора в сфере призрения задевало область деятельности Елизаветинского комитета.

7 марта 1915 г. заместитель Елизаветы Фёдоровны по Московскому комитету А.И. Гучков сообщал в телеграмме члену Совета по призрению сенатору А.А. Ширинскому-Шихматову о том, что Елизавета Фёдоровна находит проект Наказа Особой Комиссии приемлемым при условии включения в него пункта о том, что в местностях, где помощь пострадавшим нижним чинам и их семьям уже оказывается Московским и Петроградским комитетами, она продолжит оказываться ими же. Получив эти сведения, Александра Фёдоровна распорядилась, чтобы проект Наказа Особой Комиссии был представлен ей до рассмотрения в Совете по призрению[367].

10 апреля 1915 г. И.Л. Горемыкин представил императрице проект Наказа Особой Комиссии, который далее подлежал обсуждению в Подготовительной комиссии Совета по призрению, поддержав формулировку Елизаветы Фёдоровны[368]. Наказ предусматривал оказание Особой Комиссией только тех мер помощи, которые не предоставлялись в данной местности Елизаветинским комитетом. В этой переписке привлекает внимание тот факт, что Елизавета Фёдоровна не обращалась напрямую к своей августейшей сестре и использовала посредников для представления своих интересов.

Согласно императорскому указу Сенату, на основании которого начала свою работу Особая Комиссия, компетенция Совета по призрению распространялась на мероприятия по приисканию работ и оказанию других видов призрения утратившим трудоспособность вследствие ран, увечий и

---

[366] Наказ образованной в составе Совета по призрениюОсобой Комиссии по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжение войны, а так же их семей (1915). Казань: б/и. С. 8.
[367] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.38. Л.24.
[368] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.38. Л.79.

болезней, вызванных условиями военного времени, а также семьям – как погибших, так и утративших работоспособность в связи с обстоятельствами войны[369]. Как показала практика, внимание Особой Комиссии было сосредоточено на организации помощи «увечным воинам», как именовали тогда инвалидов войны в официальных документах.

В отличие от других структурных подразделений Совета по призрению, Особая Комиссия была наделена полномочиями не только разрабатывать, но и реализовывать меры помощи. В пределах своих задач и полномочий она действовала автономно, входя в сношения с Советом по вопросам, требовавшим правительственных распоряжений, приобретения недвижимого имущества и ходатайства об отпуске средств из фонда Совета по призрению. Каждые три месяца Особая Комиссия отчитывалась перед Советом о произведенных расходах.

К августу 1915 г. Особая Комиссия определилась с первоочередными действиями в сфере своей компетенции: план её работы был представлен в Совет по призрению и утверждён после одобрения императрицей. Он сводился к восстановлению частичной трудоспособности увечных и сообщению им знаний и навыков, позволявших обеспечивать себя в будущем.

Учреждение на периферии специальных организаций помощи инвалидам было признано нецелесообразным. Первоначально проектировалось введение должностей особых уполномоченных Совета по призрению по организации призрения военно-увечных[370], однако в итоге местные отделения Елизаветинского комитета становились одновременно органами как Комитета, так и Особой Комиссии, действуя в каждой из отведённых им областей самостоятельно согласно п.10 Положения о Комитете и п.14 Наказа Особой Комиссии. Наказ Особой Комиссии требовал от местных отделений Елизаветинского комитета регулярно предоставлять отчёт об их

[369] Керзум А. П. Совет по призрениюпо призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов // Благотворительность в Санкт-Петербурге, 1703-1918. СПб, 2016. С. 153.
[370] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.38. Л.1-2. Доклад И.Л. Горемыкина императрице от 8 января 1915 г.

деятельности в отношении военно-увечных и ежеквартально отчитываться о расходовании отпущенных им Особой Комиссией средств.

После принятия Наказа Особой Комиссии, Елизаветинский комитет издал для своих местных отделений Руководящие указания по разграничению деятельности между собственной компетенцией и полномочиями Особой Комиссии: Елизаветинский комитет оказывал помощь семьям офицеров и нижних чинов, семьям убитых, умерших от ран и утративших трудоспособность воинов; Особая Комиссия – самим увечным офицерам и нижним чинам; другим лицам, утратившим трудоспособность и перечисленным в Наказе Особой Комиссии, их семьям и семействам воинских чинов, умерших и утративших трудоспособность не в связи с ранениями. Вводилось раздельное делопроизводство и финансирование, в том числе разделялся и сбор пожертвований[371].

Согласно п.15 Наказа Особой Комиссии, исполнение задач на местах предполагалось возложить на городские и земские органы управления: согласно Уставу об общественном призрении, эта сфера подлежала ведению местного самоуправления. Однако органы местного самоуправления к тому моменту объединились в крупные всероссийские структуры – Всероссийский Земский Союз (ВЗС) и Всероссийский Союз Городов (ВСГ). Таким образом, Ксениинская комиссия должна была выстраивать определённые взаимоотношения и с этими объединениями. В свою очередь, Земский и Городской союзы рассматривали организацию помощи военно-увечным как логическое развитие своей основной уставной деятельности – помощи больным и раненым – после того, как те покинут госпитали.

Вопрос о совместной деятельности Особой Комиссии с ВЗС и ВСГ обсуждался на соединённом заседании Отдела призрения и Финансового отдела в октябре 1915 г. Заседание признало необходимым закрепить за Особой Комиссией роль центрального органа, где должно было быть сосредоточено

[371] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.38. Л.106-106об. Циркуляр Центрального Комитета Елизаветы Фёдоровны местным отделениям от 7 мая 1915 г. №24000.

наблюдение за призрением увечных на местах, рассмотрение и утверждение отчётности местных учреждений, издание руководящих указаний в данной сфере. Финансирование по конкретной смете предлагалось испрашивать у Совета по призрению и перечислять городам, земствам и другим учреждениям.

Изложенный порядок не встретил возражений представителей Союзов. Намеченный план был рассмотрен представителями Министерства финансов и Государственного Контроля, однако средства на приобретение и постройку постоянных сооружений не могли быть отпущены из кредитов военного времени и должны были испрашиваться в законодательном порядке.

Особая Комиссия обратилась к Союзам с предложением совместно выработать план помощи увечным, для чего 22-23 февраля 1916 г. было созвано Совещание врачей и представителей комитетов Союза Городов[372].

Вскоре после своего создания Особая Комиссия вошла в Совет по призрению с докладом об отпуске аванса не менее 1 млн руб. на начало практической деятельности, так как приблизительно в этом же размере отпускались средства и другим учреждениям, получающим пособие из средств Верховного Совета по призрению[373]. Эти средства были получены двумя траншами: после открытия деятельности Комиссии и после составления плана мероприятий[374]. До конца 1915 г. в адрес Ксениинской комиссии также поступило свыше 50 тыс. руб. благотворительных пожертвований[375].

Финансовые средства авансом перечислялись из Совета по призрению Особой Комиссии, от нее – ассигновывались московскому Елизаветинскому комитету, Главному комитету Земского либо Городского союзов, от них – местным комитетам, которые переводил деньги приютам, учебным курсам и т.п. учреждениям[376]. Рассматривать и утверждать отчётность местных

[372] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.119. Л. 29.
[373] РГИА Ф.1253. Оп.1 Д.38. Л. 47об.
[374] Отчёт Особой Комиссии… С. 2-3.
[375] Отчёт Особой Комиссии… С. 60.
[376] РГИА Ф.1253 Оп.1. Д.63. Л.235.

учреждений должна была непосредственно Особая Комиссия, также финансовые отчеты представлялись в Главные комитеты Союзов[377].

К октябрю 1915 г. общая смета расходов по Особой Комиссии (не включавшая приюты для слепых и курсы подготовки «интеллигентных профессий») достигла 10,5 млн. руб.[378]. В октябре смета была пересмотрена на соединённом заседании Отдела призрения и Финансового отдела Особой Комиссии и изменена в сторону существенного увеличения – с 10 до 30 млн руб. Согласно Краткой сводке предполагаемых расходов на долечивание, призрение и обучение увечных воинов и призрение членов их семей, в 1916 г. по Особой Комиссии предполагалось направить 13,5 млн. руб. на постройку, 4 млн. руб. – на оборудование, и 12,5 млн. – на содержание разнообразных учреждений[379].

Однако авансом Особой Комиссии могло быть отпущено лишь 300-400 тыс. руб. на её собственную деятельность и незначительные расходы, а остальной кредит в 15 млн руб. мог быть произведён лишь на основании конкретных смет, представленных Особой Комиссией в Совет по призрению, и заключения Финансовой комиссии о неотложности ассигнований в каждом отдельном случае[380]. Только год спустя Отдел призрения и Финансовый отдел Особой Комиссии по согласованию с ВЗС и ВСГ подготовили общую смету, которая оценивала выполнение составленного Союзами плана в 15,6 млн. рублей[381].

Особая Комиссия не имела права приобретения имущество и заключения сделок, и на каждую совершаемую от её имени сделку приходилось запрашивать специальное разрешение Совета по призрению, что затягивало решение вопроса. Юридический отдел Совета, приняв во внимание, что право юридического лица было предоставлено Комитету Елизаветы Фёдоровны и его

---

[377] РГВИА Ф.12564. Оп.1. Д.1177. Л.159.
РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.2072. Л.117.
[378] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.38. Л.230.
[379] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.63. Л. Л268-271.
[380] РГИА Ф.1253 Оп.1 Д.63. Л.91-92.
[381] РГВИА. Ф.12564. Оп.1. Д. 1177. Л.9.

местным отделениям, а также и Петроградскому комитету Ольги Николаевны, признал правильным ходатайствовать перед Советом по призрению об испрошении Высочайшего повеления о предоставлении Особой Комиссии прав юридического лица[382].

Первоначально управляющим делами Особой Комиссии стал капитан 2 ранга П.В. Верховский. Сменивший его на этом посту В.Б. Лопухин вспоминает Верховского как малодеятельного и несведущего в организационной работе ставленника великого князя Александра Михайловича, при этом конфликтовавшего с Советом по призрению и Комитетом Елизаветы Фёдоровны. В марте 1916 г. Ксения Александровна назначила П.В. Верховского уполномоченным Особой Комиссии по наблюдению за подведомственными ей установлениями[383].

Новый управляющий делами Особой Комиссии В.Б. Лопухин служил в должности вице-директора 1-го Департамента МИД[384]. В Особую Комиссию Лопухина, до того исполнявшего обязанности председателя финансово-заготовительной комиссии в Управлении Верховного начальника санитарной и эвакуационной части, пригласил его начальник по Министерству иностранных дел Н.Н. Покровский[385]. Лопухин привлёк в состав Особой Комиссии своего гимназического товарища, редактора «Вечерних Биржевых ведомостей» и иллюстрированного журнала «Огонек» В.Б. Бонди, который обеспечил освещение работы Комиссии в прессе и её публичную известность.

Структуру Особой Комиссии составили шесть отделов: призрения, трудовой помощи (ремесленный), приискания занятий и учебный – занимались организацией соответствующей помощи; финансовый и юридический отделы играли вспомогательную роль. Состав отдела образовывали члены Особой Комиссии по распоряжению великой княгини Ксении Александровны, а также представители ведомств и учреждений по её

---

[382] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.86. Л.44. Журнал Распорядительного отдела Особой Комиссии Совета по призрению о совершении актов и договоров от имени Совета по призрению органами Особой Комиссии.
[383] РГИА Ф.1253 Оп.1 Д.63. Л.107.
[384] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.130. Л.54.
[385] Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. С. 265-267.

приглашению. Каждый отдел наделялся собственным бюджетом и получал право самостоятельного расходования средств с лимитом до 10 тыс. рублей на каждое мероприятие. Утверждение более крупных ассигнований выносилось на заседание Особой Комиссии[386].

Отдел приискания занятий провёл всего одно заседание и в дальнейшем не проявлял активности. Из 841 обратившегося места удалось получить лишь 68 просителям[387]. Идея создать биржи труда для отставных солдат не получила развития ввиду сложности воплощения. В качестве базового алгоритма работы было принято восстановление трудоспособности увечных путём долечивания и переобучения.

Ведущими в структуре Особой Комиссии стали отделы, соответствовавшие основным видам оказывавшейся ею помощи — врачебный, ремесленный и учебный. Отделы возглавляли: врачебный — помощник главного врачебного инспектора П.Н. Булатов, ремесленный — профессор Технологического института М.В. Овсянников, учебный — член Государственной Думы А.А. Ковалевский. В октябре 1916 г. в составе Особой Комиссии было образовано статистическое отделение, в задачи которого входила как регистрация увечных воинов, так и учет оказанной им помощи[388].

В июле 1916 г. В.Б. Лопухин произвёл расширение штата Особой Комиссии за счёт введения дополнительных должностей делопроизводителей и технических служащих, а также двух должностей заместителя управляющего делами – по общим и хозяйственным вопросам. Первым из них стал бывший управляющий канцелярией варшавского генерал-губернатора Н.В. Харламов, а вторым – родной брат П.В. Верховского, К.В. Верховский – судебный деятель из местностей, занятых неприятелем.

В штате Особой Комиссии были инженер для технических поручений по отделу трудовой помощи, инженер по части протезов по отделу врачебно-технической помощи, заведующий убежищами Особой Комиссии. Всего смета

[386] Отчёт Особой Комиссии… С.3.
[387] Отчёт Особой Комиссии… С. 54-55.
[388] РГИА Ф.1253 Оп.1. Д.46. Л.34.

на содержание делопроизводства Особой Комиссии составила 121 тыс. руб. в год, в её штате состояло 29 человек – от Управделами до сторожей[389].

В октябре 1916 г. произошло очередное расширение штатов Особой Комиссии: образование в её составе Психиатрического отдела и выделение из Учебного отдела Педагогического отдела, а также общее увеличение делопроизводства потребовали увеличить состав канцелярии. В штат были введены должности трёх делопроизводителей и шести их помощников без присвоения служебных прав, с назначением окладов. С ростом канцелярии потребовалось ввести должность экзекутора, усилить состав регистратуры, переписчиков и журналистов – всего добавилось 17 служащих со средним жалованием в 900 рублей ежегодно.

Особая Комиссия заняла целый дом на углу Гороховой и Фонтанки. Пришлось содержать швейцара и двух его помощников, двух истопников, одного добавочного сторожа – всего 6 новых служащих с окладом по 60 руб. в месяц. Была введена отдельная должность по разработке и осуществлению плана регистрации увечных. Таким образом, расходы возрасли на 426 тыс. рублей в год[390].

Структурные подразделения Особой Комиссии занялись разработкой регламентирующих норм для разных сторон призрения военно-увечных. Так, Учебным отделом Особой Комиссии 7 января 1917 г. были утверждены Правила о порядке выдачи суточных денег увечным и раненым воинам, обучавшимся на курсах и в мастерских[391]. Правила письмоводства и отчётности для убежищ Особой Комиссии были утверждены управляющим делами Особой Комиссии 24 ноября 1916 г. Правила требовали учёта имущества, доходов и расходов учреждения, устанавливали перечень ведущихся книг и журналов учёта. Стандартизованные образцы учётной

[389] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.63. Л.102, 106. Об утверждении расписания расходов на содержание делопроизводства Особой Комиссии.
[390] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.63. Л.254. Журнал Распорядительного отдела Особой Комиссии по делу об усилении средств на содержание её делопроизводства 17 октября 1916 г.
[391] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.86. Л.53.

документации прилагались к Правилам[392]. Были также изданы Правила медицинской отчётности по убежищам Особой Комиссии, утвержденные Врачебно-техническим отделом 22 декабря 1916 г.[393]. В 1917 году были изданы общие Руководящие указания по устройству убежищ для увечных воинов, курсов и мастерских[394].

При определении размера пособия, испрашиваемого различными учреждениями, Особой Комиссией были приняты следующие нормы: на оборудование убежищ и приютов – 100 рублей в год на 1 место, на содержание каждого призреваемого – 300 руб., на оборудование мастерских – 85 рублей на человека[395].

За первый календарный год своей деятельности Особой Комиссии удалось устроить убежища для увечных воинов в Петрограде на 1235 мест, отпустить пособия 10 петроградским убежищам, организованным различными обществами, на 402 увечных, и 15 убежищам в провинции на 954 места[396]. К концу 1915 г. в реестре Особой Комиссии числилось 31 учреждение и организация, занятые заботой о военных инвалидах, которым было перечислено 142 тыс. руб. К выдаче в 1916 г. было предположено более 400 тыс. рублей[397]. К 1916 г. под патронатом Особой Комиссии состояло 12 убежищ на 1 435 мест. На средства ВЗС к октябрю 1916 г. действовало 11 приютов на 260 мест, на средства земств и других общественных учреждений – ещё 16 учреждений на 375 мест[398]. Особая Комиссия планировала в 1916 г. открыть приюты для 1 тысячи увечных, требующих изоляции, и «постоянные убежища» для 4 400 человек.

В 1917 г. планировалось оборудовать общежития на 14 тыс. нижних чинов и 500 офицеров. К этому времени в убежищах Особой Комиссии

---

[392] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.86. Л. 54-60.
[393] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.86. Л. 254-275.
[394] РГИА Ф. 1253. Оп. 1. Д. 86. Л.148-153. Руководящие указания по устройству убежищ для увечных воинов, курсов и мастерских. Пг., 1917. 12 с.
[395] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.63. Л.134.
[396] Отчёт Особой Комиссии С. 11, 17, 22.
[397] РГВИА. Ф.12564. Оп.1. Д. 1177. Лл. 62-63.
[398] РГВИА Ф.12564. Д.1177. Л.54, 61об. РГВИА Ф.12593. Д.2072. Л.120.

призревалось 6 тыс. человек. Содержание одного призреваемого офицера оценивалось в 1600 рублей в год; нижнего чина – 400 руб. в год.

В 1917 г. планировалось провести всероссийскую перепись учреждений, призревающих увечных воинов, что позволило бы подвести промежуточные итоги становления системы помощи военным инвалидам и уточнить объём необходимого финансирования. Предстояло выяснить, в том числе, в какой мере достигается каждая цель деятельности учреждения; какие цели не получили достаточного развития и почему, какая дальнейшая деятельность намечается. Уделялось внимание вопросу организации свободного времени призреваемых[399].

Особая Комиссия в лице своего Учебного отдела развернула деятельность по поддержке обучения военных инвалидов. Учебный отдел имел в своём составе подотделы по профессиональному образованию, общему образованию и Педагогический подотдел, заведовавший педагогическими комиссиями. В состав Отдела входили представители Министерств просвещения, финансов и Государственного Контроля[400].

Предполагалось использовать существовавшие правительственные, общественные и частные курсы, школы и мастерские, назначая им пособия на открытие учебных мест для инвалидов. Ходатайству о пособии на учреждение новых курсов должно было предшествовать получение разрешения на их открытие и утверждение учебной программы со стороны подлежащего ведомства. Особая Комиссия признавала необходимым, чтобы продолжительность обучения не превышала двухлетнего срока. Особая роль отводилась устройству показательных мастерских для подготовки инструкторов.

В 1915 г. Учебный отдел наладил в Петрограде обучение грамоте раненых в госпиталях Красного Креста и инвалидов – в убежищах. В целом ряде городов проводились чтения по счетоводству в ссудно-сберегательных и

[399] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.86. Л.160-160об. Вопросный лист для переписи к циркуляру №926 от 20 января 1917 года.
[400] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.63. Л.355-356. Наказ Учебного отдела Особой Комиссии.

кредитных товариществах, устраиваемые служащими Управления мелкого кредита Министерства финансов. Широко были поставлены курсы сельского законоведения, организуемые Министерством внутренних дел на средства Особой Комиссии. Эти курсы готовили к замещению должностей волостных и сельских писарей, делопроизводителей волостных судов, служащих земских управ и землеустроительных комиссий. Отмечалось, что благодаря примеру прибывших на родину выпускников, курсы пользовались известностью и Особая Комиссия едва ли не ежедневно получала заявления о зачислении на курсы сельского законоведения[401].

Смета Учебного отдела на 1916 г. составила 383,6 тыс. руб.: на подготовку волостных писарей – 120 тыс.; счетоводов учреждений мелкого кредита – 100 тыс.; железнодорожных техников – 50 тыс.; десятников земельных улучшений – 23,7 тыс.; инструкторов по кустарной промышленности, чертёжников и дезинфекторов – по 5 тыс.; по сельскому хозяйству и плодоводству – 25 тыс.; курсы других учреждений могли рассчитывать на 50 тыс. руб. субсидий[402].

Смета на 1917 г. включала уже 730 мастерских на 1460 мест, и достигла 7 млн. 340 тыс. руб. Предполагалось объединить 500 человек в трудовые артели, на что было заложено 0,5 млн руб.[403].

В заседании 30 января 1917 г. Распорядительный отдел Особой Комиссии постановил отпустить на устройство учебных курсов при учебных заведениях Министерства народного просвещения 200 тыс. руб. (министерство при этом запрашивало 500 тыс. руб.), в адрес Министерства торговли и промышленности – 100 тыс. руб. на курсы при 41 учебном заведении по 19 специальностям на 1270 учащихся[404].

Необходимость организации регулярной и повсеместной помощи военным инвалидам, как показала практика, не могла быть решена

---

[401] Отчёт Особой Комиссии… С.43.
[402] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.102. Л.15об.
[403] РГИА Ф.1253. Оп.1 Д.63. Л.381. Смета по Учебному отделу на 1917 год.
[404] РГИА Ф. 1253. Оп.1. Д.86. Л.226-228об.

спорадическими благотворительными инициативами и требовала создания организационной основы. Таковая стала складываться во второй половине 1916 г., после введения должности непременных членов Елизаветинского (и Ольгинского – в Петрограде и губернии) комитетов в качестве исполнительных органов Совета по призрению, на которые возлагалось осуществление на местах мероприятий в области призрения увечных воинов, а также их семей. Должности непременных членов при Комитете Елизаветы Фёдоровны и Петроградском комитете Ольги Николаевны были введены Особым журналом Совета министров, утверждённым императором 5 августа 1916 г. Решение было принято на основе постановления, принятого на заседании Совета по призрению 9 июня 1916 г., который проходил под личным председательством императрицы.

По мнению Совета по призрению, учреждение оплачиваемых штатных должностей непременных членов должно было преодолеть «факультативность» отношения к общественному призрению как благотворительному занятию[405]. Это, в свою очередь, потребовало, дополнения Положения о Елизаветинском комитете. На непременных членов возлагалось делопроизводство по вопросам, входившим в круг ведения Особой Комиссии, исполнение поручений Особой Комиссии, а также заведывание регистрацией подопечных Особой Комиссии – военных инвалидов. Предполагалось, что на непременных членов может быть возложено и заведывание местными учреждениями для инвалидов[406]. Непременный член, по соглашению с председателем местного отделения Елизаветинского комитета, мог выносить на рассмотрение отделения вопросы, требующие общего внимания[407].

Должности непременных членов был присвоен в губернских комитетах – V класс, в уездных отделениях – VI класса по чинопроизводству без права на пенсию и содержание из казны. При непременном члене открывалась

[405] РГИА Ф.1253 Оп.1. Д.63. Л125-125об.
[406] Ежемесячник… 1916. №11-12. С.15-17. Призрение жертв войны Особой Комиссией.
[407] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.130. Л.43-43об.

канцелярия. Содержание непременного члена и его канцелярии было отнесено на средства Совета по призрению. Как следует из доклада Распорядительного отдела управляющему делами Особой Комиссии, содержание непременных членов было установлено для должностей 5 класса в 3600 руб. в год и 4 класса – 2400 рублей в год, с понижением в случае совмещения. Суммы на содержание канцелярии и разъезды предполагалось определить после выяснения действительных потребностей, отпустив авансом до конца года по 2 тыс. рублей на канцелярию и по 800 рублей на разъезды. На полный год расходы на деятельность непременных членов составляли 400 тыс. рублей[408]. На 1917 г. содержание аппарата Особой Комиссии и её непременных членов на местах оценивалось в 848 тыс. руб.[409].

Замещение должностей непременных членов должно было производиться августейшей председательницей Особой Комиссии по представлению управляющего делами Совета по призрению и предварительному согласованию кандидатур с председательницей Московского и почётной председательницей Петроградского комитетов. Советом по призрению были высказаны рекомендации о необходимости обратить внимание на выбор подходящих лиц, избежав назначения тех губернских чиновников, которые исполняют в большинстве своём обязанности управляющих делами местных комитетов, будучи перегружены основной работой[410]. Как следует из Высочайшего приказа по гражданскому ведомству по Канцелярии Совета по призрению, которым в декабре 1916 г. назначались непременные члены местных отделений Елизаветинского комитета 24 губерний, все они продолжали исполнять занимаемые ими служебные должности. Десять из назначенных состояли непременными членами губернских присутствий. Двое – были непременными членами губернских по земским и городским делам присутствий, трое – непременными членами губернских присутствий по крестьянским делам, четверо – чиновниками

[408] РГИА Ф.1253 Оп.1. Д.63. Л.132.
[409] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.63. Л.386об.
[410] РГИА Ф.1253 Оп.1. Д.63. Л.125-125об.

особых поручений при губернаторе. Довольно велик был разброс между вновь назначенными непременными членами в их служебной иерархии – от коллежского регистратора (низший XIV класс Табели о рангах) до действительного тайного советника (IV класс). Больше всего было статских советников (V класс) – 7 человек[411].

Руководящие указания непременным членам были преподаны циркуляром Особой Комиссии от 20 января 1917 г. По сведениям, которые можно датировать маем 1917 года, непременные члены были назначены почти во все местные отделения[412].

Будущее же самой Особой Комиссии и всего дела призрения инвалидов, которое проходило этап становления, оставалось неопределённым. Было ясно, что потребность призрения военно-увечных сохранится и после войны. Вполне определились также значительные объёмы государственного финансирования программы призрения инвалидов войны. Закономерно, что разные общественные силы рассматривали установление своего контроля этой отрасли как возможность упрочить и расширить своё влияние. Помимо объединений местного самоуправления, во второй половине 1916 г. активность в этом направлении развернула великая княгиня Мария Павловна-старшая.

К этому времени она возглавляла Комитет снабжению одеждой нижних чинов, увольняемых на родину из лечебных заведений империи. Статусом местных уполномоченных Комитета были наделены губернаторы и уездные предводители дворянства. Особоуполномоченные Марии Павловны – сенаторы – объезжали губернии с инспекциями, ревизовали склады воинских начальников, проверяли комплектность и качество выдаваемого обмундирования, высказывали замечания и пожелания – например, о том, что пуговицы пришиваются не крепко. Комитет добился выработки общих правил, которые были разработаны Главным Интендантским управлением и высочайше утверждены. Положением Военного Совета в распоряжение

[411] Высочайший приказ по гражданскому ведомству по Канцелярии Совета по призрению от 06 декабря 1916 года № 100 // Известия Совета по призрению №16 1916. С. 11-12.
[412] РГИА Ф.1253 Оп.1. Д.46. Л.34.

Комитета был ассигнован 1 млн рублей. Основной объем вещей давали мастерские при Петроградском складе Комитета Марии Павловны[413]. Постепенно Комитет стал обзаводиться складами и мастерскими в других городах, при которых открывались учебные курсы и убежища для военных инвалидов.

Разработав Положение «своей» именной военно-санитарной организации, Мария Павловна представила его напрямую императору. Николай II передал проект на рассмотрение Совета по призрению, а также военному министру. Ввиду высочайшего повеления от 20 мая 1916 г. о проведении всех санитарных мероприятий через Верховного начальника санитарной и эвакуационной части, военный министр предполагал до рассмотрения в Совете по призрению представить проект Положения на заключение А.П. Ольденбургскому, однако Мария Павловна просила военного министра Д.С. Шуваева приостановить рассмотрение до её личной беседы с председателем Совета министров Б.В. Штюрмером[414].

Во время этой встречи великая княгиня Мария Павловна высказала желание устройства её военно-санитарной организации как самостоятельного учреждения вне подчинения Управлению Верховного начальника санитарной и эвакуационной части. Однако Штюрмер, как председательствующий в Совете по призрению, указал, что проект подлежит рассмотрению А.П. Ольденбургским и через него может быть представлен императору, так как деятельность Совета по призрению не распространяется на эвакуированных с театра военных действий. В сентябре 1916 г. Мария Павловна представила Штюрмеру новый вариант проекта Положения своей организации, по которому повторно, на сей раз с докладом императрице, было принято такое же решение[415].

---

[413] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.65. Л.21. Краткий годовой отчёт о деятельности состоящего под председательством её императорского высочества великой княгини Марии Павловны комитета по снабжению одеждой нижних чинов, увольняемых на родину из всех лечебных заведений империи с 10 ноября 1915 по 1 апреля 1916 г.
[414] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.59. Л.3. Письмо Д.С. Шуваева Б.В. Штюрмеру от 21 июля 1916 г.
[415] РГИА Ф.1253 Оп.1. Д.59. Лл.4, 7б, 11.

В ноябре проект Марии Павловны был рассмотрен председателем Главного управления Красного Креста и Верховным начальником санитарной и эвакуационной части, которые пришли к выводу о том, что он «*совершенно неприемлем как по существу дела, так и по противоречию действующим законоположениям*», о чём военный министр сообщал вновь назначенному председателю Совета министров А.Ф. Трепову[416].

Построение общегосударственной системы помощи инвалидам войны как масштабный и затратный процесс, должен был быть основан на точном представлении о числе этих жертв войны. Прежде всего необходимо было определить общее количество инвалидов, установить численность различных категорий пострадавших, нуждавшихся в разных видах помощи, и их территориальное распределение. Тем самым преодолевался бы недостаток сложившейся в России системы общественного призрения, которая «*не знала ни количества нуждающихся, ни характера нужды*»[417].

Нельзя сказать, что к тому времени не имелось никаких сведений относительно военных инвалидов. С момента выписки из госпиталя и до назначения казённой пенсии каждый уволенный с военной службы вследствие ранения или болезни, получал так называемое «четвертачное довольствие» – пособие в размере 25 копеек в сутки[418]. По Закону о порядке выдачи суточного довольствия эвакуированным и уволенным со службы нижним воинским чинам от 14 июля 1915 г., всё делопроизводство в этом отношении должны были вести уездные и городские управы; таким образом, в управах были списки таких лиц. Опираясь на эти данные, Отдел помощи увечным ВЗС смог собрать «*весьма ценные поуездные данные об уволенных со службы*»[419]. Выплата пенсий производилась через уездные или городские по воинской повинности присутствия, там же велся учёт получавших пенсии. В середине

[416] РГИА Ф.1253 Оп.1. Д.59. Л.17. Доклад Д.С. Шуваева А.Ф. Трепову (по Верховному Совету) 29 ноября 1916.
[417] План регистрации увечных воинов, выработанный Отделом помощи увечным воинам Главного Комитета Всероссийского Земского Союза. М., 1916. С.4.
[418] РГВИА. Ф.12564. Оп.1. Д. 1177. Л.235.
[419] РГВИА. Ф.12564. Оп.1. Д. 989. Л.210.

1915 г. военное ведомство предполагало сосредоточить у себя регистрацию нуждавшихся[420], однако эта идея не была реализована.

Объединения земств и городских самоуправлений поставили перед собой задачу собрать по возможности наиболее полные сведения обо всех военно-увечных, уже прибывших в места своего постоянного проживания, и наладить регистрацию вновь признаваемых инвалидами. К январю 1916 г. был разработан проект постановки текущей регистрации увечных воинов. Он предполагал установление координации лечебных заведений ВЗС и ВСГ с местными отделениями Земского Союза[421]. Вводилась карточка «Уведомление о выбытии раненых и больных воинских чинов из лечебных заведений ВЗС», которая направлялась в губернский комитет Земского Союза по месту жительства пострадавшего. В ней отмечалась степень утраты трудоспособности по 8-ми категориям и мнение госпитального врача о желательной форме общественной помощи выписываемому[422]. Отмечалось, что «книжке военно-увечного» должен быть придан официальный характер «*силою закона или распоряжением высшей правительственной власти*»[423].

Тем не менее, учёт военно-увечных стал очередным камнем преткновения во взаимодействии власти и всероссийских союзов органов самоуправления. В марте 1916 г. съезд Союза Городов утвердил общие принципы регистрации инвалидов войны[424]. Велись переговоры об организации объединённого статистического бюро при Главных комитетах ВЗС и ВСГ; в итоге Медико-Статистическое бюро возникло при Главном комитете Земского Союза[425].

Земским Союзом была предложена схема поуездной регистрации инвалидов войны, представленная в мае 1916 г. на Пироговском съезде. Схема

---

[420] РГВИА. Ф.12564. Оп.1. Д.987. Л.39об.
[421] План регистрации увечных воинов, выработанный Отделом помощи увечным воинам Главного Комитета Всероссийского Земского Союза. М., 1916. С.4.
[422] РГВИА. Ф.12564. Оп.1. Д.93. Л.8. Циркуляр Главного Комитета губернским, уездным и областным комитетам ВЗС от 16 января 1916 года.
[423] РГВИА. Ф.12564. Оп.1. Д.986. Л.104.
[424] РГВИА. Ф.12564. Оп.1. Д.430. Л.18.
[425] РГВИА. Ф.12564. Оп.1. Д.986. Л.51-52.

включала сведения о семейном и имущественном положении увечного воина, его занятиях и доходах. Переписная карточка была составлена совместно с представителями врачебных организаций[426]. Примечательно, что в анкету включались сведения и о том, состоит ли инвалид в гражданском или же венчанном браке. Анкета также определяла число иждивенцев и наличие других работников в семье увечного. Кроме того, анкета содержала вопросы о видах необходимой помощи не только самому солдату, но и членам его семьи (например, присмотр за детьми, чтобы дать жене возможность заработка) – а также о том, какие формы помощи желательны самому нижнему чину.

Предполагался тотальный контроль за военными инвалидами: предстояло отслеживать не только изменения в их состоянии здоровья, но также в семейном положении, доходах, месте жительства – с тем, чтобы оказываемая общественная помощь соответствовала действительным потребностям призреваемого лица[427]. Выполнение этой работы предполагалось получить специальным участковым попечительствам, созданным при уездных управах. В свою очередь, губернским управам надлежало координировать помощь в пределах губернии. Таким образом, был взят курс на создание системы адресной поддержки с максимальным учётом индивидуальных обстоятельств, что предполагало создание и обобщение обширного и динамичного массива данных.

Инструкции по производству регистрации включали составление кратких именных списков для каждого населённого пункта по данным воинских начальников и проведение индивидуального обследования. Заполнение карточек в части сведений медицинского характера необходимо было проводить при участии врачей, а в части имущественного положения – сельских должностных лиц, служащих кооперативов и т.п. Заполненные переписные карточки предстояло сдать в уездные земские управы, которые на их основании выписывали увечным учётные книжки, служившие основным

[426] РГВИА. Ф.12564. Оп.1. Д.430. Л.20.
[427] План регистрации увечных воинов, выработанный Отделом помощи увечным воинам Главного Комитета Всероссийского Земского Союза. М., 1916. С.4.

документом для получения ими различных видов помощи. Далее уездная управа передавала карточки губернской управе, оставляя у себя их дубликат; губернская же управа занималась обработкой статистических данных, составляя на их основе погубернский план размещения специальных учреждений и координируя их деятельность[428].

После обсуждения плана и сметы проведения регистрации увечных воинов, члены Главного комитета пришли к общему мнению, что в распоряжении ВЗС нет средств на реализацию этого плана. Было решено открыть Отделу помощи увечным кредит в размере 32 тыс. рублей для начала переписи из средств, ассигнованных Главному комитету губернскими земствами, и приступить к печати бланков первой очереди[429].

Земская смета на изготовление бланков и книжек для текущей регистрации и переписи военно-увечных по земским губерниям Европейской России составлялась из прогноза о 300-500 тысячах увечных и оценивалась в размере 94-157 тыс. рублей, не считая оплаты труда переписчиков и расходов на разъезды и обработку карточек[430]. 30 июля 1916 г. в Ксениинской комиссии был представлен план регистрации увечных воинов в земских губерниях и смета на 537 тыс. рублей (из оценки количества увечных в полмиллиона). В пояснительной записке к смете оговаривалось, что она является приблизительной и заведомо недостаточной, т.к. не включает расходы на наем помещений и разъезды[431]. В то же время, Петроградский областной комитет ВСГ признавал явно недостаточными затраты в размере 1 руб. на увечного, т.к. из этой суммы счётчикам причиталась бы только ¼, что при числе увечных в уезде 800-1000 человек составляет около 200-250 рублей и не покрывает разъездных расходов (учитывая, что инвалиды рассеяны по множеству населённых пунктов)[432].

---

[428] План регистрации увечных воинов, выработанный Отделом помощи увечным воинам Главного Комитета Всероссийского Земского Союза. М., 1916. С.4.
[429] РГВИА. Ф.12564. Оп.1. Д.430. Л.32. Выписка из Журнала заседаний Главного Комитета ВЗС от 12 июля 1916 года.
[430] РГВИА. Ф.12564. Оп.1. Д.430. Л.23.
[431] РГВИА. Ф.12564. Оп.1. Д.986. Лл.104, 106.
[432] РГВИА. Ф.12593. Оп.1. Д.2072. Лл.4-34об.

Циркуляр Главного комитета ВЗС уездным комитетам от 22 сентября 1916 г. предписывал немедленно приступить к поуездной переписи военно-увечных[433]. Начиная масштабную процедуру регистрации, Главный комитет уведомлял свои местные подразделения о том, что он по-прежнему «*не располагает специальным кредитом*» на её проведение. Таким образом, фактически проведение переписи и обработка её результатов явочным порядком возлагались Земским Союзом на органы местного самоуправления – структуры, не тождественные местным комитетам ВЗС и не находившиеся в подчинении Главного комитета.

Новгородский губернский комитет ВЗС на совещании с представителями уездных управ пришёл к выводу, что программа регистрации, предложенная Главным комитетом, невыполнима в связи с нехваткой как земских служащих, так и медицинского персонала. Губернский комитет по собственной инициативе разработал более простую форму регистрации, которую передал в уездные комитеты для проведения регистрации военно-увечных силами волостных правлений, священников и учителей[434].

5-7 октября 1916 г. в Москве состоялось совещание представителей земств, принявшее упрощённую форму регистрационной карточки, которая заполнялась по сведениям воинского начальника[435]. Таким образом, форма регистрации была изменена в процессе её проведения.

Что касается городов, то совещание представителей областных комитетов ВСГ 30 октября – 1 ноября 1916 г. приняло за основу бланк ВЗС[436]. По соглашению с ВСГ, регистрация в уездных городах производится силами уездных земских управ. В большинстве губернских городов регистрацию увечных взял на себя Союз Городов. Ряд уездных центров выразили желание провести регистрацию самостоятельно, силами городских управлений[437].

---

[433] РГВИА. Ф.12564. Оп.1. Д.968. Л.116.
[434] РГВИА. Ф.12564. Оп.1. Д.1177. Л.4.
[435] РГВИА. Ф.12564. Оп.1. Д.968. Лл.127-128.
[436] РГВИА. Ф.12593. Оп.1. Д.2071. Л.28-32.
[437] РГВИА. Ф.12564. Оп.1. Д.968. Лл. 116, 120.

При этом Особая Комиссия не торопилась финансировать начатые работы по регистрации военно-увечных; спорным моментом оставался адресат финансирования, что было непосредственно связано с процедурой переписи и определялось противоречивыми взаимоотношениями Союзов и Совета по призрению. Изначально предполагалось, что средства будут перечислены губернским управам. При этом было замечено, что в их распоряжении нет достаточного количества подготовленных кадров для проведения переписи по намеченному плану. В конце ноября было решено отпускать средства Главным комитетам обоих Союзов[438].

На фоне крайне обострившихся отношений между монархией и Союзами, Особая Комиссия Совета по призрению предпринимала попытки выработать альтернативную схему переписи военных инвалидов, склоняясь к отстранению Главного комитета ВЗС от переписи и осуществлению её через городские и уездные земские управы под наблюдением и руководством членов Особой Комиссии, а там, где местное самоуправление не было организовано – при посредстве отделений Елизаветинского комитета и других общественных организаций с доставкой переписных карточек в Комиссию[439]. Таким образом, не только Союзы, но и губернские управы отстранялись бы от проведения учёта военно-увечных, а данные о количестве и размещении инвалидов войны становились бы достоянием Особой Комиссии. Распорядительный отдел Особой Комиссии предлагал учредить Статистическое совещание при Управлении делами Особой Комиссии в составе членов Особой Комиссии и специалистов статистического дела[440].

Во второй половине декабря 1916 г. состоялось совещание Статистического отдела Особой Комиссии с участием представителей ВЗС и ВСГ. Оно вернулось к идее проведения переписи непосредственно низовыми органами местного самоуправления.

---

[438] РГВИА. Ф.12593. Оп.1. Д.2072. Лл.34-34об.
[439] РГВИА. Ф.12593. Оп.1. Д.2122. Л.25; РГВИА. Ф.12564. Д. 1177. Л.362.
[440] РГИА Ф1253 Оп.1 Д.86. Л.22-25. Заседание Распорядительного отдела Особой Комиссии 4 января 1917 г. Там же, Л. 26.

Накануне революции Распорядительный отдел Особой Комиссии рассмотрел и одобрил план производства переписи и текущего учёта увечных воинов, общие основания их регистрации и смету расходов. Руководство переписью и текущим учётом закреплялось за Особой Комиссией, которая устанавливала общий план переписи, приводила его в исполнение и обеспечивала его финансирование.

За основу должны были быть взяты списки эвакуированных из госпиталей увечных раненых и больных воинов. После составления таких списков производилось заполнение опросных листов с участием врачей. Опросные листы с именным списком направлялись в уездный или городской статистический орган. На основе опросных листов заполнялись книжки увечных, личные карточки и краткие регистрационные карточки увечного для Особой Комиссии. Затем должна была составляться поуездная сводка, которая вместе с подлинниками опросных листов передавалась в губернский статистический орган. Непременный член местного отделения Елизаветинского комитета после обработки отсылал опросные листы на хранение в статистическое отделение Особой Комиссии. Все значимые перемены в состоянии увечного (смерть, выздоровление, переезд) должны были сообщаться в статистический отдел Особой Комиссии.

Перепись должна была производиться при посредстве непременных членов, городских и земских общественных управлений и других общественных органов; в Европейской России: в городах – при участии ВСГ по соглашению с его Центральным комитетом; в сельской местности в губерниях, где введены земские учреждения – при участии ВЗС по соглашению с Центральным комитетом, в остальных – непосредственно непременными членами.

Предварительно на перепись было ассигновано 901 тыс. рублей и ещё 130 тысяч – на жалование непременным членам Ксениинской комиссии, которые будут руководить её проведением[441]. Смета переписи составлялась из

[441] РГВИА. Ф.12593. Оп.1. Д.2072. Л.35.

расчёта 1 миллиона военных инвалидов; только на изготовление регистрационных карточек предполагалось потратить 1,5 млн. рублей[442].

В январе 1917 г. предполагалось авансировать 500 тыс. руб. с тем, чтобы по организации дела были представлены «*соображённые с действительными издержками*» подробные мотивированные расчёты. Средства для проведения переписи инвалидов для тех местностей, органы самоуправления которых входили в Союзы, должны были быть ассигнованы в распоряжение центральных комитетов ВЗС и ВСГ[443].

В начале лета 1917 г. регистрация увечных ещё не была произведена, так как сообщалось, что к этому времени Статистическое отделение лишь смогло определить общие начала регистрации[444].

Таким образом, особенности формировавшейся в имперский период системы помощи инвалидам Первой мировой войны состояли в отсутствии специализированного бюрократического аппарата, реализующего задачи социальной помощи этой категории. В качестве центрального органа системы выступала Особая Комиссия Совета по призрению. Её роль сводилось к экспертизе предлагаемых проектов и их финансированию. Приходится признать, что на протяжении двух с половиной лет войны усилия были сосредоточены в основном на организации на локальном уровне отдельных видов помощи военным инвалидам, вопрос централизации и координации этой деятельности был поставлен на повестку дня, но так и не был решен.

* * *

Деятельность Верховного Совета по призрению наследовала российской традиции государственно-общественного взаимодействия в социальной сфере, объединяя ресурсы государственного бюджета и благотворительности. В своей деятельности Совет по призрению использовал административный потенциал государственного аппарата, престиж императорской фамилии и традиционные

---

[442] РГВИА. Ф.12564. Оп.1. Д.968. Л. 135-136.
[443] РГИА Ф1253 Оп.1. Д.86. Л.22-25. Заседание Распорядительного отдела Особой Комиссии 4 января 1917 г. Там же, Л. 26.
[444] РГИА Ф.1253 Оп.1 Д.46. Л.34.

механизмы благотворительности. Совет по призрению был близким аналогом Особых Совещаний. Идея создания такой организации принадлежала великой княгине Елизавете Фёдоровне и была основана на опыте её работы во время русско-японской войны. Роль крупных благотворительных организаций – Александровского комитета, Человеколюбивого общества, Общества повсеместной помощи солдатам и их семьям – в годы Первой мировой войны была второстепенной.

В состав Совета по призрению за годы его существования входило около пяти десятков человек. Большинство из них имели опыт участия в благотворительности, интересовались социальными вопросами. Члены Совета по призрению как по должности, так и по выбору императрицы, принадлежали к высшей бюрократии. В ряды титулованной аристократии входило шесть человек, в основном они были приглашены в Совет императрицей. Многие из членов Совета придерживались правоконсервативных взглядов, участвовали в деятельности правых организаций и групп. При этом Совет нельзя назвать командой единомышленников. Разделение проходило по линии сотрудничества с Государственной Думой; предметом раздора было и отношение к Протопопову и Распутину. Возможно, ещё более напряжёнными были отношения между императрицей и членами императорской фамилии, также участвовавшими в работе Совета по призрению.

Средства Совета по призрению складывались из государственных ассигнований, частных пожертвований и дохода от проведения благотворительной лотереи. До начала 1916 г. основным источником средств Совета были доходы от лотереи. Казённые средства вкупе с частными пожертвованиями составляли немногим более 10% средств. Если за 1914-1915 годы Совет по призрению распределил около 17 млн. рублей, то в 1916 году из государственного казначейства ему было ассигновано 30 млн. рублей. Поступавшие в адрес Совета частные пожертвования не превышали 3% его бюджета. Если принять во внимание, что и проведение всероссийской благотворительной лотереи было частью государственной политики – следует

сделать вывод об абсолютной зависимости Совета по призрению от государственного финансирования.

В своей работе Совет по призрению пытался упорядочить финансовую поддержку различных благотворительных начинаний в сфере помощи жертвам войны. Средства Совета должны были направляться крупным всероссийским структурам, имевшим отделения в губерниях, и перераспределяться ими в пользу местных благотворительных учреждений. При этом различные виды помощи семьям мобилизованных должен был курировать Елизаветинский комитет, помощь военным инвалидам – Особая Комиссия Совета по призрению, детские приюты – Романовский комитет, ясли – Общество по охране материнства и младенчества, мастерские для солдатских жён – Попечительство о трудовой помощи. Однако на деле Совет по призрению не придерживался жёстко этого правила, спорадически финансируя отдельные проекты и организации. Такой ситуативный подход препятствовал созданию единой архитектуры социальных учреждений и позволял направлять часть средств в пользу организаций, аффилированных с членами Совета.

Наиболее крупными получателями средств Совета по призрению в 1914-1915 гг. стали Елизаветинский и Ольгинский комитеты – территориальные структуры, оказывавшие помощь семьям призванных. На их долю приходилась ровно треть ассигнований Совета. Второе место в ряду получателей финансирования занимали склады, состоявшие под патронажем двух императриц – правящей и вдовствующей. Они получили примерно четверть распределённых Советом по призрению средств. На помощь военным инвалидам на первом этапе её становления Советом по призрению было направлено около 6% средств. Наконец, доля финансирования всех прочих инициатив составила 14,6%. Татьянинскому комитету в этот период было передано чуть менее 20% имевшихся в распоряжении Совета средств, хотя беженцы не входили в круг ведения Совета по призрению.

В значительно выросших расходах 1916 г. склады практически сохранили свою долю (20%). Половину средств Совета по призрению

предполагалось направить на нужды инвалидов, а на долю помощи солдатским семьям планировалось менее 5% расходов. Это можно объяснить тем, что полученные Елизаветинским комитетом 3,5 млн руб. осваивались и в первом полугодии 1916 г.; на второе полугодие он запрашивал 1 млн руб.

40-55% средств Совета по призрению была распределена в пользу именных комитетов, производивших экспертизу и перераспределение финансов в пользу организаций и учреждений, облегчавших участь жертв войны, которые именовались «*установлениями, объединёнными руководством Верховного Совета*». Около 15-25% средств распределялись Советом по призрению в пользу разнообразных мелких благотворительных организаций и на отдельные благотворительные инициативы. Координация этой деятельности через посредничество всероссийских благотворительных обществ так и не была реализована.

Глава 3. КОМИТЕТ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛИЗАВЕТЫ ФЁДОРОВНЫ ПО ОКАЗАНИЮ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ ЛИЦ, ПРИЗВАННЫХ НА ВОЙНУ

3.1 Полномочия и структура Елизаветинского комитета

Великая княгиня Елизавета Фёдоровна с детства была увлечена идеей помощи ближнему. Во время русско-японской войны она была поставлена во главе Особого комитета для объединения в Москве благотворительной деятельности, вызванной войной на Дальнем Востоке. Эта новая благотворительная организация должна была заниматься сбором пожертвований на нужды Красного Креста. Тогда же великая княгиня открыла несколько лазаретов и мастерские в Большом Кремлёвском дворце, занятые изготовлением обмундирования[445].

С началом Первой мировой войны Елизавета Фёдоровна пожелала вернуться к этой деятельности, обратившись к императору с просьбой о разрешении устройства Комитета помощи семьям воинов, позже предложив при личной встрече с Николаем II идею всероссийского благотворительного комитета, занятого оказанием дополнительной к казённому пайку помощи солдатским семьям. По свидетельству П.А. Базилевского, императрица не пожелала отдавать столь крупное дело в руки своей сестры. Решением стало создание своеобразной руководящей надстройки – Совета по призрению под августейшим председательством императрицы Александры Фёдоровны, вице-председательницей которого стала Елизавета Фёдоровна. 6 августа император Николай II посетили Марфо-Мариинскую обитель[446], а 11 августа 1914 г., одновременно с учреждением Совета по призрению, было утверждено и Положение о Елизаветинском комитете, регламентировавшее его полномочия

[445] Волошун Аполлинария. Блаженны милостивые: благотворительная деятельность Великой княгини Елизаветы Фёдоровны. М., 2010. С. 93.
[446] Великая княгиня Елисавета Феодоровна: Документы и материалы. 1905-1918 / Сост. Е.Ю. Ковальская. Т. 1-2. М., 2016. С. 50, 134.

и структуру. Впоследствии, как свидетельствует П.А. Базилевский, отношение Совета по призрению к Елизаветинскому комитету было всегда внешне корректным и благожелательным, но во многих конкретных случаях взаимодействия приходилось преодолевать препятствия, «*в которых сквозило скрытое стремление умалить популярность комитета и его руководительницы*»[447].

Расположенный в Москве Комитет великой княгини Елизаветы Фёдоровны был коллегиальным органом. Периодически он собирался на заседания, на которых принимались руководящие распоряжения по различным вопросам организации призрения, а также утверждались решения о выделении финансирования по ходатайствам местных отделений[448]. Одновременно московский Елизаветинский комитет был органом, осуществлявшим призрение подопечных категорий в Москве и Московской губернии.

Членами Комитета по назначению стали епископ Можайский Дмитрий, граф П.Н. Апраксин – представитель государыни императрицы, московский губернатор граф Н.Л. Муравьёв, главноначальствующий свиты его величества в Москве генерал-майор А.А. Адрианов, московский губернский предводитель дворянства А.Д. Самарин, председатель Московской губернской земской управы Ф.В. Шлиппе и московский городской голова М.В. Челноков, управляющий московской казённой палатой и московский уездный воинский начальник, попечитель Московских городских попечительств.

Великой княгиней в состав её Московского комитета было приглашено ещё 12 лиц, многие из которых сотрудничали с ней ещё в период русско-японской войны. Так в состав Елизаветинского комитета вошли Н.В. Глоба – директор Строгановского училища, секретари великой княгини – внук орловского помещика В.Е. Пигарёв и сын железнодорожного магната В.В. фон Мекк (а также его дядя, председатель правления Московско-Казанской

---

[447] Цит. по: Максимова Л.Б. Вклад Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны в благотворительное движение России конца XIX - начала XX века : дисс. ... канд. ист. наук. - Москва, 1998.- С. 130.

[448] Еженедельник комитета Ея Императорского Высочества великой княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц призванных на войну. 1914. №1. С.5.

железной дороги Н.К. фон Мекк)[449]. Обязанности казначея были возложены на егорьевского фабриканта-миллионера, коллекционера и мецената М.Н. Бардыгина, состоявшего в отдалённом родстве с кланом московских благотворителей Бахрушиных. Из них членами Комитета стали известный основатель театрального музея и гласный Московской городской думы А.А. Бахрушин, вместе со своим племянником, тоже гласным Московской городской думы, С.В. Бахрушиным (впоследствии – историк, член-корреспондент АН СССР и лауреат Сталинской премии)[450]. Со времён русско-японской войны сотрудничал с великой княгиней профессор медицины Московского университета А.А. Корнилов. Также был приглашён в состав Елизаветинского комитета бывший московский городской голова, попечитель детских исправительных приютов К.В. Рукавишников (умер в 1915 г.) и заведующий двором великой княгини А.П. Корнилов. Единственной женщиной среди членов Комитета великой княгини была казначея Марфо-Мариинской обители В.С. Гордеева, неизменно сопровождавшая свою патронессу в инспекторских поездках.

Товарищами (заместителями) августейшей председательницы стали П.А. Базилевский и Н.И. Гучков. Пётр Александрович Базилевский, крупный землевладелец и сын дипломата, с 1900 г. состоял чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе великом князе Сергее Александровиче, с 1905 г. был московским уездным предводителем дворянства, в 1915 г. был избран московским губернским предводителем дворянства. Также П.А. Базилевский с 1913 г. состоял почётным опекуном Ведомства учреждений императрицы Марии по московскому присутствию и был председателем Московского Совета детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии.

Николай Иванович Гучков приходился старшим братом лидеру октябристов А.И. Гучкову, исповедовавшему в годы войны оппозиционные

[449] Полынкин А.М. Орловские дворяне Пигарёвы // Орловский Вестник. 07.08.2018.
[450] Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1992.

взгляды. Н.И. Гучков был предшественником М.В. Челнокова на должности московского городского головы, впоследствии – гласным Московской городской думы. Характерно, что именно Н.И. Гучков был назначен Елизаветой Фёдоровной представителем её Комитета в Совете по призрению, при том, что его брата императрица считала своим личным врагом.

Таким образом, Московский комитет великой княгини объединял в своём составе в большинстве своём близких лично великой княгине людей, вовлечённых в благотворительную деятельность, состоятельных и занимавших официальные посты.

Текущая работа Комитета лежала на его Канцелярии и Комиссии общих дел. Канцелярия Елизаветинского комитета разделялась на 7 отраслевых отделов: Детского призрения, Квартирный, Трудовой помощи, Материальной помощи, Иногородних отделений, Прошений и Статистики (Приложение 2). Впоследствии был образован Отдел увечных. Первоначально Канцелярия составилась из нескольких добровольцев, но в первые же дни к ней были прикомандированы мобилизованные на нестроевые должности. С возникновением губернских отделений для переписки с ними были приглашены наёмные служащие. К лету 1915 г. Канцелярия насчитывала уже 46 человек, не считая низших служащих.

С образованием Особой Комиссии Совета по призрению и утверждением её Наказа было определено, что в этой части деятельность Елизаветинского комитета продолжится и после войны до того времени, когда все принятые на его попечительство сироты станут трудоспособными. Такая перспектива требовала придания Канцелярии статуса постоянного учреждения со штатом служащих и определённым окладом жалования[451]. В августе 1916 г. Елизаветинский Комитет возбудил ходатайство в Совете по призрению об учреждении штатных должностей заведующего Канцелярией и управляющего делами Комитета. Совет по призрению пришёл к выводу, что требуется

[451] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.198. Л.113об. Доклад Комиссии общих дел о финансовом плане на период с 1 июля 1915 года по 1 июля 1916 года.

разрешить лишь вопрос о предоставлении управляющему делами 4-го класса по должности и 4-го разряда по шитью на мундире. Совет по призрению полагал необходимым установить, что замещение должностей управляющего делами и заведующего Канцелярией Елизаветинского комитета должно производиться по представлению управляющего делами Совета по призрению порядком, установленным в статьях 169-172 Устава о службе по определению от правительства, т.е. Высочайшим приказом по представлению соответствующих министров и главноуправляющих в Собственную его императорского величества канцелярию по инспекторскому отделу[452]. Такой статус делопроизводственной части Елизаветинского комитета и порядок его установления подчёркивают бюрократизированный характер системы социальной помощи, складывавшейся в годы войны.

Отдел трудовой помощи руководил работой московских мастерских, принимал и распределял военные заказы. На 1 января 1916 г. была предоставлена работа 10 167 просителям из 10 874 обратившихся[453]. Отдел детского призрения ведал работой московских приютов – на 1 января 1917 г. в приютах находилось 1269 детей[454]. Всероссийский масштаб имела деятельность Отдела прошений. Именно сюда поступали бесчисленные обращения за помощью, которые отдел рассматривал и перенаправлял по принадлежности. В отделе оказались сосредоточены прошения о восстановлении права семей на пособия, об оказании благотворительной помощи, отпуске леса, агрономической помощи. Число таких прошений в среднем составляло 600-700 в месяц. Бывали месяцы, когда в Канцелярию лично являлись до тысячи просителей. Справки на месте давались в течение двух-трёх минут; письменные ответы – в срок не более недели[455]. К 1 июля 1915 г. в Канцелярию поступило 16 675 ходатайств, из них в иногородние

---

[452] РГИА Ф.1253. Оп.1 Д.87. Л.2-3.
[453] ЦГАМ Ф.113. Оп. 1 Д.204. Л.201 Справка на 1 января 1916 года.
[454] ЦГАМ Ф.113. Оп. 1 Д.204. Л.359.
[455] ЦГАМ Ф.113. Оп. 1 Д.204. Л.172.
Годовой обзор работы комитета // Ежемесячник комитета Ея Императорского Высочества великой княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц призванных на войну (далее – Ежемесячник…). 1915. №2. С.28.

отделения и уездные комиссии было препровождено 16 230. Наибольшее число таких ходатайств дали Рязанская (2 867) и Тамбовская (2 136); в Закаспийскую, Петраковскую, Семипалатинскую и Уральскую губернии поступило только по 1 прошению[456]. Статистический отдел вёл общий учёт количества обращений в Комитет. Согласно его данным, за два года было учтено 121 808 обращений от 79 215 зарегистрированных лиц[457].

Отдел увечных рассматривал обращения инвалидов войны, поступавшие со всей России. На 1 января 1917 г. по Отделу увечных поступило 9 088 прошений: получили денежное пособие 366 человек, были направлены на должности 2 740, помещено во Временное убежище 121, отклонено 134 обращения[458].

Основную организационно-распорядительную работу между заседаниями Комитета проводила Комиссия общих дел. Она рассматривала вопросы общего характера, связанные с постановкой призрения в системе Елизаветинского комитета, и выносила на заседания Комитета доклады с решениями по тем или иным вопросам. Также Комиссия общих дел имела право удовлетворять неотложные ходатайства о пособиях со стороны отделений или благотворительных организаций, вынося свои решения на заседания Комитета. За два года состоялось 20 заседаний Центрального комитета и 85 заседаний Комиссии общих дел[459].

24 мая 1915 г. Положение Елизаветинского комитета было дополнено статьёй, предоставлявшей Комитету права юридического лица[460]. Это давало возможность самому Комитету и его местным отделениям приобретать движимое и недвижимое имущество, заключать договоры, участвовать в судопроизводстве. По прекращении деятельности местных отделений их имущество поступало бы Комитету; в свою очередь, имущество Комитета по

---

[456] ЦГАМ Ф.113. Оп. 1 Д.204. Л.60. ЦГАМ Ф.113 оп. 1 Д.204 Л.170.
[457] ЦГАМ Ф.113. Оп. 1 Д.204. Л. 287.
[458] ЦГАМ Ф.113. Оп. 1 Д.204. Л.362.
[459] Два года деятельности Комитета // Ежемесячник…1915. №13. С.18-21.
[460] Циркуляр от 24 июля 1915 № 30100 О предоставлении Комитету Ея Высочества прав юридического лица // Ежемесячник…1915. №1. С.11.

его закрытии должно было отойти Совету по призрению, что показывало его подчинённое положение.

В соответствии с Положением, в состав губернских отделений вошли председатели губернских земских управ, городские головы, управляющие казёнными палатами, губернские предводители дворянства, представители от духовенства (в большинстве случаев – епархиальные архиереи), уездные воинские начальники, представители крупных благотворительных организаций, действовавших в городах. На первом заседании Совета по призрению главноуправляющий ведомством землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) А.В. Кривошеин обратился к великой княгине Елизавете Фёдоровне с ходатайством о привлечении в состав центрального Елизаветинского комитета и его местных отделений представителей ГУЗиЗ как лиц, близко стоящих к сельскому быту. В каждой губернии ГУЗиЗ решил образовать комитеты помощи семьям мобилизованных чинов ведомства, и главноуправляющий предлагал именно их включить в состав местных отделений Елизаветинского комитета[461]. Во главе губернских отделений, а также отделений в областях и градоначальствах были поставлены губернаторы либо градоначальники. Положение о комитете определяло «костяк» состава губернских отделений из членов по занимаемой должности. Прогнозировалось, что такой подход обеспечит стабильность существования губернских отделений по окончании войны, когда их покинет волонтёрский элемент, участвующий в работе из патриотических побуждений[462].

Согласно Положению, отделение возглавлялось губернатором. Это придавало его деятельности значительный административный вес; вместе с тем, быстрая ротация губернаторского корпуса, ставшая отличительной чертой внутренней политики в годы войны, вела к значительному распылению административного ресурса. Псковское губернское отделение имело

[461] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.33. Л.9. Главноуправляющий ГУЗиЗ А.В. Кривошеин - А.П. Корнилову 25 августа 1914 года.
[462] ЦГАМ Ф.113. Оп. 1. Д.210. Л.109-110об. Памятная записка по вопросу об организации дела призрения увечных воинов.

августейшую председательницу – великую княжну Марию Павловну-младшую; её помощником был назначен псковский губернатор А.И. Келеповский.

Управляющий делами Совета по призрению Г.Г. Витте сообщал в 1916 г., что реальное руководство работой местного отделения Елизаветинского комитета чаще всего возлагается губернатором на одного из его ближайших сотрудников (непременного члена Губернского по крестьянским делам присутствия, советника губернского правления и т.п.), которые переобременены своими непосредственными обязанностями. Сами же председатели отделений – губернаторы – не отдают себе ясного отчёта о задачах Комитета, не считают его работу серьёзной и смешивают один комитет с другим[463].

За работу в составе Комитета его члены по представлению своих отделений могли быть представлены к государственным наградам за заслуги в деле оказания благотворительной помощи. При этом состоящие на государственной службе получали награды в соответствии с правилами гражданской службы, частные же лица награждались за благотворительную и общеполезную деятельность. Также на этих основаниях могло производиться и представление к очередным чинам. Упоминалось, что к награждению женщин золотой медалью «За усердие» на Аннинской ленте возможно представлять только дворянок и женщин-врачей[464].

Ходатайства местных отделений о награждении поступали в Елизаветинский комитет, а оттуда – в Совет по призрению, который, однако, обратил внимание на чрезвычайно большое количество представляемых к наградам, которые, к тому же, слишком часто нарушали правила последовательности наград, межнаградных сроков и соответствия испрашиваемых наград служебным и сословным правам представляемых. На этом основании количество награждаемых было ограничено десятью от

[463] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.63. Л.125-125об.
[464] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.33. Л.77. Циркуляр от 2 октября 1915 г. № 41000 О наградах.

каждой губернии[465]. Однако буквально через несколько дней после появления этого циркуляра император установил лимит на награждения за заслуги перед Советом по призрению. Наградная квота для Елизаветинского комитета составила 300 лиц, из них 230 могли награждаться за «обыкновенные отличия» и 70 – за выдающиеся. Принимая во внимание число отделений Комитета, это означало, что отныне на награду, кроме выдающихся отличий, могло рассчитывать не более 3 человек в год от каждого губернского отделения[466]. С установлением наградной нормы Елизаветинский комитет предложил представлять заслуживающих награждения деятелей к серебряным нагрудным знакам Совета по призрению[467].

Местная сеть Комитета великой княгини Елизаветы Фёдоровны создавалась на основе циркуляра Главного управления по делам местного хозяйства МВД от 23 августа 1914 г. об устройстве и объединении благотворительной помощи семьям лиц, призванных на военную службу, предлагавшего губернаторам образовать губернское отделение Елизаветинского комитета[468]. Одновременно губернаторам был разослан рескрипт за личной подписью великой княгини о назначении их на основании высочайше утверждённого Положения председателями отделений, с просьбой приступить к организации отделения[469]. К этому времени в некоторых губерниях уже появились благотворительные организации помощи солдатским семьям, созданные на волне патриотического подъёма. Эти организации были преобразованы в местные отделения Елизаветинского комитета, в «отстающих» же губерниях сеть Комитета пришлось создавать «с нуля». После своего организационного оформления структура Елизаветинского комитета включала 85 губернских и областных отделений.

[465] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.33. Л.193. Циркуляр от 19 марта 1916 г. № 7 О наградах.
[466] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.33. Л. 367. Циркуляр 12 сентября 1916. № 18. О наградах.
[467] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.33. Л. 421. Циркуляр 16 октября 1916. № 23. О нагрудном знаке.
[468] Ежемесячник…1916. №6. С.19.
[469] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.33. Л.7. Образец рескрипта.

Общее число подведомственных учреждений за два года деятельности комитета достигло 6 тысяч[470].

На заседании Елизаветинского комитета 21 сентября 1914 г. был рассмотрен вопрос об образовании структур Комитета на уездном уровне. Они получили название уездных комиссий. В состав комиссии предлагалось включить уездного предводителя дворянства как председателя комиссии, представителей духовенства, уездного попечительства о раненых, непременного члена уездной землеустроительной комиссии, представителей земского и городского самоуправления. Если бы эти лица не вошли в состав уездной комиссии, они включались губернским отделением принудительно[471]. Тем самым бюрократический состав отделения рассматривался как источник административной власти.

Как показал опыт, в большинстве случаев уездные комиссии создавались предводителями дворянства либо земскими управами. Считалось весьма желательным, чтобы в состав уездной комиссии включался также один из волостных старшин по назначению уездного съезда[472].

Совет по призрению, рассмотрев на заседании 18 июля 1915 г. вопрос об объединении на местах деятельности учреждений, занятых призрением семей мобилизованных, признал желательным приглашение в состав губернских отделений и уездных комиссий представителей локальных благотворительных организаций с совещательным голосом. Принимая такое решение, Совет по призрению исходил из задач объединения на местах всей благотворительной помощи в структурах Елизаветинского комитета. Также Совет по призрению озаботился установлением правильной и постоянной взаимосвязи между губернским отделением, уездной комиссией и разнообразными установлениями, действующими в пределах уезда – волостными и приходскими попечительствами, участковыми комиссиями и отдельными

[470] Ежемесячник…1916. №13. С.18-21. Два года деятельности Комитета.
[471] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.33. Л.1а. Проект инструкции для губернских отделений.
[472] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.219. Л.130-144. Краткий обзор деятельности Елизаветинского Комитета с начала войны по настоящее время.

благотворительными обществами. В качестве такого связующего звена Совет по призрению указал на фигуру председателя уездной комиссии, которому предполагалось поручить надзор за работой волостных попечительств, выход с инициативами в губернское отделение и центральный Московский комитет и непосредственно в Совет по призрению, усиление кадрового состава уездной комиссии[473].

Такой подход был реализован в Москве в отношении военных инвалидов: по предложению Отдела призрения увечных, в состав Отдела был включён представитель Московского городского попечительского совета об увечных, также и в Попечительный совет вошёл представитель отдела.

В августе 1916 г. в составе центрального и местных отделений Елизаветинского и Ольгинского комитета императорским указом были учреждены должности непременных членов как представителей Особой Комиссии. Педагогические комиссии на местах также относились к ведению непременного члена как ответственного государственного чиновника[474].

Что касается нижестоящего уровня иерархической структуры Елизаветинского комитета, то он не получил регулярного оформления. Эпизодически возникали структуры в волостях, но чаще внутри уезда развивалась деятельность благотворительных объединений, взаимодействовавших с уездной комиссией. В некоторых уездах Нижегородской губернии были созданы участковые комиссии; так, в Горбатовском уезде их было пять.[475]. Оренбургское губернское отделение образовало участковые комиссии, соответствовавшие участкам земских начальников, охватывавшие район, состоящий из нескольких волостей; было

[473] Ежемесячник…1915. №3. С.11-13. Циркуляр №41200 от 10 октября 1915 г. Об усилении состава губернских отделений и уездных комиссий Комитета новыми членами из числа местных деятелей и о расширении полномочий председателей уездных комиссий.
[474] ЦГАМ Ф.113 Оп.1. Д.219. Л.209. Доклад по вопросу организации местных отделений комитета как местных органов Особой Комиссии Совета по призрению в деле призрения увечных.
[475] Ежемесячник…1916. №14. С.25-33. Деятельность Нижегородского отделения.

принято решение образовать также волостные комиссии[476]. Волостные комиссии существовали и в Вологодском уезде[477].

Проект постановки регулярной работы структур Елизаветинского комитета на волостном уровне продвигала М.А. Новосильцева, входившая в состав одной из уездных комиссий Тамбовской губернии. По опыту своей работы М.А. Новосильцева видела необходимость в концентрации всех полномочий попечения о сиротах и инвалидах «в одних руках» и приближения его к населению, «*чтобы всякий знал, как и к кому обратиться за помощью*». Предлагая учредить такое попечительство при уездной земской управе, Новосильцева предлагала также план создания мелких порайонных единиц, которые могли бы совпадать с волостью, агрономическими, школьными или врачебными участками. Попечители таких участков и образовывали бы Совет уездного попечительства о сиротах и увечных[478].

Доклад Новосильцевой обсуждался на заседании Елизаветинского комитета, был принципиально одобрен и передан в Комиссию общих дел для выработки окончательной редакции и представления через Совет по призрению в правительственные установления[479]. Однако Комиссия общих дел выступила против создания параллельно Елизаветинскому комитету нового органа призрения и за сохранение именно за Елизаветинским комитетом руководящей роли в области призрение сирот и увечных воинов. Указывалось, что могущие возникнуть на волостном уровне организации призрения могут сотрудничать с Елизаветинским комитетом наравне с другими благотворительными организациями – хотя идея Новосильцевой, напротив, заключалась в создании обязательной и единообразной схемы органов призрения[480].

---

[476] Ежемесячник…1915. №5. С.49.
[477] Ежемесячник…1915. №1. С.18-19.
[478] Ежемесячник…1915. №4. С.43-50. Доклад члена комитета Е.и.в. Марии Александровны Новосильцевой по вопросу об организации уездных попечительств о сиротах и об увечных воинах.
[479] Ежемесячник…1915. №4. С.55.
[480] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.194. Л.223-224об. Заключение Комиссии общих дел по поводу доклада М.А. Новосильцевой об орг уездных попечительств о сиротах и об увечных воинах.

В момент образования Елизаветинского комитета его компетенция была ограничена благотворительной помощью семьям мобилизованных из запаса. Однако чуть позже попечение Комитета было распространено фактически на все категории призванных, что значительно расширило круг лиц, получивших право на поддержку. Важной вехой расширения круга полномочий Комитета Елизаветы Фёдоровны стало отнесение в январе 1915 г. к его ведению поддержки семей не только несущих военную службу, но также семей убитых и увечных воинов.

Вскоре перед страной встала проблема беженцев. Владимирское губернское отделение обратилось в Елизаветинский комитет с просьбой о руководящих указаниях в отношении прошений о помощи, поступающих от беженцев. В большинстве случаев беженцы не могли предоставить никаких документов, свидетельствовавших об их принадлежности к опекаемой категории семей мобилизованных. При этом беженцы, лишившиеся в силу обстоятельств даже и положенного им казённого пайка, испытывали крайнюю нужду. Комитет циркулярно разъяснил своим отделениям, что не имеется препятствий с его стороны к оказанию местными отделениями в исключительных случаях помощи беженцам, не имеющим документов, когда не встречается сомнений в принадлежности просителя к числу семей лиц, призванных на войну[481]. Таким образом, беженцы, чьи родные служили в армии либо были убиты – а таких было немалое количество, поскольку очередные мобилизации распространялись и на беженскую массу – также получили право на помощь от Елизаветинского комитета.

Спустя полтора года работы Елизаветинского комитета, после того как определились основы его деятельности, возникла идея провести совещание представителей местных отделений Комитета для согласования программы целесообразной и планомерной организации на местах благотворительной помощи. В состав совещания должны были войти все члены Московского комитета, представители Совета по призрению и его Особой Комиссии, по

[481] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.33. Л.87. Циркуляр № 41700 16 октября 1915 г. Об оказании благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, прибывшим на места из эвакуированных губерний (беженцам).

одному представителю каждого губернского отделения на основе выборов и лица, приглашённые великой княгиней. Решения Совещания, утвержденные на заседании Комитета, получали бы обязательную силу для местных отделений. Вопросы, выносимые на обсуждение Совещания, формулировались предварительно Центральным комитетом и направлялись на предварительное обсуждение в губернские отделения. Магистральными темами работы совещания были намечены вопросы призрения сирот, помощи семьям убитых и увечных и меры помощи семьям призванных. Проект программы свидетельствует о системном подходе к рассматриваемым проблемам. Так, относительно сирот предполагалось определить органы, на которые должно возлагаться призрение сирот, их взаимоотношения с другими структурами и местными отделениями Елизаветинского комитета; виды призрения сирот и источники средств на их осуществление. Относительно семей военных инвалидов и семей убитых предстояло установить категории семей, подлежащих призрению и виды такового, определить органы, осуществляющие призрение и источники его финансирования. Важно, что как в отношении сирот, так и в отношении семей жертв войны на повестку дня ставился вопрос об осуществлении их регистрации[482].

Совещание состоялось в начале ноября 1916 г. Обсуждались темы трудовой помощи, детского призрения, правила составления смет и финансовый план на 1917 г., виды призрения увечных и взаимодействие с Особой Комиссией. На совещании присутствовали управляющий делами Совета по призрению Г.Г. Витте, представители от Попечительства трудовой помощи, Ольгинского комитета, Особой Комиссии, Георгиевского комитета, Общества повсеместной помощи, Романовского комитета, Кавказского комитета, Татьянинского комитета, Всероссийского Земского Союза, губернских отделений со всей страны. В резолюциях, принимаемых по каждому из обсуждаемых вопросов, высказывались пожелания относительно участия правительства в призрении опекаемых категорий населения, а также намечались планы работы Комитета в послевоенный период.

[482] Ежемесячник…1916. №9-10. С.10.

3.2 Финансовые основы работы Елизаветинского комитета

Широкие задачи и масштаб деятельности Елизаветинского комитета требовали значительных финансовых средств. Их источником на первых порах виделись благотворительные пожертвования. Если же собранных денег не хватало на реализацию какой-либо важной инициативы – следовало обращаться в вышестоящий орган за содействием в виде субсидии или ссуды. Центральный комитет прямо заявлял о том, что «*принцип самостоятельности требует от каждого органа заботиться об обеспечении себя средствами для своей деятельности, которые он вправе расходовать по своему усмотрению, выбирая направления, формы и размеры деятельности, соответствующие местным условиям*»[483]. Основной принцип Комитета заключался субсидиарности: его центральное правление, губернские отделения и уездные комиссии имели собственные бюджеты и располагали самостоятельностью в пределах своих финансовых возможностей[484]. Показателен пример Вологодского губернского отделения, которому пришлось публично уточнять, что приюты и ясли на 225 детей в Вологде устроены и содержатся не губернским отделением, как об этом сообщалось в Ежемесячнике Елизаветинского комитета, а Вологодской уездной комиссией на её собственные средства[485].

Елизаветинский комитет в первые же дни своего существования привлёк в Москве и Московской губернии 330 тыс. руб. пожертвований. Часть этих денег была зарезервирована для оказания поддержки создаваемым в это время местным отделениям – по 5 тыс. рублей на губернское отделение и по 1 тыс. рублей на каждую уездную комиссию[486]. В первый год существования финансовое положение Комитета было достаточно благоприятно и давало ему

[483] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.194. Л.68-71. Доклад Комиссии общих дел о финансовом положении Комитета. Рассмотрен в заседании Комитета 27 сентября 1914 г.
[484] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д. 198. Л.241об Доклад Комиссии общих дел по ходатайству Тульского отделения об ассигновании пособия на организацию помощи в уборке полей.
[485] Ежемесячник…1916. №14. С.63.
[486] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.194 Л.68-71 Доклад Комиссии общих дел о финансовом положении Комитета.

возможность вести довольно широкую деятельность. За первый год работы Елизаветинский комитет израсходовал на свои проекты 2,6 млн. рублей[487].

Предполагалось, что уездный уровень станет наиболее проблемным: в уездах сосредотачивалось большинство населения, и потребность в помощи была высока. В то же время, благосостояние крестьянского населения было невелико, и его способность к постоянным пожертвованиям оценивалась скептически. Отмечалось, что население не любит повторных и регулярных сборов[488]. Решением было взаимодействие уездного уровня с губернским, так как в губернском городе было легче изыскать дополнительные источники дохода.

Парадокс заключался в том, что чем больше росла потребность в помощи, тем меньше становились благотворительные сборы. Степень финансовой обеспеченности отделений также была различной, что предопределяло неравномерность их активности. Одни отделения были весьма ограничены в средствах и могли осуществлять свои проекты только за счёт субсидий Московского комитета. Другие – например, Одесское – располагали весьма солидным капиталом и развернули масштабную деятельность. Третьи – такие, как Калужское отделение – обладали значительным денежным остатком, демонстрируя умеренную активность. Таким образом, активные, но дефицитные губернские отделения могли рассчитывать на больший объём помощи от Московского центрального комитета; дефицитные пассивные отделения могли ограничивать масштаб своих мероприятий (Приложение 3). Так, Казанский городской комитет израсходовал на найм квартир 27 тысяч рублей, а Витебское отделение выделило на квартирную помощь всего 18 рублей[489]. Отмеченная неравномерность прослеживается в данных о выдаче пособий и ссуд местным

[487] ГАРФ Ф.640. Оп.1. Д.30. Л.18. Краткий обзор деятельности Комитета её императорского высочества великой княгини Елисаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, по 11 августа 1915 года.
[488] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.194 Л.68-71 Доклад Комиссии общих дел о финансовом положении Комитета.
[489] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.219. Л.134-136. Краткий обзор деятельности Елизаветинского Комитета с начала войны по настоящее время.

отделениям с 20 сентября 1914 по 12 апреля 1915 года: Тульское отделение получило 57,3 тыс. руб., Казанское – 45 тыс. руб.; Тверское – 38 тыс. руб. В то же время Уфимскому и Саратовскому отделениям перечислили по 10 тыс. руб., Псковскому – 7,5 тыс. руб., Новгородскому и Минскому – по 5 тыс. руб., а Калужское отделение получило всего 1 тысячу рублей[490]. До мая 1915 г. более трети губернских отделений вели деятельность на собственные средства, не прибегая к помощи Центрального комитета[491]. К этому сроку местными отделениями было собрано более 4 млн руб. пожертвований, в то время как пособие им от Комитета составило лишь 682 тыс. руб.[492].

Во всех начинаниях Елизаветинский комитет стремился участвовать своими денежными средствами лишь в дополнение к средствам местных органов, главнейшей заботой которых было самостоятельное изыскание таковых[493]. Так, Тамбовскому отделению было выделено 5 тыс. руб. на нужды Тамбовской уездной комиссии; вместе с тем было указано, что в случае дальнейшего бездействия в изыскании средств помощь Комитета будет прекращена. На этом основании было отказано в предоставлении пособия в 2080 руб. для Моршанской уездной комиссии Тамбовской губернии[494].

Две городских комиссии – Ревельская и Севастопольская – проявили оригинальный подход к упрочению своего финансового положения. Было организовано собрание домовладельцев города Ревеля, которые обязались единовременно заплатить в пользу Комиссии 1\5 налога на недвижимость, что дало более 25 тыс. руб. На собрании купцов, созванном по инициативе Комиссии, было принято соглашение, по которому купцы 1-й гильдии ежемесячно платили в пользу комиссии по 50 руб., 2-й гильдии – по 10 руб. и остальные купцы – по 1 рублю в месяц, что принесло более 18 тыс. руб. к 1

[490] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.33. Л.222-223. Выдача пособий и ссуд местным отделениям с 20 сентября 1914 по 12 апреля 1915 года.
[491] Ежемесячник…1915. №3. С.21-22. Финансовое положение местных отделений Комитета ея императорского высочества.
[492] ЦГАМ Ф.113 Оп.1. Д.219. Л.46-54 Финансовый план Комитета Елизаветы Фёдоровны на 1917 год.
[493] ЦГАМ Ф.113 Оп.1. Д. 198. Л.241об. Доклад Комиссии общих дел по ходатайству Тульского отделения об ассигновании пособия на организацию помощи в уборке полей.
[494] Ежемесячник…1916. №13. С.23-24.

апреля 1915 г. Владельцы кинематографов в городе Ревеле обязались платить с января 1915 г. по 250 руб. ежемесячно. Ревельские извозчики внесли в пользу Комиссии по 3 рубля с лошади, всего – 1568 рублей[495]. Учитывая статусный состав губернского отделения и уездной комиссии, подобная «регулярная купеческая благотворительность» могла быть и навязанной.

Севастопольским отделением применялся более мягкий подход, позволявший регулярно получать определённые суммы – система самообложения. В Городской управе были взяты списки домовладельцев, которым были разосланы открытые письма с напоминанием, что помощь жертвам войны – долг каждого; предлагалось определить сумму, которую каждый мог бы ежемесячно уделять в фонд Отделения. Было направлено свыше 5 тыс. таких обращений с бланками для ответов, получено до тысячи ответов. Эти добровольные взносы давали в месяц от 1,5 до 2 тыс. руб. Взносы поступали регулярно и составляли основной денежный фонд отделения. Вместе с отчислениями учреждений это дало отделению возможность субсидировать все благотворительные учреждения и даже городское попечительство помощи семьям лиц, призванных на войну[496].

Спустя 10 месяцев деятельности Елизаветинского комитета стало возможно разработать годовую смету. Общая смета на год (июль 1915-июль 1916 гг.) была рассчитана в размере 3,6 млн руб., из которых 1,1 млн предполагалось собрать на местах, а также получить от интендантства в оплату заказов, выполненных мастерскими. Приток частных пожертвований в адрес Комитета прогнозировался всего в 200 тыс. рублей. 2,5 млн рублей предстояло исходатайствовать у Совета по призрению[497].

Сложность опоры на добровольные пожертвования заключалась также в нестабильности этого источника, тогда как с течением времени усилиями

---

[495] ЦГАМ Ф.113 Оп.1. Д.194. Л.65-65об. Доклад Комиссии общих дел по поводу ходатайства Эстляндского губернского отделения комитета об оказании пособия в 100 тыс. рублей Ревельской городской комиссии.
[496] ЦГАМ Ф.113 Оп.1. Д.219. Л.441. Дополнение члена Севастопольского отделения Комитета по докладу о финансовом плане Комитета.
[497] ЦГАМ Ф.113 Оп.1. Д. 198. Л.121. Доклад Комиссии Общих Дел о финансовом плане на период с 1 июля 1915 года по 1 июля 1916 года.

местных комитетов увеличивалось количество специализированных учреждений, которые требовали значительного и постоянного финансирования. Свою миссию Елизаветинский комитет видел в организации рациональной планомерной долговременной помощи, которая требовала бы продолжительных расходов и по окончании войны[498]. Поскольку Комитет великой княгини был поставлен в подчинение Совету по призрению, от него ожидалась финансовая поддержка его работы. До октября 1915 г. Совет по призрению перечислил Елизаветинскому комитету 3,3 млн руб.[499].

В некоторых случаях земства назначали ассигнования уездным комиссиям, или же Комитет Елизаветы Фёдоровны спонсировал учреждения, открытые местным самоуправлением. Так, бюджет Новосильской уездной комиссии Тульской губернии складывался из членских взносов и частных пожертвований, которые составили 2 тыс. руб., 1 тыс. руб. была перечислена уездным земством и 5 тыс. руб. было получено из Тульского губернского отделения[500]. Городские общественные управления Волынской губернии вошли в состав уездных комиссий, а губернское земство ассигновало в пользу Комитета 24 тыс. рублей. Пензенское отделение отпустило городскому комитету 16,6 тыс. руб. на наделение добавочным пособием на квартиры и дрова семьи нижних чинов, живущих в городе. Большинство уездных комиссий Витебской губернии получили субсидии от земств и городов[501]. Нижегородский губернский земский комитет ассигновал Нижегородскому отделению Комитета Елизаветы Фёдоровны 5 тыс. рублей безвозвратного пособия на снабжение топливом семей воинов в Нижнем Новгороде[502].

Смета расходов по Комитету и его отделениям на второе полугодие 1916 г. достигла 7,6 млн руб., из которых собственные средства составляли 5,6 млн

---

[498] ЦГАМ Ф.113 Оп.1. Д.194. Л.68-71. Доклад Комиссии общих дел о финансовом положении комитета. Рассмотрен в заседании Комитета 27 сентября 1914 г.
[499] Ежемесячник…1915. №5. С.41-44. Краткий обзор деятельности Совета по призрению за время с 16 октября 1914 года по 1 ноября 1915 года.
[500] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.219. Л.151-157. Участие земств и городов в деле призрения.
[501] Ежемесячник… 1915. №4. С.55.
[502] Ежемесячник… 1916. №6 .52-54.

руб., из них 1,2 млн. – доходные статьи провинциальных отделений, и 2 млн руб. запрашивалось у Совета по призрению[503].

К маю 1915 г. провинциальным отделениям было выдано 682 тыс. руб. безвозвратных пособий и 401 тыс. руб. ссуд, что в совокупности оказалось на 20% меньше первоначальных предположений[504]. Это могло указывать как на хорошее финансовое самочувствие отделений, так и на их вялую практическую деятельность. Однако уже к середине 1915 г. от многих отделений стали поступать ходатайства о пособиях, мотивом которых служили ссылки на трудность привлечения денежных средств на местах.

Руководство Комитета великой княгини расценивало социальную поддержку солдатских семей как самопомощь – «*общество в широком смысле этого слова само обязано помогать семьям тех из своих сочленов, которые призваны на защиту родины*». Исходя из этого, местное население, и в частности, крестьянские общины, воспринимались имеющими нравственную обязанность обеспечивать жён и детей своих односельчан и соседей. Организованная благотворительность Елизаветинского комитета должна была, по мысли организаторов, направлять и координировать низовую инициативу. Для осуществления этой задачи в состав отделений включались лица, пользующиеся авторитетом у жителей, а также представители земств, кооперативов и других организаций. При этом признавалось, что немало отделений возлагают свои надежды исключительно на поддержку Московского комитета. По общему правилу, помощь от Центрального комитета могла служить лишь пособием к местной деятельности, но отнюдь не её основанием[505].

Через месяц последовал новый циркуляр, требовавший безотлагательно озаботиться обеспечением отделений собственными средствами и поставить реализуемые мероприятия в строгое соответствие с этими средствами.

---

[503] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.194. Л.96. Доклад Комиссии общих дел о финансовом плане на период времени с 1 июля 1916 по 1 января 1917 года.
[504] ЦГАМ Ф.113 Оп.1. Д. 198. Л.14.
[505] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.33. Л.55-55об. Циркуляр от 23 июня 1915 г. № 30000 О сборе средств.

Основанием для этого стало сокращение на полмиллиона рублей годовой сметы Елизаветинского комитета в Совете по призрению (речь шла о периоде с 1 июля 1915 по 1 июля 1916 г.)[506]. Смета на второе полугодие 1916 г. предусматривала субсидирование местных отделений в размере 2,4 млн руб. и 1,3 млн руб. расходов по Москве (не считая 3,4 млн., направляемых в Москве на трудовую помощь)[507]. На 20 октября 1916 г. местным отделениям было ассигновано 3,7 млн руб. и передано в ссуду 1,7 млн руб.[508].

Опыт с закупкой и продажей по себестоимости семенного материала, муки и зерна, произведённый Елизаветинским комитетом весной 1915 г., показал востребованность и успешность такого вида помощи. Основываясь на этом, Комиссия общих дел предлагала ходатайствовать перед министром внутренних дел об обращении в Совет министров с просьбой об отпуске Елизаветинскому комитету беспроцентной правительственной ссуды в 1 млн руб. на 1 год, и рекомендовать местным отделениями приступить к закупке и продаже предметов первой необходимости семьям призванных по себестоимости[509]. Можно предположить, что ходатайство это не получило поддержки, так как 6 ноября 1915 г. состоялось заседание Елизаветинского комитета с участием представителя государыни императрицы графа П.Н. Апраксина. На заседании был решён вопрос об участии Елизаветинского комитета в борьбе с дороговизной путём организации торговли по заготовительным ценам. Не имея в своём распоряжении средств для этого, Комитет постановил возбудить через Совет по призрению ходатайство перед Советом министров о получении беспроцентной правительственной ссуды в размере 2 млн рублей[510].

---

[506] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.33. Л.18. Циркуляр от 29 июля 1915 г. № 34000 О сборе средств.
[507] Ежемесячник… 1915. №11-12. С.7-9. Заседание Комитета 14 июля 1916 года.
[508] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.219. Л.134-136. Краткий обзор деятельности Елизаветинского Комитета с начала войны по настоящее время.
[509] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.194. Л.275-227. 1915 год, август. Доклад Комиссии общих дел по вопросу об исходатайствовании через министра внутренних дел правительственной ссуды в размере 1 млн руб. на закупку и заготовку предметов первой необходимости для снабжения семей призванных.
[510] Ежемесячник…1915. №4. С.1-2.

Общий приход Комитета на 1 мая 1916 г. достиг 23,5 млн руб., из них пожертвования составили без малого 10 млн. руб. и субсидии МВД и Совета по призрению – около 7,5 млн руб.[511]. К двухлетию существования Комитета его оборот достиг 32,6 млн руб., из которых на долю местных отделений приходилось 20 млн рублей[512].

К завершению 1916 г. субсидии Совета по призрению достигли 4,9 млн руб.; кроме того, 200 тыс. руб. было передано в беспроцентную ссуду. Дополнительно от Особой Комиссии Совета по призрению по Отделу призрения увечных была получена субсидия в размере 939 тыс. руб.[513]. В начале 1917 г. на неотложные расходы Елизаветинского комитета Советом по призрению было ассигновано авансом 1,3 млн руб. при предварительной смете в 8 млн руб.[514].

Е.Ю. Ковальская приводит сведения о крупных займах, которые на возвратной основе предоставлялись Елизаветинскому комитету лично его казначеем, егорьевским фабрикантом-миллионером М.Н. Бардыгиным. Всего он ссудил Комитету более 350 тысяч рублей[515].

Елизаветинский комитет предпринимал усилия для получения дополнительных средств помимо частных пожертвований и субсидий Совета по призрению. В 1914 г. на праздник Введения (21 ноября) с разрешения Святейшего Синода во всех храмах империи был произведён кружечный и тарелочный сбор на нужды Комитета. 26 ноября 1914 г. в Большом театре была дана опера с участием Л.В. Собинова, сборы от представления были направлены в Елизаветинский комитет[516]. Дважды Комитет великой княгини издавал художественные календари, которые распространялись через местные

---

[511] ЦГАМ Ф.113 Оп.1. Д.219. Л.46-54. Финансовый план Комитета Елизаветы Фёдоровны на 1917 год.
[512] ЦГАМ Ф.113 Оп.1. Д.204. Л.289 Краткий отчёт о деятельности Комитета за время с открытия комитета по 11 августа 1916 года.
[513] ЦГАМ Ф.113 Оп.1. Д.198. Л.171-174. Отчёт о денежных суммах Комитета за время с начала открытия (*так!*) комитета по 1 ноября 1916 года.
[514] ЦГАМ Ф.113 Оп.1. Д. 198. Л.46. Доклад Комиссии общих дел о постановлениях, принятых в порядке неотложности с 8 декабря 1916 по 20 февраля 1917 года.
[515] Ковальская Е.Ю. Благотворительные организации великой княгини Елизаветы Фёдоровны : руководство, структура, источники финансирования, жертвователи (1884–1918) : дисс. ... канд. ист. наук . - Москва, 2022. – С. 283.
[516] Ежемесячник… 1914. №11. С.6.

отделения Комитета. Автором оформления календаря выступил Виктор Васнецов, близко общавшийся с великокняжеской четой, а календарь на 1917 год исполнила сама Елизавета Фёдоровна, которая была одарённой художницей. Отделения получали календари от Центрального комитета по себестоимости, а прибыль от их продажи шла в пользу отделения.

Но наиболее крупным и прибыльным предприятием, в устройстве которого сыграла важнейшую роль лично Елизавета Фёдоровна, стала организация мастерских по исполнению заказов для армии. Комитет выступал подрядчиком по исполнению заказов интендантства и Красного Креста на пошив предметов воинского обмундирования и белья для госпиталей, привлекая к исполнению заказов нуждавшихся в заработке женщин из солдатских семей. Таким образом, работа мастерских Елизаветинского комитета рассматривалась как форма трудовой помощи. Работа развернулась в доме московского генерал-губернатора, где размещалась «штаб-квартира» Комитета, однако впоследствии вышла за его стены и даже за границы Москвы и Московской губернии.

В Москве мастерские давали работу 7,5 тысячам семей, причём 400 человек трудились в помещении мастерских за неимением собственных швейных машин, остальные брали работу на дом. В Московской губернии через уездные комиссии заработок получили ещё 8-9 тысяч семей. Интендантство поначалу опасалось доверять серьёзные заказы благотворительным учреждениям, однако оперативное и качественное исполнение первого подряда смогло изменить эту позицию. Военное ведомство приняло решение выдавать заказы исключительно общественным организациям, минуя частных подрядчиков. Это не только пресекло недобросовестность в исполнении заказов, но и увеличило расценки на труд – Комитет был готов платить 10 копеек за изготовление той вещи, за которую частные подрядчики до войны платили швее всего 3 копейки[517].

[517] Ежемесячник…1915. №2. С.34-43. Трудовая помощь семьям призванных.

За изготовленные вещи от интендантства к августу 1915 г. было получено более 650 тыс. руб. и от Красного Креста – 58,5 тыс. рублей[518]. В 1915 г. в мастерских Московского центрального комитета работало уже 11 тысяч солдаток, ими было сделано для нужд интендантства и Красного Креста продукции на 2,5 млн. рублей[519].

Однако столь значительный размах имел и обратную сторону. Для многих сотен женщин зависимость от заработка, получаемого от Елизаветинского комитета, стала критической. Передача интендантством крупного заказа от Комитета великой княгини бывшей австрийской фирме Мандль, преобразованной в акционерное общество под председательством графа Татищева, наложившись на антигерманские настроения, пропитавшие народную массу, породила слух о сговоре княгини-немки с врагом. По свидетельству В.Ф. Джунковского, это стало основным триггером немецкого погрома в Москве в 27-29 мая 1915 г.[520]. Оскорблениям толпы на улицах города подверглась и сама Елизавета Фёдоровна.

Менее известна деятельность Одесских мастерских. В Одессе закройная и 14 швейных мастерских давали заработок 12 тысячам женщин. Работа велась под наблюдением опытных заведующих, благодаря чему первый крупный заказ был исполнен всего за 2,5 месяца и с высоким качеством. Зарекомендовавшие себя одесские мастерские оказались обеспечены новыми заказами, как казёнными, так и частными. К августу 1915 г. работницы получили за исполнение заказов Интендантства 73363 рубля заработной платы[521]. Ввиду широкого размаха трудовой помощи, она была передана в руки выделившемуся из Одесского городского отделения Комитета Елизаветы Фёдоровны особому отделу со своим собственным уставом[522]. В 1916 г. заработок получали уже 15 тыс. солдаток, которые смогли заработать более 200

[518] ГАРФ Ф.640 Оп.1 Д.30. Л.15. Краткий обзор деятельности комитета Великой Княжны Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, по 11 августа 1915 г.
[519] Ежемесячник…1916. №13. С.26. Деятельность Комитета великой княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию трудовой помощи семьям призванных за 1915 год.
[520] Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2 томах. Т.2. М., 1997. С.563.
[521] Ежемесячник…1915. №4. С.25-29.
[522] Ежемесячник…1916. №7-8. С.59.

тыс. руб.[523]. В Казани свыше 3 тысяч солдатских семей получили заработок, производя заказы для интендантства, Красного Креста и беженцев, причём такой заработок мог достигать 250 рублей в год[524].

Особенностью направления трудовой помощи была её теоретическая самоокупаемость и даже прибыльность. Получая казённые заказы, иногда обеспеченные и необходимыми материалами для работы, комитеты несли первоначальные расходы на закупку оборудования и швейного приклада; в этом их субсидировал центральный Елизаветинский комитет. К 1 марта 1916 г. на организацию работы мастерских было направлено 2 926 219 рублей[525], при этом в оплату выполненных заказов мастерские получили от РОКК и интендантства 4,7 млн. рублей[526]. Было взято заказов на 10 млн. рублей[527].

Взаимодействие центрального Елизаветинского комитета и его местных отделений строилось на основе циркуляров, смет и отчётов. В середине 1916 г. Комиссия общих дел признала необходимым ограничить сметные предположения полугодом и строить их на основе сметы губернских отделений, входящих в их состав, что не оставит места для незапланированных ходатайств и побудит местные органы работать по заранее намеченной программе[528].

Общего подхода к составлению смет так и не появилось. Некоторые отделения присылали развёрнутые предположения по статьям расходов и учреждениям, другие – общие суммы своих расходов или только подлежащие дофинансированию от Центрального комитета. Имел место значительный разброс размеров сметных предположений губернских отделений, что объясняется их различными ролями: или объединяющих центров, или органов, содержащих учреждения призрения из собственных средств. Такие отделения,

---

[523] Ежемесячник…1916. №13. С.26.
[524] Ежемесячник… 1916. №11-1. С.55.
[525] Ежемесячник…1916. №13. С.18-21. Два года деятельности Комитета.
[526] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.198. Л.171-174. Отчёт о денежных суммах Комитета за время с начала открытия комитета по 1 ноября 1916 года.
[527] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.204. Л.289. Краткий отчёт о деятельности Комитета за время с открытия комитета по 11 августа 1916 года.
[528] ЦГАМ Ф.113. оп.1. Д.194. Л.96-100об. Доклад Комиссии общих дел о финансовом плане на период времени с 1 июля 1916 по 1 января 1917 года.

как Забайкальское и Закаспийское, действовали почти исключительно на местные средства, другие же, при большом размахе деятельности, были почти лишены притока пожертвований. Имелись и денежные остатки. Например, с начала работы Калужского отделения им было собрано 29,5 тысяч рублей пожертвований. Из них 5 тысяч было направлено на организацию трудовых дружин, 3,5 тыс. – на содержание детей в приютах, 7,5 тыс. – на устройство яслей, 5,5 тыс. руб. составили пособия уездным комиссиям. К июню 1916 г. в распоряжении Калужского отделения оставалось 20 260 руб.[529].

Первоначально в Комитет поступали от местных отделений ходатайства об отпуске денег, иногда весьма крупных сумм, составленные без должной мотивировки. Для ликвидации этого следовало сообщать, какие меры приняты для привлечения средств; какие средства собраны или ожидаются к поступлению; какие меры помощи предлагаются; какие отчисления из губернских сумм пойдут местным учреждениям; приблизительную стоимость и рассчитанный недостаток собственных средств[530]. Эта программа была дважды повторена в циркулярах Елизаветинского комитета. Принятие решения относительно поступившего ходатайства основывалось на экспертизе представленных в нём сведений. В частности, оценивалась величина и оправданность расходов на персонал, на содержание одного призреваемого.

Вместе с тем, Комитет оставлял за собой право удовлетворять даже достаточно мотивированные ходатайства не в полном объёме, а сообразно своему финансовому положению – то есть в урезанном виде. С одной стороны, это стимулировало губернские отделения к более активному поиску средств на местах. С другой стороны, в условиях постоянного сокращения пожертвований только регулярное и предсказуемое финансирование могло позволить оказывать стабильную поддержку нуждающимся категориям.

Согласно обычному порядку, ходатайства местного отделения о субсидии или ссуде рассматривались на заседании Комитета. Одобренные на

---

[529] Ежемесячник… 1916. №11-12. С.54.
[530] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.33. Л.65. Циркуляр № 12600 от 02 января 1915.
Там же. Л.34-36. №12500. Циркуляр от 02 февраля 1915.

заседаниях Елизаветинского комитета сметы губернских отделений представлялись на утверждение в Совет по призрению. Предполагалось, что рассмотрев и утвердив их, Совет должен выделить Елизаветинскому комитету дополнительное финансирование[531].

Для удовлетворения непредвиденных и срочных потребностей определённая сумма могла распределяться Комиссией общих дел, решения которой впоследствии рассматривались и утверждались на ближайшем заседании Комитета. Непредвиденные расходы могли достигать существенных размеров. Так, за четыре месяца начиная с августа 1916 г. состоялось 12 заседаний Комиссии общих дел, на которых было распределено почти 1 млн руб. Основные статьи – продолжение текущей деятельности по ходатайствам губернских отделений (в основном выплата пособий гражданским семьям). Ассигновывались средства на детское призрение – постройку приюта, содержание детей в приюте, оплату обучения и т.д. Выделялись деньги на работу мастерских, агрономическую помощь – засев полей, найм рабочих и т.д.[532].

Получившее субсидию Елизаветинского комитета благотворительное общество или учреждение считалось «вошедшим в сеть Комитета». Оно было обязано давать Комитету отчёт о своей деятельности и об освоении отпущенных сумм; принадлежность к Елизаветинскому комитету могла быть отражена в названии учреждения. В свою очередь, местные отделения, располагая сведениями о направлениях и масштабе деятельности благотворительных учреждений, могли целенаправленно распределять свою поддержку, поощряя наиболее актуальные виды помощи.

Циркуляром от 7 октября 1914 г. был установлен порядок ежемесячного предоставления отчётности местными отделениями по единообразным формам. Таковых было три: ведомость движения ходатайств, ведомость

---

[531] Ежемесячник…1916. №13. С.22-25. Ассигнования Комиссии общих дел отделениям Комитета на продолжение их благотворительной деятельности с 14 июля по 8 августа 1916 года.
[532] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д. 198. Л.155-159 Доклад Комиссии общих дел о постановлениях, принятых ею в порядке неотложности с 11 августа по 8 декабря 1916 года.

движения денежных сумм и ведомость поступления пожертвований. Данные, структурированные по видам помощи, могли обеспечить руководство Елизаветинского комитета сведениями о масштабах ведущейся на периферии деятельности, наиболее востребованных её направлениях и финансовом состоянии местных отделений.

Однако к началу 1915 г. большинство губернских отделений не представило отчёты с начала своей деятельности, и ситуация улучшалась с большим трудом. К 19 мая 1915 г. всё ещё не предоставили отчётов Саратов, Орёл, Вильна, Иркутск, Калуга, Олонец, Самара, Уфа, Харьков, Ревель. Губернаторам было направлено письмо с угрозой «*представить Всеподданейший отчёт по Комитету без упоминания об отделении*». О своевременном предоставлении отчётов напоминали циркуляры от 10 февраля 1915 г. и от 3 августа 1915 г. Несмотря на неоднократные напоминания, многие иногородние учреждения ни разу не представили в Центральный комитет отчётов о своей деятельности с момента открытия до времени составления обзора первого года его деятельности. Между тем, представление о результатах и размере деятельности, о финансовом положении местных учреждений было необходимо как для составления плана послевоенной работы Елизаветинского комитета, так и для запроса финансирования у Совета по призрению. Наконец, сам Совет по призрению не мог составить полноценный отчёт о своей работе без данных Елизаветинского комитета, игравшего роль его исполнительного органа[533].

Через год проблема всё ещё сохранялась. Губернаторам предлагалось принять все возможные меры к возобновлению представления отчётов за весь период деятельности отделений[534]. Редактор Ежемесячника Елизаветинского комитета Н.С. Соколов докладывал, что когда поднимается вопрос об отчётах, то слышатся заявления с мест, что это чрезвычайно трудно и этого некому

[533] Ежемесячник…1915 №2. С.18-29. Годовой обзор работы комитета.
[534] Циркуляр №12 от 23 июня 1916 г. О доставлении в установленные сроки отчётности местными отделениями Комитета // Ежемесячник…1916 №11-12. С.13.

делать, и даже те отчёты, которые представляются ежемесячно на основе требований Положения, вызывают затруднения[535].

В начале 1917 г. руководство Елизаветинского комитета пришло к мысли о необходимости составления местными отделениями подробно разработанного годового плана, основанного на точном знании местных нужд и исключающего возможность случайных и малообоснованных мероприятий[536]. Такой план должен был помочь оценить, в какой мере местное отделение нуждается в финансовой поддержке центрального Комитета. При участии Государственного Контроля велась выработка стандартной схемы сметы губернского отделения, однако её составление было весьма сложным делом, т.к. следовало предусмотреть благотворительные источники дохода, участие местного самоуправления, Романовского и Татьянинского комитета, сельских обществ, благотворительных организаций.

Финансовое положение Елизаветинского комитета основывалось на трёх источниках средств: частных благотворительных пожертвованиях, субсидиях Совета по призрению и прибыли от работы мастерских. Со временем значение пожертвований сокращалось, а субсидий – возрастало. Вплоть до революционных событий 1917 г. финансовое положение губернских отделений оценивалось как благоприятное, хотя были среди них и такие, которые весь свой финансовый план строили исключительно на субсидиях Центрального комитета[537]. При этом субсидии Совета по призрению также носили непостоянный характер. Совещание представителей местных отделений в конце 1916 г. пришло к заключению о необходимости обеспечения работы Комитета определённым и постоянным источником средств[538].

Финансовые отношения между местными отделениями и центральным Елизаветинским комитетом строились на принципах автономии и субсидиарности. Общий оборот средств, направленный на оказание помощи

---

[535] ЦГАМ Ф.113 Оп.1. Д.219. Л.227.
[536] ЦГАМ Ф.113 Оп.1. Д.219. Л.46-54. Финансовый план Комитета Елизаветы Фёдоровны на 1917 год.
[537] Там же.
[538] Там же. Л.44.

семьям мобилизованных при посредстве структур Елизаветинского комитета, составлял более двух десятков миллионов (что было сопоставимо с бюджетом Совета по призрению). Средства, поступившие в распоряжение Комитета к октябрю 1916 г. достигли 23,5 млн руб., из них средства Московского комитета составили 8,1 млн руб. Общий расход равнялся 19 млн руб., на долю Московского комитета приходится 7,6 млн. руб.[539]. Это позволило развернуть в провинции разнообразные программы поддержки солдатских семей.

3.3 Елизаветинский комитет в системе призрения жертв войны

Несмотря на значительный объём собственных средств и разветвлённую иерархическую структуру, Елизаветинский комитет акцентировал свою роль координирующего органа, тесно вовлечённого во взаимодействие со всеми другими субъектами поддержки жертв войны. Наиболее значительное место среди них занимали органы местного самоуправления. Хотя в начале XX в. проблемы социальной защиты имели для земств третьестепенное значение, во время Первой мировой войны муниципальные органы развили достаточно активную деятельность в социальной сфере, взаимодействуя со структурами Елизаветинского комитета.

С самого начала работы Комитета Елизаветы Фёдоровны проект инструкции для создаваемых губернских отделений предлагал им вступать в возможно более тесную связь с учреждениями земского и городского самоуправления путём взаимного ознакомления со своей деятельностью, а также путём приглашения представителей самоуправления в состав отделений[540]. Председатели и члены губернских и уездных земских управ,

[539] ЦГАМ Ф.113 Оп.1. Д.219. Л.134-136. Краткий обзор деятельности Елизаветинского Комитета с начала войны по настоящее время.
[540] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.33. Л.1а. Проект инструкции для губернских отделений. Рассмотрен в заседании Елизаветинского комитета 21 сентября 1914 г.

гласные уездных земских собраний, городские головы стали, таким образом, членами Елизаветинского комитета.

Первым направлением активности местных отделений Елизаветинского комитета стало участие в оказании агрономической помощи. Проект инструкции для губернских отделений предписывал стремиться к поддержке сельскохозяйственного благосостояния среди крестьянского населения[541]. Однако собственных ресурсов оказания агрономической помощи в распоряжении Елизаветинского комитета не имелось; ведущая роль в этом отношении принадлежала земствам и правительственной агрономической организации. В некоторых случаях Елизаветинский комитет финансово поддерживал земскую агрономическую помощь. Например, Казанское губернское земство ассигновало 100 тыс. рублей на эти цели и от центрального Елизаветинского комитета было получено 40 тыс. рублей ссуды. В Вятской губернии 280 тыс. рублей выделило губернское земство, 226 тыс. – уездные, и всего 10 тыс. были получены в ссуду от Елизаветинского комитета[542].

Местное отделение смогло возглавить оказание агрономической помощи только в Оренбургской губернии, созвав совещание представителей правительственных и общественных учреждений для обсуждения плана сельскохозяйственной помощи в весеннюю посевную компанию. Совещание признало необходимым сосредоточить заведывание оказанием помощи в руках губернских отделения и возложить её осуществление на местах на комитеты, образуемые в каждом селе и состоящие под руководством участковых комиссий Елизаветинского комитета[543].

Из поступивших в центральный Елизаветинский комитет сведений (а данных не предоставили такие крупные и активные отделения, как Пензенское, Орловское, Рязанское и др.) следует, что на агрономическую

---

[541] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.33. Л.1а. Проект инструкции для губернских отделений. Рассмотрен в заседании Елизаветинского комитета 21 сентября 1914.
[542] Ежемесячник… 1916. №7-8. С.15-37. Организация агрономической помощи семьям призванных при участии Комитета Великой Княгини и его местных Отделений в 1915 году.
[543] ЦГАМ Ф.113 Оп.1. Д. 198. Л357об. Доклад Комиссии общих по ходатайству Оренбургского отделения комитета об отпуске пособия на обсеменение полей.

помощь семьям мобилизованных через местные отделения было направлено 1 млн. 779 тыс. рублей, из которых земские субсидии составили 969 тыс. руб., а ссуда Елизаветинского комитета – 749 тыс. руб. Остальная сумма в 61 тыс. рублей была собрана на волостном, уездном и губернском уровне местными отделениями Елизаветинского комитета[544].

Широкий размах получило устройство на средства Елизаветинского комитета детских яслей, которые давали возможность крестьянкам посвятить больше времени полевым работам на своём наделе или же по найму. Несмотря на то, что младенцы в возрасте до двух лет подлежали заботам Попечительства об охране материнства и младенчества, сельские ясли редко открывались региональными отделениями этой благотворительной организации. В июне 1915 г. Попечительство обратилось в Елизаветинский комитет с предложением образовать на местах временные комитеты Попечительства. Они должны были взять на себя устройство приютов-яслей и осуществление других видов помощи семьям с малолетними детьми. Центральный Елизаветинский комитет предложил считать свои губернские отделения действительными членами Попечительства. Из средств Попечительства Елизаветинскому комитету было перечислено 20 тыс. руб. на возмещение губернским и уездным отделениям расходов на содержание младенцев до двух лет в деревенских яслях летом 1915 г., всего предполагалось возместить до 100 тыс. рублей[545]. Например, в Вятке местное отделение попечительства было организовано под председательством супруги вице-губернатора. Вятский губернатор стал почётным председателем отделения. После этого Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества ассигновало на приют-ясли 1500 рублей; такая же сумма была предоставлена Вятским обществом помощи семьям призванных. Дом для организации был безвозмездно предоставлен женским монастырём. В приюте призревалось 35 детей[546].

---

[544] Ежемесячник…1916. №7-8. С.37.
[545] Ежемесячник…1915. №3. С.1-4. Заседание Комитета 2 сентября 1915 года.
ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д. 1. Л. 257. Циркуляр № 8 от 23 марта 1916 года.
[546] Ежемесячник…1916. №6. С.29. Годовой отчёт о деятельности Вятского губернского отделения Комитета Елизаветы Фёдоровны.

Распространённым было и сотрудничество Елизаветинского комитета с земствами по устройству детских яслей. Воронежское губернское отделение просило у Центрального комитета 2275 рублей на организацию яслей в 26 пунктах Воронежского уезда при таком же софинансировании воронежским земством; просимая сумма была отпущена полностью[547]. В Слободском уезде Вятской губернии уездным земством было устроено три десятка яслей на 30 человек каждые. Ежемесячно на содержание такого «детского очага» уходило 380 рублей; Московским комитетом Слободской уездной земской управе было отпущено 2 тыс. рублей[548]. Всего в Вятской губернии на устройство яслей, которых было открыто более двухсот, Вятским отделением было выделено 30 тыс. руб. и земствами было ассигновано 25,8 тыс. рублей[549].

Активное взаимодействие в сфере детского призрения происходило между Елизаветинским и Романовским комитетом, чья деятельность во время войны набирала обороты. Романовский комитет изначально был ориентирован на субсидиарное участие в создании сиротских учреждений, а потому охотно шёл на сотрудничество с другими субъектами, действовавшими в этой же области. Например, Псковское отделение Елизаветинского комитета, решив устроить приют для сирот войны, на собственные средства приобрело у Крестьянского поземельного банка два усадебных участка, испрашивая пособие Романовского комитета в 32,4 тыс. рублей[550]. Пензенское отделение собиралось открыть три трудовые колонии-приюта, на что было получено пособие от Романовского и Елизаветинского комитетов[551]. В Москве и Московской губернии Елизаветинский комитет, напротив, предполагал оказывать финансовую поддержку учреждениям Романовского комитета, которые примут на себя обучение детей воинов-инвалидов грамоте, ремёслам и сельскохозяйственным знаниям[552].

---

[547] Ежемесячник… 1915. №1. С.19.
[548] Ежемесячник… 1916. №11-12.27-28.
[549] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.219. Л.151-157. Участие земств и городов в деле призрения.
[550] Ежемесячник… 1915. №2. С.46-47. Хроника.
[551] Ежемесячник… 1916. №9-10. С.40.
[552] Ежемесячник… 1916. №4. С.14-17.

Непосредственно с Земским Союзом и Союзом Городов Елизаветинский комитет не контактировал, а во взаимодействии с отдельными органами местного самоуправления на провинциальном уровне чувствовал себя равноправным партнёром. Иначе обстояло дело с взаимодействием Комитета великой княгини и Совета по призрению, который появился как надстройка, лишившая Елизаветинский комитет полной автономии. Получая достаточно существенное финансирование от Совета по призрению, Елизаветинский комитет нервно реагировал на вмешательство Совета в сферу своей компетенции.

Хотя Елизаветинский комитет выступал за скорейшую организацию системы призрения военных инвалидов, появление Особой Комиссии, курирующей это направление, было воспринято с явным неудовольствием. Было подготовлено Особое мнение Комитета Елизаветы Фёдоровны по поводу проекта Наказа образованной в составе Совета по призрению Особой Комиссии по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжение войны. Отмечалось, что Наказ разрабатывался внутри самой Особой Комиссии, и его п.1 и п.29 наводят на мысль, что центральные Елизаветинский, Ольгинский и Кавказский комитеты отстраняются от помощи инвалидам войны, причём подчинённые им органы призываются к этой деятельности «через голову» указанных комитетов. При изъятии из ведения Комитета призрения семей убитых и увечных воинов, Елизаветинский комитет терял бы перспективу своего существования, а Особой Комиссии по окончанию войны пришлось бы заново выстраивать сеть своих местных органов. Кроме того, включение в круг обязанностей Особой Комиссии заботы о семьях убитых и увечных воинов создавало бы полную невозможность точно определить момент перехода каждой отдельной семьи из ведения Елизаветинского комитета в ведение Особой Комиссии. Авторы меморандума (товарищи августейшей председательницы П.А. Базилевский и Н.И. Гучков; управляющий делами Комитета Г.Г. Языков и заведующий Канцелярией Н.С.

Соколов) выступали за оставление семей погибших и увечных в ведении Елизаветинского комитета[553].

Однако подготовленная памятная записка не была представлена в Совет по призрению, так как у П.А. Базилевского возникли сомнения в том, является ли деятельность в отношении военно-увечных приоритетной для Комитета. Поскольку к этому времени Наказ Особой Комиссии был утверждён, и участие Елизаветинского комитета в помощи военным инвалидам и их семьям было в нём предусмотрено, Базилевский предлагал Комиссии общих дел повторно рассмотреть вопрос о взаимоотношениях с Особой Комиссией[554].

Реакцией на принятие Наказа Особой Комиссии стали два циркуляра Елизаветинского комитета – от 7 мая и от 11 июня 1915 г. об участии местных структур Комитета в выполнении задач Особой Комиссии. Губернские отделения становились, таким образом, исполнительными органами и Елизаветинского комитета, и Особой Комиссии, действуя в каждой из этих сфер самостоятельно, согласно п. 10 Положения о Комитете и п. 14 Наказа Особой Комиссии, и подчиняясь руководящим указаниям Центрального Елизаветинского комитета и Особой Комиссии в пределах их компетенции. Циркуляр от 7 мая содержал руководящие указания по внутреннему разграничению деятельности между Комитетом и Особой Комиссией. Например, призрению со стороны Елизаветинского комитета подлежали семьи утративших трудоспособность офицеров и воинских чинов, а ведению Особой Комиссии – сами инвалиды войны; Елизаветинский комитет мог выделить деньги на помощь семьям убитых, умерших от ран и потерявших трудоспособность воинских чинов, а семьи прочих лиц, перечисленных в ст.1 Высочайшего указа Правительствующему Сенату от 10 января 1915 г., должны были получать помощь от Особой Комиссии. Денежные средства,

---

[553] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.198. Л.372-373об. Мнение Комитета Елизаветы Фёдоровны по поводу проекта наказа образованной в составе Совета по призрению Особой Комиссии по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжение войны.
ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.205. Л.4-5 Дополнение к памятной записке по проекту Наказа Особой Комиссии.
ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.205. Л.41. Отношение П.А. Базилевского в Комиссию общих дел.
[554] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.205. Л.41.

находившиеся в распоряжении местных структур Елизаветинского комитета к моменту начала работы Особой Комиссии, составляли собственность Елизаветинского комитета и не могли быть обращены на выполнение задач Особой Комиссии. В последующем учёт средств должен был вестись на двух счетах[555].

Изначально Елизаветинский комитет создавался для оказания всесторонней помощи членам семей ушедших на войну, однако он имел ввиду и возможность расширения своей компетенции. Уже в циркуляре от 27 ноября 1914 г. указывалось, что Положение о комитете предусматривает возможность расширения его деятельности путем оказания помощи семьям убитых и увечных воинов[556], однако ничего конкретного не было сделано до тех пор, пока в январе 1915 г. забота об инвалидах войны не была прямо предписана Елизаветинскому комитету при посредстве образованной в составе Совета по призрению Особой Комиссии.

До этого времени единственной формой систематической помощи увечным, которую оказывал Елизаветинский комитет, была работа Отдела по разбору и направлению прошений увечных воинов, образованного в составе Московского комитета в феврале 1915 г. В Отдел поступали частные прошения о пенсиях и предоставлении мест, о защите интересов увечных воинов в различных тяжбах, о пособии на продолжение лечения и помещении в санатории, помощи в поступлении на учебные курсы[557]. Отдел разъяснял просителям их права на пенсии, получение суточных денег и пособий от благотворительных организаций, направлял просителям бланки для подания прошений в Александровский и Алексеевский комитеты. Наводились справки и оформлялись необходимые документы для назначения пенсий, пайка или суточных выплат. Отделом был возбуждён вопрос о праве на пенсии нижних чинов, получивших увечья во время учебных занятий или перенесших

[555] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д. 1. Л. 50-50об. Циркуляр № 24000 от 07 мая 1915 г. Об Особой Комиссии. Л.52. Циркуляр № 28300 от 11 июня 1915 г. Об Особой Комиссии.
[556] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.33. Л.62
[557] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.210. Л.40. Обзор деятельности по призрению раненых и увечных воинов Отдела Комитета Елизаветы Фёдоровны с 1 июля по 1 сентября 1915 года.

инфекционные заболевания в запасных частях вне театра военных действий. Через Главное интендантское управление этот вопрос был внесён в Военный Совет, который разрешил его положительно. Ходатайства о предоставлении должностей перенаправлялись в отделения Елизаветинского комитета по месту проживания просителей[558].

С открытия работы отдела по 1 июля 1916 г. было рассмотрено 6 737 обращений инвалидов войны, из них о денежных пособиях – 241, приискании заработка – 1 332[559]. При этом, согласно своему Положению, Елизаветинский комитет не мог тратить собственные средства на помощь непосредственно инвалидам войны, демобилизованным из армии, за исключением тех пожертвований, где эта цель была прямо определена жертвователем. Тем не менее, целевой сбор пожертвований для этой категории за первый год существования Комитета составил 161,7 тыс. руб., что позволило начать реализацию некоторых проектов помощи военно-увечным на местах и дало основания считать Елизаветинский комитет пионером помощи военным инвалидам[560].

Уже в конце 1914 г. Комиссия общих дел отмечала, что «*на первое место выдвигается вопрос помощи увечным воинам*» и высказывалась по поводу необходимости включить оказание помощи этой категории пострадавших в круг деятельности Комитета[561]. В течение полугода с начала войны Комитет великой княгини неоднократно обращал внимание Совета по призрению на необходимость сосредоточения этого дела в местных отделениях Комитета ввиду их планомерной организации[562]. Получив распоряжение принять военных инвалидов под своё покровительство, Елизаветинский комитет

---

[558] Ежемесячник… 1916. №11-12. С.42-46. Обзор деятельности Отдела призрения увечных Комитета за время с 1 января по 1 апреля 1916 года.
[559] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.205. Л.45. Записка П.А. Базилевского в Совет по призрению от 20 февраля 1915 г. Потемкин А. Обзор деятельности по призрению раненых и увечных воинов VIII Отдела Комитета великой княгини за время с 1 июля по 1 октября 1915 г. // Ежемесячник… 1916. №4. С.12-17.
ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.204. Л.69. Справка 8 отдела Комитета.
[560] Ежемесячник… 1916. №7-8. С.51-55. Деятельность Губернских отделений Комитета в деле призрения увечных воинов.
[561] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.205. Л.20. Доклад Комиссии общих дел.
[562] Ежемесячник… 1915. №2. С.18-29. Годовой обзор работы комитета.

предполагал созвать совещание правительственных и общественных учреждений, обществ и кружков, вплоть до частных лиц, занимающихся помощью военно-увечным, для регистрации таких учреждений, инвентаризации направлений оказываемой ими помощи, координации их деятельности и обсуждения общих принципов в деле призрения жертв войны[563], однако эта инициатива не была своевременно реализована.

Учреждение Особой Комиссии как руководящего органа, осуществлявшего финансирование, привело к некоторому обособлению деятельности в области призрения увечных и их семей в общем массиве работы Елизаветинского комитета. Задача Комитета в отношении инвалидов войны виделась в принятии мер компенсации снижения их трудоспособности и предоставлении возможностей для заработка, восстановлении нарушенного равновесия в жизни крестьянской семьи[564].

Губернские отделения Елизаветинского комитета были призваны к участию в решении задач Особой Комиссии циркуляром от 7 мая 1915 г. Однако за целый год деятельность местных отделений в этом отношении не получила достаточного развития[565]. В ноябре 1914 г. Г.А. Мейнгардт сообщал, что в Подготовительной комиссии Совета по призрению уже происходят заседания с представителями земств и городов по вопросам, связанным с призрением увечных, а потому надо как можно скорее разработать общий план работы[566]. Собрав данные об участии своих местных отделений в помощи увечным воинам, Елизаветинский комитет обратился к Особой Комиссии Совета по призрению с просьбой иметь ввиду деятельность Комитета при разработке плана призрения увечных[567]. С.В. Бахрушин отметил необходимость выработки Комитетом общего плана призрения увечных с тем,

[563] Ежемесячник… 1915. №4. С.16.
[564] Ежемесячник… 1916. №4. С.17.
[565] Ежемесячник… 1916. №11-12. С.15-17. Призрение жертв войны Особой Комиссией. От управляющего делами Особой Комиссии Б.В. Лопухина.
[566] ЦГАМ Ф.113. Оп.2. Д.4. Л.2. Журнал заседания Отдела по оказанию помощи и призрению раненых и увечных воинов Комитета Елизаветы Фёдоровны от 2 ноября 1915 г.
[567] Ежемесячник… 1916. №7-8. С.51-55. Деятельность Губернских отделений Комитета в деле призрения увечных воинов.

чтобы субсидирование общественных учреждений производилось согласно такому плану[568]. Но становление систематической помощи военным инвалидам развивалось крайне медленно. По словам Г.А. Мейнгардта, «*в России увечные несчастны вдвойне – потому, что они увечны, и потому, что о них как будто забыли*»[569].

Руководство Елизаветинского комитета считало, что дело призрения военно-увечных, носящее пролонгированный характер, не может быть передано органам местного самоуправления, которые руководствуются прежде всего хозяйственно-финансовыми соображениями[570]. Справедливо отмечалось, что и до войны, в период роста земских бюджетов, ассигнования на социальные вопросы были крайне малы: в 1913 г. губернские и уездные земства ассигновали на общественное призрение 4,57 млн руб., что составляло 2,1% от общего бюджета местного самоуправления, причём губернские земства выделили 4,1% своей сметы (3,3 млн руб.), а уездные – всего лишь 0,6% (1,2 млн руб.). 38 губернских городов направили на общественное призрение 1,3 млн руб. или 3% своих расходов. Москва тратила на общественное призрение 1,58 руб. на человека, Петроград – 95 коп., губернские города – 36 коп. и губернские земства – 4,4 коп. на одного человека в год. Выход виделся в сохранении финансовой помощи благотворительным учреждениям со стороны Совета по призрению при посредстве отделений Елизаветинского комитета[571].

На практике Елизаветинский комитет был готов принять участие в реализации совместных с местным самоуправлением проектов в пользу военно-увечных. Так, Херсонское отделение Комитета ассигновало 2 тыс. рублей на устройство убежища для увечных воинов, что позволило при дополнительной поддержке земства расширить существующий интернат[572].

---

[568] ЦГАМ Ф.113 Оп.2. Д.4. Л.64об.
[569] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.219. Л.443-444. Мнение Г.А. Мейнгардта по докладу П.И. Алексеева.
[570] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.210. Л.109-110об. Памятная записка по вопросу об организации дела призрения увечных воинов
[571] Ежемесячник… 1916. №14. С.13. Совещание представителей Комитета Великой княгини.
[572] Ежемесячник… 1916. №4. С.57.

Вологодское губернское отделение планировало совместно с земством организовать сельскохозяйственный приют для инвалидов на 20-30 человек[573].

Елизаветинский комитет настаивал на расширительном толковании своей компетенции в рамках принципа негативного регулирования – «разрешено всё, что прямо не запрещено» – так как высочайший указ об Особой Комиссии не содержал противоположных норм. Положение о Елизаветинском комитете предусматривало все виды помощи, тогда как в Наказе Особой Комиссии, напротив, указывалось, что она может предоставлять лишь те виды помощи, которые не применяются Комитетом в той же местности, и только в таком случае Особая Комиссия получала право затратить свои средства на эти меры[574].

Циркуляр от 11 июня сопровождал письмо великой княгини Ксении Александровны от 20 мая 1915 г. на имя великой княгини Елизаветы Фёдоровны, в котором августейшая председательница Особой Комиссии просила поставить местные отделения Елизаветинского комитета в известность о состоявшихся решениях Совета по призрению. Ввиду того, что согласно ст.2 Наказа Особой Комиссии местные отделения продолжали предоставлять оказываемые ими виды помощи, Ксения Александровна просила сообщить, какие виды оказания помощи солдатским семьям применялись в каждой отдельной местности отделениями Елизаветинского комитета. Циркуляр обязывал местные отделения предоставить запрашиваемые сведения в десятидневный срок. Такие же сведения запрашивались и у губернаторов[575].

В октябре 1915 г. Елизаветинский комитет озаботился тем, что Особая Комиссия издаёт и рассылает циркуляры, которые при этом не поступают в Центральный Елизаветинский комитет. Высказывалась просьба присылать их

---

[573] Ежемесячник… 1916. №6. 52-54.
[574] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.205 Л.70-71. Записка П.А. Базилевского Н.Н. Покровскому от 26 июня 1915 г.
[575] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д. 1. Л.52 Циркуляр № 28300 от 11 июня 1915 г. Об Особой Комиссии
ЦГАМ Ф.113. оп.1. Д.210. Л.3. Копия письма Ксении Александровны Елизавете Фёдоровне от 20 мая 1915 года.
ЦГАМ Ф.113 Оп.1. Д.205. Л.68.

для сведения, однако в ответ был препровождён всего лишь Наказ Особой Комиссии, обращение Ксении Александровны к местным отделениям Елизаветинского комитета и выписка из журнала заседания Совета по призрению от 18 июля 1915 г. о плане ближайших работ Особой Комиссии, который касался преимущественно госпиталей и устройства убежищ для долечивания, а также содействия устройству приютов для тяжёлых инвалидов с обучением их какому-либо ремеслу и «*содействия призрению детей лиц, пострадавших во время войны, по соглашению с учреждениями, ведающими такое призрение*». Препровождая вышеприведенную выписку местным отделениям, Особая Комиссия просила сообщить, какими способами отделение предполагает решать данные задачи[576].

В середине июня 1916 г. Особая Комиссия циркулярно предложила губернским отделениям ориентироваться на те виды помощи военно-увечным, которые выяснились из практики деятельности Комиссии по г. Петрограду[577]. Даже в ноябре 1916 г. на совещании местных представителей Елизаветинского комитета управляющий делами Совета по призрению Г.Г. Витте рассуждал о мероприятиях по обучению военно-увечных, устройству убежищ и санаториев для них, которые только предстояло реализовать[578].

Таким образом, Особая Комиссия не спешила брать на себя инициативу в организации системы призрения военных инвалидов, оставляя это на откуп местным отделениям. Тем самым роль Елизаветинского комитета в этой сфере оставалась ведущей. Показательна в этом отношении дискуссия относительно организации местных отделений Комитета как местных органов Особой Комиссии, прошедшая на ноябрьском совещании представителей Елизаветинского комитета в 1916 г. Председатель совещания П.А. Базилевский предложил считать не только губернские, но также уездные и нижестоящие

[576] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.210. Лл.10-12, 14. Отношение Елизаветинского комитета в Особую Комиссию 9 октября 1915.
[577] Ежемесячник… 1916. №11-12. С. 40. Циркуляр Особой Комиссии Совета по призрению губернским отделениям Комитета Елизаветы Фёдоровны об осуществлении различных мероприятий по призрению увечных воинов № 6067 от 17 июня 1916 года.
[578] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.219. Л.209. Доклад по вопросу организации местных отделений комитета как местных органов Особой Комиссии Совета по призрению в деле призрения увечных.

комитеты органами Особой Комиссии. Г.Г. Витте оказался не готов принять это предложение, заявив, что Совет по призрению рассчитывал сосредоточить всё дело в губернских отделениях, которые являются исполнительными органами Особой Комиссии Совета по призрению, деятельность же нижестоящих структур в отношении инвалидов войны «*пока не вылилась в реальные формы*» и введение должности непременных членов на уровне уездных комиссий является преждевременным[579].

3 июня 1916 г. на заседании Особой Комиссии был принят порядок, наделявший Елизаветинский комитет полномочиями экспертного органа Особой Комиссии: ходатайства о пособиях на устройство учреждений для военно-увечных должны были получать заключение местных отделений Елизаветинского комитета о востребованности проекта[580].

Елизаветинский комитет был настроен сохранять возможно большую свободу действий, негативно воспринимая попытки вторжения в сферу своей компетенции. Примером этого могут служить прения между Елизаветинским комитетом и Особой Комиссией по поводу системы помощи учащимся детям воинов. Поскольку Особая Комиссия сосредоточила свою деятельность в Петрограде, она взяла под своё покровительство возникшее в столице движение по оказанию благотворительной помощи в обучении, получившее название педагогических комиссий.

Первая педагогическая комиссия возникла в Петрограде по частной инициативе Ф.Н. Литвинова по примеру действовавшей в русско-японскую войну, и объединила несколько десятков педагогов. Петроградскую идею поддержал Совет по призрению, по его инициативе министр народного просвещения призвал попечителей учебных округов образовать такие же комиссии на периферии. Педагогические комиссии занимались подготовкой в учебные заведения и репетиторством, подбором бесплатных вакансий,

---

[579] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.219. Л.455-456. Доклад об организации местных учреждений Комитета как местных органов Особой Комиссии.
ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.219. Л.209. Прения по Докладу по вопросу организации местных отделений комитета как местных органов Особой Комиссии Совета по призрению в деле призрения увечных.
[580] РГВИА. Ф.12593. Оп.1. Д.2072. Л.117.

вносили плату за обучение, снабжали учащихся учебниками и формой, подыскивали им квартиры или устраивали общежития. Педагогические комиссии состояли в ведении Особой Комиссии, а в учебном отношении находились под наблюдением попечителя учебного округа; председатель комиссии утверждался попечителем округа[581]. При участии Министерства народного просвещения были выработаны правила и руководящие указания по взаимодействию Учебного отдела Особой Комиссии и педагогических комиссий на местах[582].

К декабрю 1915 г. было открыто 39 комиссий в губернских и уездных городах, а к июлю 1916 г. число комиссий дошло до двухсот[583]. Педагогические комиссии на первых порах получили значительную материальную поддержку от Особой Комиссии: например, в сентябре 1916 г. было ассигновано 150 тыс. руб. педагогическим комиссиям Министерства народного просвещения для выдачи по 500 руб. каждой уездной комиссии и по 1000 руб. – комиссии в каждом губернском городе[584]. Следовало помнить, что средства Особой Комиссии могли быть направлены на помощь лишь семьям убитых и увечных, но не всем семьям призванных. Особая Комиссия отмечала, что зачастую педагогические комиссии не располагали достаточными средствами для своей деятельности и предлагала Елизаветинскому комитету субсидировать эти структуры по их ходатайствам.

Елизаветинский комитет резко не согласился с такой постановкой вопроса, т.к. образованные Особой Комиссией педагогические комиссии выполняли однородные с Елизаветинским комитетом задачи, но не имели с ним определённой управленческой связи. Основным условием оказания поддержки со стороны Елизаветинского комитета являлась принадлежность субсидируемых учреждений к сети органов Комитета. Сложившаяся ситуация подтверждала неоднократно высказываемые опасения по поводу отсутствия

---

[581] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.210. Л.58. Правила об организации и деятельности Комиссии для оказания педагогической помощи детям лиц, принимающих участие в войне 1914 года.
[582] Отчёт Особой Комиссии… С. 47.
[583] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.210. Л.46. Отношение Особой Комиссии в Елизаветинский комитет от 3 дек 1915.
[584] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.63. Л.228.

точных границ, разделявших деятельность Особой Комиссии и Елизаветинского комитета. Неопределённость компетенции ставила Комитет в затруднительное положение, о чём он прямо и заявлял в своём обращении в Совет по призрению, прося у него руководящих указаний в отношении разграничения областей деятельности[585].

В ноябре 1916 г. на совещании местных представителей Елизаветинского комитета с докладом о взаимоотношении педагогических комиссий с Комитетом Елизаветы Фёдоровны выступал председатель Педагогического отдела Особой Комиссии Совета по призрению Ф.Н. Литвинов. Докладчик считал необходимым при общности задач и взаимном дополнении функций педагогических комиссий и Елизаветинского комитета включить в состав отделений Елизаветинского комитета председателей педагогических комиссий, закрепив за последними постановку учебного дела в приютах и открытие новых учебных заведений[586]. Тезисы его сообщения вызвали возмущение П.А. Базилевского, который воспринял их как решение об изъятии учебной помощи из ведения Елизаветинского комитета. Г.Г. Витте был вынужден разъяснить, что озвучена была личная позиция Ф.Н. Литвинова, а не мнение Совета по призрению. В свою очередь, Литвинов заявил, что не ожидал подобной резкой реакции на своё сообщение: такие предложения были высказаны им на основе годового опыта взаимодействия с Ольгинским комитетом в Петрограде, который все средства на педагогическую помощь и все прошения о такой помощи передаёт в педагогическую комиссию. «*Эту живую силу, которая обслуживает Петроград, – мы предлагаем Комитету её высочества и говорим – можете использовать наши силы для облегчения своей работы. Если это будет принято, мы будем охотно служить Комитету её высочества. Если почему-либо на нашу деятельность смотрят как на вторжение в чужую область – мы извинимся, и только*», – заключил Ф.Н.

[585] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.210. Л.47. Отношение Комитета Елизаветы Фёдоровны в Совет по призрению, январь 1916.
[586] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.219. Л.30-35. Доклад Председателя педагогического отдела Особой Комиссии Совета по призрению Ф.Н. Литвинова о взаимоотношении Педагогической комиссии с Комитетом Елизаветы Фёдоровны.

Литвинов[587]. Было решено оставить уточнение деталей взаимоотношения педагогических комиссий с Елизаветинским комитетом на согласование центрального Московского Комитета великой княгини и Особой Комиссии.

Более гладко разворачивалось взаимодействие Елизаветинского и Татьянинского комитетов, которым удалось разграничить сферу своих интересов. Каждый комитет сосредоточился на своих приоритетных категориях опекаемых, и пересечения деятельности между ними практически не было. Татьянинский комитет передавал в центральный Елизаветинский комитет прошения о помощи тех беженцев, близкие которых были мобилизованы в армию. Также Татьянинский комитет субсидировал четыре приюта для детей-беженцев в Москве, выдачу пособий выписанным из лазаретов нижним чинам, чья родина была занята неприятелем, и содержание юных добровольцев[588]. По смете на второе полугодие 1916 г. от Татьянинского комитета должны были поступить 197 тыс. рублей[589]. При этом, когда Московское отделение Татьянинского комитета циркулярно рекомендовало на всякое требующее расхода увеличение и расширение деятельности субсидируемых учреждений, до приведения его в исполнение, запрашивать согласие Отделения – Комиссия общих дел указала, что Комитет Елизаветы Фёдоровны является учреждением, состоящим под руководством только Совета по призрению, и эти требования на него не распространяются[590].

* * *

Комитет великой княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, стал организационной основой системы социальной помощи жертвам войны. Его попечение включало в себя заботу о солдатских жёнах, детях, инвалидах войны и было представлено разнообразными мерами поддержки, к оказанию

---

[587] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.219. Л.338-339, 361-362. Замечания по тезисам Ф.Н. Литвинова по педагогическим комиссиям.
[588] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.13. Л.103 Отношение Московского отделения Татьянинского комитета в Комиссию общих дел от 5 ноября 1916 г.
[589] Ежемесячник… 1916. №11-12. С.7-9. Заседание Комитета 14 июля 1916 года.
[590] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.13. Л.100-101. Отношение Московского столичного отделения Комитета Татьяны Николаевны в Комитет великой княгини 30 сентября 1916 г.; Л.102. Отношение Комитета Елизаветы Фёдоровны в Московское столичное отделение Татьянинского комитета от 29 октября 1916.

которых привлекались самые разные акторы. Важная роль в оказании помощи принадлежала органам местного самоуправления, но, в отличие от них, Елизаветинский комитет был централизованной структурой всероссийского масштаба, что позволяет отвести ему первое место среди субъектов оказания социальной помощи.

Деятельность Елизаветинского комитета была средством поддержания социальной стабильности в тылу и морального духа армии, сохранения производительных сил. По объёму распределённых средств на первом месте стояла помощь семьям запасных (6,3 млн рублей на 1 мая 1916 г.). На детские приюты и ясли было ассигновано 450 тыс. рублей, и на призрение увечных через Елизаветинский комитет было направлено всего 35 тыс. рублей[591] (Приложение 4). На этих направлениях местные отделения Елизаветинского комитета вступали в кооперацию с органами местного самоуправления, ведомством землеустройства и Министерством народного просвещения, Романовским комитетом. Персональный состав местных отделений, включавший губернскую и уездную элиту, облегчал это взаимодействие.

Елизаветинский комитет имел многоуровневую разветвлённую структуру, включавшую значительное количество ассоциированных благотворительных организаций и учреждений общественного призрения. Объединяющая и руководящая деятельность Комитета охватывала всю Россию за исключением Петрограда, Кавказа и Финляндии. Комитет предоставлял своим провинциальным структурам значительную автономию, основанную на принципе субсидиарности. В свою очередь, сам Елизаветинский комитет претендовал на автономию в составе Совета по призрению как субъект, ведущий непосредственную практическую деятельность и располагавший в силу этого особыми компетенциями.

Распространение сферы деятельности комитета с семей призванных в армию на сирот и военно-увечных позволяло говорить о перспективах сохранения структур Елизаветинского комитета и после окончания войны.

---

[591] ЦГАМ Ф.113 Оп.1. Д.219. Л.134-136. Краткий обзор деятельности Елизаветинского Комитета с начала войны по настоящее время.

Глава 4. СИСТЕМА ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ ЖЕРТВ ВОЙНЫ

4.1 Семьи мобилизованных как объект государственно-общественного попечения

Солдатские семьи были самой многочисленной категорией адресатов социальной помощи. Исходя из опыта русско-японской войны правительство загодя предусмотрело установление минимальных социальных гарантий для семей мобилизованных нижних чинов. Уже в апреле 1915 г. казённое пособие получали более 10 миллионов родственников ушедших в армию, а к 1 марта 1917 г. – 26,7 млн. человек[592]. К этому числу следует прибавить вдов и сирот погибших воинов (потери России в Первой мировой войне оцениваются в 0,7-1,3 млн человек убитыми)[593] и тех ближайших родственников мобилизованных, которые не получили права на помощь от казны. Сметные расходы на выплату казённого пайка на 1917 г. достигли 3 млрд рублей, тогда как содержание действующей армии оценивалось в 17 млрд рублей[594].

Законом «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» от 25 июня 1912 г. все семьи мобилизованных наделялись правом на получение продовольственного пайка. Это был первый пример законодательного установления государственных социальных гарантий для массовой категории

---

[592] Булгакова Л.А. Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века: материалы конференции памяти В. С. Дякина. СПб. ; Кишинев, 2001. С. 457, 474.

[593] Число убитых по данным Ставки на 1 сентября 1917 года: Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М.: ЦСУ СССР, военно-статистический отдел, 1925. С. 4, 32, 36. По подсчётам С.Г. Нелиповича, уточнённые по донесениям воинских частей и штабов армий данные об убитых и умерших в госпиталях в 1914-1917 году дают цифру в 1136 тыс. человек: Нелипович С.Г. Потери русской армии, ее союзников и противников в Первой мировой войне (1914-1917). Он-лайн лекция [Электронный ресурс].- Режим доступа: https://ya.ru/search/?text=с+г+нелипович+потери+россии+в+первой+мировой+лекция&lr=10&clid=2149672-305&win=485 (дата обращения: 25.04. 2025). Обе эти оценки являются преуменьшенными, так как не учитывают число погибших среди попавших в плен и пропавших без вести. Однако они отражают общее число пенсий, назначенных вдовам. Другие оценки потерь: Головин Н.Н. «Военные усилия России в мировой войне» в 2-х томах. Париж, 1939. С. 156. Залесский К.А. Потери русской армии в Первой мировой войне // Москва. 2014. №.11. С. 160-169. Олейников А.В. Исчисление боевых потерь на русском фронте Первой мировой войны 1914–1917 гг.: проблемы и противоречия // Русский исторический сборник. 2013. Т.5. С. 96-115.

[594] Булгакова Л.А. Привилегированные бедняки… С. 474.

населения. Паёк выдавался в денежном эквиваленте стоимости минимального набора продуктов питания, не включавшего никакой белковой пищи.

Для распределения казённого пайка было предусмотрено создание сети особых коллегиальных органов – волостных попечительств (Приложение 5). Они были выборными и проектировались законом как всесословные. По сути, волостные попечительства учреждались как социальный блок аппарата проектируемой всесословной волости. На деле избранные на сельских сходах волостные попечительства в большинстве случаев сформировались как крестьянские сословные органы. Чаще всего их состав образовывали должностные лица крестьянского самоуправления. Как правило, волостные попечительства были немногочисленны, реже – включали в свой состав представителей от отдельных селений волости (например, в Черниговской, Смоленской, Курской губерниях[595]).

В дополнение к Закону 1912 г. работу волостных попечительств регулировал циркуляр МВД, принятый после начала мобилизации. Он давал попечительствам право собирать благотворительную помощь, вводил в их состав членов приходских советов и предписывал оказывать особое внимание детям мобилизованных[596].

Закон возлагал на волостные попечительства составление списков получателей пайка и его раздачу. Посемейные списки составлялись при участии сельских старост и передавались земскому начальнику, который проверял их при участии попечителей и сельской администрации[597]. Курский губернатор Н.П. Муратов обещал земским начальникам губернии «*не*

[595] Организация помощи в деревне // Трудовая Помощь. 1915. №1. С. 1-15.
[596] Циркуляр Министерства внутренних дел о порядке приведения в действие закона 25 июня 1912 года в части, касающейся призрения семейств нижних чинов, призванных на действительную военную службу. Указ Правительствующему Сенату 29 августа 1914 г. // Собрание указаний и распоряжений правительства №2345. 1914 г.
Призрение и благотворительность в России. 1914. №6-7. Стб. 813-818.
[597] Журнал заседаний… № 7 // Известия Совета по призрению. 1915. № 6. С.48.

взыскивать за промедление по другим делам, если дело о семьях запасных будет идти хорошо»[598].

Большинство попечительств ограничивали свою деятельность прямо предписанными им законом полномочиями. Современники отмечали, что наиболее энергично действуют те попечительства, в составе которых есть «интеллигентные лица»[599]. Крестьянский мир был достаточно замкнут, и появление «разнородных» попечительств было скорее исключением. Отмечалось, что сход мог выбрать кого-либо постороннего крестьянской среде «*разве только что по указанию земского начальника*». Изредка в состав попечительств избирались священники, ещё реже – учителя[600]. При этом есть сведения, что волостные попечительства возглавлялись представителями «уездной элиты». Так, в Болховском уезде Орловской губернии два участка управлялись земскими начальниками, 6 – приходскими священниками, 5 – землевладельцами и землевладелицами; так же руководили работой волостных попечительств член земской управы, гласный земского собрания, учительница, акушерка, земский врач и ветеринар[601].

Лишь немногие волостные попечительства расширили рамки своей деятельности. Так, Базановское и Бураевское попечительства Бирского уезда Уфимской губернии организовывали помощь в уборке и обработке полей, действуя через волостной сход: первое – путём принятия мирского приговора о помощи, второе – на ассигнованные волостным сходом деньги[602].

Раздача пайков и взаимодействие с солдатскими семьями изначально были изъяты Законом 1912 г. из рук местного самоуправления, так как опыт русско-японской войны показал, что земство отдалено от населения. Однако Высочайшим указом Правительствующему сенату 29 августа 1914 г. «О

---

[598] Чубаров А.И. Социальная опека солдатских семей и пострадавших военнослужащих России в войнах конца XIX - начала XX веков на типичном примере Курской губернии : дисс. ... канд. ист. наук. - Курск, 2016. - С. 157.

[599] Волостные и земские попечительства. Доклад комиссии, избранной Московским обществом сельского хозяйства в заседании 5 сентября 1914 г. для рассмотрения вопроса о задачах земства в деле призрения семейств нижних чинов, призванных на войну, в связи с Высочайшим указом 29 августа с.г. М., 1914. С. 13.

[600] Призрение и благотворительность в России. 1915. № 1-2. стб. 7.

[601] ГАОО. Ф.2. Оп.1. Д.579. Л.169-170.

[602] Призрение и благотворительность в России. 1916. №6-7. стб. 376.

порядке приведения в действие закона 25 июня 1912 г., в части, касающейся призрения семейств нижних чинов, призванных на действительную службу» были созданы уездные попечительства, в которые были включены представители местного самоуправления. В состав уездных попечительств, возглавлявшихся уездным предводителем дворянства, входили городской голова уездного центра, городская и земская управы в полном составе, а также два члена уездного земского собрания. Такое представительство позволяло распределять через уездные попечительства и земскую помощь, размер которой только за первые три месяца войны превысил 1 млн рублей[603].

Уездные попечительства проверяли правильность начисления пайка каждой семье, рассчитывали общую сумму и рассматривали жалобы на правильность наделения пайком[604]. Размер пайка рассчитывался губернским присутствием, оно же было высшей апелляционной инстанцией для споров о назначении пособия. Определения губернских присутствий по делам о выдаче казённого продовольственного пособия признавались законом окончательными и обжалованию не подлежали. Больше всего спорных вопросов вызывало установление права на пособие родственников солдата по боковой линии. Закон предусматривал наделение пайком деда и бабки, родителей, братьев и сестёр мобилизованного в том случае, если они содержались его трудом, однако не давал критериев для установления такой связи. В итоге в некоторых волостях и уездах мог устанавливаться возрастной порог трудоспособности, лишь по достижении которого родственники могли претендовать на пособие; в других – пособие не назначалось тем семьям, в которых оставались трудоспособные члены. Перечисленные в Законе 1912 г. степени родства не охватывали всех обычных родственных отношений крестьянской семьи, члены которой были связаны друг с другом совместным трудом. Существовал круг лиц, находившихся на иждивении призванного, на

---

[603] А.К. Что сделано земствами и городами для семей призванных на военную службу, раненых и павших в бою за три месяца войны // Призрение и благотворительность в России. 1914. № 8-10. Стб. 981-986.

[604] Степанов К.А. Ростовское уездное по призрению семейств нижних воинских чинов попечительство в годы Первой мировой войны // История и культура Ростовской земли: Материалы XXI научной конференции. Ростов, 2011. С. 143-168.

которых не распространялось действие соответствующего закона. Прежде всего к ним относились тесть и тёща, сироты-племянники, а также гражданские жёны и внебрачные дети. Оказание помощи всем им было отнесено к сфере благотворительности. Так, в Казани на 3 тысячи семей, получавших казённый паёк, приходилась 1 тыс. «незаконных» семей, наделённых пайком от города[605].

Интересным является вопрос о достаточности мер поддержки солдатских семей. В фонде Елизаветинского комитета сохранились опросные листы волостных, сельских и приходских попечительств со сведениями об их деятельности за 1914-начало 1915 гг., которые собирались по распоряжению киевского губернатора. В них мы можем встретить свидетельства того, что «*все семейства запасных, ушедших на войну, не терпят нужды ни в хлебе, ни в отоплении*»[606]. В конце 1915 г. тамбовское губернское земство провело анкетный опрос волостных правлений и добровольных корреспондентов на тему положения солдатских семей. Было получено около 500 ответов, что делает анкету достаточно репрезентативной. 4\5 ответивших указали, что семьи достаточно обеспечены[607]. В 1916 г. Курское губернское отделение Елизаветинского комитета опросило свои уездные комиссии на предмет расширения деятельности. Из целого ряда уездов были получены ответы об отсутствии среди названных семей острой нужды[608].

Современники подчёркивали, что, получив пособия, женщины «*работать не желали*», получая на руки до 30 рублей ежемесячно – «*чего они прежде никогда не имели*»[609]. Сотрудники Елизаветинского комитета отмечали, что в отношении деревни к солдатским семьям, получающим казённые пайки, вкрался элемент зависти: односельчане считали их

---

[605] О призрении семей запасных в городе Казани // Призрение и благотворительность в России. 1914. № 8-10. Стб. 1047-1052.
[606] ЦГАМ Ф. 113 Оп.1 Д. 162. Лл. 179, 180, 200 и др.
[607] Алехина Е.В. Деятельность Тамбовского земства … С. 76.
[608] Чубаров А.И. Социальная опека солдатских семей и пострадавших военнослужащих России в войнах конца XIX - начала XX веков на типичном примере Курской губернии : дисс. ... канд. ист. наук. - Курск, 2016. - С. 166.
[609] Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 159.

«*именинниками судьбы*»[610]. На совещании губернаторов в 1916 г. было высказано мнение о росте благосостояния крестьянства за счёт казённого пайка[611].

При этом следует отметить, что состав и, соответственно, размер пайка, по словам министра внутренних дел Н.А. Маклакова, был «*тем меньшим пределом, за которым открывалось обширное поле для благотворительности*»[612]. В первые месяцы войны казённый паёк составлял 2-3 рубля на человека, постепенно повышаясь вслед за ростом цен, но всегда отставая от него (Приложение 6). Таким образом, получать паёк в несколько десятков рублей в месяц, что было сопоставимо с зарплатой рабочего, могла семья, состоящая из 8-10 человек. Вероятнее всего, такое количество иждивенцев и до войны не могло содержаться исключительно трудом мобилизованного, т.е. другие члены семьи также участвовали в производстве или семья имела дополнительный доход. В деревне возможностей для этого было больше, что признавали и современники.

В традиционном обществе семья была не только социальной, но и экономической единицей. Если её производительные функции сохранялись на приемлемом уровне после потери работника, тогда получаемое солдаткой пособие могло оставаться в её распоряжении. Для крестьянских семей первостепенно важным было сохранение производительных сил хозяйства. Это требовало прежде всего компенсации убыли рабочих рук, иногда – предоставления семенного материала.

В организации трудовой помощи на селе первоначально ставка делалась на традиции общинной взаимопомощи. По словам А.В. Кривошеина, вся правительственная помощь была бы бессильна без подъёма крестьянской взаимопомощи, позволившей провести летом-осенью 1914 г. сельскохозяйственные работы на площади около 100 миллионов десятин. Некоторые сельские общества основали фонд помощи семьям призванных,

---

[610] Ежемесячник… 1915. №4. С.44.
[611] Совещание губернаторов в 1916 году // Красный архив. 1929 Т. 2 (Т. 33). С. 147.
[612] Цит. по: Привилегированные бедняки… С.28.

обложив каждую десятину десятикопеечным сбором. Другие организовали трудовые отряды, обслуживавшие хозяйства односельчан, призванных в войска. В одной только Екатеринославской губернии было принято свыше тысячи приговоров сельских сходов об оказании трудовой помощи семьям мобилизованных[613].

Эта солидарная активность крестьянских общин видится лежащей в русле традиционных практик докапиталистической «моральной экономики». Академик Д.К. Зеленин оценивал обычаи «помочей» или «толоки» как пережиток общинного строя и коллективного труда[614]. Такой труд носил ритуализированный характер и регламентировался целой системой правил, которые описывали поводы и формы трудовой помощи, её обязательность и возмездность. Помочи были многообразными: прежде всего, следует отметить безвозмездную помощь пострадавшей от чрезвычайных происшествий семье. Такой вид работ был наиболее обязателен для односельчан. Практиковались также «отработки», участники которых проделывали определённый вид работ (например, рубили капусту, мяли коноплю) поочерёдно друг у друга. «Магарыч» предполагал коллективный труд в обмен на угощение и практиковался зажиточными хозяевами для проведения срочных работ при нехватке наёмных работников. Наконец, общинные помочи позволяли выполнить работы, необходимые всему коллективу – заготовить дрова для школы, построить мирскую мельницу и т.п. Могли иметь место ритуальные общинные помочи, такие как опахивание села или строительство «обыденной церкви» для отвращения морового поветрия. Прежде всего, толока была ориентирована на социальную интеграцию крестьянского коллектива и поддержание его автономности[615]. Принимая энергичные меры по

[613] Журнал заседаний… № 8 // Известия Совета по призрению. 1915. №6. С.147.
[614] Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. - М., 1991. С.362.
[615] Подробнее см.: Букалова С.В. Сельскохозяйственная помощь семьям мобилизованных в годы Первой мировой войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2018 год: Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X – XXI вв.- М., Брянск: Издательство БГУ им. И.Г. Петровского, 2019. - С.87-98.
Букалова С.В. Трудовая помощь солдатским семьям Центрального Черноземья в годы Первой мировой войны // Исторический журнал: научные исследования. – 2020 – № 5 – С. 147-156.

инициированию общинной помощи семьям призванных, власть не вполне представляла своеобразный социокультурный характер этой практики. Вследствие этого, помочи довольно быстро исчерпали свой потенциал, что потребовало развития новых форм трудовой помощи солдатским семьям.

Сокращение сельскохозяйственного производства, в значительной мере основанного в крестьянских хозяйствах на физическом труде, угрожало как благосостоянию крестьян, так и продовольственному снабжению армии. Министр внутренних дел уже 25 июля 1914 г. рекомендовал губернаторам обратить внимание на организацию помощи семьям мобилизованных в уборке урожая. В свою очередь, губернаторы выступили с воззваниями к сельскому населению, обратились к волостным старшинам и сельским старостам[616]. Обращения подобного рода публиковались также земствами и духовенством. Широкое участие в организации толоки приняли земские начальники, уездные предводители дворянства и уездные исправники. Таким образом, инициатива трудовой помощи на первом же её этапе исходила извне крестьянского мира. Однако в результате совместных усилий урожай 1914 г. был благополучно убран, площадь озимых посевов не сократилась. Вместе с тем, по сообщениям в Елизаветинский комитет осенью 1915 г., общинная сельскохозяйственная помощь существенно уменьшилась; нередко требовалась оплата такого труда. По отзывам рязанского и псковского губернаторов, некоторые крестьянские общества проявили отрицательное отношение к идее обязательной взаимопомощи[617]. Курский губернатор Н.П. Муратов сообщал, что постепенно по мере осложнения положения в деревне мирская самопомощь сокращалась[618]. В Тамбовской губернии после повторных мобилизаций мирская помощь также слабела и к 1916 г. почти сошла на нет[619]. Община

[616] Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф.580. Ст.1. Д.613. Л.75.
[617] Оськин М.В. Поддержка беднейших слоев населения центральной России в годы Первой мировой войны (1914-1916) (на примере Елизаветинского комитета) // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской православной церкви. 2018. №80. С.114.
[618] Чубаров А.И. Социальная опека солдатских семей и пострадавших военнослужащих России в войнах конца XIX - начала XX веков на типичном примере Курской губернии : дисс. ... канд. ист. наук. - Курск, 2016. - С.170.
[619] Безгин В.Б., Ерин П.В. Крестьянская семья и сельская община конца XIX начала XX века (на материалах Тамбовской губернии) // Вестник ТГТУ. 2012. №2. С.498- 506.

отказывала в помощи своим членам, так как в большинстве хозяйств не было свободных рабочих рук[620]. Вздорожание рабочей силы привело к тому, что оставшимся мужчинам и даже женщинам было выгоднее работать по найму, нежели бескорыстно помогать соседу.

Во избежание сокращения крестьянской запашки необходимо было прийти на помощь деревне организованными силами. Правительственная агрономическая организация появилась как реакция на голод 1901 г. и использовалась впоследствии для поддержки столыпинской аграрной реформы. Её размах увеличивался с каждым годом: в 1912 г. было уже 1400 казённых агрономов, которые состояли в штате землеустроительных комиссий. В 1913 г. из казны было направлено на агрономические мероприятия 16,2 млн. рублей[621]. В распоряжении правительственной агрономической службы были прокатные пункты сельскохозяйственной техники и зерноочистительные пункты.

Этот аппарат был задействован для помощи семьям мобилизованных в первые же недели войны. После объявления мобилизации чинам Главного управления землеустройства и земледелия на местах было поручено оказывать семьям запасных помощь в полевых работах, используя для этого инвентарь прокатных пунктов, организуя передвижные отряды[622]. Для обслуживания уборки урожая ведомство предоставило 8 тысяч зерноочистительных станций и прокатных пунктов сельскохозяйственных орудий. Затраты ГУЗиЗ на помощь семьям мобилизованных составили около 2,5 млн. рублей. Общее число местных агрономов, привлечённых ведомством к руководству работами, достигло 9 тысяч человек[623].

Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (Традиции конца XIX – начала XX века). Москва-Тамбов, 2004. С.58.

[620] Забелин В.М. Мирская помощь в Благодарненском уезде Ставропольской губернии в условиях начавшейся Первой мировой войны // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 31. – С. 56–60.

[621] Агрономическая помощь в России. / Под ред. В.В.Морачевского. Пг.: Деп. земледелия, 1914. - 653 с.

[622] Оськин М.В. Поддержка беднейших слоев населения центральной России в годы Первой мировой войны (1914-1916) (на примере Елизаветинского комитета) // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской православной церкви. 2018. №80. С.110.

[623] Журнал заседаний… № 8 // Известия Совета по призрению. 1915. №6. С.147.

Кроме этого, квалифицированный агрономический персонал, прокатные станции сельскохозяйственной техники, склады семян и удобрений были в распоряжении земских органов местного самоуправления. Всё это предоставлялось нуждавшимся крестьянским семьям безвозмездно, в рассрочку или с оплатой по себестоимости. К примеру, в Новгородской губернии в 1915 г. действовало 268 механизированных пунктов: 166 земских, 51 правительственный в районах землеустройства, 5 кооперативных и 45 пунктов принадлежало сельскохозяйственным обществам[624].

Журнал «Призрение и благотворительность в России» цитирует статью Н. Иорданского в «Русских Ведомостях», в которой анализируются земские расходы на нужды войны за 1914-1915 гг. 312 уездных земств (из 427 существовавших) ассигновали за этот период на военные нужды 11 млн. 218 тыс. рублей, из которых 39,6% составила помощь семьям призванных. С учётом средств, отпущенных губернскими земствами, она превысила 10 млн. рублей[625]. Значительные чрезвычайные расходы вынуждали земства всё шире прибегать к займам в Государственном банке, кассе городского и земского кредита, коммерческих банках. К завершению 1915 г. МВД предоставило земствам займы на 1,1 млн. рублей[626].

Также земства могли распределять денежные пособия на найм батраков. Нужда в посевном материале удовлетворялась за счёт продовольственных ссуд.

Участие органов местного самоуправления в социальной поддержке солдатских семей в продолжении войны осуществлялось во взаимодействии с Елизаветинским комитетом и при его финансовой поддержке.

17 марта 1915 г. Елизаветинский комитет счёл нужным циркулярно напомнить своим губернским отделениям о принятии мер к организации агрономической помощи, в частности произвести закупку семенного

---

[624] Обзор агрономической помощи в районах землеустройства Новгородской губернии в 1915 году. Новгород Великий, 1916. 59 с.
[625] Призрение и благотворительность в России. 1916. № 5. Стб. 481-486.
[626] Петровичева Е.М. Ук. соч. С.180-181.

материала для распределения среди нуждающихся[627]. Накануне начала сезона весенне-полевых работ 1916 г. Елизаветинский комитет циркулярно предлагал своим отделениям незамедлительно разработать план деятельности по оказанию агрономической помощи весной и летом текущего года, и определить количество необходимых денежных средств, направив запросы на предоставление субсидий не позднее марта 1916 г.[628]. Весной 1916 г. Центральный комитет распределил между своими местными отделениями около 143 тыс. руб. субсидий[629]. Масштаб нужды и размер помощи колебались довольно сильно. Так, в Архангельской губернии агрономическая помощь потребовалась в небольших размерах – Архангельское губернское отделение направило на эти цели всего 300 руб. В соседней Вологодской губернии на агрономическую помощь было направлено 54 тыс. рублей, что позволило засеять 240 тыс. десятин. В Курской губернии агрономическая помощь была оказана преимущественно бесплатным трудом, расход волостных попечительств составил 2 тыс. руб., уездных комиссий – 436 руб., а губернского отделения – всего лишь 40 руб. Киевское губернское отделение сочло, что местное население вовсе не нуждается в сельскохозяйственной помощи[630].

Как мера трудовой помощи рассматривалось устройство сельских яслей на время полевых работ. По всей стране были открыты сотни яслей, это стало большой социальной инновацией. Поддержкой Елизаветинского комитета пользовались до 45 тысяч детей – сирот воинов и детей мобилизованных, из них ¾ посещали ясли[631]. Например, только в Сергачском уезде Нижегородской

---

[627] Дело Циркуляры Л. 44. Циркуляр № 19600 от 17 марта 1915 г. О снабжении семей мобилизованных семенным материалом.

[628]Ежемесячник…1916. №9-10. С.15-16. Циркуляр №5 от 25 февраля 1916 г. О разработке плана деятельности по оказанию агрономической помощи семьям лиц, призванных на войну, весной и летом текущего года.

[629] Ежемесячник…1916. №11-12. С.20-27. Меры агрономической помощи семьям призванных весной 1916 года со стороны Комитета её высочества.

[630] Ежемесячник…1916. №7-8 С.15-37. Организация агрономической помощи семьям призванных при участии Комитета Великой Княгини и его местных Отделений в 1915 году.

[631] Ежемесячник…1916. №9-10. С.30-44. Деятельность Комитета Великой княгини по призрению детей лиц, призванных на войну.

губернии ясли посещали 2 тысячи детей[632]. Как и в других случаях, масштаб деятельности существенно различался между губерниями. Где-то местное отделение брало под свою опеку пару десятков детей, где-то – более тысячи. Губернские отделения субсидировали содержание яслей и приютов как своими уездными комиссиями, так и благотворительными обществами.

Елизаветинский комитет принял широкое участие в таком уникальном виде трудовой помощи, возникшем именно в годы Первой мировой войны, как трудовые ученические дружины. Летом 1914 г. ГУЗиЗ мобилизовало учеников низших и средних сельскохозяйственных школ, которые под руководством преподавателей помогали уборке хлеба, молотьбе, севу, в том числе работая на сельскохозяйственной технике[633]. Практическая польза их участия была весьма заметной, так как ученические дружины оказались технически подготовленными к производимым работам. Неизмеримо большим, по словам А.В. Кривошеина, было моральное значение их участия для солдатских семей, самих учеников и окружающего населения[634]. Почин будущих агрономов был подхвачен в западных губерниях будущими педагогами: летом 1914 г. сельскохозяйственную помощь хозяйствам мобилизованных оказывали студенты учительских семинарий и учительских институтов Минской, Витебской, Виленской, Могилёвской губерний. Опыт их работы был обобщён в «Основных правилах организации трудовых дружин учащихся старших классов учебных заведений Министерства народного просвещения в Минской губернии», разработанных в начале 1915 г. на совещании, созванном по инициативе минского губернатора. Эти правила были приняты Министерством просвещения в качестве образца. В апреле 1916 г. Министерство выработало собственные «Примерные правила организации трудовых дружин учащихся»[635].

---

[632] Ежемесячник…1916. №11-12. С.27-28.

[633] Трудовые дружины учащихся и их устройство. Сборник справочных сведений, составленный Комиссией по внешкольному сельскохозяйственному образованию, состоящей при Департаменте земледелия. – Пг., 1916. – С.1.

[634] Журнал заседаний… № 8 // Известия Совета по призрению. 1915. №6. С.149.

[635] Фомичев И.В., Крюков В.М. Фомичев И.В., Крюков В.М. Белорусский почин по организации трудовых сельскохозяйственных дружин учащихся в годы первой мировой войны // Веснік Палескага дзяржаўнага

В дальнейшем движение ученических трудовых дружин расширялось и упорядочивалось. Министерство народного просвещения смогло согласовать с Министерством финансов и Министерством путей сообщения льготную перевозку дружинников по железным дорогам. С 16 июня по 1 сентября 1916 г. Министерство путей сообщения установило льготный железнодорожный тариф для ученических дружин, «*повсеместно формируемых для помощи земледельческому населению*»: их участники и руководители могли проезжать к месту работ и обратно в вагонах 3-го класса при предъявлении удостоверений[636]. Земский и правительственный агрономический персонал оказывал дружинникам методическую помощь.

Летом 1915 г. в работе трудовых дружин приняли участие студенты духовных семинарий, ученики гимназий и реальных училищ. Министерство народного просвещения циркулярно рекомендовало попечителям учебных округов содействовать повсеместной организации дружин[637]. ГУЗиЗ отменило переводные испытания в подведомственных сельскохозяйственных учебных заведениях с тем, чтобы учащиеся могли принять участие в оказании агрономической помощи крестьянским хозяйствам прилежащего района[638]. Подведомственным ГУЗиЗ средним и низшим учебным заведениям следовало принять на себя руководство сельскохозяйственными работами учеников общеобразовательных учебных заведений, а также следовало организовать ученические дружины из воспитанников общеобразовательных заведений при содействии местного учебного начальства. К каждой такой партии следовало прикомандировать опытных в производстве работ учащихся старших классов

універсітэта. Серыя грамадскіх і гуманітарных навук: научно-практический журнал. – Пинск: ПолесГУ.-2010. – №2. – С.27–28.

[636] ИзвВС №13. С.244.

[637] Трудовые дружины учащихся и их устройство. Сборник справочных сведений, составленных Комиссией по внешкольному сельскохозяйственному образованию, состоящей при Департаменте земледелия. Пг. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1916.-36 с.

[638] Помощь семьям запасных и ратников // Трудовая помощь. 1915. №5. С. 481.
Помощь семьям запасных и ратников // Трудовая помощь. 1915. №6. С. 37.

специализированных учебных заведений, с тем, чтобы они показали приёмы работы прочим дружинникам[639].

Хотя труд дружинников был добровольным и безвозмездным, им приходилось нести порой довольно чувствительные расходы на собственное продовольствие, оборудование мест своего временного пребывания (чаще всего дружинников размещали в земских школах), покупку инвентаря. Как правило, в этих случаях можно было рассчитывать на поддержку местных отделений Елизаветинского комитета.

Так, в составе Нижегородского отделения Елизаветинского комитета по инициативе губернатора весной 1916 г. была образована комиссия по организации трудовых дружин. Комиссия сотрудничала с губернской земской управой и губернской землеустроительной комиссией, начальниками средних учебных заведений. Был выработан общий план работ, одобренный на съезде агрономического персонала. Финансирование дружин принял на себя Елизаветинский комитет: 11 тыс. рублей было распределено между шестью уездными земскими управами[640].

В апреле-июне 1916 г. Елизаветинским комитетом на организацию трудовых дружин было отпущено 50 тыс. рублей[641]. Во время посещения Елизаветой Фёдоровной Ярославля великая княгиня распорядилась выделить на нужды ученических дружин губернии 2 тысячи рублей[642]. Елизаветинский комитет предложил учредить особый нагрудный знак дружинника и добился его утверждения. Жетон должен был выглядеть солидно и привлекательно, напоминая нагрудный знак активиста Татьянинского комитета или Всероссийского Союза Городов.

В конце января 1917 г. Елизавета Фёдоровна обратилась к министру народного просвещения Н.К. Кульчицкому с просьбой озаботиться повсеместной организацией трудовых дружин из числа учащихся в средне-

---

[639] ИзвВС №8 С.151-152. Циркуляр Главного управления землеустройства и земледелия №45/1636 от 26 июня 1915 г.
[640] Ежемесячник… 1916. №14. С.25-33. Деятельность Нижегородского отделения.
[641] Ежемесячник…1916. №11-12. С.7-9. Заседание Комитета 14 июля 1916 года.
[642] Ежемесячник…1916. №11-12. С.1-2.

специальных заведениях: «*неизменные добрые отзывы местных комитетов о полезной работе ученических дружин летом 1915 и 1916 года побуждают просить вас оказать содействие к наиболее широкому привлечению учащихся к работе в трудовых дружинах, средства для которых по ходатайству местного отделения могут быть предоставлены Комитетом Елизаветы Фёдоровны*»[643].

Современники отмечали, что Закон 1912 г. был ориентирован на сельскую местность[644]. Именно там проживали 92% получавших казённый паёк[645]. Экономические и социальные условия жизни в городе диктовали иные потребности в помощи. Горожанки не имели возможности произвести необходимое в собственном хозяйстве, а зачастую были вынуждены ещё и платить за съёмное жильё. Размер казённого пособия был катастрофически недостаточен, многие семьи остро нуждались. Оказание всей дополнительной помощи было благотворительным, то есть факультативным. Беднейшие семьи мобилизованных в городах могли получать дополнительные средства на отопление жилищ, найм квартир, приобретение одежды и обуви, обучение детей от органов самоуправления, Елизаветинского комитета и благотворительных организаций.

Удачной организационной формой призрения солдатских семей стали городские участковые попечительства о бедных, которые действовали при городских управах с широким общественным благотворительным участием. К началу войны в России было около 40 городов, в которых работали участковые попечительства[646]. В других городах попечительства возникли во время войны. В Орле в такое попечительство входили городской голова, председатель уездной земской управы, полицмейстер, два податных инспектора и члены городской управы[647]. В Брянске функции попечительства о семьях призванных

---

[643] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.33. Л.348.
[644] О призрении семей запасных в городе Казани // Призрение и благотворительность в России. 1914. № 8-10. Стб. 1047-1052.
[645] Булгакова Л.А. Привилегированные бедняки… С. 457.
[646] Катцина Т.А Городские участковые попечительства о бедных в Восточной Сибири: Организационно-правовой аспект (конец XIX века) // Тамбов: Грамота, 2012 № 7 (21): в 3-х ч. Ч. II. С. 71.
[647] Орловский Вестник. 1914. 8 августа.

и о раненых исполнялись городской думой; город был поделён на 40 попечительских участков, закреплённых за каждым из гласных[648]. В Харькове также городской думой было учреждено 15 участковых попечительств, объединённых в особую Исполнительную комиссию[649].

Значительной статьёй расходов, не покрываемых казённым пайком, было отопление. ГУЗиЗ предоставил солдатским семьям возможность получать валежный, сухостойный и малоценный дровяной лес с казённых дач. Такие дрова отпускались по удостоверениям местных отделений Елизаветинского комитета, однако этот порядок распространялся только на сельских жителей. Так как «льготного» лесного материала всё равно не хватало, а где-то, например, в Астраханской губернии, он вовсе отсутствовал, многие местные отделения приобретали топливо на рынке, а затем распределяли его между нуждавшимися бесплатно или по себестоимости. В Архангельской и Вологодской губерниях среди солдатских семей распределялись горбыли с частных лесопилок, в Измайловском уезде Бессарабской губернии – камыш и солома. Донское и Екатеринославское отделения распределяли между семьями уголь. Всего на снабжение топливом отделения Елизаветинского комитета направили 455,8 тыс. руб., из которых 296,3 тыс. руб. были их собственными средствами, 25 тыс. руб. составила субсидия Комитета, и 134,5 тыс. руб. – ассигнования местного самоуправления[650].

Среди солдаток-горожанок преобладали недавние выходцы из деревни, не имевшие своего жилья в городе, которые после призыва в армию кормильца семьи лишились и средств на аренду жилья. Самым распространённым видом «квартирной помощи» была выдача дополнительных пособий на съём как со стороны Елизаветинского комитета, так и со стороны городских самоуправлений. Например, Ростовское отделение выдавало квартирных денег по 3 рубля на семью. В редких случаях благотворителям удавалось

---

[648] ГАОО. Ф.2. Оп.1. Д.575. Л.34.

[649] Призрение семейств запасных нижних воинских чинов в городе Харькове за время с начала войны по 1 января 1915 года // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 5. Стб. 309-311.

[650] Ежемесячник…1916. №7-8. С.37. Деятельность Комитета Великой Княгини по снабжению семей призванных топливом.

организовать устройство дешёвых квартир или общежитий. Так, Одесское отделение поместило в дешёвые квартиры до 200 семей, израсходовав на их содержание 3 тыс. рублей. По подсчётам центрального Елизаветинского комитета, бесплатными и дешёвыми квартирами либо квартирными деньгами были наделены 25 тысяч семей. На эти цели было направлено около 450 тыс. рублей, из которых около 200 тыс. составили средства местных отделений[651].

В организации дополнительного питания нуждалось преимущественно беднейшее городское население, для них устраивались дешёвые столовые и бесплатные обеды. Этим занимался Елизаветинский комитет, местное самоуправление, благотворители. Так, Бессарабское отделение открыло 4 дешёвые столовые, которые ежедневно отпускали 300 бесплатных обедов. Екатеринославское отделение кормило от 6 до 7 тысяч человек, затратив на это за год около 54 тыс. рублей. Наибольшего размаха достигла деятельность Одесского отделения, которое направило на обеды более 400 тысяч рублей, эта сумма составила более половины общего расхода Елизаветинского комитета на снабжение семей призванных дешёвыми и бесплатными обедами, который составил 705,2 тыс. рублей[652].

Как уже упоминалось, трудовая помощь в городах была связана с устройством Елизаветинским комитетом мастерских, дававших солдаткам возможность заработка. Кроме крупных мастерских в Москве и Одессе на тех же принципах действовали десятки мелких предприятий. На их организацию между местными отделениями было распределено 465 тыс. руб. Общий расход Московского центрального комитета и губернских отделений на трудовую помощь достигал суммы 4 млн. рублей; трудовая помощь была оказана приблизительно 75 тысячам семей призванных. Из сообщений местных отделений видно, что трудовая помощь оказывалась ими в виде учреждения

[651] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.219. Л.134-136. Краткий обзор деятельности Елизаветинского Комитета с начала войны по настоящее время.
[652] Ежемесячник… 1916. №9-10. С.48. Деятельность Комитета Великой княгини по снабжению семей призванных дешёвыми и бесплатными обедами.

кружков для шитья, бюро труда, различных мастерских (сапожной, вязальной), организации прачечных[653].

Несколько особняком стоит деятельность Русской православной церкви, которая создала собственную структуру благотворительной помощи семьям мобилизованных, состоявшую из приходских попечительных советов. Определение Святейшего Синода от 20 июля 1914 г. впервые вводило в круг обязанностей духовенства заботу о семьях лиц, призванных в войска. Предписывалось образовать в каждом приходе особые Попечительные советы. Согласно определению Синода, епархиальное начальство должно было ежемесячно представлять сведения о числе открытых попечительств, содержании их деятельности, размерах помощи из собранных пожертвований и из церковных сумм, данные о количестве солдатских семей, которые воспользовались этой помощью[654]. В частном определении от 10 сентября 1914 г. Синод признал желательным согласование деятельности приходских попечительных советов с волостными попечительствами, причём осуществление такого согласования должно было производиться местными отделениями Елизаветинского комитета[655].

Приходские попечительные советы учреждались главами епархий; их активное создание происходило в первые месяцы войны и завершилось к концу 1914 г. Так, в августе 1914 г. в Воронежской епархии действовало всего 25 приходских советов, а в Орловской – целых 424. В Курской епархии к декабрю 1914 г. было открыто свыше тысячи приходских советов, в Воронежской епархии – 537, а в Тамбовской епархии к марту 1915 г. число приходских попечительств достигло 1138. Всего же накануне революции в России насчитывалось более 40 тысяч православных приходов; приходские попечительства были открыты в 90% из них[656].

---

[653] ЦГАМ Ф.113 Оп.1. Д.219. Л.103. Доклад Г.А. Мейнгардта об оказании трудовой помощи.
[654] Рункевич С.Г. Великая Отечественная война и церковная жизнь. Кн. 1. Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914-1915 гг. Пг., 1916. С. 21, 25-28.
[655] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.23. Л.11об. К вопросу об объединении на местах деятельности учреждений, ведающих дело призрения семей лиц, призванных на войну.
[656] Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за 1915 год. Пг., 1917. С.20.

А.И. Чубаров приводит свидетельство одного из земских начальников Курской губернии, который указывал, что работа в приходских попечительствах отвлекает сельских священников от участия в других волостных структурах помощи солдатским семьям, лишая их ценных интеллигентных работников[657].

Приходское попечительство должно было вести списки мобилизованных, выяснять материальное положение их семей и вырабатывать меры помощи нуждающимся. Попечительные советы могли разворачивать свою работу за счёт пожертвований прихожан и отчислений из церковных сумм. По сути, приходской совет опосредовал традиционную взаимопомощь крестьянской общины, институциализируя её в духе церковной благотворительности.

Приходские советы собирали и раздавали деньги, продукты, вещи, зерно, доставляли дрова и уголь, чинили постройки. Особенно важной была организация помощи по уборке, вспашке и засеву полей семьям, чьи кормильцы были на фронте. Кроме того, для присмотра и ухода за детьми во время уборочной страды приходскими попечительствами устраивались временные детские приюты и ясли[658]. В Пермской губернии летом 1915 г. приходские попечительства передали земствам 8-ми уездов 638 рублей на устройство яслей[659].

Финансовой основой работы приходских советов были частные пожертвования, которые составляли довольно значительную сумму. Только за август 1914 г. в Тамбовской епархии удалось собрать без малого 3 тыс. рублей пожертвований. Это позволило оказать 812-ти семействам единовременную денежную помощь от 1 до 5 рублей. В Курской епархии к этому же времени 722 приходских попечительства оказали помощь 6 875 семействам,

---

[657] Чубаров А.И. Социальная опека солдатских семей и пострадавших военнослужащих России в войнах конца XIX - начала XX веков на типичном примере Курской губернии : дисс. ... канд. ист. наук. - Курск, 2016. - С. 157.

[658] Букалова С.В. Сельскохозяйственная помощь семьям мобилизованных в годы Первой мировой войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2017. С. 87-98.

[659] Голикова С.В. Детские ясли как часть социальной модернизации России начала XX века (по материалам земств Пермской губернии) // Людской потенциал России XX века в условиях модернизации. С. 78. С. 73-80.

распределив между ними 14,3 тыс. рублей, 135 пудов свиного сала, почти тысячу пудов муки и более тысячи возов соломы[660]. По данным И.П. Павловой, за первый год войны приходские попечительства распределили около 6 млн рублей денежной помощи между 2 млн семей[661], т.е. в среднем каждая семья получила по 3 рубля, что являлось ничтожной величиной.

Приходские советы могли назначать небольшое регулярное пособие из собранных сумм, но чаще оказывали единовременное вспомоществование деньгами или натурой (продуктами, дровами, сеном и т.п.). Со временем сборы неизбежно сокращались. Так, приходской комитет села Станиславчик Черкасского уезда Киевской губернии собирал пожертвования в пользу семей мобилизованных, раненых воинов, голодающих галичан, но сборы эти были невелики: в январе 1915 г. Комитету было пожертвовано всего 1 руб. 20 коп.[662]. Изоляция приходских попечительств в рамках собственной инициативы и собственных ресурсов значительно снизила их реальное значение в помощи солдатским семьям.

Генерал от инфантерии Белявский ещё в 1914 г. представил в Совет по призрению записку, в которой предлагал передать обследование семейного положения и выдачу пособий семьям мобилизованных в приходские попечительства. Свой проект Белявский основывал на том, что волостных правлений по империи – около 17 тысяч, а приходов – 54 тысячи (из них 42 тыс. – православных)[663]. Этот проект был внимательно рассмотрен Подготовительной комиссией с участием обер-прокурора Синода и помощника начальника Управления воинской повинности МВД. Обер-прокурор В.К. Саблер согласился, что передача правительственного призрения солдатских семей в православные церковные попечительства соответствует приходской деятельности и позволит улучшить постановку призрения. Более того, подчёркивалось, что согласно определениям Синода приходские

---

[660] Известия Совета по призрению ... 1914. №2. С. 139. Известия Совета по призрению ... 1915. №. 5. С. 184, 188.
[661] Павлова И. П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. - Красноярск, 2003. - С.50.
[662] ЦГАМ Ф.113 оп. 1 Д. 162. Л.252-252 об.
[663] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.23. Л.7-9.

попечительные советы должны составлять списки семей мобилизованных и выяснять их имущественное положение.

Обер-прокурор предлагал разрешить заменять приходскими попечительствами волостные попечительства в тех случаях, когда это будет возможно и желательно по местным условиям[664]. При этом В.К. Саблер не поддержал инициативы в целом, указав на «*обстоятельства чисто практического свойства*» - затруднительность для священника и членов попечительства вести отчётность при раздаче пособий. Представитель МВД, в свою очередь, ожидаемо заявил, что волостные попечительства действуют вполне успешно. Более того, Подготовительная комиссия Совета по призрению указала на планы коренного преобразования приходской организации православной церкви, свидетельствующие о том, что она имеет проблемы, не позволяющие возлагать на неё новые ответственные задачи. Совет по призрению согласился с решением Подготовительной комиссии об отклонении рассматриваемого предложения[665].

Таким образом, система государственной поддержки солдатских семей частично основывалась на существующих официальных учреждениях (волостные правления, земские начальники, земства, губернские присутствия), «дополненных» участием общественных активистов. Дополнительная благотворительная помощь, при всей её неравномерности и факультативности, боролась с нуждой, «*призрак которой выглядывал из Закона 25 июня 1912 года*»[666]. Основными субъектами помощи были органы местного самоуправления и местные отделения Елизаветинского комитета, которые взаимодействовали между собой. Проблемой земского участия в помощи семьям мобилизованных был дефицит средств и отсутствие на волостном уровне земских структур, осведомлённых о действительных нуждах отдельных крестьянских семей. Централизованная система Елизаветинского комитета отчасти могла преодолеть этот недостаток, однако в реалиях

[664] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.23. Л. 8об.
[665] Журнал заседаний… №8 // Известия Совета по призрению. 1915. №6. С.83.
[666] Ежемесячник… 1915. №2. С.34-43. Трудовая помощь семьям призванных.

российской деревни для полноценной работы благотворительных структур недоставало «интеллигентных сил». Об этом писала упоминавшаяся ранее М.А. Новосильцева, подчёркивавшая, что «*роковой ошибкой общественной работы в России является непосильная перегрузка работой тех лиц, которые заслужили общественное доверие, на которых возлагают всё новые и новые ответственные дела. Они являются одновременно общественными работниками и мучениками, и от этой постановки дела страдает и само дело*»[667].

Наибольшее распространение получила сельскохозяйственная помощь крестьянским хозяйствам, которая рассматривалась как разновидность трудовой помощи, то есть благотворительного содействия вовлечению призреваемых в общественное производство, что не допускало иждивенчества – извечного уродливого спутника благотворительности. Целью такой помощи было как сохранение источников существования солдатской семьи, так и стабилизация сельскохозяйственного производства.

4.2 Развитие системы призрения детей в годы Первой мировой войны

Накануне Первой мировой войны для России была характерна большая рождаемость. В 1910 г. на каждый заключенный брак приходилось в среднем 5,3 рождений[668]. В обществе была велика доля детей и подростков. Процесс социальной модернизации характеризовался распадом связей в локальном сообществе и обострением проблемы сиротства. Рост городов и маргинализация городского населения порождали детскую преступность и проституцию. В целом в начале XX в. проблема охраны детства была осмыслена общественностью; предпринимались попытки создать механизмы её решения.

---

[667] Доклад члена комитета Е.и.в. Марии Александровны Новосильцевой по вопросу об организации уездных попечительств о сиротах и об увечных воинах // Ежемесячник… 1915. №4. С.49.
[668] Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811-1913 гг.) : Стат. очерки. – М., 1956. С. 165-166.

Под влиянием последствий Русско-японской войны начинает формироваться представление о законодательном закреплении права детей на призрение со стороны государства. 11 августа 1904 г. высочайшим манифестом было провозглашено принятие на счёт казны расходов по воспитанию и образованию сирот воинов. Для выработки конкретных мер было создано Особое междуведомственное совещание под председательством статс-секретаря графа Д.М. Сольского, которое представило на высочайшее утверждение проект Правил об обеспечении судьбы детей лиц, погибших в войну с Японией, утверждённый 16 июня 1905 г. [669]. Все дети погибших могли получать пособие в 18 руб. в год до достижения 16-летия, им гарантировалось получение базового образования. Было высказано мнение о необходимости создания специализированного центрального органа, который руководил бы делом детского призрения, в форме Главного комитета (по аналогии с Александровским комитетом о раненых), и его местных отделений. Такой комитет был учреждён именным высочайшим указом от 16 мая 1905 г. и получил наименование Алексеевского в честь наследника-цесаревича. Губернские отделения Алексеевского комитета возглавлялись губернаторами, уездные – предводителями дворянства. Был проведён погубернский учёт детей-сирот солдат русско-японской войны[670]. Таким образом, была создана система государственных гарантий для детей жертв русско-японской войны, а затем – и первой русской революции. Работа Алексеевского комитета велась на казённые средства. К 1914 г. на его попечении находилось свыше 88 тысяч детей[671].

Проблемы сиротства и безнадзорности обострились в условиях мировой войны. Доходило до того, что в Туле мобилизованные приводили детей прямо к губернатору, прося куда-либо поместить их на то время, пока солдаты будут

---

[669] РГИА Ф.1149. Оп. 13. Д. 65. Об обеспечении судьбы детей лиц, погибших в войну с Японией.
[670] Щербинин П.П. Дети-сироты и их призрение в период войн России начала XX в. // Вестник Тамбовского государственного университета. 2013. № 9 (125). С. 336.
[671] Алексеевский главный комитет // Военная энциклопедия Под редакцией В.Ф. Новицкого (1911-1915) [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://history.niv.ru/doc/encyclopedia/military/articles/1017/alekseevskij-glavnyj-komitet.htm (дата обращения: 21.08.2023).

воевать – «*не зная, вернутся ли они обратно и что будет с их детьми, если их убьют*»[672]. С первых дней войны «сироты защитников Родины» стали рассматриваться как наиболее приоритетная категория адресатов социальной помощи. Если у ребёнка оставался отец-инвалид или мать-вдова, государство наделяло их небольшой пенсией. Годовая вдовья пенсия для нижних чинов была определена в 48 рублей в год. При этом детям такой вдовы никаких выплат не полагалось. Сирота до 17 лет имел право на половину вдовьего оклада[673].

Высочайше утверждённое Положение Совета министров от 2 сентября 1914 г. распространило деятельность Алексеевского комитета и на детей жертв Великой войны. С начала войны по 1 сентября 1916 г. под покровительство Алексеевского комитета было принято 234 670 детей нижних чинов и 3 844 офицерских ребёнка[674]. Пособия Алексеевского комитета могли получать как законнорождённые, так и внебрачные дети солдата, а также его пасынки и падчерицы[675]. Новые финансовые обязательства Алексеевского комитета оплачивались по смете Департамента государственного казначейства, но уже в марте 1915 г. председатель Алексеевского комитета через Совет министров внёс в Государственную Думу законопроект о правилах обеспечения детей лиц, погибших во время войны, для установления регулярного финансирования этих расходов. Так как Дума долгое время не собиралась на сессии, законопроект был рассмотрен только год спустя и принят сразу в трёх чтениях 18 июня 1916 г.[676].

В годы Первой мировой войны Алексеевский комитет выплачивал пособия детям убитых нижних чинов в размере от 24 (сельская местность) до 42 (крупные города) рублей в год. Потерявшие отца дети имели право на эти пособия вне зависимости от своего имущественного положения. Алексеевский комитет самостоятельно через воинских начальников и земских начальников

---

[672] РГВИА Ф. 16323. Оп.1. Д.86. Лл. 1об., 19об. 14 марта 1916 г.
[673] Ежемесячник… 1915. №5. С.5. Сообщение Главного Штаба.
[674] Известия Верховного Совета... 1916. №14. С.80.
[675] Обзор деятельности Алексеевского Главного комитета за десятилетие 1905-1916 гг. Пг., 1915. С. 64.
[676] РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 484. Лл. 10об., 28.

собирал сведения обо всех погибших нижних чинах и их детях и назначал им пособия, не ожидая ходатайств[677]. Детям военных инвалидов пособия от Алексеевского комитета назначались на основе поступивших прошений особым персональным постановлением Комитета при наличии акта освидетельствования трудоспособности отца и нуждаемости детей[678]. Размер выплачиваемых пособий был невелик, но всё же служил подспорьем для принятия осиротевшего ребёнка в семью родственников, где он не считался бы «нахлебником».

Представители Алексеевского комитета были включены в состав Совета по призрению. Из средств Совета Алексеевскому комитету было перечислено 300 тыс. рублей на пособия по оплате обучения. Эта сумма была рассчитана на целевое покрытие расходов в течение 10 лет. Финансовая комиссия Совета по призрению указывала, что из расчёта 5% доходности это позволит направлять на обучение детей 15 тыс. рублей ежегодно. Однако в 1915 г. из этого ассигнования было освоено лишь 309 руб. на выдачу пособий и 1451 рубль – на доплату в учебных заведениях. Всего пособие из средств Совета по призрению получили 13 детей[679].

В годы войны на новый уровень вышла работа Романовского комитета, выделившегося в 1913 г. из состава ВУИМ. 18 июля 1891 г. императором было утверждено Положение о детских приютах Ведомства учреждений императрицы Марии, регламентировавшее их внутреннее устройство и управление приютами, состоявшими под эгидой ВУИМ. К 1913 г. по стране было устроено 76 таких приютов, в которых содержалось 1700 детей[680]. Отмечался явно недостаточный масштаб детского призрения, ограниченный, прежде всего, денежными средствами. Средства детских приютов на ¾ были

[677] ЦГАМ Ф.113. Оп. 1. Д.204. Л.169.
[678] Меры призрения детей нижних воинских чинов Алексеевским Главным Комитетом // Ежемесячник… 1916. № 7-8. С. 9-11.
[679] Журнал заседаний… №8 // Известия Верховного Совета... 1915. №6. С.99, 106.
[680] Сельские детские приюты Ведомства учреждений императрицы Марии. Издание Романовского комитета. Пг., 1915. С.2, 5, 8-14.

благотворительными; из казны приюты получали всего 3,2% своих бюджетов, около 15% давали земства[681].

Для развития этого направления, в честь 300-летия Дома Романовых, на основе Ведомства детских приютов ВУИМ был создан состоявший под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Романовский комитет для призрения сирот сельского состояния в возрасте от 2 до 17 лет. Председателем Романовского комитета стал крупный государственный деятель, статс-секретарь А.Н. Куломзин. С июля 1915 г. он занимал пост председателя Государственного Совета. Современники считали его человеком с либеральными взглядами эпохи Великих реформ[682]. А.Н. Куломзин уделял внимание вопросам образования, был автором одного из проектов введения всеобщего обучения. Сам Куломзин негативно оценивал личность Николая II[683], однако пользовался доверием и поддержкой императора[684].

Основной задачей Романовского комитета, согласно его Положению, была поддержка учреждений, оказывающих попечение о сиротах «*в коих содержание призреваемых соответствует сельскому быту*». Романовский комитет пользовался бюджетным финансированием. В отношении малолетних сирот в возрасте от 2 до 12 лет помощь Комитета состояла в субсидировании их содержания в сиротских домах и общежитиях при начальных школах. Попечение о детях 12-17 лет осуществлялось в виде пособий на их проживание в общежитиях при учебных заведениях. Кроме того, за Романовским комитетом закреплялась также разработка мероприятий, направленных к правильной постановке дела призрения сельских сирот на местах[685].

Отделения Романовского комитета должны были быть образованы в каждом уезде и состоять из уездного предводителя дворянства, председателя

---

[681] Сборник статистических сведений о заведениях закрытого призрения детей, в том числе сирот сельского состояния. Пг., 1916. С.9-10.
[682] Соловьев К.А. Анатолий Николаевич Куломзин и его "Воспоминания": вступительная статья // Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. - М. : РОССПЭН, 2016. С.14.
[683] Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания / Сост., вступ. ст., коммент. и примеч. К.А. Соловьёва. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 502.
[684] Экшут С.А. Исповедь бюрократа // Родина. 2018. №1. С.36-41.
[685] Положение о состоящем под высочайшим его императорского величества покровительством Романовском комитете. - Пг. : Гос. тип., 1915. 14 с.

уездной земской управы, трёх выборных от уездного земского собрания, попечителей приютов, почётных членов-благотворителей и представителей местных благотворительных обществ, участвующих в призрении сельских сирот и получающие пособия Романовского комитета. Председателями местных отделений и членами правления могли быть как мужчины, так и женщины.

С началом войны Романовский комитет вошёл в Совет министров с представлением о распространении своей компетенции на детей мобилизованных, справедливо отмечая, что уход отца на фронт сделал их фактически полусиротами[686]. А.Н. Куломзиным было представлено вниманию императора издание «К вопросу об организации земледельческих приютов для сельских сирот»[687], на котором Николай II поставил резолюцию: «*Создание целой сети подобных приютов вполне соответствовало бы пользам России, как страны преимущественно земледельческой. С Богом, за дело*». После этого Главное управление землеустройства и земледелия разработало Положение о земледельческих приютах, которое было рассмотрено в Романовском комитете и представлено Совету министров[688].

Земледельческие колонии и городские ремесленные приюты в России организовывались начиная с пореформенного времени. Они предназначались для воспитания и исправления несовершеннолетних преступников, бродяг и попрошаек. Деятельность колоний регламентировалась Правилами для исправительных приютов от 5 декабря 1866 г.[689]. Колонии устраивались на благотворительные средства и состояли в ведении Министерства внутренних дел и Министерства юстиции. В 1895 г. колонии были приняты под Высочайшее Его Императорского Величества покровительство и получили

---

[686] Известия Верховного Совета… 1914. №1. С.34-35.
[687] Ремнёв А.В. Анатолий Николаевич Куломзин // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 26-45.
[688] Особый журнал Совета министров № 104 от 2 Июня 1915 года Об утверждении Положения о земледельческих приютах для детей увечных и павших воинов [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/3209#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 21.08.2023).
[689] Земледельческие колонии и ремесленные приюты, как воспитательные заведения для несовершеннолетних преступников и бедных детей. СПб., 1870. [Электронный ресурс].- Режим доступа: https://mkdn.mos.ru/about/history/ (дата обращения: 21.08.2023).

государственную финансовую поддержку: они могли наделяться казёнными землями, тюремное ведомство перечисляло приюту сумму арестантского содержания[690]. По данным Главного Тюремного управления, в 1913 г. в России существовала 21 земледельческая колония[691]. Наиболее известными из них были петербургский приют в Изваре и московский Рукавишниковский приют.

7 июля 1915 г. было высочайше утверждено Положение о земледельческих приютах для детей увечных и павших воинов, а 10 октября того же года Совет министров предоставил Министерству земледелия и Романовскому комитету особые полномочия по поддержке земств, местных общественных учреждений и частных благотворителей в деле создания таких приютов. Совместно с Романовским комитетом Главное управление землеустройства и земледелия разработало законопроект о создании всероссийской сети земледельческих приютов для детей павших воинов[692].

Именной высочайший указ провозглашал земледельческие приюты основной формой призрения крестьянских сирот и возлагал обязанности по их открытию в первую очередь на уездные земства[693]. Земства, в свою очередь, указали, что без государственного финансирования устройства приютов, а также казённого субсидирования значительной части расходов по их содержанию, они не в состоянии приступить к решению данной задачи[694]. ГУЗиЗ предлагало земствам ссуды для устройства призрения детей воинов[695]. Также приюты могли учреждаться органами сословного самоуправления, монастырями, отделениями Романовского комитета, кооперативами и сельскохозяйственными обществами, благотворительными организациями и частными лицами.

---

[690]Это было ещё до Макаренко… [Электронный ресурс].- Режим доступа: https://ljwanderer.livejournal.com/36827.html (дата обращения: 21.08.2023).
[691] Люблинский Я. О призрении сирот воинов // Призрение и благотворительность в России. 1915. №8-10. С. 484-496.
[692] Журнал заседаний… №8 // Известия Верховного Совета... 1915. №6. С.154.
[693] Именной высочайший указ об учреждении земледельческих приютов для детей увечных и павших воинов и об утверждении Положения о сих приютах от 7 июля 1915 года // Общие основания организации земледельческих приютов для детей увечных и павших воинов. - Пг., 1916. С. 15-16.
[694] Журнал заседаний… №8 // Известия Верховного Совета... 1915. №6. С.95.
[695] Доклад А.Н. Куломзина по Романовскому комитету // Известия Верховного Совета... 1915. №6. С.140-142.

Первоначально пособиями Романовского комитета могли пользоваться лишь приюты, устроенные вне городов, условия содержания и воспитания в которых «*вполне соответствовало сельскому быту*». Пособия Министерства земледелия могли предоставляться на обучение питомцев рациональному ведению сельского хозяйства и ремёслам; для нужд приютов могли отводиться казённые земли.

Земледельческие приюты состояли в ведении Министерства земледелия по Департаменту земледелия. При министерстве был учреждён Совет по делам земледельческих приютов, в компетенцию которого входил надзор за постановкой специального образования в таких приютах, а также общее руководство и содействие устройству всероссийской сети земледельческих приютов, экспертиза поступивших с мест заявок на создание приютов и препровождение их на рассмотрение Романовского комитета. В состав Совета были включены представители Романовского комитета и Особой Комиссии Совета по призрению, представители Министерства финансов, Министерства внутренних дел, Военного и Морского ведомств, Министерства народного просвещения и Государственного контроля, а также предводители дворянства Петроградской губернии и Петроградского уезда, председатели Петроградской губернской и уездной земских управ.

Советом были выработаны рамочные положения организации земледельческого приюта. В его основе лежал принцип трудового воспитания и обучения в пределах курса начальных сельскохозяйственных школ или же в форме практических занятий. Министру земледелия было предоставлено право утверждать уставы и штаты организуемых земледельческих приютов. Совет при Министерстве земледелия был намерен разработать образцовые проекты приютов разного размера, примерные сметы по их оборудованию и программы обучения для них.

В приюты предполагалось принимать детей от самого младшего возраста до 17 лет. Проектировались как приюты интернатного типа, так и «искусственные семьи». Первоначальное воспитание младших детей должно

было содействовать их религиозному, нравственному, физическому и умственному совершенствованию. Идеализируя «искони земледельческую Россию», земледельческие приюты должны были воспитывать детей «*в духе веры, преданности царю и отечеству, любви к сельскому труду и уважения к собственности*». Предполагалось возможно шире задействовать труд воспитанников для снабжения приюта продовольственными продуктами и даже самоснабжение приюта материалами для изготовления одежды и обуви.

Денежные средства земледельческого приюта должны были складываться из взноса учредителей, благотворительных пожертвований, пособий местного самоуправления, пособий Романовского комитета и Министерства земледелия.

Управление земледельческим приютом возлагалось на заведующего, обладавшего педагогическим опытом и, по возможности, получившего сельскохозяйственное образование. Заведовать приютом могла и женщина. Комитет предпринимал усилия для кадрового обеспечения своих учреждений: в феврале 1917 г. были открыты трёхмесячные бесплатные курсы Романовского комитета для подготовки руководительниц земледельческих приютов[696]. Заведующий избирался попечительным советом приюта. В свою очередь, попечительный совет формировался учредителем приюта и утверждался министром земледелия[697]. На попечительный совет возлагалась также и забота о выпускниках приюта в первые годы их самостоятельной жизни. Членам приютских попечительств и почётным попечителям предоставлялись права государственной службы, присвоенные должностям попечителей при низших сельскохозяйственных училищах, кроме прав на пенсию и на производство в чины[698].

---

[696] Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. - Красноярск, 2003. - С. 67.
[697] Высочайше утверждённое 7 июля 1915 года Положение о земледельческих приютах для детей увечных и павших воинов // Общие основания организации земледельческих приютов для детей увечных и павших воинов. - Пг. : Гос. тип., 1916. - С. 17-21.
[698] Высочайше утверждённое 10 октября 1915 года Положение Совета министров о предоставлении некоторых полномочий Романовскому комитету и Министерству земледелия // Общие основания организации земледельческих приютов для детей увечных и павших воинов. - Пг., 1916. - С. 21-22.

Необходимо отметить, что в годы войны Романовский комитет делал лишь первые шаги в своей деятельности. Утверждение Положения о Романовском комитете произошло всего за несколько дней до объявления всеобщей мобилизации. С 1 июля по 1 ноября 1914 г. под эгидой Романовского комитета было учреждено 140 приютов и устроены дополнительные места в 266 приютах. Число призреваемых детей превысило 9 тысяч, на расходы по их призрению было отпущено около 2 млн. рублей[699]. Руководство комитета «*отдавало себе ясный отчёт, что всё, что в этом отношении сделано, далеко отстоит от вопиющей нужды, ежедневно проявляющейся со всё большей напряжённостью*»[700].

Высочайшим указом Правительствующему Сенату земства были призваны к заботам о создании земледельческих приютов. Эта тема обсуждалась на уездных земских собраниях, но отношение к новым возможностям земской работы было различным: так, в Орловской губернии Брянское, Кромское и Мценское уездные земские собрания приняли решение немедленно приступить к устройству приютов в 1915 г., отвести под них земельные участки и составить необходимые сметы. Земства Орловского и Малоархангельского уездов решили подробнее изучить вопрос; Карачевское – отложило его до конца войны, Дмитровское – отклонило за неимением средств. Елецкое земство приняло решение перепрофилировать под земледельческий приют колонию для малолетних преступников[701].

Председатель Свияжской земской управы Казанской губернии указал, что земство не имеет возможности непосредственно руководить приютским призрением детей, а потому намерено поддерживать начинания в этой области сельских крестьянских обществ. Таким образом возводился приют для сирот

---

[699] Журнал заседаний… №10 // Известия Верховного Совета... 1916. №9. С. 24.
[700] Доклад А.Н. Куломзина по Романовскому комитету // Известия Верховного Совета... 1915. №6. С.140-142.
[701] Доклады Орловской губернской земской управы 51-му очередному губернскому земскому собранию 1916 года. Книга 1. Орёл: Типография В.С. Зайцева, 1917. С.49.

Ширданской и Косяковской волостей, жители которых постановили отчислять на его нужды ежегодно по 5 коп. с души[702].

В Балахнинском уезде Нижегородской губернии уездная земская управа исходатайствовала пособие Романовского комитета на расширение детского приюта ВУИМ в селе Городец, получив почти 5 тыс. рублей на перестройку и ремонт здания и 2,5 тыс. руб. – на содержание вновь принятых детей в течение 1915 года, однако эти средства остались нетронутыми: опрошенные волостные правления указали, что нуждающихся в помещении в приют детей не имеется. Сам председатель управы не раз предлагал солдатским жёнам отдать детей в приют, но получал отказ. Та же картина наблюдалась и в Космодемьянском уезде Казанской губернии, Сызранском уезде Симбирской губернии. По мнению Н.К. Ди-Сеньи, этому способствовала выплата казённого пайка, но после её прекращения нужда в детском призрении обещала стать значительной[703].

В 1916 г. отделения Романовского комитета действовали в 294 уездах и отсутствовали – в 272 уездах[704]. К январю 1916 г. Романовским комитетом было учреждено 63 городских приюта (призревалось 4 402 питомца), в сельской местности — 380 (13 322 воспитанника). Из этого количества 227 приютов было вновь основано, деятельность 369 ранее существовавших – расширена при пособии Романовского комитета (данные на сентябрь 1916 г.)[705].

Первым вновь организованным приютом стало общежитие на 30 детей, устроенное Кинешемским уездным земством Костромской губернии при двухклассном народном училище. В общей сложности 72 новым сиротским учреждениям на 1 772 ребёнка было выдано от Романовского комитета 324 тыс.

---

[702] Ди-Сеньи Н.К. Отчет командированного председателем Романовского комитета помощника начальника Отделения Канцелярии Совета министров Н. К. Ди-Сеньи о результатах осмотра некоторых получающих пособия из средств Комитета сиротских приютов в губерниях - Астраханской, Казанской, Нижегородской, Самарской, Саратовской и Симбирской и в городах - Москве и Гельсингфорсе. - Пг., 1915. – С. 57-58.
[703] Ди-Сеньи Н.К. Отчет командированного председателем Романовского комитета помощника начальника Отделения Канцелярии Совета министров Н. К. Ди-Сеньи о результатах осмотра некоторых получающих пособия из средств Комитета сиротских приютов в губерниях - Астраханской, Казанской, Нижегородской, Самарской, Саратовской и Симбирской и в городах - Москве и Гельсингфорсе. - Пг. : Гос. тип., 1915. – С. 72.
[704] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.219. Л. 106. Замечания представителя Романовского комитета В.Г. Жуковского по докладу о детском призрении.
[705] Доклад А.Н. Куломзина по Романовскому комитету // Известия Верховного Совета... 1915. №6. С.140-142.

рублей на создание приютов и 93 тыс. рублей на их содержание[706]. Романовский комитет был вынужден поддержать ассигнованиями 56 приютов Ведомства учреждений императрицы Марии и 26 Ольгинских приютов, так как общественный порыв помощи воинам имел следствием отлив пожертвований от сиротских приютов; многим приютам грозило закрытие[707]. Около 60 тыс. рублей было передано Романовским комитетом в пользу монастырских приютов[708].

В том случае, если местные средства составляли менее трети необходимой для открытия и содержания приюта суммы, Романовский комитет не мог предоставлять таким приютам казённое финансирование. Только в 1914 г. Комитет был вынужден отклонить ходатайств на 230 тыс. руб., что составило 56% испрашиваемых пособий[709]. Необходимая для софинансирования сумма могла быть получена от Романовского комитета в ссуду. Так, по ходатайству Вольского уездного земства Саратовской губернии, на постройку нового здания сиротского приюта в селе Царёвщине было ассигновано 20 тыс. рублей, из них 11 тыс. составила беспроцентная ссуда[710].

Ввиду необходимости скорейшего создания сети приютов для сирот воинов, правление Романовского комитета удовлетворило ходатайства целого ряда учреждений за счёт ассигнований Совета по призрению[711]. В мае и июле 1915 г. в пользу Романовского комитета из сумм благотворительной лотереи было перечислено полмиллиона рублей. Первый транш в 300 тыс. руб. позволил обеспечить устройство и содержание 1 220 сирот воинов[712]. Также Романовский комитет дважды проводил всероссийские церковные кружечные

---

[706] Доклад А.Н. Куломзина по Романовскому комитету // Известия Верховного Совета... 1915. №6. С.140-142.
[707] Ди-Сеньи Н.К. Отчет командированного председателем Романовского комитета помощника начальника Отделения Канцелярии Совета министров Н. К. Ди-Сеньи о результатах осмотра некоторых получающих пособия из средств Комитета сиротских приютов в губерниях - Астраханской, Казанской, Нижегородской, Самарской, Саратовской и Симбирской и в городах - Москве и Гельсингфорсе. - Пг., 1915. – С. 64.
[708] Участие монастырей и обителей в детском призрении // Ежемесячник… 1916. №11-12. С. 37-41.
[709] Журнал заседаний… №8 // Известия Верховного Совета... 1915. №6. С.95
[710] Ди-Сеньи Н.К. Отчет командированного председателем Романовского комитета помощника начальника Отделения Канцелярии Совета министров Н. К. Ди-Сеньи о результатах осмотра некоторых получающих пособия из средств Комитета сиротских приютов в губерниях - Астраханской, Казанской, Нижегородской, Самарской, Саратовской и Симбирской и в городах - Москве и Гельсингфорсе. - Пг., 1915. – С. 34, 40.
[711] Журнал заседаний… №10 // Известия Верховного Совета... 1915. №9. №9. С. 24)
[712] Журнал заседаний… №8 // Известия Верховного Совета... 1915. №6. С.140-153.

сборы, в целом за 1915-1916 гг. Комитету удалось собрать 980 тысяч рублей пожертвований[713]. По сведениям И.П. Павловой, в 1915 г. Романовскому комитету был выделен 1 млн. рублей из государственной казны, и получение второго большого кредита предполагалось в 1916 году[714].

К 1916 году общая сумма пособий, отпущенная сельским приютам, превысила полтора миллиона, поддержка городских учреждений составила 441,5 тыс. рублей. При этом средства Романовского комитета составили лишь треть всех затрат; две трети было собрано местными организациями[715].

Ввиду трудности постройки, Комитет принял стратегию субсидирования покупки городских домов или небольших сельских имений. В 130 приютах имелись огороды, многие из которых полностью обеспечивали нужды самого приюта. Архиепископом Платоном близ Кишинёва была учреждена сельскохозяйственная колония на 500 детей. Тем временем преосвященный Платон был назначен экзархом Грузии и учредил в Тифлисе такую же колонию на 500 человек, где размещалось 200 детей. Жене профессора госпоже Кадлубовской было предоставлено ассигнование в 14,5 тыс. рублей на устройство приюта для воспитания садовниц из девочек-сирот в её имении Биюк-Ламбаде на Южном берегу Крыма, где она занималась выращиванием роз, успешно конкурируя с иностранными фирмами в снабжении срезанными цветами городов юга России. Госпоже Огарёвой было предоставлено 30 тысяч рублей на школу кружевниц в Ельце[716]. Нижегородское земство строило на пожертвованной земле сельскохозяйственную колонию на 80 детей; субсидия Романовского комитета составляла 40 тыс. рублей[717]. К сентябрю 1916 г. действовали такие крупные учреждения, как Пермский земледельческий

[713] Матвеева Н.Л. Из истории благотворительности в России. Романовский комитет в годы Первой мировой войны // Клио, 2005 №3 (30). С. 172.
[714] Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2003. С. 56.
[715] Деятельность Романовского комитета по оказанию помощи детям воинов // Призрение и благотворительность в России. 1916. №3. С.180-182.
[716] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.198. Л.230-232. Краткий всеподданейший очерк деятельности состоящего под высочайшим покровительством Романовского комитета за вторую треть 1916 года. 22 сентября 1916 г.
[717] Журнал заседаний… №8 // Известия Верховного Совета... 1915. №6. С.140-153.

приют общества пособия бедным, в котором находилось 100 детей; две колонии в Пензенской губернии на 230 детей каждая[718].

На каждого подопечного детские учреждения могли получить от Романовского комитета 60 рублей в год. В 1915 г. была образована Комиссия по установлению минимальных норм призрения, занятая разработкой стандартов услуг в учреждениях, получавших финансирование от Романовского комитета. Эта норма была установлена в 150 рублей в год на одного призреваемого. Сложилась практика отказа в пособии тем учреждениям, в которых эта норма была значительно превышена[719]. Романовский комитет произвёл перепись всех учреждений в России, занятых попечением о детях, подготовив справочное издание с этими сведениями. Делопроизводители канцелярии комитета были командированы для проведения инспекций хода строительства и содержания приютов. Сохранились сведения об осмотре летом 1915 г. 14 приютов в разных губерниях, получавших пособие от Романовского комитета[720]. Проверяющий отметил приемлемые бытовые условия проживания воспитанников, но указал на слабую постановку ремесленного обучения. Во многих приютах на время летних каникул практиковалась отдача девочек в домашнюю прислугу, мальчикам же приходилось проводить время праздно. Примечательно, что часть воспитанников на время летних каникул уезжала из приюта к родственникам.

Также Романовский комитет совместно с Центральным статистическим комитетом МВД впервые в России подготовил проведение переписи численности и положения беспризорных до 12 лет[721]. В марте 1916 г. по поручению Романовского комитета Центральный статистический комитет

---

[718] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.198. Л.230-232. Краткий всеподданейший очерк деятельности состоящего под высочайшим покровительством Романовского комитета за вторую треть 1916 года. 22 сентября 1916 г.
[719] Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2003. С. 58.
[720] Ди-Сеньи Н.К. Отчет командированного председателем Романовского комитета помощника начальника Отделения Канцелярии Совета министров Н. К. Ди-Сеньи о результатах осмотра некоторых получающих пособия из средств Комитета сиротских приютов в губерниях - Астраханской, Казанской, Нижегородской, Самарской, Саратовской и Симбирской и в городах - Москве и Гельсингфорсе. - Пг., 1915. - 108 с.
[721] Призрение и благотворительность в России. 1916. №3. С.119-129.

начал обследование сирот, полусирот и беспризорных детей. Был собран материал по 225 уездам, результаты предполагалось опубликовать к январю 1917 года[722]. Проведение переписи обошлось в 50 000 рублей, однако её результаты так и не были обобщены и обнародованы, и мы не можем узнать точного числа детей, оставшихся без попечения родителей в годы Великой войны. О масштабе сиротской проблемы в предреволюционный период можно судить по фрагментарным и косвенным данным.

Расчёты, проведённые в 1914 г. Орской уездной управой Оренбургской губернии, показали приблизительно 100 сирот на уезд[723]. По распоряжению Ставропольского губернатора осенью 1915 г. собирались сведения о числе сирот и их положении. Оказалось, что всего осиротели до полутора тысяч детей, из них две сотни нуждались в немедленном помещении в приюты[724].

Обследование Пензенского отделения Попечительства о трудовой помощи установило, что к апрелю 1915 г. в Пензенской губернии детей воинов, не имевших матери, насчитывалось 811, из них остро нуждались в призрении 300 детей. На основе экстраполяции этих данных Совет по призрению определил число солдатских сирот во всей империи в 28 тысяч человек[725]. В то же время в журнале «Призрение и благотворительность в России» приводились данные о том, что на январь 1915 г. в той же Пензенской губернии казённый паёк получало всего 103 620 детей; сирот без матери среди них было 393 человека[726]. Таким образом, расхождение в данных на один и тот же период составляет свыше 50%, но всё же позволяет сделать вывод о том, что к началу 1915 г. количество сирот в каждой губернии исчислялось сотнями, из них более половины находились под опекой своих родных. Возможно, расхождение в цифрах объясняется неопределённостью статуса солдатского сироты: он

[722] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.219. Л.189.
[723] Васильева М.А. Социальная помощь сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, в годы Первой мировой войны в Оренбургской губернии // Russian Journal of Education and Psychology. 2015. №2 (46). С.474.
[724] Ежемесячник… 1916. №9-10. С.35, 40.
Ежемесячник…№11-12. С.29, 34-37.
[725] Журнал заседаний… №8 // Известия Верховного Совета... 1915. №6. С.145.
[726] Призрение и благотворительность в России. 1915. №5. С. 351, 368.

однозначно не имел матери, но его отец мог быть жив и находиться на фронте. Такой ребёнок фактически не имел родительской опеки и нуждался в заботе. Этой точки зрения придерживались, например, в Вятке, поместив в Дом инвалидов и сирот Великой войны 44 ребёнка «*призванных, но не убитых*»[727].

Такой порядок цифр подтверждается сообщениями из Тамбовского уезда о 383 проживающих там сиротах в июне 1916 г.[728], о 300 нуждающихся в помещении в приют детях в Орловской губернии в марте 1916 г. и о 646 сиротах из Донской области в мае 1916 г.[729]. В Москве Елизаветинский комитет к 1 июня 1916 г. имел 8 детских приютов на 1 тысячу мест и предполагал открыть ещё 14 приютов, доведя число питомцев до полутора тысяч. С основания Елизаветинского комитета по 11 августа 1915 г. было определено в приюты 883 человека[730]. По всей России в приютах, состоящих под покровительством Елизаветинского комитета, размещалось 15 тысяч детей[731].

Принимая во внимание, что Пензенская губерния была густонаселённой земледельческой губернией с одним из самых высоких в России показателей рождаемости, и, соответственно, высокой долей детей среди населения, а также неизбежное увеличение числа солдатских сирот в результате боевых действий 1915-1916 годов, число нуждавшихся в призрении детей-сирот в губерниях Европейской России можно оценить приблизительно в 30-50 тысяч человек. Для сравнения, число беспризорников в 1920-е годы оценивается в 4-6 миллионов человек[732], то есть в сто раз больше.

К 1 ноября 1916 г. Романовский комитет оказывал помощь 465 учреждениям, в которых находилось 27 424 ребёнка, а к весне 1917 г. — 777 приютам. Н.Л. Матвеева приводит данные о том, что во вновь открытых

---

[727] Ежемесячник… 1916. №6. С.19.
[728] Ежемесячник… 1916. №11-12. С.29.
[729] Ежемесячник… 1916. №9-10. С.35, 40.
[730] Ежемесячник… 1916. №11-12. С.56.
Ежемесячник… 1916. №13. С.20.
ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.204. Л.118-119.
[731] Деятельность Комитета Великой княгини по призрению детей лиц, призванных на войну // Ежемесячник… 1916. №9-10. С.30-44.
[732] Рожков А. Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 134.

приютах Романовского комитета содержалось около 20 тысяч детей, а в тех, где на средства Комитета были устроены дополнительные места – 24 тысячи, т.е. под эгидой Романовского комитета призревалось до 45 тысяч детей[733].

Таким образом, несмотря на признаваемую современниками острую нужду в детском призрении, отсутствие централизации, регламентации и надёжного финансирования, в годы Первой мировой войны общественное призрение могла получить большая часть нуждавшихся в нём детей.

Модернизация социальных отношений привела накануне войны к появлению специализированных учреждений, заботившихся о детях младших возрастов. Детские ясли рассматривались как средство борьбы с младенческой смертностью детей работающих матерей и как форма ранней социализации детей[734]. Акторами распространения такой формы попечения о детях выступало как ВУИМ, так и органы местного самоуправления. Утверждённое в 1891 г. «Положение о детских приютах Ведомства учреждений императрицы Марии» предусматривало устройство яслей в составе приютов[735], а циркуляр ВУИМ председателям губернских и областных попечительств от 1899 г. рекомендовал устраивать ясли также и в сельской местности[736]. В городах ясли устраивались фабрикантами и благотворительными организациями, на селе – частными благотворителями и местным самоуправлением[737].

Земства ставили на первое место санитарно-гигиеническое значение яслей, инициаторами их появления чаще всего становились медицинские работники. Так, в Воронежской губернии во время голодных 1901-1902 гг. земством было открыто 97 яслей[738]. Сельские ясли пропагандировал

---

[733] Матвеева Н.Л. Из истории благотворительности в России. Романовский комитет в годы Первой мировой войны // Клио, 2005 №3 (30). С. 176.
[734] Кароли, Дорена Распространение европейской образовательной модели детских яслей (crèches) в России // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 3. С. 143.
[735] Высочайше утвержденное 18 июля 1891 года Положение о детских приютах Ведомства учреждений императрицы Марии и высочайше утвержденные 28 октября 1896 г. Основные начала для деятельности Комитета Главного попечительства детских приютов.- Санкт-Петербург : Тип. В. Киршбаума, 1900. - 36 с.
[736] Гаврюшин С.И. Организационное устройство и деятельность Ведомства учреждений императрицы Марии (1797-1917 гг.) : автореферат дисс. ... кандидата исторических наук. - Москва, 2002. - 22 с.
[737] Колганова Е.В. Общественная полемика об организации яслей в России в конце XIX — начале XX в // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2012. №6. С. 60-73.
[738] Савенкова М.М., Перепелицын А.В. История создания летних яслей-приютов в Воронежской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Известия ВГПУ, №2(287), 2020. С. 107.

известный общественный деятель А.И. Шингарёв, издавший на основе воронежского опыта пособие по их организации[739].

Улучшением положения новорождённых занималось Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества. Оно было учреждено именным высочайшим указом Правительствующему Сенату 31 мая 1913 г. и состояло под эгидой императрицы Александры Фёдоровны. Инициатором появления общероссийской организации был доктор К.А. Раухфус, лейб-педиатр и лечащий врач царских детей. «*Борьба с детской смертностью и охрана материнства и младенчества признаются делом высокого государственного значения*», – писал он[740]. Император передал вновь созданному Попечительству превышавший 1 млн рублей капитал, пожертвованный коммерческими банками в ознаменование 300-летия дома Романовых[741]. Целью Попечительства было создание условий для охраны здоровья женщин во время беременности и родов и здоровья новорождённых, что должно было способствовать снижению детской смертности и «*нарастанию здорового населения России*»[742].

В годы Первой мировой войны деятельность Попечительства была сосредоточена на организации приютов-яслей. Врачебно-технической комиссией были выработаны правила по устройству сельских яслей с особым вниманием к детям грудного возраста. Было решено продолжить устройство сети сельских консультаций для матерей-крестьянок. На краткосрочных курсах прошли подготовку 47 сестёр-заведующих яслями с медицинским образованием. На эту программу Совет по призрению отпустил Попечительству полмиллиона рублей. Летом 1915 г. было открыто 417 яслей,

---

[739] Шингарёв А.И. Ясли-приюты для детей в деревнях во время летней рабочей поры [3-е изд.]. – М., 1903. - 32 с.

[740] Раухфус К.А. Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества. - СПб,. 1914. - 16 с.

[741] Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXXIII, 1913. Отделение I. Пг., 1916. № 39. Стб. 446.
Микиртичан Г.Л. Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества: преемственность идей. (к 100-летию со дня основания) // Педиатр. 2013. №3. С.130-137.

[742] Положение о Всероссийском попечительстве об охране материнства и младенчества // Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества. - Санкт-Петербург, 1914. С. 3.

которые посетило 17 338 детей[743]. Для ведения отчётности яслей, работавших летом 1916 г., были разработаны стандартные бланки. Были изданы «Практические указания для устройства яслей» З.И. Клибанской[744].

К 1917 г. Попечительством было устроено 29 постоянных приютов и дневных приютов-яслей, где призревались 800-900 детей, в пятистах летних сельских яслях содержалось свыше 35 000 детей[745]. Недостаток медицинского персонала служил серьёзным препятствием для устройства яслей для детей младшего возраста, особенно на селе[746], однако летом 1915 г. в яслях Пермской губернии более четверти посетителей были младше одного года[747]. По словам санитарного врача Р.А. Егоровской, заболеваемость и смертность в яслях была существенно ниже обыкновенной[748].

После смерти К.А. Раухфуса в 1915 г. Попечительство возглавил управляющий делами Совета по призрению – сенатор Г.Г. Витте. Получила распространение практика коллективного членства органов местного самоуправления: в 1916 г. членами Попечительства состояли 10 губернских земских управ, 69 уездных земских управ и 41 городская управа.

В годы войны Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества делало свои первые шаги, однако участие в решении военных задач существенно увеличило размах его деятельности. Так, в 1914 г. приход Попечительства составил 143,5 тыс. руб., из которых 75 тыс. руб. были перечислены из казны, а в 1915 г. поступления достигли без малого 600 тыс. рублей. Из этой суммы казённые ассигнования составляли 300 тыс. рублей, также Всероссийское попечительство получило некоторые средства от

---

[743] Призрение и благотворительность в России. 1916. № 3-4. С. 169.
[744] Краткий отчет о деятельности Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества за 1916 г. Пг., 1917. 110 с.
[745] Микиртичан Г.Л. К 100-летию со дня основания Всероссийского Попечительства об охране материнства и младенчества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2014. №1. С.267, 271.
[746] Призрение и благотворительность в России. 1915. №5. С. 343.
[747] Голикова С.В. «Социалка», взращенная войной: распространение детских яслей на Урале в Первую мировую // Уральский исторический вестник 2014 №1 (42) С. 69-73.
[748] Егоровская Р.А. Ясли-приюты в Пермской губернии в лето 1916 года. Пермь, 1916. С.10, 14-15.

Татьянинского и Петроградского Ольгинского комитетов[749]. В свою очередь, Попечительство оказывало финансовую поддержку открываемым в провинции яслям.

К 1 января 1917 г. было создано 132 местных комитета Попечительства[750]. Они сотрудничали с губернскими отделениями Елизаветинского комитета, земствами и благотворительными организациями. В Витебске местное отделение присоединилось к Обществу трудовой помощи, ассигновав на ясли для 20 детей 190 руб.[751]. В Костромской губернии призрением детей занималось Общество помощи семьям воинов, в 1915 г. им было открыто 12 яслей, в 1916 г. – 20[752]. В Чистопольском, Спасском, Лаишевском, Тетюшском и Мамадышском уездах Казанской губернии ясли устраивались Попечительством о трудовой помощи; в прочих местностях дети отдавались на воспитание достойным односельчанам и соседям[753].

Вологодская уездная комиссия Елизаветинского комитета в 1915 г. оценивала потребность в ясельном призрении в 2800 мест при общем количестве детей призванных в уезде 6530 человек. Первоначально ясли в Вологодской губернии не пользовались популярностью среди крестьянок, и большинство волостей отказывалось от их открытия, ходатайствуя о назначении пособий для найма нянек. Позже, познакомившись с опытом работы яслей, волостные комиссии обращались с просьбой об устройстве яслей. Уездная комиссия помогала таким инициативам денежными средствами, передав в пользу яслей 3 тыс. рублей – почти все имевшиеся в её распоряжении средства – и ходатайствовала об ассигновании недостающих 2800 руб.[754]. Уездное земство предоставляло лошадей для подвоза детей в ясли

---

[749] Керзум А.П. Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества // Историко-культурный интернет-портал "Энциклопедия Санкт-Петербурга" [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://encspb.ru/object/2855740319?lc=ru (дата обращения: 21.08.2023).
[750] Краткий обзор деятельности Совета Попечительства до 1917 г. // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 1. С.4.
[751] Деятельность Комитета Великой княгини по призрению детей лиц, призванных на войну // Ежемесячник… 1916. №9-10. С.30-44.
[752] Ежемесячник… 1916. №11-12. С.27-28.
[753] Посещение Елизаветой Фёдоровной Казанского отделения Комитета 29 сентября 1915 года // Ежемесячник… 1915. №3. С. 16-20.
[754] Ежемесячник…1915. №1. С.18-19.

и позволяло пользоваться услугами земского медицинского персонала для наблюдения за детьми[755].

В Поречском уезде Смоленской губернии опыт устройства яслей оказался неудачным, так как более половины населения уезда проживало на хуторах, и ясли были недоступны для матерей-хуторянок. При населении уезда 150 тыс. человек в призрении детей нуждались 600 семей. Ясли было решено заменить пособиями на найм нянек, для чего выдавалось по 2 рубля в месяц на семью. На эти цели Елизаветинский комитет выделил 4 тыс. рублей субсидии[756].

Кроме яслей, Елизаветинский комитет принимал под своё покровительство детские приюты. Минское губернское земство ассигновало на постройку детского приюта в Минске 50 тыс. руб.; городская дума Минска выделила ещё 10 тыс. рублей. Минское отделение Елизаветинского комитета единовременно ассигновало на нужды детского призрения 5 тыс. рублей, около 24 тыс. рублей составляли частные пожертвования. Благодаря этому постоянным призрением могли пользоваться 683 сироты[757]. Архангельское отделение содержало в приюте 20 детей. Костромское отделение субсидировало приют на 25 мест, открытый Обществом помощи детям. В Воронежской губернии действовали 4 приюта всего на 100 мест, что было явно недостаточно для плотно населённой земледельческой губернии[758].

Возникла идея привлечь православные монастыри к заботе о сиротах. Елизаветинский комитет издал циркуляр от 7 августа 1915 г., предписывавший местным отделениям выяснить готовность обителей принять сирот и размер необходимых для этого средств. Всего Елизаветинский комитет собрал к ноябрю 1916 г. сведения по губерниям Европейской России о возможности

---

[755] Ежемесячник… 1915. №3. С. 61-62.
[756] Приюты и ясли // Ежемесячник… 1916. №11-12. С. 29.
[757] ЦГАМ Ф.113. Оп. 1. Д.219. Л.118.
Ежемесячник… 1916. №9-10. С. 35.
[758] Деятельность Комитета Великой княгини по призрению детей лиц, призванных на войну // Ежемесячник… 1916. №9-10. С. 30-44.

устройства при монастырях до двух тысяч детей-сирот[759]. В большинстве своём монастыри были готовы принять сирот безвозмездно; некоторые рассчитывали на эпизодическую помощь отделений Елизаветинского комитета. Субсидии монастырям на организацию детского призрения превысили 100 тыс. рублей[760].

В городах дети мобилизованных могли получить более разнообразную помощь. Распространено было их обеспечение бесплатным питанием. В Казани работали шесть детских столовых, в том числе Общества борьбы с детской смертностью и семейно-педагогического кружка; каждую ежедневно посещали 50-100 детей[761]. В Одессе меры призрения в виде помещения в приюты, ясли и лечебницы получили 5 610 детей[762].

Согласно постановлению Совета по призрению, утверждённому императрицей, дети призванных бесплатно обучались во всех сельскохозяйственных школах[763]. Воронежское губернское отделение исходатайствовало у руководителей учебных заведений освобождение от платы за обучение детей призванных; в тех заведениях, где это оказалось невозможным, плата была внесена Воронежским Дамским комитетом Красного Креста в размере 2110 руб.[764].

Опыт военных лет показывал необходимость создания единообразной низовой общественной структуры детского призрения. Систематическая постановка заботы о детях стала предметом обсуждения Совещания по призрению детей в связи с войной, проходившего 17-20 марта 1916 г. в Москве. Инициаторами этого совещания стали, с одной стороны, Объединённый отдел по устройству беженцев при Всероссийских Земском и Городском союзах, с другой — представители Петроградского общества правовой охраны

---

[759] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.219. Л.136. Краткий обзор деятельности Елизаветинского Комитета с начала войны по настоящее время.
[760] Участие монастырей и обителей в детском призрении // Ежемесячник… 1916. №11-12.37-41.
[761] Посещение Елизаветой Фёдоровной Казанского отделения Комитета. 29 сентября 1915 года // Ежемесячник… 1915. №3. С. 16-20.
[762] Одесское отделение // Ежемесячник… 1915. №4. С. 25-29.
[763] Журнал заседаний… №8 // Известия Верховного Совета… 1916. №6. С.153.
[764] Ежемесячник… 1915. №1. С. 66.

малолетних. Целью совещания была «*выработка практических и правовых мер для обеспечения физического и нравственного здоровья детей в условиях войны*». В Москву прибыли до 300 делегатов со всей России: представители судов для малолетних, благотворительных и национальных организаций, земские и городские деятели, педагоги, врачи и юристы, интересующиеся вопросами призрения, обучения и правовой охраны детей[765]. Открытию Совещания непосредственно предшествовали съезды Земского Союза и Союза Городов. На них также обсуждалась детская тема и было признано, что дети-сироты жертв войны подлежат попечению со стороны государства безотносительно их нуждаемости. Было предложено внести в Государственную Думу законопроект о попечении над беспризорными детьми.

Работа Совещания по детскому призрению проходила под сильным влиянием Союзов. Им была отведена важная роль в реализации политики защиты детства: Земскому и Городскому союзам предлагалось создать особый совместный орган, объединяющий деятельность в этом направлении всех благотворительных организаций при сохранении их самостоятельности. Само же попечение о детях виделось участникам Съезда безусловной обязанностью государства и должно было осуществляться на средства казначейства, тогда как непосредственную организацию попечения предполагалось возложить на органы местного самоуправления. На местах систему органов, осуществлявших призрение сирот, должны были составить земские уездные участковые попечительства о бедных, инспектора по призрению при управах, волостные комиссии и попечительства. При этом планомерное проведение земствами и городами мероприятий по призрению детей связывалось с немедленным реформированием органов местного самоуправления на основе их демократизации и введения мелкой земской единицы[766].

---

[765] Люблинский П.И. Совещание по вопросам призрения детей в связи с войной // Трудовая помощь. 1916. №4. С. 311-334.

[766] Гогель С.К. К чему пришли на Съезде в Москве по вопросам призрения детей в связи с войной // Призрение и благотворительность в России. 1916. №3. С.119-129.

Обобщая высказанные на Совещании мнения, С.К. Гогель подготовил и разместил в журнале «Призрение и благотворительность в России», на страницах которого он активно пропагандировал свои взгляды, собственный проект закона о государственном призрении детей[767]. В «объяснительной записке» к своему проекту С.К. Гогель отмечал, что правительство, земства и города, полуправительственные благотворительные комитеты и частная благотворительность развернули различные меры помощи детям, пострадавшим от войны – однако эта помощь лишена системы и организации, и оставляет желать лучшего не только по своему масштабу, но также и по целесообразности и качеству реализуемых мер. По мнению С.К. Гогеля, эти недостатки могли быть преодолены созданием специализированного государственного органа, ответственного за благополучие детей. К подлежащим призрению категориям он причисляет неимущих детей убитых и потерявших трудоспособность воинов, а равно детей мирных граждан, убитых или сделавшихся нетрудоспособными вследствие военных действий, беспризорных детей и детей-беженцев.

С.К. Гогель особо подчёркивал, что возложение заботы о детях на частную благотворительность совершенно невозможно по причине её крайне слабого развития: благотворительные детские учреждения малочисленны и существуют только в городах. Настаивая на необходимости оперативного решения «детского вопроса», С.К. Гогель предлагал опираться на действующие организации, имея в виду органы местного самоуправления. В их рамках он предлагал создать органы детского призрения на волостном уровне (участковые попечительства, волостные комиссии) и передать руководство организацией системы детского призрения объединённому отделу Земского и Городского союзов. Объединённому отделу предлагалось определять общероссийскую смету детского призрения и издавать правила по его постановке. Руководство и надзор за постановкой дела предлагалось

[767] Гогель С.К. Проект закона о государственном призрении детей // Призрение и благотворительность в России. 1916. №5. С. 363-384.

закрепить за уполномоченным по призрению детей, должность которого вводилась бы при управе и замещалась избранием на земском съезде или заседании городской думы. Привлечение частной благотворительности к детскому призрению проектировалось через создание при управах советов с участием представителей благотворительных организаций.

Централизация детского призрения рассматривалась также на съезде представителей Елизаветинского комитета в ноябре 1916 г. Предполагалось определить органы, на которые должно быть возложено призрение сирот, их взаимоотношения с другими структурами и местными отделениями Елизаветинского комитета; виды призрения сирот и источники средств на их осуществление[768]. С докладом о видах детского призрения выступил С.В. Бахрушин. Наиболее перспективной формой он считал мастерские профессионального обучения как для воспитанников приютов, так и для приходящих детей. Такие мастерские финансировались бы Елизаветинским комитетом, будучи в организационном отношении переданы местному самоуправлению[769]. Обзор постановки детского призрения в России в годы войны представил Н.С. Соколов. Он отметил, что общественное и частное призрение в этой области страдает отсутствием системы в деле призрения, отсутствует учёт лиц, которые нуждаются в помощи. Несмотря на интенсивные усилия, в этой области наблюдалась недостаточность мероприятий в сравнении с числом нуждающихся. Одна из причин этого – отсутствие законодательных норм в отношении создания на местах органов, руководящих благотворительностью[770]. Н.С. Соколов и Г.Г. Витте полагали, что роль такого руководящего детским призрением органа может принять на себя Елизаветинский комитет и его местные отделения, в структуре которых возможно создать отделы детского призрения, включающие в свой состав представителей всех крупных организаций, занятых призрением детей

[768] Ежемесячник… 1916. №9-10. С. 10.
[769] ЦГАМ Ф.113 Оп.1. Д.219. Л.118
[770] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.219. Л.9 Положения доклада Н.С. Соколова «Призрение детей воинов в настоящую войну».

(Попечительство об охране материнства и младенчества, Алексеевский и Романовский комитет)[771].

Первая мировая война придала дополнительный импульс общественным усилиям в сфере защиты детства, которые активно стремились к институциализации. Получила преобладание точка зрения, что забота о детях в трудной жизненной ситуации – обязанность общества и государства. Основными видами помощи детям в годы войны были: призрение, воспитание и обучение детей; денежная, вещевая и продовольственная помощь; медицинская и социальная помощь; предоставление жилища; розыск детей; юридическая помощь и др. Возникают или получают повсеместное распространение новые формы призрения детей – ясли и земледельческие приюты. На очереди стоял вопрос об организации для сирот-жертв войны государственного призрения. Первыми значительными шагами в этом направлении стало решение о создании сети земледельческих приютов. На новый уровень вышла востребованность яслей. Теперь в них выделяли социально-экономические функции содействия занятости женщин и компенсации дефицита рабочих рук на селе. Усложнились и расширились механизмы финансирования яслей. Елизаветинский комитет становится централизующим элементом системы детского призрения, будучи в той или иной форме связанным с большинством инициатив заботы о детях-жертвах войны. Намечались перспективы сохранения и развития этой государственно-общественной системы и по окончанию войны.

4.3 Институциализация социальной помощи инвалидам войны

Солдаты, потерявшие на войне трудоспособность, сформировали социальную группу, которая не могла довольствоваться благотворительной помощью и ожидала систематической поддержки со стороны государства.

[771] ЦГАМ Ф.113. Оп.1. Д.219. Л.108 Г.Г. Витте по докладу Н.С. Соколова о детском призрении.

Сборник «Россия в мировой войне в цифрах» приводит данные о 4 269,5 тыс. больных и раненых (т.н. санитарные потери), из которых 348,5 тыс. стали инвалидами[772]. Эти данные опираются на материалы Главного штаба. По данным Военно-санитарной службы, среди эвакуированных с фронта раненые составляли 2,85 млн чел., больные – 2,3 млн чел. (при получении итоговой суммы следует принять во внимание возможность повторных ранений). Кроме того, необходимо учесть, что в тыл эвакуировались по преимуществу раненые и больные, требовавшие продолжительного лечения и дававшие львиную долю инвалидизации. Легкораненые проходили лечение в прифронтовых госпиталях.

Изучение регистрационных карточек на 103 194 раненых и 70 755 больных, прошедших лечение в санитарных учреждениях Петроградского городского комитета Всероссийского Союза Городов, показало, что было уволено с военной службы по состоянию здоровья: раненых — 25,2%, а больных — 14,9%[773]. При этом следует иметь в виду, что в Петроград эвакуировались раненые и больные, требовавшие сложного лечения; среди такого контингента процент инвалидности должен был быть повышенным по сравнению со средними значениями.

Особенности организации лечения раненых приводили к тому, что практически каждый третий эвакуированный в тыл покидал госпиталь негодным к военной службе с частичной или полной утратой трудоспособности[774]. По данным обследования московских госпиталей и статистики по Калужской и Костромской губерниям, из госпиталей выписывалось 2,6% пациентов с полной утратой трудоспособности и 51,8% – с частичной утратой, из которых 37,1% подавали надежду на полное выздоровление при прохождении медицинской реабилитации[775].

---

[772] Россия в мировой войне 1914-1918 года: (в цифрах). - М., 1925. - С.4.
[773] Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Париж, 1939. [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://militera.lib.ru/research/golovnin_nn/02.html (дата обращения: 20.08.2023).
[774] Чиж И.М., Карпенко И.В. Военная медицина в русской армии в годы Первой мировой войны // История медицины. 2017. №2. Т.4. С. 222.
[775] РГВИА Ф.12564. Оп.1. Д.859. Л.10-11.

Ценность представляют данные профессора В.Н. Саввина, разработанные в январе 1916 г. на основе материалов о болезнях и ранениях 85 тыс. человек, прошедших через Пресненский эвакуационный пункт Москвы. Больные составляли 26,5% эвакуированных с фронта, раненые и контуженые –73,5%. Контузии составляли 2,2%, из них 56% были тяжёлыми. Среди ранений абсолютно преобладали ранения конечностей, составлявшие 86,7%. На ранения головы приходилось 2,3%, раны корпуса составляли 3,4%. При этом 55,7% черепных ранений были тяжёлыми, а 60% ранений груди – проникающими.

Пулевые и осколочные ранения конечностей были характерным признаком механизированной войны, каковой являлась Первая мировая. Ранения руки составляли 51% (из которых 30,5% тяжёлые, преимущественно с повреждением кости); ранения ноги – 35,7% (из которых 47% ранений – тяжёлые, 30% – с повреждением кости). 13% приходилось на ранения пальцев. Было произведено 95 ампутаций рук и 231 ампутация ног[776]. К сентябрю 1915 г. общее число раненых с ампутированными конечностями достигло 25 тыс. человек[777].

Л.И. Сазонов в своей статье «Потери России в войну 1914–1918 гг.» утверждает на основании данных Главного военно-санитарного инспектора, что число уволенных от службы за ранами, контузиями и болезнями должно измеряться в круглых цифрах в 700 тыс. человек[778]. При этом в октябре 1915 г. для всех дальнейших расчётов Особой Комиссии была принята цифра нуждающихся в призрении увечных в 100 тысяч человек, полученная на основании данных Союзов о ежемесячном выбытия из армии 180 тыс. человек и доли среди них инвалидов 1,5-1,6% по опыту предыдущих войн и

[776] РГВИА Ф.12564. Оп.1. Д.986. С.28-29.
[777] Меркулов А.Н. К вопросу об оказании помощи увечным воинам // Известия Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам (далее – Известия ВСГ). 1916. Т.23. С.84.
[778] Сазонов Л.И. Потери России в войну 1914–1918 гг. // Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914-1920 гг. / Под ред. М. М. Гран, П. И. Куркина и П. А. Кувшинникова. – М.: Гос. изд-во, 1923. С. 153-179.

продолжительности войны 26-36 месяцев (то есть – максимум до июля 1917 года)[779].

Нормы, которые на законодательном уровне регламентировали социальное обеспечение военнослужащих, получивших заболевания и увечья во время прохождения службы, были закреплены в законе «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» от 25 июня 1912 г. Получение пенсии из казны ставилось в зависимость от степени утраты трудоспособности и от потребности в постороннем уходе[780]. Вместе с тем, размер пенсии далеко не соответствовал реальным нуждам пострадавшего. Уволенным из рядов армии назначалась воинская пенсия от казны по пяти разрядам – в зависимости от степени утраты трудоспособности, определяемой врачебной комиссией. Размер пенсии для нижних чинов составлял от 30 до 216 рублей в год, унтер-офицеры и солдаты сверхсрочной службы могли получить чуть больше. Дополнительная пенсия полагалась за георгиевский крест (от 120 до 36 рублей в год, в зависимости от степени награды). Единовременное пособие выплачивалось при потере зрения, а Российское общество Красного Креста могло выдать пособие на лечение минеральными водами или кумысом. Регулярное пособие инвалидам войны могло быть назначено от Скобелевского и Александровского комитетов. Так, совершенно утративший трудоспособность и нуждавшийся в постороннем уходе солдат мог получить 36 рублей в год от Скобелевского комитета, если он был холост, и 60 рублей – если имел семью. Пенсия увечного в среднем была в два раза меньше казённого пайка солдатской семьи[781]. Для сравнения, оклад заведующей бюро регистрации увечных воинов Земского Союза был определён в 150 рублей в месяц[782].

Понятие инвалидности эволюционировало в продолжение Первой мировой войны. Первоначально под военными инвалидами понимали тех, чьё

---

[779] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.63. Л.81об.
[780] Торопкин С.А. О праве на пенсию участников Первой мировой войны // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. №9-2. С.93-99.
[781] Журнал заседаний… №7 // Известия Совета по призрению. 1915. № 6. С. 16, 21, 23, 24.
[782] РГВИА Ф.12564. Оп.1. Д.430. Л.27.

страдание сразу бросалось в глаза – калек, главным образом потерявших конечности. Именно их чаще всего изображали на открытках и плакатах, призывавших обывателей к благотворительности. Не случайно принятым в официальных документах синонимом современного термина «инвалид» было понятие «увечный воин» – получивший увечье, т.е. травматическое повреждение. По мере того, как война продолжалась и множились её жертвы, расширялась и становилась более гибкой категория военных инвалидов. От медицинских оснований она эволюционировала к экономическим. Военным инвалидом стал считаться всякий, уволенный из армии по состоянию здоровья, чья трудоспособность была снижена (подразумевалось, что это произошло в результате участия в боевых действиях).

Задачи помощи военным инвалидам понимались как моральный долг общества в целом перед определённой группой его членов. Кроме вызова общественной совести, положение инвалидов войны играло роль своеобразного камертона общественных настроений – «*неустроенные инвалиды содействую ослаблению психической сопротивляемости невзгодам войны в армии и среди населения*»[783].

Можно встретить упоминания о том, что некоторые военные инвалиды не хотели или не могли возвращаться домой, не желая стать обузой для своих родных, «*семья получала лишний бесполезный рот, лишнюю обузу и тягость*»[784]. Увечные осознавали, что ресурсы их семей так малы, что их возвращение не в качестве кормильца, а как нахлебника создаст для них невыносимую психологическую атмосферу и предпочитали нести свой крест в одиночку. Председатель Отдела увечных Московского комитета А.С. Потёмкин не раз сталкивался с ситуацией, когда «*человеку в буквальном смысле нечего есть. У него – тяжёлая форма ранения или увечья, и ничего впереди, кроме права на пенсию, а зачастую и отсутствие такового при отсутствии связи болезни с прохождением военной службы. Сплошь и рядом*

[783] Там же.
[784] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.2072. Л.122.

поступление на должность, частное или казённое место требует наличия более или менее приличной одежды и обуви, которых у увечного нет, неоткуда получить и не на что купить»[785]. Были среди них и такие, которых родные привозили в Москву или Петроград и оставляли на произвол судьбы и попечение общественных организаций. Но и такое явление, как нищенство военных инвалидов, было неприемлемо в глазах общественности. Был взят курс на поддержание автономии военно-увечных и их максимальную социальную интеграцию.

По отношению к «военно-увечным» общество видело свою миссию в том, чтобы обеспечить инвалиду приемлемый уровень жизни, компенсировав понесённую им потерю экономической и социальной автономности. Изначально государство не имело чёткого представления о необходимых формах помощи военным инвалидам, а потому эта сфера деятельности Совета по призрению, согласно его Положению, определялась не очень конкретно – как «*приискание занятий и оказание других видов помощи увечным*». Общеимперского плана помощи военным инвалидам разработано не было. Свои планы составлялись Военным Ведомством, Земским Союзом и Союзом Городов.

Земский и Городской союзы развернули активную деятельность по организации систематической помощи военным инвалидам. 12-14 марта 1915 г. состоялось собрание уполномоченных губернских земств. По мнению его участников, призрение жертв войны могло быть в принципе осуществлено только органами земского и городского самоуправления при широком общественном содействии и на государственные средства[786]. Распространение компетенции Земского и Городского союзов на призрение военных инвалидов обладало большим потенциалом, поскольку позволяло оправдать

[785] Потемкин А. Обзор деятельности по призрению раненых и увечных воинов VIII Отдела Комитета великой княгини за время с 1 июля по 1 октября 1915 г. // Ежемесячник… 1916. №4. С.12-17.
[786] Доклад Главного Комитета Собранию уполномоченных губернских земств 12 марта 1915 года. М., 1915. С.7.

существование этих институций и после окончания войны и подразумевало создание как сети местных органов, так и всероссийского центра координации.

Разработка плана призрения инвалидов была поручена собранием специально учреждённому Отделу помощи увечным воинам при Главном комитете Земского Союза, которым заведовал член Главного комитета ВЗС В.Н. Челищев. Отдел брал на себя взаимодействие с государственными ведомствами и Главным комитетом, а также координацию деятельности подотделов, занятых организацией переобучения военно-увечных (общего, сельскохозяйственного и ремесленного образования) и Подотдела регистрации[787].

При Главном комитете Союза Городов также появился Отдел помощи увечным воинам. Он был призван координировать работу местных структур и устраивать новые учреждения, поддерживать ходатайства городских управлений перед Особой Комиссией Совета по призрению о финансировании их деятельности, созывать общероссийские и местные совещания и съезды, а также вносить на обсуждение Главного комитета ВСГ законодательные инициативы в сфере помощи военно-увечным[788].

План, выработанный на Совещании врачей и представителей комитетов Союза Городов по вопросу об организации помощи увечным воинам 22-23 февраля 1916 г., существенно отличался от перечня форм помощи, перечисленных в Наказе Особой Комиссии. Союзы предложили осуществлять помощь военным инвалидам в трёх типах учреждений: приютах для тяжёлых увечных, протезных мастерских и реабилитационных учреждениях – санаториях, а также физиотерапевтических и ортопедических институтах[789]. Ксениинская комиссия была признана центральным органом, утверждавшим и финансировавшим общероссийский план помощи увечным солдатам, разработанный Союзами; они же осуществляли контроль за его исполнением.

---

[787] РГВИА. Ф.12564. Оп.1. Д. 1177. Л. 356-357.
[788] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.2071 Л.1 Проект Положения об Отделе помощи увечным воинам при Главном комитете ВСГ.
[789] Журнал заседания 3-го Съезда представителей Всероссийского союза городов. М., 1915. С. 16.

Несколько позже Советом по призрению было предположено устранить Союзы от руководящей роли в развёртывании системы помощи инвалидам войны, оставив за ними только экспертные функции: предполагалось запрашивать их заключения по ходатайствам органов местного самоуправления перед Особой Комиссией. На заседании Ксениинской комиссии 3 июня 1916 г. было установлено, что ходатайства органов местного самоуправления о казённых пособиях на устройство учреждений для инвалидов войны должны получить заключение Союзов на предмет их соответствия общему плану и целесообразности. Однако также была признана необходимость получать заключение и от местных отделений Елизаветинского комитета, которое предшествовало представлению проекта в Главный комитет ВЗС или ВСГ[790].

Резолюция Совещания представителей областных комитетов ВСГ 30 октября - 1 ноября 1916 г. рекомендовала организовать в каждом губернском центре комитет помощи увечным для объединения городских и земских сил[791]. Также Союзы намеревались создать объединённый центральный орган помощи увечным со своей региональной сетью и представительством в ней общественных организаций[792]. Возникла Соединённая комиссия по организации помощи увечным воинам при Земском и Городском союзах[793]. Однако поскольку её деятельность не была поддержана централизованным государственным финансированием, заметной роли она не играла.

В основу организационного дизайна системы помощи военно-увечным были положены принципы децентрализации и координации. Непосредственно ни органам местного самоуправления, ни Земскому Союзу и Союзу Городов казённых средств на нужды инвалидов не отпускалось. Их следовало запрашивать у Особой Комиссии – но, как уже было сказано, местными органами Особой Комиссии считались отделения Елизаветинского комитета.

---

[790] РГВИА. Ф.12593. Оп.1. Д.2072. Л.117.
[791] РГВИА. Ф.12593. Оп.1. Д.2071. Л.28-32.
[792] РГВИА. Ф.12593. Оп.1. Д.2072. Л.30.
[793] РГВИА. Ф.12593. Оп.1. Д.2072. Л.75-75об.

Сами Союзы отмечали, что ассигнования производятся Ксениинской комиссией случайно и бессистемно. Представители местного самоуправления, как городского, так и земского, также указывали, что Елизаветинский комитет поглощён помощью солдатским семьям и не уделяет должного внимания увечным воинам[794].

Союзы ревностно отстаивали самостоятельность своих действий в данной сфере. Совещание по вопросам организации специальной врачебной помощи военно-увечным с участием представителей губернских комитетов ВЗС 5-6 марта 1916 г. признало необходимым самостоятельное ведение дела помощи военным инвалидам органами местного самоуправления и их всероссийскими союзами, при минимальном вмешательстве государства в эту область[795]. Отмечалось, что, согласно Положению о Совете по призрению, он не наделялся ролью объединяющего центра по призрению увечных воинов, также, как и Особая Комиссия не располагала полномочиями объединять деятельность различных организаций в данной сфере[796]. Эта позиция была продублирована и совещанием представителей губернских земств по вопросу осуществления помощи увечным воинам 5-7 октября 1916 года. Совещание признало желательным, чтобы средства Совета по призрению отпускались Главному комитету ВЗС для правильного распределения между земствами с учётом мнения земских собраний и съездов уполномоченных[797]. По сути, государству отводилась роль источника финансирования реализации планов, выработанных общественными организациями.

Ксениинская комиссия на заседании 6 октября 1916 г. вновь высказалась за привлечение к делу призрения военных инвалидов Земского и Городского Союзов, а также органов местного самоуправления[798]. Окончательное решение по этому вопросу должен был вынести Совет по призрению, чьё заседание

---

[794] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.272. Л. 147-148.
[795] РГВИА. Ф.12564. Оп.1. Д. 859. Л.5. Совещание по вопросам организации специальной врачебной помощи военно-увечным с участием представителей губернских комитетов ВЗС 5-6 марта 1916 г.
[796] РГВИА. Ф.12593. Оп.1. Д.2072. Л.147-148.
[797] Труды совещания представителей земств по вопросам осуществления земствами помощи увечным воинам, состоявшегося в Москве 5-7 октября 1916 г. М., 1917. С. 27-28.
[798] РГВИА. Ф.12564. Оп.1. Д. 1177. Л.9.

должно было состояться в декабре[799]. Ряд участников Соединённой комиссии по организации помощи увечным воинам при Земском и Городском союзах высказался против поспешного внесения общей сметы в Особую Комиссию, настаивая на более подробном обсуждении условий совместной деятельности Особой Комиссии и Союзов и полной самостоятельности последних как важнейшем принципе постановки призрения военно-увечных. А.Н. Меркулов указал, что общественные организации достаточно автономны в своей деятельности – Совет по призрению лишь даёт им деньги, тогда как Союзы – «*хозяева увечного дела*»[800].

Система учреждений, ориентированных на нужды инвалидов войны, должна была быть создана фактически с нуля. Основными её элементами были учреждения, занятые медицинской реабилитацией (травматологические и физиотерапевтические институты, протезные мастерские, санатории); курсы профессионального обучения для реабилитации социальной; приюты и семейные патронаты для оказания медицинского сопровождения.

Прежде всего, было решено открыть несколько крупных реабилитационных центров – «институтов», которые должны были заниматься долечиванием сложных случаев, способствуя минимизации негативных последствий ранений и болезней, для чего в госпиталях не было соответствующих условий. Одновременно институты задумывались как исследовательские центры, обобщающие сведения о различных методах лечения. Проектировались институты двух видов – травматологические, с хирургическим, ортопедическим и неврологическим отделением, и физио-(механо)-терапевтические, где к пациентам применяли бы передовые по тем временам методы электро- свето- водолечения[801].

Однако квалифицированных кадров для медицинских центров такого рода было очень мало. Поэтому предполагалось открыть институты в университетских городах, где существовали медицинские факультеты –

[799] РГВИА. Ф.12593. Оп.1. Д.2072. Л.77.
[800] РГВИА. Ф.12593. Оп.1. Д.2072. Л.75.
[801] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.119. Л.2об

Петрограде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, Самаре, Казани, Томске и Тифлисе. В итоге травматологический институт на 1700 коек был открыт только в Москве соединёнными усилиями ВЗС, ВСГ и Московского городского управления. В Самаре и Ростове-на-Дону к лету 1916 г. были подготовлены подробные планы открытия таких заведений, выбраны помещения для них[802]. Готовилось открытие Петроградского физио-механо-терапевтического института на 300 коек. Особая Комиссия выделила ему 765 тыс. руб., из которых 400 тыс. руб. было отпущено и 365 тыс. руб. внесено в смету 1917 года[803]. Для устройства института было выкуплено здание Николаевской детской больницы. Институт мог начать функционировать уже в январе 1917 года[804]. В это же время на базе петроградского лазарета № 255 был открыт Петроградский физиотерапевтический институт Союза Городов, созданный усилиями отца отечественной физиотерапии, впоследствии – первого директора советского НИИ физиотерапии С.А. Бруштейна[805].

Особой Комиссией было ассигновано 100 тыс. руб. Киевскому городскому общественному управлению на устройство Травматологического института и 500 тыс. руб. – на расширение Ортопедического института Министерства внутренних дел[806].

По мысли разработчиков общегосударственной системы призрения военно-увечных, при каждом центре, сосредоточившем 700-800 лечебных коек, должен был открываться санаторий[807]. В результате анкетирования 68 лазаретов Петроградского областного комитета ВСГ выяснилось, что санаторный курс был бы полезен 22% раненых[808]. В Орле работал санаторий для туберкулёзных Главного комитета ВСГ на 50 мест. В Севске Орловской

---

[802] РГВИА Ф.12564. Оп.1. Д.850. Л.1-35
[803] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.86. Л.123. Выписка из журнала распорядительного отдела 21 декабря 1916 г.
[804] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.63. Лл.192, 196об.
[805] Батурина Л.А., Яковлева Л.М. Основоположник отечественной физиотерапии // Еврейские новости Петербурга [Электронный ресурс] https://news.jeps.ru/lichnaya-istoriya/evrei-i-mediczina-osnovatel-otechestvennoj-fizioterapii-brushtejn.html (дата обращения: 02.03.2024).
[806] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.86. Лл.7, 9. Выписка из журнала Распорядительного отдела от 17 октября 1916 года.
[807] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.2137. Л.48-49.
[808] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.1065. Л.2.

губернии действовал санаторий для выздоравливающих нижних чинов на 175 мест[809].

Отмечалось, что некоторые из военно-увечных стараются избежать реабилитационных программ, опасаясь снижения пенсии при переосвидетельствовании или вовсе возвращения на фронт. Поднимался вопрос о сохранении размера первоначально назначенной пенсии[810]. Обеспечение возможностей долечивания и обучения было признано обязанностью государства и правом военного инвалида. Междуведомственное совещание в заседании 28 октября 1915 г. пришло к заключению о необходимости издания от имени Совета по призрению циркулярного разъяснения об отсутствии оснований к уклонению увечных воинов от долечивания и обучения мастерству, от поступления на службу, по коей установлены пенсии по выслуге[811].

В целом же система социальной помощи военным инвалидам продолжала проходить начальную стадию своего оформления. Летом 1916 г. глава Земского Союза князь Г.Е. Львов заявлял, что до сих пор государство не приняло должных мер по планомерной организации дела призрения увечных воинов[812]. В октябре 1916 г. Главный комитет Земского Союза запросил у губернских комитетов ВЗС сведения по данному вопросу, из которых стало ясно, что принятые ими на местах меры носят случайный характер, сводясь к выдаче пособий[813]. Также и губернаторы, запрошенные во второй половине 1916 г. Верховным начальником санитарной и эвакуационной части о состоянии дела помощи увечным воинам, дали неутешительные сведения по этому поводу[814].

Всероссийские союзы местного самоуправления развивали идею постановки дела помощи увечным на твёрдую основу закона[815]. По мнению

[809] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.2072. Л.51.
[810] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.2071. Л.28-32.
[811] РГИА Ф.1253. Оп2. Д1. Л.63.
[812] РГВИА Ф.12564. Оп.1. Д.430. Л. 6.
[813] РГВИА Ф.12564. Оп.1. Д.430. Л. 4.
[814] РГВИА Ф.12564. Оп.1. Д.987. Л. 40.
[815] РГВИА. Ф.12593. Оп.1. Д.2072. Л.30.

земцев, система помощи инвалидам войны должна была создаваться не на началах благотворительности, а как учреждение государственное – с определённым кругом прав и обязанностей и ответственностью за их исполнение [816]. Представители Главных комитетов ВСГ и ВЗС вели по этому поводу переговоры с членом Думы М.М. Новиковым, а 15 июня 1916 г. Главноуправляющий ВЗС кн. Г.Е. Львов обратился к председателю бюро Прогрессивного блока в Госдуме С.И. Шидловскому с проектом думского запроса в адрес правительства в порядке ст.40 Учреждения Государственной Думы, т.к. «*ввиду перерыва своих заседаний, Дума лишена возможности провести какие-либо меры об увечных в законодательном порядке*»[817]. Однако решить задачу принятия специального законодательного акта, регламентирующего права военных инвалидов, не удалось и Временному правительству.

В этот период не велось речи о психологической адаптации инвалидов войны к своей новой социальной роли, об этом мы можем судить только по косвенным упоминаниям. Желание обеспечить материальную независимость трудоспособных инвалидов, хотя бы даже и исходящее из рациональных соображений о потребности народного хозяйства в рабочей силе – указывает на формирование общественной позиции в отношении этой социальной группы. Экономическая интеграция жертв войны в общественное производство довольно быстро стала базовой концепцией общественной политики в отношении инвалидов.

Как было показано выше, традиционно репрезентирующие категорию данную социальную категорию калеки, неспособные к самообслуживанию были немногочисленны. Основную массу военно-увечных составляли лица, частично утратившие трудоспособность и потому не могущие вернуться к привычному им довоенному образу жизни. Как справедливо отмечалось современниками, «*психическое состояние увечных – это состояние людей,*

[816] РГВИА. Ф.12564. Оп.1. Д.987. Л.39об.
[817] РГВИА. Ф.12564. Оп.1. Д.430. Л.6.

выбитых исключительными событиями из привычной жизненной колеи, вынужденных самостоятельно осознать эту перемену и овладеть новым созданным судьбой положением. В таком жизненном состоянии человека, если только он не упал духом, есть сторона, в высшей степени благоприятная для его общего образования»[818]. Из группы маргиналов, травмированных военным опытом, военные инвалиды могли потенциально трансформироваться в «кадр культурных работников», своеобразных агентов модернизации – народных учителей, квалифицированных аграриев, кооперированных ремесленников.

За военно-увечными резервировались все нижние служительские должности в государственных и общественных учреждениях (швейцаров, сторожей, уборщиков, курьеров и т.п.). При Главном Штабе действовало Особое делопроизводство по предоставлению нижним чинам по выходе их в отставку должностей по военному и гражданскому ведомствам. На основании циркуляра Главного Штаба от 9 ноября 1915 г. вводились в действие Правила в отношении порядка определения уволенных со службы за ранами, болезнями и увечьями нижних чинов на низшие служительские должности в учреждения военного ведомства[819]. Ранее такие должности замещались вольнонаёмными служащими; теперь же они резервировались исключительно для инвалидов войны. По соглашению с другими ведомствами на таких же основаниях замещались должности и в гражданских учреждениях. На службу принимались только действительно нуждавшиеся в заработке подобного рода лица, которые по состоянию здоровья могли исправно нести службу и имевшие одобрительное поведение. Военное ведомство также отмечало, что отставные нижние чины внесут в исполнение службы «*элементы порядка, дисциплины и исполнительности*»[820].

---

[818] РГВИА Ф.12564. Д.430. Л.198.

[819] РГИА Ф.1253. Оп. 1. Д.102. Л.15. Отношение военного министра министру внутренних дел по Главному Штабу №9637 от 21 января 1916 г. об организации помощи пострадавшим на войне нижним воинским чинам.

[820] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.2076. Л.8-9.

Тем не менее, служительских должностей было далеко недостаточно. Заведующий Особым делопроизводством полковник Т.Ф. Никифоров заявил, что на различные места, не требующие особой подготовки, было устроено 1100 человек увечных, но таких мест становится всё меньше и скоро не останется совсем – а потому надо обучать увечных «*всему, чему только возможно*»[821]. Краткосрочные курсы по отраслям прикладных знаний могли бы открыть инвалидам войны, «*способным по своему умственному развитию к занятию более ответственных должностей*», более широкие перспективы трудоустройства.

Военный министр видел потребность в создании планомерной сети курсов и мастерских по всей империи, привлекая к этому все общественные силы. Он отводил органам самоуправления и сословным организациям посредническую роль в устройстве инвалидов войны. В частности, земства и города должны были произвести подробный учёт увечных воинов, нуждавшихся в подготовке и приискании новых занятий. Координацию и финансирование военный министр возлагал на Особую Комиссию и просил министра внутренних дел дать руководящие указания для обсуждения на местах под руководством губернаторов при участии представителей всех заинтересованных министерств, органов самоуправления, торговых, промышленных и благотворительных организаций и видных общественных деятелей плана организации сети курсов и школ, учитывая местные потребности и возможности[822]. На заседании Отдела по приисканию занятий Особой Комиссии Совета по призрению в ноябре 1915 г. товарищ председателя Н.Н. Покровский обратил внимание собрания на необходимость подготовки податных инспекторов ввиду введения налогов новых видов[823].

Отдел по приисканию занятий Особой Комиссии видел свои ближайшие задачи в установлении постоянной связи с Особым делопроизводством

---

[821] РГВИА Ф.12564. Д.1177. Л.321об.
[822] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.102. Л.16об.
[823] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.102. Л.26-27об. Копия Журнала №1 заседания Отдела по приисканию занятий Особой Комиссии Совета по призрению от 12 ноября 1915 г.

Главного Штаба по предоставлению нижним чинам должностей в военных и гражданских ведомствах, Обществом повсеместной помощи солдатам и их семьям, Попечительством о трудовой помощи, земствами и городами в лице их управ. Необходимо было выработать список должностей и ремёсел, доступных увечным, подготовка по которым облегчит их трудоустройство, в том числе после войны, когда демобилизованные здоровые солдаты составят им конкуренцию на рынке труда[824].

Совет по призрению планировал открыть 500 мастерских для инвалидов по всей стране. Инструкторы для них проходили подготовку в Петроградском убежище для инвалидов с мастерскими. За 10 месяцев обучение прошли 575 инструкторов[825].

Широкие планы открытия курсов профессиональной переподготовки и обучения, с которыми выступили отдельные ведомства, Особая Комиссия, союзы и общественные организации, кроме всего прочего предполагали обязательное обучение грамоте и ,таким образом, должны были создать «*кадр культурных работников в тех областях государственной жизни, развитие которых намечается в связи с переживаемыми событиями*»[826]. Замечалось также, что офицеры военного времени, произведённые из прапорщиков, по окончании войны не захотят вернуться к своим прежним «непрестижным» занятиям, и с их стороны также будут востребованы образовательные курсы, позволяющие им влиться в класс интеллигентных работников[827]. Особое место в этом отношении должны были занять курсы народных учителей, которых предполагалось массово готовить из военных инвалидов в связи с планами введения всеобщего обучения. Учительские курсы были двухгодичными. Циркуляром министра народного просвещения от 16 июня 1916 г. предписывалось принимать увечных воинов на все педагогические курсы сверх комплекта[828].

---

[824] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.102. Л.26-27об.
[825] Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. - Красноярск, 2003. С. 110.
[826] РГВИА Ф.12564. Оп.1. Д.1177. Л.309-311.
[827] РГВИА Ф.12564. Оп.1. Д.1177. Л.184об.
[828] РГВИА Ф.12593. Д.2072. Л.92-93.

Министерство торговли и промышленности организовало 5 ремесленных курсов и разработало множество учебных программ для них[829]. Отдел помощи увечным воинам ВЗС разработал программы общеобразовательных курсов применительно к сельскохозяйственной отрасли, кооперации и технической сфере в объёме низшей школы повышенного типа[830].

Особая Комиссия планировала ассигновать в 1916 г. 300 тыс. руб. на обучение грамоте в лазаретах и госпиталях; 5 тыс. руб. отпускалось на подготовку инструкторов для обучения инвалидов на курсах волостных писарей, железнодорожных служащих, счетоводов в учреждениях мелкого кредита, десятников земельных улучшений и учителей[831].

Министерство земледелия предполагало открыть по всей стране в 1916 г. до трёхсот курсов по отраслям сельского хозяйства, по пять на губернию, приняв на них 15 750 слушателей, что оценивалось в 5 миллионов рублей. Было разработано 19 учебных программ по различным отраслям сельского хозяйства. В реальности к октябрю 1916 г. было запущено до 70 курсов. Количество слушателей в группе определялось в 45 человек, обучение одного слушателя оценивалось в 300 рублей[832]. При сельскохозяйственных учебных заведениях работали 22 учебных курса, 30 курсов открыли кооперативы, 11 курсов устроили земства и 14 – правительственные агрономы и частные лица. Этим курсам было ассигновано 385 тыс. рублей из казны и 40 тыс. руб. – из местных средств[833]. Обращает на себя внимание, что учебные курсы были достаточно продолжительными, что требовало устройства общежитий при сельскохозяйственных школах. Так, при Шалинской школе пчеловодства, птицеводства и огородничества в Темниковском уезде Тамбовской губернии 1 ноября 1916 г. были открыты 14-месячные курсы пчеловодства и садоводства;

---

[829] РГВИА Ф.12593. Д.2072. Лл.95, 118.
[830] РГВИА Ф.12564. Оп.1. Д.430. Л.190.
[831] РГВИА Ф.12564. Оп.1. Д.1177. Л.54.
[832] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.2072. Л.90.
РГИА Ф.1253. Оп 1. Д.102. Л.16.
[833] Третьяков А.В. Сельская низшая профтехшкола как фактор социальной реабилитации крестьян-инвалидов Первой мировой войны // Армия в истории России. Курск, 1997. С.69.

курсы пчеловодов проходили и на пасеке Курского губернского земства[834]. Всего в 1916 г. в 25 училищах и низших сельскохозяйственных школах Центрально-Черноземного региона велись курсы для увечных воинов, на которых обучалось более 4 тысяч человек[835].

Особенности ведения боевых действий вели к появлению большого числа нуждавшихся в протезировании. По закону от 22 ноября 1914 г., каждый увечный имел право на бесплатное получение протеза от казны. При этом изготовлением искусственных конечностей до войны занималось единственное учреждение – Мариинский приют для ампутированных в Санкт-Петербурге, который за год мог снабдить протезами до 4,5 тыс. человек. В годы войны к нему добавился Отдел по снабжению искусственными конечностями Елизаветинского комитета в Москве и Областной отдел в Киеве, состоявший под покровительством великих княгинь Анастасии Николаевны и Милицы Николаевны. Общая производительность этих учреждений, согласно сведениям ВЗС, составляла 12-18 тыс. протезов в год. По оценке Земского Союза, это удовлетворяло от трети до половины имеющейся потребности в протезах[836].

Отдел по снабжению увечных воинов протезами при Особом комитете Елизаветы Фёдоровны был образован высочайше утверждённым положением Военного совета от 20 ноября 1914 г.; на него были распространены правила Положения о Мариинском приюте для ампутированных в Петрограде – соответственно, все расходы, в том числе по проезду и проживанию инвалидов, принимались на счёт военного ведомства. Приказом по Военному ведомству к району деятельности Особого комитета в деле снабжения протезами было отнесено 27 губерний Европейской и 7 областей Азиатской России. Обширность района и необходимость организации деятельности по снабжению протезами и после окончания войны потребовали преобразования

---

[834] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д. 2076. Л.38об.
[835] Третьяков А.В. Сельская низшая профтехшкола как фактор социальной реабилитации крестьян-инвалидов Первой мировой войны // Армия в истории России. Курск, 1997. С.69.
[836] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Л.2

Отдела в самостоятельное юридическое лицо с правом открывать свои местные отделы. Отдел был трансформирован в Комитет её императорского высочества великой княгини Елизаветы Фёдоровны по снабжению искусственными конечностями и другими протезами и механическими приспособлениями увечных воинов и неимущих людей. При участии Московского городского самоуправления, ВЗС, ВСГ, РОКК и душеприказчиков Коншиной была открыта протезная мастерская. Мощность мастерской составляла 1000 мест, а также имелось 450 мест для челюстного протезирования. С 1 декабря 1915 года было выдано 1794 протеза нижних конечностей, 278 – верхних и 669 искусственных глаз[837].

Средняя продолжительность пребывания ампутированного при мастерской для подгонки протеза и обучения навыкам его использования, составляла полтора месяца[838]. Соответственно, при мастерских требовалось устроить общежития.

Харьковская протезная мастерская с приютом была открыта Земским Союзом на средства Елизаветинского комитета и с октября 1915 г. по февраль 1916 г. снабдила протезами 349 человек. Предполагалось, что мастерская удвоит объём своей деятельности и будет обеспечивать протезами до 130 человек ежемесячно. Для оплаты выполненной работы требовалось, чтобы в состав приёмочной комиссии были включены представители военного ведомства, однако этого не произошло, ни один из изготовленных протезов не был оплачен из казны, и мастерская оказалась на грани закрытия[839].

Киевскому областному комитету по снабжению ампутированных и увечных воинских чинов протезами были одобрены ассигнования 125 тыс. руб. от Особой Комиссии на расширение производства протезов в 1917 г., что позволило бы изготавливать дополнительно 17,5 тыс. протезов в год.

---

[837] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.38. Л.263-265. Записка о деятельности Отдела по снабжению увечных воинов протезами при Особом комитете Елизаветы Фёдоровны.
[838] РГВИА Ф.12564. Оп.1. Д.1177. Л.272.
[839] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.2076. Л.3-4.

В связи с возрастающей потребностью в протезировании выяснилась необходимость устройства собственного завода для изготовления типовых частей протезов. На постройку протезного завода в Москве было отпущено 3 млн руб. Проект завода был составлен Комитетом по снабжению искусственными конечностями. Годовая производительность проектировалась в 28 тыс. протезов[840].

Среди жертв Великой войны неизбежно образовывалась группа, реинтеграция которой в мирную жизнь была невозможна или чрезвычайно затруднительна. Признавалось, что в изоляции будут нуждаться паралитики, эпилептики, страдающие тяжёлой формой травматического невроза. Невозможно было вернуться в свои семьи тем калекам, чьё проживание в домашней обстановке было бы невыносимо для окружающих из-за неприятного запаха – с недержанием мочи, кала, свищами, пролежнями. Ранения шеи и лица затрудняли самостоятельное принятие пищи. Инвалиды без обеих рук были неспособны к самообслуживанию. Признавалось, что эти несчастные оседали в крупных госпиталях, где проходили лечение, образуя т.н. «осадок» или «балласт», и своим видом (и запахом) «*подавляющим образом влияли на душевное состояние вновь поступающих*»[841]. Наконец, немалой была и категория инвалидов-уроженцев местностей, занятых неприятелем, которым было попросту некуда возвращаться.

По мере продолжения войны число таких людей увеличивалось. Встала задача создания сети специализированных учреждений, которые обеспечили бы приют для самых, пожалуй, обездоленных жертв Великой войны. По данным госпиталей Москвы, Калужской и Костромской губерний, 2,6% пациентов выписывалось с полной утратой трудоспособности[842]. Их число очень приблизительно можно оценить в 130 тыс. человек. При этом ответственные за создание инвалидных домов структуры не были официально

[840] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.86. Л.9. Выписка из журнала заседания Распорядительного отдела Особой Комиссии.
[841] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.2072. Л.5-7.
[842] РГВИА Ф.12564. Оп.1. Д.859. Л.10-11.

определены. В Наказе Особой Комиссии были перечислены возможные меры помощи инвалидам, среди которых было «*содействие к помещению в инвалидные дома, богадельни, приюты и т.п. благотворительные заведения*»[843], однако проблема заключалась в практически полном отсутствии таковых в Российской империи. Первоначально приюты для совершенно неспособных к труду калек рассматривались как объект частной благотворительной инициативы.

В ходе войны отчётливо обозначилась проблема необходимости создания сети специализированных учреждений пожизненного призрения для инвалидов войны. Инвалидные дома открывались в инициативном порядке: с ходатайством необходимо было обращаться напрямую в Особую Комиссию, причём оно должно было быть тщательно разработанным и содержать подробную смету создания, оборудования и годового содержания учреждения; место его возведения, размер и вместимость постройки; заключение местного отделения Елизаветинского комитета и данные о возможности софинансирования проекта[844]. Типовых проектов не было: речь могла идти о покупке зданий, их строительстве, расширении существующих, перепрофилировании и т.п.

Предпочтение отдавалось организации помощи инвалидам в наёмных помещениях. Тем не менее, появлялись и начинали находить своё воплощение разнообразные проекты устройства комплексов призрения и реабилитации военных инвалидов по всей Российской империи. Показателен пример Вятки, где купец-благотворитель Т.Ф. Булычев уступил за треть стоимости роскошный особняк в неоготическом стиле для устройства в нём Дома инвалидов и сирот Великой войны, который открылся в мае 1915 г. По мнению

[843] Наказ образованной в составе Совета по призрению Особой комиссии по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжение войны, а также их семей. Казань, 1915.С.8.
[844] РГВИА Ф.16323. Оп 1. Д. 85. Л. 4-4об.

современников, жители Вятки подарили «увечным героям» и «обездоленным войною сиротам» самое лучшее здание в городе[845].

Наиболее масштабный из известных проектов устройства Дома инвалидов был разработан Самарским областным отделением Союза Городов. Городское самоуправление Самары в 1916 г. пожертвовало земельный участок в 900 квадратных сажен, соединённый с городом трамвайным маршрутом. Был подготовлен проект постройки Дома инвалидов на 100 человек, требующих постоянного ухода, и 250 инвалидов, проходящих курс реабилитации и обучения. Позже проект был пересмотрен и количество призреваемых увеличилось до 430. Комплекс должен был включать постройку общежития, мастерских, школы, церкви, амбулатории и больницы на 12 коек, пекарни, квасной и кухни, бани и прачечной, дома для старших служащих, дома для младшего обслуживающего персонала, коровника с сеновалом на 12 коров для старших служащих, конюшни на 10 лошадей с сеновалом и каретником, водопровода и канализации, парового отопления, а также устройство на территории асфальтированных дорожек, клумб и фонтанов. Смета на реализацию проекта превысила 1,5 млн. рублей и была согласована с Главным комитетом ВСГ и Самарским отделением Елизаветинского комитета, однако в мае 1917 г. Министерство государственного призрения Временного Правительства постановило отложить финансирование, ввиду несвоевременности производства строительных работ из-за дороговизны рабочих рук и строительных материалов[846].

Проекты, предполагавшие полную изоляцию нетрудоспособных инвалидов, составляли меньшинство. Чаще проектировалось создание комплексов в сочетании с учебными мастерскими, общежитиями или даже семейным проживанием. Так, в Вологодской губернии местная община Красного Креста приобрела небольшое имение для устройства

[845] Артамонова Л.М. Замысел Дома инвалидов в общественной и культурной жизни провинциального города периода Первой мировой войны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23. № 2. С.15.
[846] РГВИА Ф.16323. Оп. 1. Д. 89. Лл. 1-7, 22-26, 40.

сельскохозяйственной колонии на 25-30 военных инвалидов. 24 тыс. рублей для этих целей ассигновали уездные земские собрания губернии, ещё 20,5 тысяч было собрано частными пожертвованиями; Департамент земледелия ассигновал 3 тыс. рублей и командировал инструкторов для устройства в имении показательного хозяйства. Переоборудование имения под нужды инвалидов и содержание колонии предполагалось за счет средств Особой Комиссии[847].

Особая Комиссия разработала Руководящие указания по устройству убежищ для увечных воинов, курсов и мастерских. Убежища должны были устраиваться в соответствии с местными потребностями и существовать на местные и благотворительные средства, при необходимости получая софинансирование от Особой Комиссии. Ходатайства об открытии убежищ следовало направлять в Елизаветинский комитет; если убежище предполагалось подчинить местному самоуправлению, необходимо было получить заключение центрального органа Земского или Городского Союзов, также – и в случае местных отделений благотворительных организаций. Отчёты о работе убежища следовало представлять в Елизаветинский комитет. К испрошению денежных ассигнований следовало прилагать сметы[848].

Потребность в учреждениях для постоянного пребывания инвалидов войны иллюстрирует пример Нижегородского приюта для увечных воинов имени генерал-майора Григорьева. На доход с капитала, завещанного генерал-майором еще Нижегородскому приказу общественного призрения, при земской богадельне было открыто отделение на 24 койки, называемое «Григорьевская палата инвалидов». С началом Первой мировой войны палата была переориентирована под призрение военных инвалидов и расширена до 60 мест; дополнительные 36 коек содержались за счет губернского земства. Губернская управа выделила приют им. генерал-майора Григорьева в самостоятельное учреждение и арендовала для него отдельный дом. В конце

[847] РГВИА Ф.16323. Оп. 1. Д. 64. Л.3-7.
[848] РГИА Ф.1253. Оп. 1. Д. 86. Л.148-153. Руководящие указания по устройству убежищ для увечных воинов, курсов и мастерских. Пг., 1917. 12 с.

мая 1916 г. в приюте проживало уже 75 человек, в начале августа – 80 человек, к 18 октября число обитателей достигло 100 человек, увеличившись в 1917 г. до 160 человек и превысив таким образом первоначальную вместимость почти в семь раз. Было возбуждено ходатайство о покупке здания для открытия общежития на 200 человек[849].

Другую специфическую категорию инвалидов войны составляли «душевнобольные воины», несшие на себе «невидимые раны» посттравматического синдрома. Наибольшую сложность представляла диагностика контузий, нервных и психических расстройств, так как их проявления были разнообразны, отложены во времени и зачастую игнорировались как попытка симуляции. Союз психиатров и невропатологов определял число психических больных в 6-7 тысяч. Доля таких заболевших составляла 1,2% эвакуированных с фронта[850].

В планах Военного ведомства роль центрального звена оказания психиатрической помощи в действующей армии была отведена Российскому обществу Красного Креста (РОКК), с которым было заключено соглашение о принятии им на себя этих ранее не свойственных РОКК функций с финансированием за счёт казны[851]. Главным Управлением Красного Креста была образована Психиатрическая комиссия, которая занималась общей организацией и надзором по данному вопросу. Комиссия действовала самостоятельно, испрашивая указаний от Главного Управления РОКК лишь в исключительных случаях. Психиатрическая комиссия РОКК учредила в тылу действующей армии институт уполномоченных по эвакуации душевнобольных воинов в Северном и Западном районе, в Южном и Юго-Западном районе и на Кавказе, а кроме того – по одному Уполномоченному при управлениях Главноуполномоченных Северного района, Внутреннего района и при Кавказской армии для распоряжений по «рассеиванию» душевнобольных по лечебным заведениям. Они располагали необходимым

[849] РГВИА Ф.16323. Оп. 1. Д. 82. Л.3-78.
[850] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.2072. Л.139.
[851] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.1072. Л.105-109.

врачебно-санитарным персоналом, а также распоряжались кредитом для удовлетворения потребностей вверенного района. Уполномоченным подчинялись психиатрические лечебные учреждения Красного Креста, они несли также ответственность за обеспечение этих учреждений помещениями и оборудованием, продовольствием, персоналом и т.д. Уполномоченные лично входили в сношения с гражданскими и военными лечебными учреждениями[852].

В Северо-Западном районе психиатрическая организация Красного Креста насчитывала 318 коек, в Юго-Западном – 490 коек, а на Кавказе – целых 575 коек. Её организационную основу составили приёмные и сборные пункты. Деятельность по призрению душевнобольных воинов начиналась с развёртывания сети приёмных пунктов вблизи линии фронта. Оттуда больные, страдающие психическими расстройствами, эвакуировались в сборный тыловой пункт, затем – в приёмно-распределительный пункт военного ведомства в глубоком тылу, откуда распоряжениями уполномоченных рассеивались по психиатрическим лечебницам Красного Креста либо иным, предоставившим для этого места, или передавались на попечение родственников.

Приёмный психиатрический пункт Красного Креста был рассчитан на 10-20 мест, сборный пункт – на 25-50 мест Приёмные пункты располагались в железнодорожных вагонах, а сборные были стационарными. На Кавказе местные условия и недостаток перевозочных средств потребовали устройства этапных пунктов между передовыми учреждениями фронта и приёмными пунктами. На этапных пунктах больных ожидали опытные санитары, которые сопровождали их в постоянные пункты. В связи с продвижением русских войск на территорию Турции и Персии, летучие отряды психиатрической помощи были открыты в Трапезунде, Эрзеруме и Шерив-Хане на озере Урмия[853].

---

[852]Там же. Л. 106, 113.

[853] Доклад уполномоченного по призрению душевнобольных воинов на Кавказском фронте // Вестник Красного Креста. 1916. №10. С. 3487-3488.

Из сборных пунктов душевнобольные воины эвакуировались в приёмно-распределительные пункты, а из них – распределялись по окружным психиатрическим больницам МВД, городским и земским заведениям и лечебницам Красного Креста. Только в Москве было 17 таких заведений, насчитывавших без малого 2,5 тыс. мест. Всего же в Московском районе было развёрнуто 3340 специализированных лечебных мест, в Киевском районе – 287 коек, в Петроградском районе – 1463 койки[854].

Война довольно быстро внесла свои коррективы в работу этой внешне стройной организации. Накануне и в первые дни войны сложилось мнение, что в условиях скоротечного военного конфликта, при условии всеобщего патриотического воодушевления и запрещения продажи алкоголя, число страдающих психическими расстройствами солдат окажется минимальным. Однако причиной проявления скрытой предрасположенности к психическому заболеванию могли стать глубокие переживания, связанные с разлукой с близкими и самим призывом на войну, означающим угрозу ранения или смерти. Это обстоятельство влияло на уровень психических заболеваний в частях, даже не находящихся в районе боевых действий. Приток душевнобольных, действительно незначительный в первые месяцы войны, стал стремительно нарастать.

Накануне войны специализированные психиатрические отделения существовали лишь в немногих военных госпиталях. Самым крупным было отделение Николаевского госпиталя в Петрограде на 120 мест. Также психиатрические отделения действовали в императорском Петровском военном госпитале в Москве, в Киеве, Риге, Тифлисе, Владикавказе, в некоторых городах Сибири и Средней Азии. Военному ведомству принадлежали исключительные полномочия по сортировке поступивших душевнобольных солдат и их дальнейшему распределению. Представлялось

[854] Вопрос об увеличении числа мест для душевнобольных воинов // Вестник Красного Креста. 1916. №10. С.3560-3567.

важным отделить действительно страдающих душевной болезнью от трусов и симулянтов.

Нехватка коечного фонда для выполнения этой задачи приводила к тому, что земским больницам и лечебным учреждениям приходилось самостоятельно отделять неврологических больных от психических, органические поражения от функциональных, буйных от тихих, больных от симулянтов, требующих госпитализации – от не требующих её. Земский и Городской Союзы, а также Русский Союз психиатров и невропатологов пришли к выводу о необходимости заключения общего соглашения между Красным Крестом и Союзами по призрению душевнобольных воинов для объединения их действий и о необходимости изменений в Положении Красного Креста об эвакуации душевнобольных[855].

Проблемой стала нехватка мест в психиатрических лечебницах для «рассеиваемых» больных, нуждавшихся в сравнительно длительном лечении. В 42 земских и городских психиатрических больницах имелось 1787 коек, отведённых для надобностей военного времени[856]. Однако их было недостаточно, и во многих случаях больные направлялись в переполненные психиатрические заведения, где попадали в условия, в которых правильное лечение оказывалось невозможным[857]. Переполненность психиатрических больниц также приводила к практике выписки не вполне окрепших после заболевания пациентов, сокращению приёма душевнобольных из числа мирных обывателей.

В этих условиях в приёмно-распределительных госпиталях постепенно образовывался «осадок» психических больных, которых не было возможности распределить куда-либо для продолжительного лечения, что, в свою очередь, сокращало принимающую способность госпиталей на фоне нарастающего

[855] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.1072. Л162.
[856] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.1072. Л.161.
[857] Резолюции Всероссийского съезда врачей-психиатров и представителей земств, городов и заинтересованных ведомств по организации призрения душевнобольных воинов и прочих лиц, причастных к военным событиям в Петрограде 24-27 ноября 1916 года. Отдельный оттиск из «Психиатрической газеты» №23. 1916. - Пг.: Тип Б.В.С., 1916. - С.15.

потока пациентов. Отмечалось, что открытие дополнительных передовых пунктов позволяло интенсифицировать выявление психических больных и их эвакуацию из действующей армии – то есть чем шире развёртывалась система, тем больше становилось пациентов.

Ввиду наблюдавшегося переполнения гражданских лечебных заведений и невозможности для них принять уволенных в отставку душевнобольных воинов, как их обязывал закон, перед психиатрической организацией Красного Креста встала потребность обслуживать этот контингент в своих заведениях. Был создан целый ряд тыловых госпиталей, развёрнута патронажная сеть. Например, в Воронеже Красным Крестом был устроен специальный госпиталь для душевнобольных воинов на 130 коек[858]. На Кавказе в Абастумани был открыт лазарет Красного Креста на 100 мест для душевнобольных, страдающих туберкулёзом, малярией и лёгочными заболеваниями[859].

Коренным образом разрешить проблему призрения душевнобольных воинских чинов могло бы запланированное строительство новой окружной лечебницы МВД – Луганской, которая могла вместить до 6 тыс. пациентов. Для неё уже были подготовлены проект и смета, найден земельный участок. Однако сильное удорожание строительных материалов и нехватка рабочих рук заставили отложить начало сооружения больницы, поставив также под вопрос и расширение Московской лечебницы МВД[860].

Дефицит мест в психиатрических больницах по оценке Красного Креста к концу 1916 г. составлял до 6 тыс. мест. Общественные организации увеличивали эту цифру вдвое. Согласно разработке Объединённым Статистическо-психиатрическим бюро данных о движении душевнобольных воинов по 23 психиатрическим больницам к январю 1917 г., в империи необходимо было создать не менее 10-12 тыс. дополнительных психиатрических коек[861].

---

[858] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.1072. Л.173-181.
[859] Отчёт Уполномоченного Психиатрической организации Красного Креста при Кавказской армии доктора А.И. Прусенко // Вестник Красного Креста. 1916. № 10. С. 129.
[860] Вопрос об увеличении числа мест для душевнобольных воинов… С.3562.
[861] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.1072. Л.55-61.

Не менее масштабной и сложной проблемой было определение категории душевнобольных, которые имели право на получение помощи как жертвы войны. Дело в том, что под эгидой Красного Креста находились только раненые и больные, проходившие лечение для возвращения в строй. Как показала практика, большая часть страдавших душевными расстройствами солдат оказывалась непригодна к военной службе даже после длительного лечения. Так, в Тифлисский сборный пункт Красного Креста, осуществлявший также лечение душевнобольных, за год его работы поступило 576 нижних чинов, 148 офицеров и 16 гражданских лиц. Из них годными к продолжению военной службы были признаны не более 1/5 нижних чинов и 1/3 офицеров. Остальные либо продолжали своё лечение, либо были комиссованы. Смертность составляла около 1,5%[862].

Красный Крест предлагал строго различать призрение душевнобольных, состоящих на действительной военной службе, и душевнобольных инвалидов – воинских чинов, уволенных в отставку. Только первая категория в полной мере пользовалась покровительством Красного Креста, включавшим их выявление в действующей армии, эвакуацию в тыл и лечение в соответствующих заведениях.

Ограниченное толкование причинной связи между заболеванием и прохождением военной службы было установлено циркулярным распоряжением Главного военно-санитарного управления от 20 мая 1915 года[863]. Те нижние чины, психическое расстройство которых проявилось в пути с фронта или уже в тылу, например, в приёмно-распределительном пункте или в лечебном заведении, также были исключены из ведения психиатрической организации РОКК. Случаи психических расстройств, которые выявлялись непосредственно в рядах действующей армии, следовало разделять на две категории по времени начала болезни: те, у которых болезнь

[862] Отчёт Уполномоченного Психиатрической организации Красного Креста... С.131.
[863] Резолюции Всероссийского съезда врачей-психиатров... С.12-14.

началась до призыва в армию и лишь обнаружилась на службе, и заболевшие во время прохождения службы.

Специалисты отмечали, что ввиду слабого развития психиатрической помощи в России многие тысячи больных, нуждавшихся в психиатрической и неврологической помощи, не были выявлены. При осмотре призывников воинскими присутствиями производился исключительно внешний осмотр, весьма серьёзные нарушения психики ускользали от внимания призывной комиссии. Было немало случаев, когда признанные годными к военной службе воинскими присутствиями новобранцы попадали в психиатрические учреждения Красного Креста непосредственно со сборных пунктов воинских начальников. Спешный набор в ряды войск и громадная численность призванных объясняли то обстоятельство, что в армию попало значительное число душевнобольных, чья болезнь обнаружилась уже после их приёма на службу или даже уже после сравнительно продолжительного на ней нахождения. Так, в Николаевский военный госпиталь из более чем 600 человек, поступивших с начала войны по 1 октября 1915 г., с театра военных действий прибыло около 1/3, остальные поступили из гарнизонов[864], при этом военнослужащие тыловых гарнизонов не были охвачены призрением Красного Креста.

По предварительным подсчётам Статистико-Психиатрического бюро, число прошедших через психиатрические больницы причастных к войне пациентов к осени 1916 г. составляло не менее 20-25 тыс. человек, из которых несколько тысяч нуждались в продолжительном больничном призрении[865]. Как и в случае с инвалидами войны, для организации системы долговременной помощи душевнобольным воинам требовалось получить представление об их общем числе, территориальном распределении и необходимых формах призрения.

---

[864] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.1072. Л.162.

[865] Кащенко П.П. О психиатрической помощи больным и раненым воинам. Доклад в заседании Главного Комитета ВСГ 9 октября 1916 года // Известия ВСГ. 1916. №37. С.205.

Предлагалось поручить ведение порайонного учёта душевнобольных местным органам земского и городского самоуправления, закрепив общероссийский учёт за Союзами земств и городов[866]. Съезд психиатров и земских деятелей, проведённый по инициативе Объединённой психиатрической комиссии Союзов в ноябре 1916 г., предпринял попытку организовать текущий учёт душевнобольных воинов, рекомендовав пересылать в объединённое статистическое бюро Союзов индивидуальные карточки учёта душевнобольных воинов, принятые в Северо-Западной фронтовой организации Красного Креста, и пригласил к тому же психиатрические организации других фронтов.

В январе 1917 г. Главный комитет Земского Союза разослал в губернские земские управы опросник о среднесуточном числе душевнобольных воинов и прочих лиц, о движении контингента за 1916 г. с распределением по формам призрения: в больнице, в колонии, в патронаже, в семьях с пособием от земств. Запрашивались сведения о распределении по возрастам, по губерниям постоянного жительства, по принадлежности – рабочие, беженцы, гражданские чиновники военного ведомства и т.д.[867].

Рассматривая положение уволенных из рядов армии вследствие психических расстройств, Красный Крест пришёл к выводу, что на основе Свода военных постановлений, лица, получившие инвалидность вследствие своего участия в боевых действиях, и лишившиеся при этом рассудка (раненые, контуженые) – должны призреваться до выздоровления или до смерти в военных госпиталях, то есть в том числе и в лечебных заведениях Красного Креста, на время войны по особому соглашению выполняющих эти функции[868]. Все прочие военнослужащие, причиной увольнения которых от службы стало именно психическое заболевание, но не органическое поражение, могут размещаться на срок не более года в военных госпиталях до

---

[866] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.1072. Л.27-28. Основные положения участия земств и городов в деле призрения душевнобольных воинов, освобождённых от военной службы, и прочих лиц, причастных к военным событиям (Доклад Петроградской областной нервнопсихиатрической комиссии).
[867] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.1072. Л.88-94.
[868] Вопрос об увеличении числа мест для душевнобольных воинов... С. 3564.

подыскания для них мест в лечебных заведениях, к каковым, согласно закону 5 декабря 1912 г. относятся окружные, земские и городские лечебницы и больницы[869].

Не пользовались призрением РОКК душевнобольные из военнопленных и беженцев, рабочих, занятые на окопных работах в ближнем тылу – помощь им оказывалась лишь в виде эвакуации в соответствующие лечебные заведения[870]. Таким образом, система помощи участникам войны с психическими заболеваниями, созданная Военным ведомством, охватывала лишь часть таких лиц.

Те из военнослужащих, у которых война отняла «*самое дорогое, что есть в человеке – разум*», как потерявшие трудоспособность инвалиды, подлежали заботе Особой Комиссии. Постановление Совета по призрению от 18 июля 1915 г. вменяло в обязанность Особой Комиссии содействие устройству убежищ для психически больных и потерявших рассудок воинов[871]. В мае 1916 г. начала работу Психиатрическая подкомиссия Врачебно-технического отдела Особой Комиссии, включавшая в свой состав представителей заинтересованных ведомств, Красного Креста и общественных организаций – Главных комитетов ВЗС и ВСГ, Петроградского и Московского городских управлений, Петроградского и Московского губернских земств. Комиссия начала разработку плана призрения душевнобольных воинов, освобожденных по психической болезни от военной службы[872]. Выяснялась численность подлежащего этому виду призрения контингента, общие основания плана и способы осуществления призрения. Было признано желательным распространить попечение Совета по призрению не только на душевнобольных воинов, но и на все разряды лиц, пострадавших

[869] Закон об улучшении земских и городских финансов // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате: [Издание официальное]. - СПб., 1912.- № 1 (2 янв.)-263 (30 дек.). - ст. 2284.
[870] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.1072. Л.105.
[871] Деятельность комитета по Москве и Московской губернии // Ежемесячник... 1916. №6. С.42.
[872] РГВИА. Ф.12593. Оп.1. Д.1072. Л.24-24 об.

в связи с войной – служащих и рабочих в армии, беженцев и мирных обывателей, возвращаемых из вражеского плена.

По установившейся практике казна оплачивала содержание в лечебных заведениях местного самоуправления лишь тех психически больных отставных воинских чинов, которые были переданы туда непосредственно из госпиталей военного и морского ведомства. Между тем, значительное число душевнобольных поступало в земские психиатрические больницы напрямую из воинских частей и лазаретов общественных организаций, не попадая в приёмно-распределительные пункты военного ведомства и организацию Красного Креста[873]. Расчёты за содержание и лечение душевнобольных воинов в земских, городских и частных заведениях производились на основании соглашений Главноуполномоченных с учреждениями, заведующими данным лечебным заведением или на основе таблицы расчёта платы, ежегодно утверждаемой Начальником Главного управления по делам местного хозяйства МВД для расчёта финансирования учреждений общественного призрения военного ведомства за пользование воинских чинов в гражданских больницах[874].

Даже в том случае, если болезнь началась на службе, согласно действовавшим правилам, специальная комиссия должна была установить её связь с условиями прохождения службы – по поводу чего у психиатров не было единого мнения. Постановка диагноза могла существенно зависеть от позиции врачей того или иного учреждения, придерживавшихся разных взглядов на причины психических отклонений участников войны и отдававших предпочтение наследственной предрасположенности, органическому поражению или же болезненному состоянию эмоциональной сферы.

По выборке Воронежского психиатрического госпиталя Красного Креста и 81-го Московского сводного госпиталя, охватившей 5600 больных, среди всех поступивших юношеским слабоумием страдали 16%, паранойя

[873] РГВИА Ф.16323. Оп.1. Д.52. Л.1. Журнал Совещания по выработке общего плана призрения подлежащих попечению Особой Комиссии душевнобольных. Заседание 22 сентября 1916 г.
[874] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.1072. Л.107. Положение о психиатрической организации РОКК.

диагностировалась у 17,9%-13,9%, дегенерация психики 1,5-1,2% маниакально-депрессивный психоз был выявлен у 13%, врожденное слабоумие – у 11%, прогрессирующий паралич – у 12%, органическое слабоумие - 0,8-8,97%, эпилепсия – у 0,9%. Эти заболевания относились к неизлечимым и требовали пожизненного призрения больных, тогда как психозы истощения, установленные в 5,1-3,7% случаев, хорошо поддавались лечению. Не столь часто встречались и истерические психозы. Смертность среди психических больных оценивалась на основе данных Отчёта о состоянии народного здравия за 1912 г., приблизительно в 10%. Таким образом, 50-60% пациентов и после окончания войны продолжали бы нуждаться в помощи[875].

По данным Тифлисского сборного психиатрического пункта Красного Креста, душевные расстройства были диагностированы у 51,4% пациентов, нервные – у 35,9%. Было выявлено 15 симулянтов (1,24%), диагноз остальных больных остался неясен. Наиболее распространёнными диагнозами нижних чинов были раннее слабоумие (14,64% в группе душевных болезней) и эпилепсия (14,1% в группе нервных заболеваний), а у офицеров – травматический невроз (23,14%), неврастения (10,6%), истерия (10,1%). Наиболее распространённую причину психических заболеваний составляла негативная наследственность, на втором месте были контузии, на третьем – психическая травма[876].

Организационную основу призрения душевнобольных воинов и прочих пострадавших в связи с войной лиц должны были составить преимущественно земские и городские психиатрические больницы. Особая Комиссия намеревалась субсидировать постройку местным самоуправлением новых или расширение существующих помещений. Мотивами для такого подхода послужило мнение о желательности призрения больного по возможности ближе к месту его происхождения или постоянного жительства, что дало бы

[875] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.1072. Лл.178, 180.
[876] Отчёт Уполномоченного Психиатрической организации Красного Креста при Кавказской армии доктора А.И. Прусенко // Вестник Красного Креста 1916. № 10. С.137, 140.

ему возможность поддерживать связи с близкими, а также экономия и сравнительная лёгкость организации дела на основе уже действующих учреждений, имевших налаженную хозяйственную и административную части, располагавших необходимыми навыками и опытом. Также при таком подходе достигалось общее увеличение числа мест в психиатрических больницах. По миновании военных надобностей вновь учреждённые места могли быть обращены на пользу местного населения[877].

К декабрю 1916 г. в Особую Комиссию поступили обращения от 35 губернских земств, университетов и Одесского городского общественного управления о расширении существующих психиатрических больниц для нужд приёма пострадавших от войны. Из них Петроградское, Ярославское, Харьковское, Полтавское, Уфимское и Ставропольское губернские земства представили подробные планы и сметы расширения[878].

Поскольку места для продолжительного, в том числе пожизненного, призрения душевнобольных инвалидов войны создавались в земских психиатрических больницах, а земства, как и городские самоуправления, были объединены во всероссийские организации – Земский Союз и Союз Городов – постольку ВЗС и ВСГ также оказались вовлечены в мобилизацию системы психиатрической помощи, постаравшись приобрести в ней объединяющую и координирующую роль.

Довольно быстро – раньше, чем Особая Комиссия – Союзы создали свою Объединённую психиатрическую комиссию. В июле 1915 г. в составе Объединённой психиатрической комиссии была выделена неврологическая секция; также было организовано Центральное Статистико-психиатрическое бюро. Этому предшествовало образование 20 декабря 1914 г. при Петроградском областном комитете ВСГ Психиатрической комиссии под председательством профессора В.М. Бехтерева. В январе 1915 г. Петроградский областной комитет заключил с Психоневрологическим

[877] Там же.
[878] РГВИА. Ф.12593. Оп.1. Д.1072. Л.55-61.

институтом, который возглавлял П.П. Кащенко, договор об устройстве на территории института центрального эвакуационного психиатрического госпиталя. Эти два выдающихся психиатра – В.М. Бехтерев и П.П. Кащенко – сыграли заметную роль в определении принципов развития военной психиатрии в годы Первой мировой войны. Также ВЗС и ВСГ действовали в тесном контакте с Русским Союзом психиатров и невропатологов.

Для ознакомления земств с задачами развёртывания психиатрической помощи в связи с войной и обсуждения общих принципов её постановки, в ноябре 1916 г. по инициативе Петроградской областной психиатрической комиссии был проведён всероссийский съезд представителей земств, городов, их объединений и заинтересованных ведомств – Военного, МВД, Красного Креста, Русского союза психиатров и невропатологов. Программа съезда также была разработана Петроградской психиатрической комиссией. По мнению членов комиссии, на съезде следовало рассмотреть как организацию длительного лечения пострадавших, так и постановку временной помощи в продолжение войны. Совещанию было необходимо выяснить вопрос о разграничении сфер деятельности различных учреждений, заинтересованных в деле призрения душевнобольных воинов, и основные параметры участия местного самоуправления в организации психиатрического призрения жертв войны. Также нуждались в установлении основные принципы расширения действующих психиатрических лечебных заведений, возмещения расходов на содержание в них лиц, пострадавших в связи с войной, организации внебольничного призрения таких лиц. Кроме того, собрание уделило внимание совершенствованию эвакуации и распределения душевнобольных воинов и их статистического учёта.

Съезд пришёл к заключению, что призрение душевнобольных воинов и прочих пострадавших от войны лиц составляет неразрывную часть общей системы призрения душевнобольных в России, являясь предметом заботы государства и общества, но должно осуществляться за счёт государства через посредство органов местного самоуправления при содействии Особой

Комиссии Совета по призрению при участии объединяющих местные самоуправления органов ВЗС и ВСГ. Необходимо, чтобы мероприятия по лечению и призрению душевнобольных воинов были согласованы с общим планом развития психиатрической помощи в России. Съезд подчёркивал необходимость выработки такого плана соединёнными силами земств и городов, для чего следовало созвать очередной съезд психиатров[879].

Логично предполагая, что по окончании войны забота о военных инвалидах, страдающих неизлечимыми душевными расстройствами, ляжет на земства, съезд разработал схему расширения земской психиатрии. Согласно ей, ходатайства отдельных земств и городов об ассигновании средств на постановку психиатрической помощи в связи с войной должны были представляться на рассмотрение непосредственно в Главные комитеты ВЗС и ВСГ, которые переадресовывали бы их для получения финансирования в Особую Комиссию, сопровождая своим заключением. Для подготовки таких заключений при Главных комитетах предполагалось организовать специальную объединённую комиссию, состоящую из психиатров, санитарных врачей, инженеров, архитекторов и представителей союзных организаций, представителей конкретного земства или городского общественного управления, представившего проект, и «сведущих людей» (экспертов). Данная комиссия должна была рассматривать представляемые проекты с точки зрения их соответствия общему плану призрения душевнобольных воинов, психиатрическим и строительным требованиям, оценивая также стоимость сооружения и содержания[880].

По окончании войны местным самоуправлениям предлагалось учредить в своей структуре по примеру Москвы специализированный орган, курирующий земскую психиатрию, который и будет производить порайонный

[879] Резолюции Всероссийского съезда врачей-психиатров... С.5.
[880] Резолюции Всероссийского съезда врачей-психиатров... С.12.

статистический учёт душевнобольных, а также составление смет и отчётов по ведению этого дела[881].

Земства и города также были запрошены Особой Комиссией о том, в какой мере они могут принять участие в расширении психиатрической помощи душевнобольным жертвам войны. По запросу Особой Комиссии земства заявили о согласии открыть в земских психиатрических лечебницах места для душевнобольных воинов, однако только курское и минское земства предположили обойтись при этом без возведения дополнительных построек[882]. К масштабному расширению земских психиатрических больниц предполагалось приступить уже в строительном сезоне 1917 года. Многие органы местного самоуправления провели значительную подготовительную работу, подобрав земельные участки, подготовив проектно-сметную документацию, закупив некоторые стройматериалы.

Субсидии на расширение общественных земских и городских психиатрических лечебниц должны были направляться в адрес органов местного самоуправления. Также субсидии на соответствующие цели могли получить и другие учреждения, организации и лица[883]. Например, Психоневрологическому институту в Петрограде были ассигнованы средства на постройку лечебницы на 240 коек, Петроградскому губернскому земству – на 130 коек, Харьковскому губернскому земству – на устройство психиатрической колонии на 200 мест[884]. Юрьевскому императорскому университету Особая Комиссия отпустила 103 тыс. руб. на ремонт и расширение лечебницы для душевнобольных, пользовавшихся поддержкой Особой Комиссии, на 100 коек[885].

---

[881] РГВИА Ф.12593. Оп.1. Д.1072. Л30. Основные положения призрения душевнобольных воинов и прочих лиц на дому и патронирования поправившихся (Доклад Петроградской областной нервнопсихиатрической комиссии).
[882] РГВИА Ф.16323. Оп.1. Д.52. Л.4.
[883] РГВИА. Ф.12593. Оп. 1. Д. 1072. Л.24об.
[884] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.46. Л.11.
[885] РГИА Ф.1253. Оп1. Д.86. Л.34. Выписка из журнала заседания Психиатрического отдела Особой Комиссии Совета по призрению от 16 января 1917 г.

Летом 1917 г. всё дело организации призрения душевнобольных воинов было передано от Красного Креста в Объединённую психиатрическую организацию Земского и Городского союзов, финансирование же от Особой Комиссии перешло к губернским земствам, что на практике означало катастрофическое ухудшение ситуации.

Таким образом, уже через год участия России в Первой мировой войне проблема обеспечения военных инвалидов попадает в поле общественного внимания и занимает в нём прочное место. На протяжении двух с половиной лет войны усилия были сосредоточены в основном на организации на локальном уровне отдельных видов помощи военным инвалидам; вопрос централизации и координации этой деятельности был поставлен на повестку дня, но так и не был решен. С развитием системы призрения увечных воинов появляется мнение о законодательной регламентации их статуса. В годы Первой мировой войны в Российской империи повсеместно началось создание специализированных учреждений для реабилитации и призрения инвалидов войны. В этом процессе принимали участие многочисленные частные, общественные и государственные акторы: благотворители-жертвователи и благотворительные организации, местное самоуправление, правительственные ведомства. С одной стороны, это расширяло общественное участие и ресурсную базу призрения инвалидов. С другой стороны, стихийность, отсутствие четкой регламентации и центрального органа управления, представление о временном характере деятельности Совета по призрению создавали определенные противоречия финансовой и организационной стороны дела. Тема призрения военно-увечных, исполнения общественного долга перед ними стала площадкой для консолидации общественных сил. События развивались таким образом, что намеченные планы создания системы попечения о военно-увечных оборвались в самом начале их реализации, но можно предположить, что становление системной помощи военным инвалидам могло составить основу для развития смежных

отраслей, таких как санаторно-курортное дело, профессиональное образование, развитие сети реабилитационных медицинских учреждений.

Сложившаяся в условиях Первой мировой войны система психиатрической помощи в качестве основных организационных элементов включала структуры Красного Креста, Особой Комиссии Совета по призрению, местного самоуправления. Каждый из этих элементов выполнял свои функции: выявление психических больных в действующей армии и их эвакуация в тыл выполнялись Красным Крестом, получавшим государственное финансирование. Лечение и призрение душевнобольных, пострадавших в связи с войной, организовывались Особой Комиссией из средств Совета по призрению. Земства и городские самоуправления располагали наиболее развитой сетью психиатрических лечебных учреждений, которые оказывали непосредственную помощь. По числу мест для душевнобольных психиатрические организации Красного Креста и органов местного самоуправления были примерно сопоставимы, однако их контингент различался.

Как видно, Земский и Городской союзы, формально состоявшие под эгидой Красного Креста, совершенно не считали себя его частью и в интересах дела посягали на его предмет ведения. Если РОКК рассматривал своё участие в организации психиатрической помощи как временное, то Союзы были заинтересованы в закреплении за собой руководящих функций в данной сфере и по окончании войны.

* * *

Для сложившейся в ходе Первой мировой войны системы социальной помощи пострадавшим – солдатским семьям, детям, вернувшимся с фронта нетрудоспособным солдатам – была характерна полисубъектность. Акторами оказания помощи были частные благотворители, благотворительные общества – как существовавшие до войны, так и появившиеся во время войны, как крупные общероссийские, так и маленькие локальные кружки, как специализированные, так и те, для которых помощь жертвам войны была лишь

одним из направлений работы. Это обстоятельство придавало мерам помощи хаотичность и аморфность, присущую благотворительности. Однако именно низовым акторам чаще всего принадлежала инициатива устройства тех или иных учреждений помощи.

Вторая группа акторов, оказывавших поддержку жертвам войны, была связана с местным самоуправлением. Это могли быть как управы в целом либо специально созданные в них отделы, так и организованные управами комитеты с привлечением представителей благотворительной общественности (Приложение 7). Заметное место занимали устроенные по сходному принципу участковые попечительства о бедных, появлявшиеся в городах. Сильной стороной органов местного самоуправления была единообразная организация, наличие профессиональных кадров и определённого опыта работы в социальной сфере, а также опыта реализации проектов в области здравоохранения, образования, агрономии.

Автономная система органов и учреждений местного самоуправления плохо сопрягалась с решением масштабных государственных задач, но выступала при этом необходимым элементом в механизме их решения, требуя централизации. Земский Союз и Союз Городов, тесно взаимодействуя в данном направлении, предпринимали усилия по координации работы местного самоуправления, ставя своей целью создание постояннодействующей общероссийской системы социальной помощи, урегулирование правового статуса её адресатов. Общероссийские объединения органов местного самоуправления претендовали на координирующую роль в отношении помощи пострадавшим от войны так же, как и в отношении организации лечения раненых. Эта роль проявлялась в создании профильных отделов в составе Главных комитетов Союзов, обсуждении вопросов рациональной организации призрения на съездах и совещаниях. Однако оказать финансовую поддержку намечаемым планам Союзы не могли, так как сами существовали за счёт государственного финансирования, получаемого на их основную деятельность – лечение раненых.

Третьим элементом организационной системы помощи жертвам войны была сеть отделений Елизаветинского комитета. Её характерной чертой была иерархичность и централизованность, позволявшая перераспределять денежные средства и выполнять экспертные функции. Другой характерной чертой была наиболее тесная интеграция с административным аппаратом, которая придавала весомость работе местных отделений, но которую, однако, не надо преувеличивать: чиновники участвовали в работе отделений наряду со своими основными должностными обязанностями. Это обстоятельство делало необходимым интенсивное вовлечение в деятельность местных отделений представителей земств, городов и частной благотворительности. Елизаветинский комитет, находившийся в подчинении Совета по призрению, рассматривался как основной инструмент реализации мер дополнительной поддержки пострадавших от войны.

Следует отметить интенсивное взаимодействие между тремя группами акторов социальной помощи, во многих случаях их субсидиарную, взаимодополняющую деятельность в реализации конкретных проектов. Характерной чертой системы социальной помощи периода Первой мировой войны стало появление и развитие при государственной поддержке новых организационных структур, действовавших в данной сфере – Елизаветинского и Романовского комитета, Особой Комиссии, тогда как существовавшие ранее структуры, работавшие в сходной области – Алексеевский комитет, Красный Крест, Ведомство учреждений императрицы Марии – оттеснялись на второй план.

В целом система социальной помощи жертвам войны, вышедшая за рамки сословной ограниченности, религиозной мотивации и примитивной эпизодичности раздачи милостыни, пользовавшаяся общественным вниманием и государственной поддержкой, может рассматриваться как один из каналов модернизации общественных отношений.

Заключение

В пореформенной Российской империи состояние социальной сферы было обусловлено такими процессами, как демографический взрыв, урбанизация, распространение рыночных отношений и имущественная поляризация. В начале XX века, на фоне трансформации социальной структуры российского общества, велась дискуссия о роли государства в области общественного призрения, субъектах и объектах помощи, о гарантированном правом и факультативном призрении, о превентивной и оперативной помощи. Постепенно развивалось законодательное регулирование сферы образования, трудовых отношений, социального страхования. Приоритеты государственной политики в социальной сфере реализовывались в социальной деятельности органов местного самоуправления, которые уделяли основное внимание образованию и медицине, финансируя меры социальной поддержки нуждавшихся по остаточному принципу. В области социальной защиты ведущая роль принадлежала системе общероссийских формально благотворительных обществ, тесно аффилированных с государственным аппаратом, получавших государственное финансирование и состоявших под покровительством членов императорской фамилии. Появление локальных независимых благотворительных объединений долгое время ограничивалось.

Первая мировая война не могла не оказать глубокого воздействия на организацию государственного управления и содержание государственной политики Российской империи. В широком смысле это воздействие может быть охарактеризовано как переход к мобилизационной модели управления с возникновением структур, обеспечивавших сосредоточение ресурсов и перенаправление их на нужды войны. Война поставила перед государством принципиально новые и неотложные задачи в социальной сфере. Появились многомиллионные социальные группы, лишившиеся своего места в обществе и остро нуждавшиеся в социальной поддержке – солдатки и солдатские

сироты, беженцы, инвалиды войны. Они стали объектами формировавшейся в годы войны системы социальной помощи.

Идеологема социальной помощи в период Первой мировой войны создавалась вокруг фигуры солдата. Мелисса Стокдейл указывает, что «*в годы войны образ солдата служил некой «точкой сборки» национальной солидарности, в которой преодолевались сословные, классовые, имущественные, национальные и иные различия*»[886]. Его жертва героизировалась, и в общественном дискурсе выстраивалось определённое представление о взаимных обязанностях солдата, государства и общества. Солдат был должен беспрекословно выполнить приказ, отдавая свою жизнь «за веру, царя и Отечество». Государство, вырвав гражданского человека из частной жизни, обезличив и подчинив его судьбу своим стратегическим интересам, как минимум должно было принять на себя ответственность за риски утраты им жизни и здоровья. Подразумевалось, что защищая страну от врага, солдат служит интересам общества в целом, что порождало у общество ответные обязательства заботы о семье солдата, его детях и о нём самом в случае его инвалидизации. Таким образом, утверждается представление о том, что социальная помощь жертвам войны является обязанностью государства и общества, а не милостыней. Однако в изучаемый период правовые, организационные и финансовые механизмы государственной социальной политики имели слабое развитие, что вынуждало власть использовать привычные механизмы государственно-общественного партнёрства в решении задач поддержания социальной стабильности.

Это обстоятельство предопределило состав субъектов оказания социальной помощи и иерархические связи между ними. Обращает на себя внимание, что сложившиеся к началу XX века организационные институты призрения – Ведомство учреждений императрицы Марии, Императорское Человеколюбивое общество, Российское общество Красного Креста – заняли

[886] Melissa K. Stockdale, “United in Gratitude: Honoring Soldiers and Deining the Nation in Russia’s Great War,” Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History 7, 3 (Summer 2006): 460.

в системе помощи жертвам войны второстепенные позиции. В годы войны произошло образование новых структур общественного призрения, которые во многом унаследовали организационно-правовые традиции своих предшественников. Сформировавшаяся система социальной помощи жертвам войны и её правовая основа носили временный характер, однако уже в ходе войны стали появляться проекты постановки общественного призрения на регулярную основу.

Органом, объединившим мероприятия в отношении жертв войны, стал Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. В системе призрения жертв войны, создававшейся на основе императорского указа от 11 августа 1914 г. и вводимого им в действие Положения об именных комитетах, ему была присвоена роль руководящего органа; образованному в Москве Комитету великой княгини Елизаветы Фёдоровны – значение объединяющего органа, а комитету, учрежденному в Петрограде под почётным председательством великой княжны Ольги Николаевны, и местным отделениям Комитета Елизаветы Фёдоровны – роль распорядительных и исполнительных органов. Следует подчеркнуть, что согласно нормам Положения о комитетах, их попечение распространялось на разные категории жертв войны: Верховного Совета – на семьи всех призванных на войну и семьи раненых и павших; Комитета Елизаветы Фёдоровны – только на семьи призванных из запаса и ратников ополчения, а на семьи убитых и увечных – согласно воле жертвователей и в зависимости от имеющихся средств.

Со стороны государства пострадавшим предоставлялись минимальные гарантии социального обеспечения в виде пенсий и пайков. Оказание дополнительной поддержки предполагалось в традиционных, архаичных формах благотворительности. Однако благотворительность в своем «классическом» виде – как частные добровольные интеракции – была несоразмерна масштабу стоявших перед властью и обществом проблем, поскольку материальные ресурсы общества всегда ограничены, а моральные

стимулы их добровольного благотворительного перераспределения – лабильны. Государство пошло по пути стимулирования, организации и централизации благотворительной активности. Эти задачи реализовывались двумя крупнейшими всероссийскими организациями под августейшим патронажем, возникшими в годы войны – Комитетом Ея Императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц призванных на войну (Елизаветинский комитет) и Комитетом Ея Императорского Высочества Великой княжны Татианы Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий (Татьянинский комитет). Елизаветинский комитет сосредоточил свои усилия в сфере помощи солдатским семьям; деятельность Татьянинского комитета оказалась направлена на помощь беженцам.

Отделения Елизаветинского комитета с центральным органом в Москве составляли единую сеть в масштабах всей страны и обладали единообразной централизованной иерархической структурой, периферию которой образовывали местные подразделения губернского и уездного уровней. Губернские отделения возглавлялись губернатором, уездные комиссии – уездным предводителем дворянства. Состав местных отделений включал чиновников губернской администрации, деятелей местного самоуправления, представителей дворянского сословного самоуправления и духовных лиц. Кроме них, подразделения Елизаветинского комитета на добровольных началах включали в себя представителей благотворительных организаций, занятых помощью солдатским семьям, городских попечительств о бедных и Всероссийского Земского Союза.

Деятельность Елизаветинского комитета была ориентирована на организацию необходимой поддержки, дополняющей казенный паек. Это могло быть обучение детей, обеспечение взрослых оплачиваемой работой (в том числе за счет организации собственных мастерских), приискание дешевого или бесплатного жилья, раздача одежды и обуви и т.п. Оказание помощи

осуществлялось как филантропическими институциями, так и структурами местного самоуправления. Последние могли выделять это направление в специализированные комитеты, вводя в их состав представителей общественности. Такая деятельность тяжёлым грузом легла на бюджеты земств и городов. Местные средства могли быть усилены кредитами Министерства внутренних дел и Министерства финансов, а также ссудами из Кассы городского и земского кредита. Кроме того, земства и города широко сотрудничали с Елизаветинским комитетом, получая от него средства на реализацию своих социальных проектов.

Таким образом, в годы Первой мировой войны в Российской империи складывалась централизованная полисубъектная система социальной помощи жертвам войны, которые постепенно приобретали регламентацию своего правового статуса и универсальные гарантии государственной поддержки. В зависимости от категорий пострадавших можно выделить несколько подсистем социальной помощи, для каждой из которых будут характерны свои формы и механизмы поддержки, определённое своеобразие в составе субъектов предоставления помощи.

Наиболее масштабной и разнообразной была подсистема помощи солдатским семьям. В её основе лежала сеть волостных попечительств, занятых назначением и раздачей пайков. К этой деятельности привлекались должностные лица крестьянского самоуправления – волостные старшины и сельские старосты. Волостные попечительства находились под надзором Министерства внутренних дел: на земского участкового начальника (бывшего чиновником МВД) возлагалось непосредственное наблюдение за надлежащим исполнением волостными попечительствами своих обязанностей. Уездные земские собрания также могли выбирать уполномоченных для наблюдения за обследованием солдатских семей. Надзорные функции осуществлялись губернской администрацией в лице губернского присутствия под началом вице-губернатора. Представители местного самоуправления включались в состав губернских присутствий и уездных съездов. Общий надзор лежал на

Министерстве внутренних дел. Таким образом, формально демократическая и всесословная система волостных попечительств оказывалась связанной с крестьянским самоуправлением, местным самоуправлением и государственной властью.

Земства занимались поддержкой производства в крестьянских хозяйствах, города – преимущественно помощью беднейшим семьям. Также получила распространение практика создания своеобразных аналогов «мелких земских единиц» субъуездного уровня, занятых помощью солдатским семьям.

Главное управление землеустройства и земледелия (с декабря 1915 года – Министерство земледелия) по роду своей деятельности наиболее близко стояло к крестьянскому населению. Его агрономический персонал и оборудование прокатных станций также использовались для помощи крестьянским семьям. ГУЗиЗ распределял в их пользу дрова с казённых дач, открывал учебные курсы для инвалидов, патронировал земледельческие колонии для солдатских сирот.

Призрение семейств нижних воинских чинов было первой в России законодательно закреплённой мерой предоставления социальных гарантий определенной категории населения, реализуемой государством, которая стала значимым шагом к формированию социальной политики современного типа. Совокупно казенный паек и дополнительные меры поддержки преследовали две важные цели, лежавшие в социально-экономической плоскости: обеспечение социальной стабильности в тылу сражавшихся армий, сохранение лояльности солдатской массы и поддержание производительной способности крестьянских хозяйств.

В отдельную подсистему социальной помощи можно выделить заботу о детях воинов. Число детей, нуждавшихся в помощи, значительно расширилось за счёт появления категории оставшихся без попечения родителей «полусирот», отцы которых находились на фронте. Специализированными полугосударственными благотворительными структурами помощи детям были Алексеевский и Романовский комитеты. Необходимо подчеркнуть их казённое

финансирование наряду с привлечением благотворительных пожертвований. Кроме того, названные комитеты получали средства от Совета по призрению.

В годы войны Главный Алексеевский комитет распространил свою компетенцию на детей погибших солдат и офицеров, которые получили право на постоянное пособие. Кроме того, Алексеевский комитет мог дополнительно оплачивать их обучение. Помощь солдатским сиротам составила основной предмет деятельности Романовского комитета для призрения сирот сельского состояния, ставшего оператором новой формы учреждений детского призрения – земледельческих приютов, пребывание в которых должно было сопровождаться серьёзной профессиональной подготовкой воспитанников. Учредителями приютов виделись прежде всего земства. Для их поддержки Министерство земледелия располагало фондом для выдачи займов местному самоуправлению на открытие приютов. Спонсировал устройство земледельческих колоний и Елизаветинский комитет. Сиротские приюты для детей воинов также открывались благотворительными организациями при финансовой поддержке Елизаветинского комитета. Немало мест для солдатских сирот предоставили православные монастыри.

В помощи нуждались и те дети, которые жили со своими матерями – прежде всего, дети из беднейших семей. В годы войны как в городе, так и в деревне получила повсеместное распространение организация дневного присмотра за детьми младшего возраста – ясли, сады, очаги, площадки. Наиболее распространёнными субъектами, её реализующими, были земства или отделения Елизаветинского комитета. Назначение яслей виделось прежде всего в высвобождении матери для работы по найму. В городах органы самоуправления и благотворительные общества устраивали для детей столовые.

Также была развёрнута поддержка получения солдатскими детьми образования, которой занимались педагогические комиссии, подчинявшиеся и частично финансировавшиеся Особой Комиссией Совета по призрению и находившиеся под наблюдением попечителя учебного округа. Педагогические

комиссии, состоявшие из преподавателей учебных заведений и сочувствовавших лиц, не только оказывали учащимся необходимую материальную помощь, но и занимались с ними подготовкой к занятиям.

В годы Первой мировой войны всё отчётливее формировалась мысль о необходимости централизации и упорядочения детского призрения на основе норм закона. Такая идея высказывалась на Совещании по призрению детей в связи с войной и на съезде представителей Елизаветинского комитета. В первом случае проектировалось закрепление его за местным самоуправлением, во втором – за местными отделениями Елизаветинского комитета. Помощь детям защитников Родины рассматривалась как патриотический долг общества и государства перед армией.

В годы войны происходило интенсивное становление подсистемы поддержки военных инвалидов. Забота об этой категории населения вышла за рамки частной благотворительности. Следует подчеркнуть, что инвалиды войны стали первой категорией лиц со сниженной трудоспособностью, в отношении которых предпринимались усилия по созданию комплекса мер поддержки. Также необходимо отметить, что в годы войны делались лишь первые шаги в этом отношении. Развитие разворачивалось в направлении содействия в адаптации к новому социальному статусу и требовало диверсификации форм помощи, включая медицинскую, социальную, образовательную. Создавались и проектировались специализированные учреждения, призванные предоставлять военному инвалиду такую помощь – терапевтические институты, протезные мастерские, санатории, учебные курсы с общежитиями, приюты-убежища. На повестке дня стояла поддержка артельного труда прошедших переобучение инвалидов. Предполагалось закрепление за ними преимуществ в поступлении на «интеллигентные» должности. На начальном этапе, в продолжении войны, эти меры осуществлялись в рамках общественного призрения, однако было очевидно, что без государственного финансирования, централизации и унификации построить эффективную систему гарантий для самой пострадавшей от войны

категории невозможно. Таким образом, проблема военной инвалидности из сугубо медицинской переходила в политическую плоскость.

Спорным оставался вопрос об управлении будущей централизованной системой помощи инвалидам войны. Закрепить его за собой стремился Земский Союз, который подготовил собственный проект территориально-функциональной системы помощи военным инвалидам и даже составил её смету. Однако введение должности непременных членов местных отделений Елизаветинского комитета фактически со статусом государственного чиновника может рассматриваться как серьёзный аргумент в пользу того, что государство не торопилось передавать местному самоуправлению попечение о военных инвалидах. Это обстоятельство дополнительно свидетельствует об обособлении данной категории среди всех нуждавшихся, которые, согласно нормам Устава об общественном призрении, подлежали попечению своих территориальных или сословных корпораций. На повестке дня стояло проведение регистрации инвалидов войны и законодательное закрепление получения ими необходимой помощи.

Можно выделить следующие этапы в развитии системы социальной поддержки жертв войны:

1. Этап становления. После вступления России в войну оперативно были определены нормативные основы координации благотворительной помощи, ассигнованы казённые средства. Содержанием этапа стало создание организационных структур губернского, уездного, городского уровня, занятых активным привлечением благотворительных пожертвований и апробацией различных видов помощи. В конце этапа в орбиту централизованных мер поддержки были включены и инвалиды войны. На данном этапе помощь солдатским семьям конкурировала за общественные ресурсы с помощью раненым.

2. Этап стагнации. Организационные формы управления социальной поддержкой жертв войны, распределение полномочий в этой сфере, виды учреждений и меры помощи были определены к середине 1915 г.

Одновременно набирает силу беженское движение, которое потребовало значительных государственных ресурсов и отвлекло на себя внимание общества. При этом помощь беженцам оказалась организована по тому же принципу, что и помощь жертвам войны, хотя и автономно. На этом этапе благотворительные пожертвования начинают сокращаться при одновременном росте числа нуждавшихся в помощи, что влечёт необходимость расширения казённых ассигнований. Сокращение притока пожертвований ставило благотворительные организации в зависимость от казённого финансирования, получаемого через Совет по призрению, и явочным порядком централизовало их деятельность.

3. Этап институциализации. Складывалась регламентация социальной помощи, связанная с регистрацией получателей поддержки, определением подушевых норм финансирования, разработкой типовых проектов социальных учреждений. Появлялись инициативы и проекты разработки законов, регламентирующих их статус. Общественные силы в годы войны активно разрабатывали тему «государственного призрения» – модель социальной помощи, предоставляемой органами местного самоуправления с участием частной инициативы и обеспеченной государственным финансированием.

Таким образом, в годы Первой мировой войны развитие системы социальной помощи связано с появлением правовых норм и организационных структур, на основе которых складывались устойчивые, воспроизводящиеся общественные отношения, обладающие определёнными ценностями. Государство постепенно становилось ведущим субъектом помощи, объекты помощи приобретали правовой статус, гарантирующий их право на получение поддержки от государства, а субъекты помощи получали регламентацию. Складывались организационные механизмы, необходимые для распределения бюджетных средств и оказания дополнительной поддержки. Религиозные идеологемы благотворительности сменялись идеологемами социальной солидарности. Это даёт основание утверждать, что именно на период Первой

мировой войны приходится генезис государственной социальной политики, приведший после революционных изменений к образованию Министерства государственного призрения в мае 1917 г. и увенчавшийся созданием советской этатистской системы социального обеспечения. Советская социальная политика обладала, таким образом, определённой преемственностью с процессами, порождёнными в предреволюционный период экстремальными военными условиями.

На этапе своего становления, в годы Первой мировой войны, архитектура социальной защиты несла в себе черты субсидиарной модели, для которой характерно предпочтение низовых общественных инициатив и ограничение роли государства их законодательным регулированием и финансовой поддержкой. Эта модель предусматривает наличие крупных влиятельных негосударственных организаций, действующих в социальной сфере[887]. Поиск баланса между правительственными и частными усилиями в социальной сфере вёл к развитию модели плюралистической социальной политики, несущий каркас которой составляли государственно-общественные организации, к каковым относились состоящие под высочайшим покровительством комитеты. Следует помнить, что развитие новых социальных структур проходило в сложившейся конфигурации социального устройства, в чём раскрывается дуализм структуры как результата предшествующей исторической эволюции и сознательной волевой преобразующей деятельности, приводящей к изменению существующих структур, дуализма культурно-исторического и социально-исторического субъекта[888].

Особенностью сложившейся в годы Первой мировой войны системы социальной поддержки нуждавшихся категорий было отсутствие специализированного бюрократического аппарата, функции которого

[887] Студенова Е.Г. Принцип субсидиарности как социально-этический и социально-политический базис плюрализма в субъектности социальной политики и социальной работы // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Том 5. № 5А. С. 60-70.
[888] Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., Круг, 2011. С. 79.

возлагались на чиновников коронной администрации и местного самоуправления в качестве дополнительных обязанностей. Развитие общественных структур – их количества, степени профессионализма, поля деятельности в годы Первой мировой войны можно рассматривать и как механизм преодоления хаоса в общественной жизни, развиваемый государством, и как механизм суверенизации гражданского общества, его выхода из-под административной опеки. По нашему мнению, применительно к общественным организациям социальной сферы имела место первая тенденция, причём впоследствии получившие право голоса «опекаемые» апеллировали в своих требованиях напрямую к государству.

Расширение государственного воздействия на социальную сферу не уменьшало, а напротив, увеличивало разнообразие негосударственных форм социальной поддержки. Однако не следует ни расширять значение благотворительности в содержательном смысле, ни преувеличивать её значение в плане решения общественных проблем. Мелкие благотворительные организации оставались вне зоны государственного внимания; в условиях дефицита ресурсов их роль становилась второстепенной. Благотворительные организации, возникавшие в связи с войной, действовали локально и имели, как правило, узкий профиль. По мере нарастания экономического кризиса и сокращения благотворительных пожертвований закономерно возрастало значение государственного финансирования проектов помощи жертвам войны. В этих условиях благотворительные организации трансформировались в распределительные органы казённого финансирования, а содержание их деятельности зависело от размера этого финансирования. Логичным следствием патернализма становился этатизм, т.е. огосударствление социальной сферы и вытеснение из неё автономных от государства объединений, которые могут быть как конкурентами, так и партнёрами государственных структур[889].

[889] Сидорина Т.Ю. Два века социальной политики. М., 2005. С. 346.

Инициатива создания и трансформации структур социальной помощи исходила от центральной власти. Следует подчеркнуть, что ведущая роль в распределении денег была закреплена за всероссийскими организациями, состоявшими под августейшим покровительством, то есть преподносилась в виде патерналистского попечения монаршей семьи о подданых.

Проведенная реконструкция показала, что для решения порожденных войной социальных проблем в Российской империи широко использовалось межведомственное взаимодействие. На центральном уровне координация осуществлялась чрезвычайными органами –Советом по призрению и Особым Совещанием о беженцах. На периферии организация социальной помощи жертвам войны осуществлялась во взаимодействии губернской администрации и органов местного самоуправления, причем губернатор и другие представители провинциальной элиты на личном уровне были вовлечены в работу крупнейших всероссийских благотворительных организаций.

В условиях отсутствия специализированного аппарата органов социального обеспечения такой подход позволял оказывать поддержку наименее защищенным категориям населения. Необходимость мобилизации и координации всех сил социальной помощи, интеграции разнородных акторов была сомасштабна порождённым войной проблемам. Однако задача эта была решена скорее явочным порядком, чем в результате рационального планирования. Тем не менее, сложившийся механизм координации общественной, государственной и частной помощи жертвам войны оказался достаточно гибким, соответствующим как потребностям и возможностям государства, так и сложившимся национальным традициям благотворительной деятельности, что позволило включить в него на общих основаниях решение новых задач, обусловленных затяжным и неудачным характером войны – помощь инвалидам и беженцам. Формирование мобилизационной модели социальной политики предполагало объединение ресурсов государства и общества, усиление роли государственных структур в социальной жизни и

порождало одновременно поворот к социально-ориентированному управлению и этатизацию социальной сферы.

Возникнув как чрезвычайные органы социальной мобилизации, Совет по призрению и связанные с ним структуры эволюционировали в направлении трансформации в единый орган государственной исполнительной власти, реализующий социальную политику. Эта трансформация являлась одним из существенных элементов институциализации социальной политики как таковой. В первые дни войны А.Н. Куломзин, приветствуя объединение деятельности в пользу семей запасных под эгидой императрицы, предвосхищал в будущем «*объединение в лице её величества всего дела общественного призрения*»[890]. Это важное сообщение отмечает растущее в государственных кругах осознание необходимости институциализации обширной, но разнородной российской сферы социальной помощи.

[890] РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.3. Л.60-61. Личное письмо А.Н. Куломзина графу Я.Н. Новосильцеву 15 августа 1914 г.

Список источников и литературы

I. Архивные фонды

Российский государственный исторический архив (РГИА)

1. Ф.1253 Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

2. Ф.12564 Всероссийский Земский Союз
3. Ф. 12593 Всероссийский Союз Городов
4. Ф.16323 Особая Комиссия Верховного Совета

Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ)

5. Ф. 113 Московский комитет по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну

Государственный архив Орловской области (ГАОО)

6. Ф. 2 Орловское губернское по земским и городским делам присутствие Министерства внутренних дел
7. Ф. 580 Канцелярия Орловского губернатора Министерства внутренних дел г. Орел, Орловской губернии

II. Периодическая печать

8. Известия Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов
9. Еженедельник, затем Ежемесячник комитета Ея Императорского Высочества великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц призванных на войну
10. Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам
11. Известия Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам
12. Вестник Российского общества Красного Креста
13. Трудовая помощь
14. Целебные силы России

15. Призрение и благотворительность в России

III. Опубликованные источники

16. Агрономическая помощь в России / Под ред. В.В. Морачевского. Пг.: Деп. земледелия, 1914. - 653 с.

17. Ассигнования губернских и уездных земств на нужды, вызванные войной / Ред. "Изв. Гл. ком. Всерос. зем. союза". - Москва : тип. Рябушинских, 1916. - 215 с.

18. Ведомости обследования сирот и полусирот и приютских заведений, произведенного по поручению Романовского комитета в 1916 г. по Харьковской губернии. - 1916. - 133 л. // РГИА Ф.1290 Оп.4 Д.722 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.prlib.ru/item/929940 (дата обращения: 11.05.2023).

19. Великая княгиня Елисавета Феодоровна: Документы и материалы. 1905-1918 / Сост. Е.Ю. Ковальская. Т. 2. М.: Никея, 2018. 730.

20. Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества. - Санкт-Петербург, 1914. 32 с.

21. Волостные и земские попечительства. Доклад комиссии, избранной Московским обществом сельского хозяйства в заседании 5 сентября 1914 г. для рассмотрения вопроса о задачах земства в деле призрения семейств нижних чинов, призванных на войну, в связи с Высочайшим указом 29 августа с.г. М., 1914. 50 с.

22. Стенографические отчеты. Сессия 12. Заседания 1-33 (9 февраля - 22 июня 1916 г.). — Петроград : Государственная типография, 1916. — 1822 стб. Стб. 1610.

23. Государственный Совет Российской Империи в годы Первой мировой войны (1914 1019) : в 2 т. / авт.-сост. В. П. Богданов [и др.]. М. : Изд-во Московского ун-та, 2020. Т.1 773 с., Т.2 733 с.

24. Ди-Сеньи Н.К. Отчет командированного председателем Романовского комитета помощника начальника Отделения Канцелярии Совета министров Н. К. Ди-Сеньи о результатах осмотра некоторых получающих пособия из

средств Комитета сиротских приютов в губерниях - Астраханской, Казанской, Нижегородской, Самарской, Саратовской и Симбирской и в городах - Москве и Гельсингфорсе. - Пг. : Гос. тип., 1915. - 108 с.

25. Доклад Комиссии, избранной Московским обществом сельского хозяйства в заседании 5 сентября 1914 г. для рассмотрения вопроса о задачах земства в деле призрения семейств нижних чинов, призванных на войну, в связи в Высочайшим указом 29 августа с. г. - М. : тип. О.Л. Сомовой, 1914. - 50 с.

26. Доклад Главного Комитета Собранию уполномоченных губернских земств 12 марта 1915 г. М.: Типография товарищества Рябушинских, 1915. 56 с.

27. Доклады Орловской губернской земской управы 51-му очередному губернскому земскому собранию 1916 года. Книга 1. Орёл: Типография В.С. Зайцева, 1917. 228 с.

28. Журнал заседания 3-го Съезда представителей Всероссийского союза городов : [С прил.] / Всерос. союз городов. - Москва, 1915. - 43 с.

29. Земледельческие колонии и ремесленные приюты, как воспитательные заведения для несовершеннолетних преступников и бедных детей. СПб., 1870. [Электронный ресурс].- Режим доступа: https://mkdn.mos.ru/about/history/ (дата обращения: 21.08.2023).

30. Земская идея в истории социально-политической мысли России: Антология. Т. 1: Земская идея: теории, отечественный и зарубежный опыт / под ред. А.Ю. Шутова; подгот. текстов и коммент. А.В. и А.И. Топычкановы, С.Ю. Шокарев. – М.: Изд-во Московского университета, 2014. – 544 с.

31. Краткий обзор годовой деятельности склада ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны в Зимнем дворце. 23 июля 1914 г. - 23 июля 1915 г. Пг., 1915. 24 с.

32. Краткий отчет о деятельности Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества за 1916 год.- Петроград, 1917. - 110 с.

33. Краткий очерк деятельности Всероссийского Земского Союза. Январь 1916 года. М.: Типография Товарищества Рябушинских, 1916. 52 с.

34. Лавров А.П. Справочник о личном составе Верховного Совета и подведомых ему учреждений : (Испр. по 15 окт. 1916 г.) / Сост. А.П. Лавров ; Верхов. Сов[ет] по призрению семей лиц, призв. на войну, а также семей раненых и павших воинов. – Пг.: Канцелярия Верх. Сов., 1916. - 88 с.

35. Материалы по организации ремесленного и профессионального обучения увечных воинов. Вып.1. Пг.: Садовая типо-лит. Н.Г. Мазур, 1916. 134 с.

36. Об обеспечении судьбы детей лиц, погибших в войну с Японией // Департамент законов Государственного Совета. Том 13. О рассмотрении законопроектов ведомств по всем вопросам государственного управления за 1905 год). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.prlib.ru/item/884608 (дата обращения: 25.08.2023).

37. Обзор агрономической помощи в районах землеустройства Новгородской губернии в 1915 году. Новгород Великий, 1916. 59 с.

38. Обзор деятельности Алексеевского главного комитета за десятилетие 1905-1915 гг. – Петроград: Б/и, 1915. – 167 с.

39. Обзор деятельности городских попечительств о бедных за первый год войны 1914-1915 годов. Сост. И.Я. Гуревич. Пг., 1915. 107 с.

40. Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за 1915 год. Пг., 1917. 109 с.

41. Обзор политической деятельности общественных организаций за период времени с 1 марта по 16 апреля 1916 года. - 1916. - 22 с.

42. Общественная работа в глубоком тылу: Отчет о деятельности Центр. бюро при Моск. гор. управе с 1 июля 1914 г. по апр. 1915 г. - Москва, 1915. - 254 с.

43. Общие основания организации земледельческих приютов для детей увечных и павших воинов / Министерство Земледелия, Совет по делам земледельческих приютов. - Пг. : Гос. тип., 1916. - 46 с.

44. Организация призрения и эвакуации душевнобольных воинов действующей армии : Утверждены Главным управлением Российского общества Красного Креста 22 сент. 1914 г.- Пг, 1914.- 10 с.

45. Особые журналы Совета министров Российской империи, 1909-1917 гг. 1914 год. - Ульяновск : Ульяновский Дом печати, 2006. – 698 с.

46. Особые журналы Совета министров Российской империи, 1909-1917 гг. 1915 год. - Москва : РОССПЭН, 2008. – 714 с.

47. Особые журналы Совета министров Российской империи, 1909-1917 гг. 1916 год. - Москва : РОССПЭН, 2008. – 758 с.

48. Особые журналы Совета министров Российской империи, 1909-1917 гг. 1917 год. - Москва : РОССПЭН, 2009. – 302 с.

49. Отчет образованной в составе Верховного совета Особой комиссии по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжение настоящей войны, а также их семей за 1915 год. - Петроград: Гос. тип., 1916. - 196 с.

50. Отчет о деятельности Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, и подведомых ему учреждений. Пг.: Государственная типография, 1916. 204 с.

51. Отчет о деятельности Романовского комитета за 1916 год. Б.м., Б.и., 1917. 28 с.

52. Отчет по высочайше разрешенной благотворительной лотерее 1914 года. - Пг. : Гос. тип., 1917. - 61 с.

53. Отчёт состоящей под августейшим председательством её императорского высочества великой княгини Ксении Александровны образованной в составе Верховного Совета Особой Комиссии по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжение войны, а также их семей за 1915 год.- Пг.: Государственная типография, 1916. 191 с.

54. Очерк деятельности Всероссийского союза городов 1914-1915 г. - М., 1916. - 239 с.

55. Первый Всероссийский съезд деятелей по общественному и частному призрению. 8-13 марта 1910. СПб., 1910. 679 с.

56. План регистрации увечных воинов, выработанный Отделом помощи увечным воинам Главного комитета Всероссийского земского союза / Глав. ком. Всерос. земского союза. - 2-е изд. – М.: Б/и, 1917. - 24 с.

57. Положение о состоящем под высочайшим его императорского величества покровительством Романовском комитете. - Пг. : Гос. тип., 1915. 14 с.

58. Сборник статистических сведений о заведениях закрытого призрения детей, в том числе сирот сельского населения / составлен Канцелярией Совета министров (по Романовскому комитету). - Петроград: Государственная типография, 1916. - 371 с.

59. Сельские детские приюты Ведомства учреждений императрицы Марии. – Пг.: Гос. тип., 1915. - 144 с.

60. Склад ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны в Москве для раненых и больных воинов и для Действующей Армии : годовой отчет, 26 июля 1914 г. - 1-е июля 1915 г. - М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1915. - 156 с.

61. Совет министров Российской империи в годы первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова : (Записи заседаний и переписка) / С.-Петерб. фил. Ин-та Рос. истории РАН и др.; Редкол.: Б. Д. Гальперина (гл. ред.) и др. - СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. – 558 с.

62. Совещание губернаторов в 1916 году // Красный архив. 1929 Т. 2 (Т. 33). С. 145-169.

63. Трудовые дружины учащихся и их устройство. Сборник справочных сведений, составленных Комиссией по внешкольному сельскохозяйственному образованию, состоящей при Департаменте земледелия. Пг. Тип. В. Ф. Киршбаума, 1916.- 36 с.

Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному

призрению. 8-13 марта 1910 г. / Всерос. союз учреждений, о-в и деятелей по обществ. и част. призрению. - СПб.: тип. И.В. Леонтьева, 1910.- 873 с.

64. Труды совещания представителей земств по вопросам осуществления земствами помощи увечным воинам, состоявшегося в Москве 5-7 октября 1916 г. М., 1917. 197 с.

65. Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г.: в 2-х тт. Т. 1. Материалы. Пг., 1914. 538 с.

IV. Мемуары

66. Александр Иванович Гучков рассказывает... : Воспоминания пред. Гос. думы и воен. министра Времен. правительства : [Запись беседы А. И. Гучкова с Н.А. Базили / Авт. предисл. В. И. Старцев; Авт. коммент. и примеч. С. Ляндрес, А. В. Смолин]. - М. : ТОО "Ред. журн. "Вопр. истории", 1993. - 143 с.

67. Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи: в 2 томах. Т. 2. М.: Кучково поле, 2017.- 547 с.

68. Бельгард А.В. Воспоминания М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 684 с.

69. Великий князь Александр Михайлович Книга воспоминаний / предисл. и коммент. А. Виноградова.- М.: Современник, 1991.- 271 с.

70. Волконский С.М. Мои воспоминания : в 2 т. / Князь С. Волконский. - Москва : Искусство, 1992-. Т.2: Родина. / [Послесл. Т. Бачелис, с. 357-382]. - 1992. - 381 с.

71. Воспоминания / князь Борис Васильчиков ; [сост., предисл., примеч. Г.И. Васильчикова. Подгот. текста В.П. Полыковской. Коммент. Д.А. Беляева]. - М. : Наше наследие ; Псков : ГУП "Псков. обл. тип.", 2003. - 270 с.

72. Вырубова-Танеева А.А. Царская семья во время революции: Страницы моей жизни. М.: Центрполиграф, 2022.- 287 с.

73. Джунковский В.Ф. Воспоминания : В 2 т. / под общ. ред. А. Л. Паниной. – Т.2.- М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. 685 с.

74. Дневники императрицы Марии Федоровны (1914-1920, 1923 годы). (Перевод с датского языка: Ю.В. Кудрина, О.Н. Дудочкина-Крог, А.Н. Чеканский. Составитель, научный редактор, руководитель переводческого коллектива, автор вступительной статьи, именного указателя, комментариев Ю.В. Кудрина). М.: Вагриус, 2005, 704 с.

75. Клейнмихель В.В. В тени царской короны : [воспоминания].- Симферополь: Бизнес-Информ, 2009.- 343 с.

76. Кривошеин К.А. А.В. Кривошеин (1857-1921 г.) : Его значение в истории России начала XX в. . - Париж, 1973. - 350 с.

77. Кривошеина Н.А. Четыре трети нашей жизни. - 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский путь, 2017. – 357 с.

78. Крыжановский С.Е. Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. - Берлин: Петрополис, 1938. - 220 с.

79. Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания / Сост., вступ. ст., коммент. и примеч. К.А. Соловьёва. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 1038 с.

80. Лобанова-Ростовская В.Д. О российской трагедии XX века: До и после 1917 года. Воспоминания матери. 1903 Санкт-Петербург — 1937 София. В двух книгах. Минувшее, 2008.

81. Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб.: Нестор-История, 2008. – 536 с.

82. Маклаков В.А. Воспоминания : лидер московских кадетов о русской политике, 1880-1917. - Москва : Центрполиграф, 2006 (Н.Новгород : Нижполиграф). - 350 с.

83. Мамантов В.И. На государевой службе: Воспоминания. - Таллин : Изд. авт., 1926. - 246 с.

84. Нарышкина Е.А. Мои воспоминания. Под властью трех царей. М.: Новое литературное обозрение. 2018. 688 с.

85. Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний, 1868-1917 : в 2-х кн. Т.2. - Нью-Йорк: Изд. А.К. Наумовой и О.А. Кусевицкой, 1955. –564 с.

86. Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце: воспоминания министра иностранных дел. – М.: Новое Лит. Обозрение, 2015. – 485 с.

87. Родзянко М.В. Крушение империи. - 3-е изд. - Ленинград : Прибой, 1929. - 272 с.

88. Шидловский С.И. Воспоминания. - Берлин : О. Кирхнер и К°, 1923. Ч. 2. - 1923. – 212 с.

V. Нормативные правовые акты

89. Конвенция МОТ № 117 «Об основных целях и нормах социальной политики» // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957-1990. Женева: Международное бюро труда, 1991. Т. II. С. 1321-1329.

90. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11 -ФКЗ) // СЗ РФ. − 2014. − № 31. − Ст. 4398.

91. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): Федеральный закон № 135-ФЗ от 11 августа 1995 года (ред. от 21.11.2022) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (дата обращения: 26.08.2023).

92. Об основах обязательного социального страхования Федеральный закон от 16 июля 1999 года N 165-ФЗ // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4059/ (дата обращения: 26.08.2023).

93. Всероссийское общество здравниц в память войны 1914-1915 гг. Устав общества [Текст]. – Пг.: Гос. тип., 1915. - 30 с.

94. Высочайше утвержденное 18 июля 1891 года Положение о детских приютах Ведомства учреждений Императрицы Марии и высочайше

утвержденные 28 октября 1896 г. Основные начала для деятельности Комитета Главного попечительства детских приютов.- Санкт-Петербург : Тип. В. Киршбаума, 1900. - 36 с.

95. Закон об улучшении земских и городских финансов // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате: [Издание официальное]. - СПб., 1912.- № 1 (2 янв.)-263 (30 дек.). - ст. 2284.

96. Об утверждении статута императорского военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, принадлежащего к сему ордену Георгиевского Креста и причисляемых к тому же ордену Георгиевского оружия и Георгиевской медали // ПСЗРИ Собрание 3-е. – Петроград, 1916. – Т. 33, отд. 1. – № 40135. С. 1047–1079.

97. Законодательные акты вызванные войною 1914-1916 гг.: законы, манифесты, рескрипты, указы, положения Совета Министров, военного и адмиралтейств советов : распоряжения и постановления министров и др. : Изд. неофиц. : Т. 2-4. / [Сост.] Е. И. Авербах - Пг., 1915-1916. – в 3 т.

98. Наказ образованной в составе Верховного Совета Особой комиссии по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжение войны, а также их семей. - Казань, 1915. - 13 с.

99. О пенсиях и единовременных пособиях чинам военного ведомства и их семействам // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37442. 23 июня 1912 г.

100. О призрении нижних воинских чинов и их семейств // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37507. 25 июня 1912 г.

101. Полное собрание законов Российской империи. - Собрание третье. Т. XXXIII, 1913. - Отделение I.-Пг., 1916. - № 39.

102. Сборник действующих постановлений, изданных в порядке статьи 87 основных государственных законов. Дополнение к сборнику, изданному в 1913 году / сост. Гос. канцелярией. - Пг. : Гос. тип., 1915. - 328 с.

103. Сборник действующих постановлений, изданных в порядке статьи 87 основных государственных законов. Второе дополнение к сборнику, изданному в 1913 году / сост. Гос. канцелярией. - Пг. : Гос. тип., 1915. - 217 с.
104. Сборник действующих постановлений, изданных в порядке статьи 87 основных государственных законов. Третье дополнение к сборнику, изданному в 1913 году / сост. Гос. канцелярией. - Пг. : Гос. тип., 1916. - 298 с.
105. Сборник действующих постановлений, изданных в порядке статьи 87 основных государственных законов. Четвертое дополнение к сборнику, изданному в 1913 году / сост. Гос. канцелярией. - Пг. : Гос. тип., 1917. - 586 с.
106. Сборник узаконений и распоряжений о призрении воинских чинов и их семей. Пг.: Верх. сов. по призрению семей лиц, призв. на войну, а также семей раненых и павших воинов, 1916. - 873 с.
107. Свод законов Российской империи. Т.X. [Электронный ресурс] // Классика российского права: проект СПС «КонсультантПлюс» при поддержке издательства «Статут» и Юридической научной библиотеки издательства «Спарк». - Режим доступа: http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/
108. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел I. – Пг.: Сенатская типография, 1914. № 151–366.
109. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел I. – Пг.: Сенатская типография, 1915. № 1-373.
110. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел I. – Пг.: Сенатская типография, 1916. № 1–365.
111. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел I. – Пг.: Сенатская типография, 1917. № 1–286.

112. Узаконения, касающиеся деятельности Алексеевского главного комитета по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией. СПб., 1908. 34 с.

113. Устав об общественном призрении // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1915 года / Россия. Законы и постановления. - Т. 13. - Пг., 1915. - 243 с.

VI. Исследовательские работы

VI.1 Научные монографии

114. Александровский Ю.А. История отечественной психиатрии: в 3 т.- Т.1. - М.: ИД «Городец», 2020. - 408 с.

115. Алёхина Е.В. Патриотическая деятельность Тамбовского земства в годы Первой мировой войны. 1914-1918 гг. : монография / Е. В. Алехина, И. В. Двухжилова, П. И. Щербинин . - Тамбов : Изд-во ТГУ, 2015. - 151 с.

116. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (Традиции конца XIX – начала XX века). Москва-Тамбов: Изд-во ТГТУ (ИПЦ ТГТУ). 303 с.

117. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 383 с.

118. Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 288 с.

119. Бобровников В.Г. Милосердная Россия: опыт общественной и частной благотворительности (XVIII - начало XX вв.) : монография. - Волгоград : ВолгГТУ, 2008. – 150 с.

120. Бобровников В.Г. Благотворительность и призрение в России. - Волгоград : Политехник, 2000. – 205 с.

121. Биск И. Я. Методология истории: курс лекций / И. Я. Биск. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007. 236 с.

122. Благотворительность в Санкт-Петербурге, 1703-1918 : историческая энциклопедия / сост. Керзум А.П., Лейкинд О.Л., Северюхин Д.Я. .- СПб: ООО «Информационно-издательская фирма-журнал "Лики России"», 2016. – 750 с.

123. Благотворительные организации Калужской губернии в годы Первой мировой войны / И.С. Писаренко, Н.С. Вощенкова, Т.Г. Домнина [и др.]. Калуга: Калуж. обл. ин-т повышения квалификации работников образования, 2001. 88 с.

124. Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России. - Москва : Центрполиграф, 2001. – 445 с.

125. Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М.: Наука, 2008.- 610 с.

126. Волошун А. Блаженны милостивые : благотворительная деятельность Великой княгини Елизаветы Федоровны. – М.: Даръ, 2010. - 479 с.

127. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 352 с.

128. Гейнце Н.Э.В действующей армии: Письма военного корреспондента. - Санкт-Петербург : типо-лит. "Энергия", 1904. – 292 с.

129. Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. - Москва : Наука, 1990. – 262 с.

130. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Париж: Т-во объединённых издателей, 1939. [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://militera.lib.ru/research/golovnin_nn/02.html (дата обращения: 20.08.2023).

131. Голубин Р.В. Нижний Новгород и Нижегородская губерния в годы Первой мировой войны, [1914-1918] / Р. В. Голубин, А. В. Морохин, Д. А. Николаев ; М-во внутренней региональной и муниципальной политики, Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, Ин-т междунар. отношений и мировой истории, Центр экспертизы и комплексного анализа. - Нижний Новгород : ЗУМ, 2014. - 183 с.

132. Гончаров Г. А., Баканов С. А., Гришина Н. В., Пасс А. А., Фокин А. А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке: монография. – Челябинск: Энциклопедия, 2013. - 128 с.

133. Государственный Совет Российской Империи в годы Первой мировой войны (1914-1917). Том 2 / под общ. ред А.Ю. Шутова и др.. — Москва: издательство Московского Университета, 2020. — С. 225-226. — 736 с.

134. Григорьев А.Д. История социальной работы. В 2 ч. М., 2006

135. Громыко М.М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991.- 450 с.

136. Дашкевич Л.В. Выдача в деревне продовольственного пайка семьям воинов. – М.: Типо-лит. Рус. т-ва печ. и изд. дела, 1916. - 31 с.

137. Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1992. – 165 с.

138. Егоровская Р.А. Ясли-приюты в Пермской губернии в лето 1916 года. Пермь, 1916. 24 с.

139. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. – 507 с.

140. Земское самоуправление в России, 1864-1918 : в 2 кн. Кн. 2: 1905-1918. / редкол.: Н.Г. Королева (отв. ред.), А. П. Корелин, Л. Ф. Писарькова. – М/: Наука, 2005- 384 с.

141. Зимин И.В. Царские деньги : доходы и расходы Дома Романовых : повседневная жизнь Российского императорского двора / Игорь Зимин. - Москва : Центрполиграф : Русская тройка-СПб, 2011. – 686 с.

142. Кучмаева И. К. Когда жизнь истинствует...: Культура благотворения Великой княгини Елисаветы Феодоровны. М.: Индрик, 2008. 363 с.

143. Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / Эрик Лор; перевод с английского В. Макарова. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 304 с.

144. Лыткин В.А. История социальной работы в России. - Калуга: Калуж. пед ун-т, 1997 - 128 с.

145. Максимов Е.Д. Очерк исторического развития и современного положения общественного призрения в России: Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907. Т. 1. 540 с.

146. Мантурова С.Ч. Государственное призрение и благотворительность в социальной и культурной жизни Забайкалья во второй половине XIX - начале XX вв. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005. 230 с.

147. Матвеева Н.Л. Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. – М.: Изд-во МГОУ, 2004. - 189 с.

148. Матвеева Н.Л. Благотворительная деятельность именных комитетов членов императорской семьи в годы первой мировой войны М.: Изд-во МГОУ, 2004.- 106 с.

149. Минакова В.П. К истории организации в России движения трудовых ученических дружин. Воронеж: АОНО «ИММиФ», 2002. 15 с.

150. Мировые войны XX века : В 4 кн. / Ин-т всеобщей истории. Кн. 1: Первая мировая война : Ист. Очерк / Отв. Ред. Г.Д. Шкундин. - Москва : Наука, 2002. - 686 с.

151. Михайлов А.А. Псков в годы Первой мировой войны, 1914-1915 гг. / Андрей Михайлов. - Псков: Дом печати, 2012. – 342 с.

152. Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М.: Высшая школа, 1989. – 174 с.

153. Моторова Н.С. Социальная политика Российской империи на территории Беларуси (1861 - 1914) : монография. Минск: Национальная библиотека Беларуси, 2019. 350 с.

154. Обзор изменений Федерального закона от 16.07.1999 N 165-ФЗ "Об основах обязательного социального страхования". Редакция подготовлена на основе изменений, внесенных Федеральным законом от 24.07.2009 N 213-ФЗ // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78414/1a4402aaa4da9f0f13a4597c829130b1b64ff387/ (дата обращения: 26.08.2023).

155. Опыт российских модернизаций XVIII-XX века : монография / [В. В. Алексеев, И. В. Побережников, А. С. Сенявский и др. ; отв. ред. В. В. Алексеев. - Москва : Наука, 2000. – 244 с.

156. Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск: Издат. центр Краснояр. гос. аграр. ун-та, 2003. - 150 с.

157. Падение царского режима / ред. П.Е. Щеголев. Т.6.- Л.: Государственное издательство, 1926. — 450 с.

158. Перунов В.К. Забытая война: Шадринск в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.) . - Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2015. - 83 с.

159. Петровичева Е.М. Земства Центральной России в период первой мировой войны / Е.М. Петровичева; М-во образования Рос. Федерации. Моск. пед. гос. ун-т. - Москва, 2001. - 126 с.

160. Покотилова Т.Е. Благотворительность в социальной истории дореволюционной России. Москва: Московский государственный автомобильно-дорожный институт, 1997. – 185 с.

161. Поткина И.В. В преддверии катастрофы. Государство и экономика России в 1914-1917 годах. - Санкт-Петербург : Нестор-История, 2022. - 379 с.

162. Раухфус К.А. Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества. – СПб.,. 1914. - 16 с.

163. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811-1913 гг.) : Стат. очерки / Под ред. акад. С. Г. Струмилина. – М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.

164. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., Круг, 2011. 560 с.

165. Реформатский Н.Н. Призрение и эвакуация душевнобольных воинов действующих армий в Северо-западном районе: Сочинение Уполномоченного Красного креста Н.Н. Реформатского. М.,1916. - 10 с.

166. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис : монография / отв. ред. Ю. А. Петров. – М.: РОССПЭН, 2014. - 982 с.

167. Михалев С.Н. Стратегическое руководство. Россия/ СССР в двух мировых войнах XX столетия / Под ред. В.А. Золотарева. - Красноярск : Краснояр. пед. ун-т, 2000. - 459 с.

168. Рункевич С.Г. Великая Отечественная война и церковная жизнь. Кн. 1. Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914-1915гг. Пг.: Б.и., 1916. 356 с.

169. Свердлов А.З. Курс лекций по социальной работе и благотворительности (отечественный и зарубежный аспект). Часть I. (Отечественный опыт). - С-Пб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств., 2001. 135 с.

170. Сидорина Т.Ю. Два века социальной политики. М.: Издат. центр РГГУ, 2005. 441 с.

171. Соколов А.Р., Зимин И.В. Благотворительность семьи Романовых. XIX - начало XX В. Повседневная жизнь российского Императорского двора. - М. ; СПб. : Центрполиграф: русская тройка - СПб. , 2015. - 604 с.

172. Субботина А.М. Земство Камско-Вятского региона: опыт социального сотрудничества в процессе культурной трансформации (1867–1918): монография. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2017. – 300 с.

173. Судавцов Н.Д. Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны - М.; Ставрополь : Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2001. - 718 с.

174. Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914-1920 гг. / Под ред. М. М. Гран, П. И. Куркина и П. А. Кувшинникова. – М.: Гос. изд-во, 1923. 227 с.

175. Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 - февраль 1917 г.). – М.: РОССПЭН, 2014. - 326 с.

176. Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи : XIX - нач. XX в. : монография. – М.: Наука, 2005. – 402 с.

177. Фирсов М.В. Социальная работа в России: теория, история, общественная практика. - М.: Союз, 1996 - 448 с.

178. Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы первой мировой войны (Совет Министров в 1914-1917 гг.) / М. Ф. Флоринский; ЛГУ им. А. А. Жданова. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 207 с.

179. Фонотов А.Г. Россия от мобилизационного общества к инновационному. - М.: Наука, 1993.– 271 с.

180. Холостова Е.И. История социальной работы : учебное пособие для вузов . — М.: Дашков и Ко, 2023. - 282 с.

181. Хоффманн, Дэвид Л. Взращивание масс: модерное государство и советский социализм. 1914-1939 / Дэвид Л. Хоффманн ; [перевод с английского А. Терещенко]. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. - 422 с.

182. Правые партии. 1905-1917. Документы и материалы. В 2-х тт. / Сост., вст. ст., комментарии Ю.И. Кирьянова. Т.2.- М.: РОССПЭН, 1998.- 816 с.

183. Шебзухова Т.А., Афанесян К.К. Социальная политика на Ставрополье в 1802-1917 гг.: общественное призрение и частная благотворительность: монография - Москва : ЦИУМиНЛ, 2016 - 298 с.

184. Шевырин В.М. Земский и городской союзы (1914-1917) : Аналитический обзор. – М.: ИНИОН РАН, 2000. - 63 с.

185. Шингарев А.И. Ясли-приюты для детей в деревнях во время летней рабочей поры / [Соч.] Зем. врача А.И. Шингарева; О-во рус. врачей в память Н.И. Пирогова. - [3-е изд.]. – М.: Комиссия по распространению гигиенических знаний в народе, 1903. - 32 с.

186. Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. — 526 с.

187. Щербинин П.П. Детская повседневность в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. : монография. Тамбов: б/и. 2015. 256 с.

188. Эльцин Б.М. Для чего нужны и как устраивать ясли-приюты в деревнях Уфимской губернии / Санитарное бюро Уфимского губернского земства. Уфа, 1916. 24 с.

VI.2 Научные статьи

189. Абрамов В.Ф. Объединения российских земств // Земский феномен: политологический подход. Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2001. С. 89-144.

190. Алёхина Е.В. Участие Тамбовского земства в оказании помощи женщинам-солдаткам в годы Первой мировой войны // Женская повседневность в России в XVIII-XX вв.: Материалы международной научной конференции, 25 сентября 2003 года. С. 117-121.

191. Артамонова Л.М. Замысел Дома инвалидов в общественной и культурной жизни провинциального города периода Первой мировой войны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. - 2017.- Т. 23.- № 2.- С. 14-18.

192. Асташов А.Б. Членовредительство и симуляция болезней в русской армии во время Первой мировой войны // Новый исторический вестник №4(34) 2012 .- С.6-18.

193. Асташов А.Б. Сестры милосердия в годы Первой мировой войны: повседневность и труд // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология.- 2020.- №10.- С. 118-134.

194. Афанесян К.К. Устав об общественном призрении 1892 г. Единственный комплексный нормативно-правовой акт, регламентировавший благотворительную деятельность в стране // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история : сб. ст. по матер. XLIV-XLV междунар. науч.-практ. конф. № 1(42). – Новосибирск: СибАК, 2015. С. 77-81.

195. Баева Е.П., Иванова Н.М. Организация социальной помощи в годы Первой мировой войны // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2004. №17. С. 117-122.

196. Баева Е.П., Иванова Н.М. Благотворительные комитеты и Первая мировая война // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2006. №24. С. 48-52.

197. Балюшина Ю.Л. Социальная политика: понятие и сущность // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. №6. С. 56-59.

198. Басов Н.Ф. Становление и развитие социальной защиты и поддержки инвалидов в дореволюционной России // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. 2010. №18. С.67-78.

199. Батурина Л.А., Яковлева Л.М. Основоположник отечественной физиотерапии [Электронный ресурс].- Режим доступа: https://news.jeps.ru/lichnaya-istoriya/evrei-i-mediczina-osnovatel-otechestvennoj-fizioterapii-brushtejn.html (дата обращения: 23.08.2023).

200. Безгин В.Б., Ерин П.В. Крестьянская семья и сельская община конца XIX начала XX века (на материалах Тамбовской губернии) // Вестник ТГТУ. 2012. №2. С.498- 506.

201. Белова И.Б. Благотворительность в Российской провинции в период Первой мировой войны: региональный аспект // У истоков российской государственности. Сборник №5. Книга 1. Роль женщин в истории династии Романовых : Исследования и материалы. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2012. С.86-101.

202. Березина Е.М. Благотворительность в контексте социально-культурной практики // Вестник ЧГАКИ. 2010. №4 (24). С. 54-60.

203. Беркевич А.Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. 1947. Т. 23. С. 3-43.

204. Берсенев В.Л. Мобилизационная модель экономического развития в контексте историографического анализа // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 1. С. 15-20.

205. Бобровников В.Г. Благотворительная деятельность комитета Елисаветы Федоровны и Романовского комитета в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2011 № 3 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 20-22.

206. Борисова Ю.С. Государственная и общественная благотворительность: анализ эффективности // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 6. С.869-873.

207. Боровой А.А. Призрение общественное // Энциклопедический словарь Товарищества А. и И. Гранат и Ко». Издание 7-е, совершенно переработанное / под ред. Проф. В.Я. Железнова, М.М. Ковалевского, С.А. Муромцева и др.- Т. 33: Поляновский мир - Пуазель.- М.: Изд. тов. А. Гранат и К°, 1913. - 687 стб.

208. Борщукова Е.Д. Частная благотворительность в России в условиях Первой мировой войны как элемент в выявлении патриотических настроений // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 84. С. 59-65.

209. Борщукова Е.Д. Патриотическая деятельность православной церкви в годы Первой мировой войны // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2014. №172. С. 67-73.

210. Булгакова Л. А. Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века: материалы конференции памяти В. С. Дякина. СПб. ; Кишинев: Nestor-Historia, 2001. С. 431-496.

211. Булгакова Л.А. Проблемы интеграции в сфере социальной помощи в дореволюционной России // Благотворительность в России: Социальные и исторические исследования. СПб.: «Лики России», 2001. С. 313-323.

212. Булгакова Л.А. Невенчанные солдатки: борьба за признание гражданских браков в годы Первой мировой войны // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX в.: исследования, историография, источники. СПб., 2009. С. 183-214.

213. Булдаков В.П. Общественные организации в России: особенности самовыражения, траектории самореализации // Мастерство Историка : памяти доктора исторических наук И. С. Розенталя : сборник статей и материалов /

Институт общественной мысли ; редколлегия: В. В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]. - Москва : Политическая энциклопедия, 2019. С. 166-182.

214. Булдаков В.П. Модернизация по-русски: опыт Первой мировой войны // Труды по россиеведению. 2014. №5. С. 348-382.

215. Булдаков В.П. Самоорганизация или социальная деструкция // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. Т.2. М.: Издательство «Политическая энциклопедия», 2017. С. 132-150.

216. Бякина В.П., Качалова В.Г. Российская благотворительность под покровительством Дома Романовых: истоки, традиции, опыт // Столица. 2005. №2. С.176-191.

217. Васильева Е.Г. Благотворительность как объект историко-социологического анализа (методологический аспект) // Logos et Praxis. 2013. №2.

218. Васильева М. А. Социальная помощь сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, в годы первой мировой войны в Оренбургской губернии // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2015. – № 2. – С. 472-487.

219. Вольф С.П. Благотворительное законодательство в Российской империи: камень преткновения или прочная основа для развития благотворительности? // Вестник СИБИТа. 2016. №1 (17) С.92-101.

220. Воронин Ю. В. Функциональное воздействие правовых дефиниций на социальную политику в Российской Федерации / Ю. В. Воронин // Трудовое право и право социального обеспечения в условиях больших вызовов (Седьмые Гусовские чтения) : Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 03–04 июня 2022 года / Под общей редакцией Н.Л. Лютова, Ф.О. Дзгоевой. – Москва: РГ-Пресс, 2022. – С. 236-254.

221. Гладких П.Ф. Военная медицина императорской России в Первой мировой войне в 1914-1917 годы // Медико-биологические и социально-

психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2017. №2. С. 5-24.

222. Глущенко Л.И. Система социального обеспечения семейств военнослужащих нижних чинов в Российской империи в годы Первой мировой войны / Л. И. Глущенко, Ю. М. Смирнов // Рождественский сборник. Выпуск XVIII – Ковров.: Маштекс, 2011 – С. 141 – 145.

223. Голикова С.В. «Социалка», взращенная войной: распространение детских яслей на Урале в Первую мировую // Уральский исторический вестник 2014 №1 (42) С. 69-73

224. Голикова С.В. Детские ясли как часть социальной модернизации России начала XX века (по материалам земств Пермской губернии) // Людской потенциал России XX века в условиях модернизации. С. 73-80.

225. Голотик С.И., Ипполитов С.С. Российское общество Красного Креста (1917 - 30-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 2 (4). С. 237-250.

226. Голубева Л.Ф. История развития системы социальной политики в обществе // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 11. С.39-46.

227. Гордиенко О. Н. Организация трудовых дружин учащихся в помощь солдатским семьям на территории Алтайского округа в годы Первой мировой войны // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. Вып. 3. С. 83-85.

228. Горлова Н.И. Источники по исследованию ученических трудовых дружин как формы волонтерской деятельности молодежи в годы Первой мировой войны (по материалам Центрального государственного архива города Москвы) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (28). С. 113-123.

229. Горлова Н.И. История возникновения и развития добровольных трудовых дружин учащихся как формы волонтерской деятельности молодежи на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник ТГПУ. 2018 5 (194). С. 123-128.

230. Грехов А.В., Грехова Н.Н. Опыт медико-статистического анализа социальных последствий участия России в Первой мировой войне (По материалам общества русских врачей) // Homo belli в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII – XX веков. Н. Новгород, 2000. С. 119–120.

231. Грибанова Г.Н. Государственная социальная политика и благотворительность - подходы и тенденции // Благотворительность в России: Социальные и исторические исследования. СПб.: «Лики России», 2001. С. 56-63.

232. Долидович О. М., Катцина Т. А. Становление системы социального обеспечения под руководством А. М. Коллонтай: от сферы приватной в Российской империи к пространству публичного в Советской России (12 ноября 1917-11 марта 1918 года) // Журнал исследования социальной политики. - 2011. - Т. 9. - № 2. - С. 255-276.

233. Ерусланова Р.И. Об организации социально-медицинской помощи увечным воинам в Казанской губернии в годы Первой мировой войны // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2014. – №2(4). – С. 151–161.

234. Есиков С. А., Щербинин П. П. Государственная поддержка семей призванных на войну крестьян в первый период Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Государственная власть и крестьянство в XX — начале XXI века. Коломна, 2007. С. 86-91.

235. Жирков П. А. Осипенко М. Н. «Сосредоточить всю полноту власти в государстве…» Отечественный исторический опыт межведомственного взаимодействия в оборонной сфере // Военно-исторический журнал. 2021. № 5. С. 10-19.

236. Забелин В.М. Мирская помощь в Благодарненском уезде Ставропольской губернии в условиях начавшейся Первой мировой войны // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 31. С. 56-60.

237. Замараева З.П. К вопросу об определении понятий «Социальная защита» и «Социальное обеспечение» (правовой аспект) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. №2 (36) С.203-208.

238. Златина М.А., Рогушина Л.Г., Фруменкова Т.Г. Проблема законодательного обеспечения организации помощи жертвам войны в начале Первой мировой войны (лето 1914-лето 1915 гг.) // Образование и право. 2019. № 11.

239. Заяц Н.А. Деятельность Воронежского губернского земства в годы Первой мировой войны (1914–1917 годы) // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2016 № 2. С. 59-66.

240. Зубков К.И. Феномен мобилизационной экономики: историко-социологический анализ // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. - Челябинск, 2009. - С. 64-71.

241. Зумпф А. Инвалидность и экспертиза во время Первой мировой войны в России // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М., 2014. С.58-78.

242. Ильинский В. Благотворительные жетоны первой мировой войны // Русская культура вне границ. Информационный сборник. М: Изд-во РГБ, 1997. С.72-73.

243. Казакова О.Ю. Первая мировая война и развитие отечественной психиатрии // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Т.116. № 3. 2016. С.68-72.

244. Кайдышева Н.Н. Благотворительная деятельность как проявление гражданской активности в Пермской губернии в годы Первой мировой войны // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2015. №2 (29). С. 113-122.

245. Карева А.В. Из истории правового регулирования социальной помощи и благотворительности в России // Юридическая наука 2016 №3 С. 15–21.

246. Кароли Дорена Распространение европейской образовательной модели детских яслей (Crèches) в России // Quaestio Rossica, Vol. 4 2016 № 3. С. 141-161

247. Капкаев Ю.Ш. Институциональная модель социального государства // Вестник ЧелГУ. 2010. №5. С.5-12.

248. Карпова В.В., Семенова Л.Н. Организация деятельности трудовых дружин учащихся общеобразовательных учебных заведений в Петроградской губернии в 1915 г. // Судьба детей военной поры: документы, воспоминания, историография : материалы междунар. науч.-практ. конф., 23—24 апр. 2015 г. Курск : КурскийГУ, 2015. С. 49-54.

249. Карпова В.В. К вопросу о рентабельности деятельности ученических трудовых дружин в годы Первой мировой войны (1915—17 гг.) // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность : материалы междунар. науч. конф., 17—19 марта 2016 г. / под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова ; отв. ред. В. А. Веременко. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. С. 370-377.

250. Карпова В.В. «Северопомощь» и организация трудовых дружин учащихся в Виленском учебном округе в 1916 г. // Клио. 2018. № 4 (136). С. 108-113.

251. Карпова В.В. «Встреча города и деревни»: опыт взаимодействия школьников и сельского населения в годы Первой мировой войны (на примере деятельности сельскохозяйственных ученических дружин) // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность : материалы междунар. науч. конф., 14—16 марта 2019 г. / отв. ред. В. А. Веременко. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. Т. 2. С. 37-43.

252. Карпова В.В. Деятельность трудовых дружин Владимирской губернии на полях семей воинов, призванных в годы Первой мировой войны // Клио. 2019. № 2. С. 71-78.

253. Катцина Т.А. Социальная помощь инвалидам войны в годы «великих потрясений» (1914– 1921): региональный аспект // Революция 1917 года: 100

лет спустя. Взгляд из Сибири: мат. Сибирского историч. форума. Красноярск, 25–26 октября 2017 г. Красноярск: ООО «Лаборатория развития», 2017. С. 111–115.

254. Кеня И.А. Общественная благотворительность в центральной России во второй половине XIX - н. XX вв. и ее особенности // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 6. – С. 122 - 134.

255. Керзум А.П. Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества // Историко-культурный интернет-портал «Энциклопедия Санкт-Петербурга». [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://encspb.ru/object/2855740319?lc=ru (дата обращения: 25.01.2023).

256. Керзум А.П. Романовский комитет для призрения сирот сельского состояния // Энциклопедия благотворительности Санкт-Петербург. [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2806469070 (дата обращения: 25.01.2023).

257. Кирьянов И. К. Алексеенко М. М. — «отец делового парламентаризма» // Власть.- 2009.- № 4.- С. 127-130.

258. Киселева Е.Р. Курсы десятников земельных улучшений для увечных воинов Н.Д. Поракова в Петрограде // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: мат. XI Всеросс. науч. конф. с междунар.уч. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. – С. 218–222.

259. Климов И.А. Социальная мобилизация: к истории понятия // Южнороссийский журнал социальных наук. 2004. № 1. С. 6–21.

260. Кобзева Т.А. Земства среднего Поволжья в годы Первой мировой войны (на материалах Симбирской губернии) // Власть. 2014. №2. С. 170-173.

261. Ковалев А.С. Положение инвалидов войны в России: история вопроса начиная с XVIII и по 20- е годы XX века. Военно-исторический журнал, 2019: N. 11 (715). С. 71 - 77.

262. Ковалев А.С. К вопросу о государственной социальной политике в отношении инвалидов в годы Первой мировой войны в российской

историографии: проблемы численности и идентификации / А. С. Ковалев, Н. Р. Новосельцев, Д. В. Рахинский, Н. Н. Равочкин // Былые годы. – 2022. – № 17(2). – С. 1033-1040.

263. Ковалев А.С. К вопросу о государственной социальной политике в отношении инвалидов в годы Первой мировой войны в российской историографии: было ли государство реальным субъектом социальной помощи? / А. С. Ковалев, Н. Р. Новосельцев, Д. В. Рахинский, Н. Н. Равочкин // Былые годы. – 2022. – № 17(3). – С. 1451-1460.

264. Ковальская Е.Ю. Николай II и великая княгиня Елизавета Фёдоровна: взаимодействие в сфере благотворительности // Российская история. 2019. № 2. С. 118-129.

265. Кожахметова А. К вопросу об определении сущности понятия «социальная защита» // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия общественных наук. – 2019. – № 3-1(61). – С. 52-56.

266. Колганова Е.В. Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в начале XX в // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2011. № 6. С. 37-50.

267. Колганова Е.В. Общественная полемика об организации яслей в России в конце XIX — начале XX в // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2012. №6. С. 60-73.

268. Конькова Т.Н. Особенности социальных рисков // Научный электронный журнал «Меридиан». 2020. №4 (38). С. 198-200.

269. Кравченко Е. В. Общество и война: организация помощи семьям запасных в 1914 г. (на примере г. Одессы) // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1914 год: от мира к войне. М., 2015. С. 317-325.

270. Крамской В.В. Коновальцев А.С. Институт призрения в свете правового регулирования законами Российской империи // Современное право. 2013 №2. С. 143-149.

271. Красильников С. А. Социальная мобилизация как объект социогуманитарных исследований. Теоретические аспекты // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х - 1930-е гг.): коллективная монография / Отв. ред. С.А. Красильников. Новосибирск: Изд-во НГУУ 2013. С. 9-22.

272. Краснов В.В. «Посвященная воспитанию детей мужей славы»: школа-колония нижегородского губернского земства в Работках // Нижегородская старина. 2017. Выпуск 3-4 (53-54). С.100-106.

273. Куликов С.В. Финансовые аспекты деятельности российских благотворительных организаций военного времени (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2008. С.369-396.

274. Куликов С.В. Стишинский // Большая российская энциклопедия : [в 35 т.] / гл. ред. Ю.С. Осипов. — М.: Большая российская энциклопедия, 2004-2017. С.

275. Кузьмина П.Г. Убежище во Всехсвятском // Московский журнал. 2015. № 7. С. 24-30.

276. Куляскина И.Ю., Титлина Е.Ю. Полицейское государство: понятие и феномен // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. №94. С. 13-17.

277. Курилла И.И. Общества почти не видно // Новое Прошлое. 2022. №2. С.226-231.

278. Лаврова Л.А. Деятельность трудовых дружин Красноуфимского промышленного училища в годы Первой мировой войны (1915—1916 гг.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.bibl-krasnoufimsk.ru/index.php/materialy-muzeya/429-deyatelnost-trudovykh-druzhin.

279. Ларионова Т.П. Благотворительная деятельность в дореволюционной России: вопросы координации // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2010. №5.

280. Леонов М.И. Русская провинция в годы Первой мировой войны (1914 - февраль 1917) (Среднее Поволжье и Заволжье) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2014. № 2. С. 129-142.

281. Ленин В.И. О поражении своего правительства в империалистической войне // Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т.26. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 286-291.

282. Линденмайер А. Открывая Атлантиду: тенденции и перспективы изучения истории российской благотворительности // «Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования» СПб.: Нестор-История, 2008. С. 95-107.

283. Листопадов Ю.Г., Листопадов Д.Ю. Деятельность трудовых дружин учащихся во время Первой мировой войны (взаимодействие государственных и общественных структур) // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков. материалы XIV Международной научной конференции: в 2 ч.. 2015. С. 409-415.

284. Лубский А.В., Лубский Р.А. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 100.

285. Мантурова С.Ч. Законодательные основы государственной политики в области социального призрения в России во второй половине XIX - начале XX вв. // Отечественный журнал социальной работы. – 2017. – № 4(71). – С. 77-94.

286. Матвеева Н.Л. Из истории благотворительности в России. Романовский комитет в годы Первой мировой войны // Клио. 2005. №3 (30). С. 168-178.

287. Матвеенко Д.Я. Великая княгиня Елисавета Фёдоровна и Строгановское училище // Вестник славянских культур. 2011. №2. С.35-42.

288. Меркулов П.А. Елисеев А.Л. Аронов Д.В. Государственная молодёжная политика в дореволюционной России – от сословности к полноценному социальному регулированию // Былые годы. 2018. № 49 (3). С. 1061-1073.

289. Меркулов П.А., Букалова С.В., Леонова О.В. Развитие системы социальной помощи в Российской империи в годы Первой мировой войны // Былые годы. 2021. № 16 (1). С. 392-403.

290. Микиртичан Г.Л. Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества: преемственность идей. (к 100-летию со дня основания) // Педиатр. 2013. №3. С. 130-137.

291. Микиртичан Г.Л. К 100-летию со дня основания Всероссийского Попечительства об охране материнства и младенчества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2014. №1. С. 260-274.

292. Микиртичан Г.Л. Организация помощи детям в годы Первой мировой войны // Российский педиатрический журнал. 2014. №4. С. 61-64.

293. Микиртичан Г.Л. Организационные технологии помощи детям в годы Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2014. №4. С.212-229.

294. Михайловский М.Г. Государственный совет Российской империи. Государственные секретари // Вестник Совета Федерации. 2008. № 6. С. 8-9.

295. Молодчик А.В., Нагорная М.С. Деятельность органов земского самоуправления на Южном Урале в условиях Первой мировой войны // Управление в современных системах. 2014. №3. С. 3-16.

296. Моторова Н.С. Городские попечительства о бедных в Северо-Западном крае // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. №2.

297. Натхов Т.В., Василенок Н.А. Младенческая смертность в пореформенной России: динамика, региональные различия и роль традиционных норм // Историческая информатика. - 2020. - № 3. С.71-88.

298. Нестеренко Е.С., Реут Л.Д. Патернализм: необходимость или «политический рудимент»? // Теоретическая экономика. 2021. № 9 (81). С. 104-110.

299. Нелипович С.Г. Потери русской армии, ее союзников и противников в Первой мировой войне (1914-1917). Он-лайн лекция [Электронный ресурс]. -

Режим доступа: https://ya.ru/search/?text=с+г+нелипович+потери+россии+в+первой+мировой+лекция&lr=10&clid=2149672-305&win=485(дата обращения: 25.04. 2025).

300. Осокина Ю.Ю. Становление организационно-правовых основ социальной деятельности российского государства в дореволюционный период // Вопросы территориального развития. 2014. №3(13). С.5-15.

301. Оськин М.В. Поддержка беднейших слоев населения Центральной России в годы Первой мировой войны (1914-1916) (на примере Елизаветинского комитета) // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2018. №80. С. 107-120.

302. Охотникова О.К. «Увечные воины»: социальный статус военных инвалидов в российской публицистике 1914–1916-х годов // Россия и современный мир. 2022. №3 (116). С.40-60.

303. Павлова И.П. Монархия и общество: место именных благотворительных комитетов и ведомств в социальной жизни России начала XX века // История российской монархии: мнения и оценки. СПб., 2000.

304. Павлова И.П. Романовский комитет. Попытка объединения деятельности государства и общества в деле призрения детей в предреволюционный период // Клио, 2001. №2(14). С.104-112.

305. Павлова И.П. Благотворительные лотереи в дореволюционной России // Благотворительность в России: Социальные и исторические исследования. СПб.: Лики России, 2001. С. 429-438.

306. Павлова И.П. Инвалиды Первой мировой войны: государственная помощь и благотворительная поддержка // Инвалиды Первой мировой войны: исторические и нравственные уроки: доклады и выступления участников II Международной научно-практической конференции «Инвалиды и война». М., 2013. С. 17-21.

307. Патернализм // Большая Российская энциклопедия : в 30 т. Т. 25. М.: Большая Российская энциклопедия, 2014. С.439.

308. Пашенцева С.В. Правовое регулирование благотворительной деятельности в Российской империи // Государство и право. - 2006. - № 12. С.98-104.

309. Пашенцев Д.А. Российские правовые традиции в социальной сфере (историко-правовой аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Право, 2018. №2. С. 139–156.

310. Покотилова Т.Е. Российская филантропия и первая мировая война (на материалах Терской области) // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. №4. С. 86-92.

311. Покотилова Т.Е. От сословного призрения и частной благотворительности к всеобщему социальному обеспечению в России // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. №4. С. 103-108.

312. Покотилова Т.Е. Благотворительная помощь пострадавшим в ходе Первой мировой войны: примеры общественно-государственного сотрудничества // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10. № 4. С. 614-620.

313. Потворов А.И. Сельскохозяйственные дружины учащихся как элемент трудовой мобилизации в годы Первой мировой войны // Вестник государственного и муниципального управления № 3 (45) 2022. С.69-77.

314. Поткина И. В. Новые подходы к изучению законодательных источников периода Первой мировой войны / И. В. Поткина // Исторический журнал: научные исследования. – 2017. – № 1. – С. 97-106.

315. Поткина И.В. Регулирование социальной сферы в России в годы Первой мировой войны // Экономическая история. 2017. №1 (36). С. 36-49.

316. Поткина И.В. Социально-экономическое регулирование в годы Первой мировой войны и революция // Вестник СПбГУ. История, Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург, 2017 № 4(62). С. 717 -735.

317. Поцелуев С. П., Цибенко С. Н. Феномен национальной мобилизации: к уточнению концепта // Ars Administrandi (Искусство управления). 2019. Том 11, № 1. С. 1-23.

318. Проскурина А.В. К вопросу о генезисе модернизационных теорий // Terra Linguistica. 2010. №111. С. 11-18.

319. Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 147-162.

320. Раттур М.В. Влияние благотворительных организаций на формирование политико-правового пространства в позднеимперской России // Образование и право. 2023. №5. С. 458-462.

321. Раттур М.В. Формирование правовой политики в сфере общественного призрения подданных в Российской империи: исторические уроки // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. №1. С. 162-169.

322. Раттур М.В. Динамика правового положения благотворительных организаций в Российской империи // Образование и право. 2022. №8. С. 342-346.

323. Раттур М.В. Социальная помощь семьям инвалидов Первой мировой войны в Российской империи // Инвалиды Первой мировой войны: исторические и нравственные уроки: доклады и выступления участников II Международной научно-практической конференции «Инвалиды и война». М., 2013. С. 22-26.

324. Резник Ю.М. Социальная теория: Предмет и междисциплинарный статус // Вопросы социальной теории. 2007 Том I. Вып. 1. С. 306-321.

325. Ремнёв А.В. Анатолий Николаевич Куломзин // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 26-45.

326. Рожков А. Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 134-139.

327. Роик В.Д. Социальная политика времен отказа от патернализма и иждивенчества // Человек и труд. 1997. № 2. С. 109-145.

328. Рыбков А. Г., Фетисов П. Л. Деятельность Пензенского земства в годы первой мировой войны // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. №3 (42). С.124-127.

329. Рылова Н.Е., Лобова В.В. Донское отделение Комитета великой княгини Елизаветы Фёдоровны // Былые годы. 2018. Т.48. № 2. С. 850-860.

330. Рынков В.М. Между дирижизмом и этатизмом: новации государственно-экономического строительства в Сибири в контексте российского опыта (1914-1920) // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2018. № 2 (524). С. 155-173.

331. Савенкова М.М. Перепелицын А.В. История создания летних яслей-приютов в Воронежской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Известия ВГПУ, №2(287), 2020. С. 106-111.

332. Самович А.Л. Патриотическое движение среди учащейся молодежи Минской губернии в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2015. №1 (12). С.29-38.

333. Северюхин Д.Я. Общество вспомоществления калекам, обучающимся мастерству и ремеслам в Санкт-Петербурге // Благотворительность в Санкт-Петербурге. 1703–1918. – СПб.: Лики России, 2016. – С. 375–376.

334. Семионкина Н.Г. Правовое регулирование социальной деятельности российского государства в период империи // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 57-61.

335. Сенявский А. С., Братченко Т. М. От имперской к советской мобилизационной модели: преемственность и различия в экономическом развитии // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. - Челябинск : Энциклопедия, 2012. - С. 67-76.

336. Сергеев В.В. Организация и деятельность трудовых дружин учащихся в помощь солдатским семьям на территории Кузнецкого уезда Саратовской губернии в период Первой мировой войны // Первая мировая война в истории российской нации : сб. науч. статей междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию начала Первой мировой войны, г. Пенза, 10—11 июня 2014 г. / под общ. ред. О. А. Суховой, О. В. Ягова. Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 147—148.

337. Сироткина И.Е. Российские психиатры на Первой мировой войне // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 326-344.

338. Смирнов М.А., Смирнова А.А. Деятельность губернской власти и общественных организаций Вятской губернии по оказанию социальной помощи населению в начальный период Первой мировой войны // Вестник ВятГУ. 2015. №12. С. 63-67.

339. Смирнова А.А., Смирнов М.А. Оказание социальной помощи инвалидам в период Первой мировой войны (опыт взаимодействия власти и общественных организаций) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2018. Т. 28. Вып. 4. С. 628-633.

340. Смоленский Н.И. Проблема объективности исторического познания // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С.26-56.

341. Соболева Н.А. Общественное призрение и благотворительность: из истории понятий // Вестник ТГУ. 2008. №2. С.420-426.

342. Согомонов А.Ю. «Революция притязаний» на стыке «простой» и «высокой» современности [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://textarchive.ru/c-1434273.html (дата обращения: 24.08.2023).

343. Соловьев В.Ю. Особенности мировоззрения и хозяйственный уклад русских крестьян в пореформенный период XIX – начала XX вв. (на материалах губерний Поволжья) // Российский крестьянин в годы войн и в мирные годы (XVIII – XX вв.): сборник трудов участников научной конференции (Тамбов, 10 июня 2010 г.). Тамбов, 2010. С. 15–23.

344. Соловьев К.А. Анатолий Николаевич Куломзин и его "Воспоминания": вступительная статья // Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. - М.: РОССПЭН, 2016. - С. 6-18.

345. Соловьева Е.А. Материальное обеспечение служащих губернского правления Симбирской и Казанской губерний во второй половине XIX – начале XX вв. // Власть.- 2013.- №1.- С. 154-156.

346. Степанов К.А. Деятельность Ростовского земства по оказанию помощи семьям нижних воинских чинов в годы Первой мировой войны // Москва, 22-23 мая 2014 г. / Ин-т российской истории Российской акад. наук [и др. ; ред.-сост. Г. Н. Бибиков]. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. - С.195-202.

347. Степанов К.А. Деятельность Ростовского земства по оказанию помощи нуждающимся в годы Первой мировой войны // История и культура Ростовской земли: Материалы XXIV научной конференции. Ростов: Издательство Ростовского музея-заповедника, 2014. С. 250-270.

348. Степанов К.А. Ростовская уездная комиссия Елизаветинского Комитета в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2013. № 5. С. 144–153.

349. Степанов К.А. Ростовское уездное по призрению семейств нижних воинских чинов попечительство в годы Первой мировой войны // История и культура Ростовской земли: Материалы XXI научной конференции. Ростов: Издательство Ростовского музея-заповедника, 2011. С. 143-168.

350. Стёпочкина Е.В. Организация медицинской помощи и социальная реабилитация инвалидов в Самарской губернии во время Первой мировой войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции: электрон. сборник. Самара, 2014. Вып. 2. С. 285–289.

351. Студенова Е.Г. Принцип субсидиарности как социально-этический и социально-политический базис плюрализма в субъектности социальной политики и социальной работы // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Том 5. № 5А. С. 60-70.

352. Судавцов Н. Д. Земство в годы Первой мировой войны // Земское самоуправление в России. 1864–1918. М., 2005. Кн. 2. С. 237–316.

353. Судавцов Н.Д. Ставропольское земство в годы первой мировой войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. №4. С. 68-73.

354. Сулимов В.С. Движение трудовых дружин в Тобольске в годы Первой мировой войны // Зыряновские чтения. материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2008. С. 69-70.

355. Сулимов В.С. Трудовые дружины учащихся школ Алтайского округа в 1915 году // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 4 (29). С. 172—174.

356. Сулимов В.С. Трудовые дружины учащихся школ Алтайского округа в 1916 году // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 5 (30). С. 282—284.

357. Сулимов В.С. Трудовые дружины учащихся школ Новониколаевска в 1916 г. // Образование в истории, история в образовании : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. «Интеграция исторического и образовательного пространства» / под ред. В. А. Зверева. Новосибирск : НГПУ, 2011. С. 247—254.

358. Сулимов В.С. Движение трудовых дружин учащихся школ Западной Сибири в 1915 г. (на примере Барнаула) // Сибирский пед. журнал. 2011 № 2 С. 190–195.

359. Сулимов В.С. Трудовые дружины учащихся школ Омска в годы Первой мировой войны // Научные труды Тобольской комплексной научной станции УрО РАН. Тобольск, 2011. С. 119-131.

360. Сумпф А. Российские инвалиды Первой мировой войны: жертвы прошлого и современная социальная группа? // Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX-середина XX в.: мате-риалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 17-20 июня 2013 г.) / С.-Петерб. ин-т истории РАН [и др. ; редкол.: Н. В. Михайлов отв. ред.) и др.]. - СПб, 2014. С. 297-311.

361. Сухова О.А. Социальные настроения и массовое социальное поведение провинциального общества в годы Первой мировой войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2014. № 2. С. 105-128.

362. Тарабрин Е.Г. Рязанское земство и первая мировая война // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2010. №26. С. 46-53.

363. Тарасова Н.В., Кузнецова А.А., Бойко Е.И. Формирование созидательной культуры школьников в России в годы Первой мировой войны // В сборнике: Культура мира и ненасилия подрастающего поколения: ракурсы

интерпретации и педагогические условия развития. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции. Отв. редактор С.И. Беленцов. 2020. С. 106-108.

364. Томина Е.Ф. Агрономическая деятельность Оренбургского земства в период с 1913 по 1917 год // Вестник Костромского государственного университета. 2018. №3. С.48-50.

365. Торопкин С.А. О праве на пенсию участников Первой мировой войны // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. №9-2. С.93-99.

366. Третьяков А.В. Первая мировая война в судьбе низшей сельскохозяйственной школы России // Первая мировая война в судьбе России и народа: 100 лет осмысления: сб. материалов межрегион. науч.-практич. конф. – Курск: Изд-во КГУ, 2014. – С. 97–103.

367. Третьяков А.В. Сельская низшая профтехшкола как фактор социальной реабилитации крестьян-инвалидов Первой мировой войны // Армия в истории России. Матер. межвузовской научной конф. (г. Курск, 23 мая 1997 года). – Курск: РОСИ, 1997. – С. 68-72.

368. Туманова А.С. Благотворительные объединения: организационно правовые основы и содержание деятельности // Самоорганизации российской общественности в последней трети начале в XVIII- XX в. : монография / Бредли Дж. и др. ; редкол.: Туманова А. С. (отв. ред.) и др.. – М.: РОССПЭН, 2011.

369. Туманова А. С. Благотворительные организации и формирование публичной сферы в Российской империи в XIX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 5 (127). URL: https://history.jes.su/s207987840026980-7-1/.

370. Ульянова Г.Н. Благотворительность и общественное призрение // Россия, 1913 г. : Стат.-докум. справ. / Ред.-сост. А. М. Анфимов, А. П. Корелин. - СПб. : Рус.-балт. информ. центр "Блиц", 1995. С.381.

371. Ульянова Г.Н. Благотворительность и общественное призрение в России XIX-начала XX века. Институциональное развитие в контексте формирования гражданского общества // Труды Института российской истории РАН. 1997-1998 гг. Вып. 2 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 164-217.

372. Ульянова Г.Н. Благотворительная помощь общества жертвам войны в 1914-1918 гг.: дискуссионные вопросы и содержание проблемы // Россия в годы Первой мировой войны. Материалы Международной научной конференции (Москва, 30 сентября - 3 ноября 2014 г.). М.: ИРИ РАН, 2014. С. 230-237.

373. Физелер Б. Развитие государственной помощи инвалидам в России от поздней Российской империи до сталинской "революции сверху" // Опыт мировых войн в истории России: сборник статей. - Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 49-64.

374. Физелер Б. «Нищие победители»: инвалиды Великой Отечественной войны в Советском Союзе // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа: сборник. - М.: Неприкосновенный запас. 2005. С. 577-591.

375. Фирсов М.В. История социальной работы в России: тенденции становления // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. ст. / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. — Саратов: Научная книга: Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. — 460 с. С. 65-85. С. 65-70.

376. Флоринский М.Ф. Эволюция компетенции Совета министров Российской империи во время первой мировой войны (июль февраль 1917 гг.) // Новейшая история России. 2014. №3 (11). С. 116-131.

377. Фомичев И.В., Крюков В.М. Белорусский почин по организации трудовых сельскохозяйственных дружин учащихся в годы первой мировой войны // Веснік Палескага дзяржаўнага універсітэта. Серыя грамадскіх і гуманітарных навук: научнопрактический журнал. – Пинск: ПолесГУ.- 2010. – №2. – С.27–28.

378. Форсова В.В. Общественное призрение военных и их семей в дооктябрьской России // Вестник РАН. – 1996. Т. 66. – №8. С. 750–758.

379. Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914 - 1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. коллоквиума, 1- 5 июня 1998 г. / отв. ред. Н.Н. Смирнов.- СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С.83-101.

380. Хоршева Ю.О. Механизм защиты населения Российской империи, пострадавшего в годы Первой мировой войны: оценка эффективности // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2021. №2 (42). С. 104-114.

381. Цинпаева Р.Ш. Благотворительность в российской империи на страницах периодических изданий 1860х-1880х гг. // Казачество. 2017. №1 (25). С. 47-53.

382. Цуканов Д.А. Организация социальной помощи в Воронежской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 4. С.123-126.

383. Чекед Р.С. Низшая сельскохозяйственная школа России в повседневных условиях Первой мировой войны // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – №11. – С. 116–121.

384. Чиж И.М. Карпенко И.В. Военная медицина в русской армии в годы Первой мировой войны // История медицины. 2017. №2. Т.4. С.216-224.

385. Чичерюкин-Мейнгардт В.Г. Материалы к биографии Г.А. Мейнгардта [Электронный ресурс].- Режим доступа: https://pereklichka.livejournal.com/1179623.html (Дата обращения 16.08.2023).

386. Чубаров А.И., Щербинин П.П. Социальное призрение детей во время Первой мировой войны // Вестник Тамбовского государственного университета. 2020. №188. С. 195-201.

387. Чубаров А. И. Система пенсионного обеспечения увечных воинов в Российской империи в 1874—1917 гг. (на примере Курской губернии) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 3 (35). С. 160—172.

388. Чубаров А.И. Социальная опека солдатских семей в эпоху Первой мировой войныь(на примере Курской губернии) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. № 4 (36). С. 32-39.

389. Шевцова Г.И. Деятельность складов императрицы Александры Фёдоровны в период русско-японской и Первой мировой войн // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета №28 2018 С. 284-286.

390. Шерстнёва Е.В. Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества (к 100-летию со дня основания) // Вопросы современной педиатрии. 2013. №2. С. 150-152.

391. Шикунова И.А., Щербинин П.П. Ясли-приюты как особая форма социального попечения в Тамбовской губернии в начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25 № 184. С. 136-145.

392. Шилова Р.Р. Деятельность земства Уфимской губернии по оказанию помощи нуждающимся в годы Первой мировой войны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. №11. С.26-30.

393. Щеглов Г.Э. Церковь и Первая мировая война // Ступени. 2005. №1(17). [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://minds.by/zhurnal-stupeni/arhiv-nomerov-za-2005-god/stupeni-1-17-60-let-mira-pamyat-pobedy/tserkov-i-pervaya-mirovaya-vojna (дата обращения: 25.08.2023).

394. Щекотихин Е.В. Безопасность и качество жизни в парадигме социологии повседневности // Социология и право, 2014. № 2(24) С.11-19.

395. Щербинин П.П. Российская солдатка: опыт реконструкции повседневной жизни в период войн России XIX-начала XX вв. // Клио. 2003. № 2. С. 241-250.

396. Щербинин П.П. Как жилось российской солдатке в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.) // Женщина в российском обществе. 2004. № 1-2. С. 57-71.

397. Щербинин П.П. Особенности призрения военных инвалидов и членов их семей в России в XVIII – начале XX в. // Вестник ВГУ. 2005 № 2 С. 222–233;

398. Щербинин П.П. Особенности призрения увечных воинов в России в XVIII – начале XX в. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 381–399.

399. Щербинин П.П. Дети-сироты и их призрение в период войн России начала XX в. // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. №9 (125). С. 334-341.

400. Щербинин П.П. Источники и методология изучения детской повседневности периода Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Война и повседневная жизнь населения России XVII-XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны). материалы Международной научной конференции. СПб: Издательство: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2014. С.19-23.

401. Экшут С.А. Исповедь бюрократа // Родина. 2018. №1. С. 36-41.

402. Энгл Барбара Алперн Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в первую мировую войну // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. №1. С. 148-178.

403. Юнгер Э. Тотальная мобилизация // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт : Тотальная мобилизация; О боли / Пер. с нем. А. В. Михайловского; Под ред. Д. В. Скляднева. - СПб. : Наука, 2000. – 537 с. С. 443-470.

404. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России, 2003 № 1. С.3-35.

405. Яницкий О.Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования 2012 №6 (338) С. 3-12.

VII. Диссертации и авторефераты

406. Азаматова Г.Б. Земское самоуправление в многонациональном регионе России : на примере Уфимской губернии, 1874-1917 гг. : автореферат дис. ... доктора ист. наук : 07.00.02 / Азаматова Гульназ Булатовна; [Место защиты: Ин-т истории и археологии УрО РАН]. - Уфа, 2018. - 50 с.

407. Алёхина Е.В. Деятельность Тамбовского земства в годы Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005. 197 с.

408. Афанесян К.К. Общественное призрение и благотворительность на Ставрополье в 1802-1917 гг.: тенденции развития, повседневная практика, особенности: дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2015. 308 с.

409. Балашова Е.Ф. Правовое регулирование социальной деятельности в Российской империи : Вторая половина XIX - начало XX века : дисс. ... кандидата юридических наук :. - Москва, 2004. - 153 с.

410. Балицкий Р.Н. Меценатство и благотворительность в Центральном Черноземье в конце XIX-начале XX вв. : дисс. ... канд. историч. наук : 07.00.02. - Курск, 2004. - 206 с.

411. Белова Е.Е. Культурно-исторический смысл общественного призрения русских военнослужащих последней четверти XIX – начала XX вв. (по материалам губерний Центральной промышленной области): автореф. … канд. ист. наук. Ярославль, 2014.

412. Васильева Г.П. Исторический опыт развития благотворительности в середине XIX - начале XX веков: по материалам Нижнего Поволжья : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Астрахань, 2011. - 212 с.

413. Волошун П.В. Благотворительная деятельность как сфера повседневной жизни великой княгини Елизаветы Федоровны в России конца XIX - начала XX века : дисс. … канд. ист. наук. Тверь, 2014. 204 с.

414. Гавриков Ф.А. Города российской провинции в условиях Первой мировой войны (на примере Курской губернии) : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02 Курск, 2006 .

415. Гаврюшин С.И. Организационное устройство и деятельность Ведомства учреждений императрицы Марии (1797-1917 гг.) : автореферат дисс. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Гос. ун-т упр. - Москва, 2002. - 22 с.

416. Гатилова Л.С. Благотворительность в российской провинции в конце XIX - начале XX вв.: На материалах губерний Центрального Черноземья : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Курск, 2001. - 302 с.

417. Герасимова Д.И. Становление и развитие системы социальной защиты населения в 1865-1917 гг. (на материалах Уфимской губернии) : дисс. … канд. ист. наук.: 07.00.02 - Отечественная история. - Башкирский государственный университет. - Уфа, 2016. - 191 с.

418. Герасимова Н.В. Земское самоуправление в 1914-1918 гг. на территории Чувашии: дисс. … канд. ист. наук. - М., 2002.- 223 с.

419. Горбунова И.А. Становление общественного призрения на Дальнем Востоке России: 1884-февраль 1917 г. : дисс. ... канд. ист. наук. - Хабаровск, 2003. - 154 с.

420. Горлова Т.В. Эволюция местного самоуправления в Курской губернии : 1890 - октябрь 1917 гг. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Курск, 2010. - 27 с.

421. Грицаева А.Н. Благотворительность в России в годы первой мировой войны (1914 - февраль 1917 г.) : опыт помощи пострадавшим от военных действий : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Москва, 2008. - 289 с.

422. Гузикова М.О. «Тотальная мобилизация» Эрнста Юнгера как проект модерности: историческая реконструкция и интерпретация: дисс. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. 166 с.

423. Гулидов А.Ю. Общественно-политическая жизнь российской провинции в годы Первой мировой войны : на материалах Владимирской губернии : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Гулидов Арсений Юрьевич; [Место защиты: Иван. гос. ун-т]. - Шуя, 2010. - 247 с.

424. Грудина А.Д. Государственная помощь семьям нижних чинов Российской армии в годы Первой мировой войны : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Грудина Алексей Дмитриевич; [Место защиты: Брян. гос. пед. ун-т им. И.Г. Петровского]. - Брянск, 2019. - 242 с.

425. Дурова Л.И. Институционализация социальной политики в субъектах Российской Федерации : автореферат дис. ... кандидата социологических наук. - Москва, 2000. - 27 с.

426. Егорова Л.А. Благотворительность в российской провинции : Костромская губерния, вторая половина XIX - начало XX веков : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Москва, 2002. - 200 с.

427. Ермоленко Т.В. Патернализм в России: культурологический анализ: дисс. … доктора философ. наук. 24.00.01. – Ростов-н.-Д., 2000 – 251 стр.

428. Жердева Н. И. Деятельность органов прокуратуры по обеспечению законности в сфере благотворительности: вопросы теории и практики: автореф. дисс. ... кандидата юридических наук. - М., 2006. - 28 с.

429. Жукова Л.А. Взаимодействие властных структур и органов земского самоуправления в России, 1864-1917 гг. : диссертация ... доктора исторических наук. - Москва, 2000. - 380 с.

430. Забелин П.В. Местное самоуправление в годы Первой мировой войны: новые направления деятельности (на материалах Смоленской губернии): автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2013. 23 с.

431. Зальцман Т.В. Становление и развитие системы помощи людям с инвалидностью в России (1861-1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 23 с.

432. Замараева З.П. Институционализация социальной защиты населения в условиях современной России : диссертация ... доктора социологических наук : 22.00.04. - Москва, 2007. - 305 с.

433. Заяц Н.А. Кризис государственного управления и организация новых властных структур Воронежской губернии в 1914-1918 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук . - Воронеж, 2017. - 404 с.

434. Зигель И.А. Деятельность Новгородской губернской администрации и органов местного самоуправления в годы Первой Мировой войны : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Великий Новгород, 2003. - 206 с.

435. Иванникова Н.А. Исторический опыт земского самоуправления по развитию общественного призрения : дисс. … канд. ист. наук.- М., 1998.- 180 с.

436. Иванова Н.М. Милосердие и благотворительность в годы первой мировой войны 1914 - 1917 гг. : На материалах Петрограда : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Санкт-Петербург, 2002. - 243 с.

437. Казанцева С.Г. Развитие благотворительности в Самарской и Симбирской губерниях во второй половине XIX - начале XX века : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Самара, 2000. - 237 с.

438. Кайдышева Н.Н. Благотворительная деятельность в Пермской губернии в годы Первой мировой войны : 1914 - февраль 1917 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Кайдышева Наталья Николаевна; [Место защиты: Ур. федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина]. - Екатеринбург, 2016. - 325 с.

439. Карманов Д.К. Воронежское земство: 1914–1918: автореферат дисс. … канд. ист. наук. Воронеж, 2002. - 22 с.

440. Касацкая И.Ф. Исторический опыт становления попечительств о детях на примере деятельности Ведомства учреждений Императрицы Марии (1861-1917 гг.) : дисс. … канд. ист. наук: 07.00.02. - Москва, 2005. - 163 с.

441. Ковалева М.Г. Учреждения социального призрения России в XIX - начале XX веков : на материалах Воронежской и Курской губерний : дисс. ... канд. историч. наук : 07.00.02. - Белгород, 2006. - 179 с.

442. Ковальская Е.Ю. Благотворительные организации великой княгини Елизаветы Федоровны : руководство, структура, источники финансирования, жертвователи (1884–1918) : дисс. ... канд. ист. наук : 5.6.1. / Ковальская Елена Юрьевна; [Место защиты: ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук]. - Москва, 2022. - 457 с.

443. Коннова Л.А. Деятельность земств на территории Мордовии в 1890-1918 гг. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / НИИЯЛИЭ. - Саранск, 2001. - 20 с.

444. Кононова Т.Б. История российской благотворительности и ее связь с государственными структурами социального обеспечения : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Моск. социальный ун-т. - Москва, 1997. 24 с.

445. Коробейников Ю.В. Исторический опыт осуществления общественной помощи нуждающимся органами местного самоуправления России в 1864-1917 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Ставрополь, 2003. - 320 с.

446. Максимова Л.Б. Вклад Великой Княгини Елизаветы Федоровны в благотворительное движение России конца XIX - начала XX века : диссертация ... кандидата исторических наук : 24.00.03. - Москва, 1998. - 229 с.

447. Малека Ю.Н. Социальная деятельность Российского государства: исторический опыт управления процессами : XVIII - начало XX вв. : автореферат дисс. ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Моск. гос. соц. ун-т. - Москва, 2003. - 48 с.

448. Марасанова В.М. История органов губернского управления в конце XVIII - начале XX вв. : На материалах Верхнего Поволжья : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02. - Ярославль, 2005. - 452 с.

449. Матвеева Н.Л. Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны : дисс. … канд. ист. наук. С-Пб., 2000. 226 с.

450. Мокроносова О.М. Благотворительные организации во второй половине XIX - начале XX вв. : На материалах Южного Урала : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Оренбург, 2002. - 262 с.

451. Нагорная М.С. Земское самоуправление на Южном Урале накануне и в годы Первой мировой войны : 1913 - февраль 1917 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Курган, 1999. - 206 с.

452. Николаев Д.А. Нижегородское земство в 1865–1918 гг.: обзор хозяйственной деятельности и анализ социально-политических инициатив: автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1999. 19 с.

453. Олейникова С.С. Теоретические и организационно-правовые основы становления социальной функции российского государства в XVII - начале XX вв. : историко-правовой аспект : автореферат дис. ... канд. юридич. наук : 12.00.01 / Олейникова Светлана Сергеевна; [Место защиты: Волгогр. гос. ун-т]. - Волгоград, 2012. - 30 с.

454. Павлова И.П. Социальное попечение в России в конце XIX - начале XX века : диссертация ... доктора исторических наук. - Санкт-Петербург, 2004. - 568 с.

455. Панасюк В.В. Столыпинская аграрная реформа и российская провинция: по материалам Калужской губернии (1906-1917) : дисс. … канд. ист. наук. М., 2016. 367 с.

456. Патрушев А.В. Вятское земство накануне и в годы Первой мировой войны : автореферат дис. ... канд. исторических наук : Йошкар-Ола, 2016. - 22 с.

457. Петровичева Е. М. Земское самоуправление Центральной России в 1906–1918 гг.: эволюция на последних этапах деятельности.: дисс. … доктора ист. наук. М., 2003. 353 с.

458. Покотилова Т.Е. Благотворительность в социальной истории дореволюционной России : Мировоззрение и ист. опыт : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02. - Ставрополь, 1998. - 443 с.

459. Попов Н.М. Социальная политика городских самоуправлений Тамбовской губернии в конце XIX-начале XX веков : дисс. ... канд. историч. наук : 07.00.02. - Тамбов, 2006. - 191 с.

460. Разуваева Н.А. История российской благотворительности во второй половине XIX - начале XX вв. : По материалам Пензенской губернии : дисс. ... канд. историч. наук : 07.00.02. - Пенза, 2006. - 220 с.

461. Ростова Т. А. Земство Симбирской губернии в 1905 - начале 1918 г. : автореферат дисс. … канд. ист. наук. Ульяновск, 2005. 22 с.

462. Рылова Н.Е. Благотворительность на Дону во второй половине XIX - начале XX вв. : дисс. ... канд. историч. наук : 07.00.02. - Ростов-на-Дону, 2004. - 246 с.

463. Рязанский И.В. Тыловая российская провинция в условиях первой мировой войны: Южный Урал в июле 1914 - феврале 1917 гг.: дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 2006. 232 с.

464. Сбитнева И.Н. Развитие законодательства о социальном обеспечении в России в конце XIX начале XX веков : Историко-правовой аспект : дисс. ... канд. юридич. наук : 12.00.01. - Ставрополь, 2002. - 237 с.

465. Севастьянов С.А. Земское самоуправление в Уфимской губернии : 1874-1917 : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Башкир. гос. ун-т. - Уфа, 2005. - 25 с.

466. Семенченко И.В. Деятельность земств на Урале : 1900-1919 гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Семенченко Ирина Васильевна; [Место защиты: Оренбург. гос. пед. ун-т]. - Оренбург, 2010. - 459 с.

467. Семионкина Н.Г. Правовое регулирование общественного призрения и благотворительности в Российской Империи : дисс. ... канд. юридич. наук : 12.00.01. - Белгород, 2019. - 133 с.

468. Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII - конец XIX века): диссертация ... доктора исторических наук.- СПб., 2006. 725 с.

469. Солдатов Я. В. Казанское земство в годы Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. - Казань, 2004. 216 с.

470. Субботина А.М. Земство в Удмуртии, 1867-1918 гг. : дисс. ... канд. ист. наук. - Ижевск, 2000. - 301 с.

471. Суханова О.Н. Калужское земство в годы Первой мировой войны: автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Владимир, 2012. 22 с.

472. Ташбекова И.Ю. Государственная политика Российской империи в социальной сфере: вторая половина XIX - начало XX века : Историко-

правовой аспект : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00. - Москва, 2012. - 387 с.

473. Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, конец XVIII - начало XX века : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02. - Москва, 2006. - 612 с.

474. Федулова А.В. Общественное призрение и благотворительность в Симбирской губернии во второй половине XIX - начале XX века : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Ульяновск, 2006. - 258 с.

475. Филипцева С.В. Организация деятельности земских учреждений в Воронежской губернии : 1865-1918 гг. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Филипцева Светлана Викторовна; [Место защиты: Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина]. - Тамбов, 2009. - 23 с.

476. Фролова И.В. Региональный опыт социальной помощи несовершеннолетним в Российской империи во второй половине XIX - начале XX вв. : в Новгородской и Псковской губерниях : дис. ... кандидата исторических наук. - Екатеринбург, 2018. - 357 с.

477. Чирков М.С. Земство и власть в России. 1890 - февраль 1917 гг. : По материалам Самарской губернии : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Самара, 2000. - 19 с.

478. Чубаров А.И. Социальная опека солдатских семей и пострадавших военнослужащих России в войнах конца XIX - начала XX веков на типичном примере Курской губернии : дисс. ... канд. ист. наук. - Курск, 2016. - 321 с.

479. Чудаков О.В. Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2013.

480. Шушкова Н.В. Патернализм как социальный институт в переходном обществе: автореф. дис. к.соц.н. 22.00.04. – Пермь, 2004. – 28 стр.

481. Юргина И.Н. Учреждения социальной помощи в Тверской губернии второй половины XIX - начала XX в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Тверь, 2010. - 225 с.

482. Якубсон Е.В. Благотворительность в Московской и Тульской губерниях во второй половине XIX - начале XX вв. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Тула, 2011. - 205 с.

VIII. Справочные и статистические издания

483. Баркер Р. Словарь социальной работы / пер. с англ. М.: Институт социальной работы, 1993.- 134 с.

484. Военная энциклопедия / Под ред. Ген. штаба полк. В.Ф. Новицкого, воен. инж. подполк. А.В. фон Шварца [и др.]. СПб., Т-во И.Д. Сытина. 1911-1915. URL: http://history.niv.ru/doc/encyclopedia/military/articles/1017/alekseevskij-glavnyj-komitet.htm (дата обращения: 25.01.2023).

485. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801-1917 гг. : В 4 т. / Отв. сост. Д. И. Раскин. - Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб.: Наука, 1998 - 2001. – 302 с.

486. Газеты дореволюционной России, 1703-1917: каталог / Российская нац. б-ка ; / сост.: Т. В. Акопян и др.]. - Санкт-Петербург: Российская нац. б-ка, 2007. - 592 с.

487. Мурзанов Н.А. Словарь русских сенаторов, 1711-1917 гг. : материалы для биографий.- СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.- 735 с.

488. Российская энциклопедия социальной работы : энциклопедия / под общ. ред. д.и.н., проф. Е. И. Холостовой. — 4-е изд. — Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2019. - 1032 с.

489. Российский государственный военно-исторический архив. Путеводитель: В 4-х т. Том 3. / Сост. Е.Н. Дмитроченкова, А.Л. Корнилаева, Н.Ю. Муравейникова, О.А. Пучкова, Л.Я. Сает, Н.Г. Снежко. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008. – 535 с.

490. Россия в мировой войне 1914-1918 года: (в цифрах). М.: Центральное статистическое управление, 1925. 103 с.

491. Россия в Первой мировой войне, 1914-1918 : энциклопедия : в 3 т. / Российский гос. архив социально-политической истории, Ин-т российской

истории РАН, Изд-во "Российская политическая энцикл. ; редкол. : А. К. Сорокин (отв. ред.) [и др.]. - Москва : РОССПЭН, 2014.

492. Русские официальные и ведомственные издания: Каталог / Российский гос. ист. арх, Науч.-справ. б-ка ; [сост. Е. К. Авраменко и др. ; отв. ред. Н. Е. Кащенко]. - Санкт-Петербург : Рус.-Балт. информ. центр "Блиц", 1995-1999. Т. 6. - 1999. - 375 с.

493. Сборник статистических сведений о заведениях закрытого призрения детей, в том числе сирот сельского населения / составлен Канцелярией Совета министров (по Романовскому комитету). - Петроград : Государственная типография, 1916. - 371 с.

494. Социальная политика: Толковый словарь. Издание второе, доработанное / Обш. ред. д.э.н, проф. Н. А. Волгин. Отв. ред. д.э.н, проф. Б. В. Ракитский. М.: Изд-во РАГС, 2002. - 456 с.

495. Социальная политика. Энциклопедия / Под ред. д.э.н., проф. Н.А. Волгина и д.ф.н., проф. Т.С. Сулимовой. — М.: Издательство «Альфа-Пресс». 2006 .— 416 с.

496. Социальная энциклопедия / [М-во труда и соц. развития Рос. Федерации]; Гл. ред. А.П. Горкин. - Москва : Большая рос. энцикл., 2000. – 436 с.

497. Социология: словарь-справочник / под общ. ред. Ю.Г. Волкова. - Москва ; Краснодар : Диапазон-В, 2006. - 347 с.

498. Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 575 с.

499. Историко-культурный интернет-портал «Энциклопедия Санкт-Петербурга» [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://encspb.ru/?lc=ru (дата обращения: 21.08.2023).

500. Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900-1917. Отв. редактор О.А. Платонов. М.: Крафт+, Институт русской цивилизации, 2008. 640 с.

501. Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений, 1802—1917: Биобиблиографический справочник. 2-е изд. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.- 860 с.

502. Энциклопедия социальной работы. В 3 т. Т. 1. / Пер. с англ.- Т. 1.- М.: Зорис, 1994.- 446 с.

IX. Учебная литература

503. Агапов Е. П. История социальной работы [Текст]: учеб. пособие / Е.П. Агапов, К. В. Волощукова. - М.: Дашков и К°, 2010 - 255 с.

504. Богданов, В. П. История благотворительности в России. Москва и московская пресса конца XIX века : учебное пособие для вузов . — М.: Издательство Юрайт, 2021. — 353 с.

505. Вишняков Я.Д Общая теория рисков : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Я.Д. Вишняков, Н.Н. Радаев. — 2-е изд., испр. — М.: Издательский центр «Академия», 2008. — 368 с.

506. Зубанова С.Г. Социальное служение и благотворительность : учебное пособие для студентов специальности и направления подготовки "социальная работа" / [авт.-сост.]: С. Г. Зубанова. – М. : Перо, 2015. - 231 с.

507. Источниковедение: Теория, история, метод. Источники российской истории: Учеб. пособие для гуманитарных специальностей / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 2004.- 701 с.

508. Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века. Учебное пособие. Издание второе, исправленное и дополненное. Самара: Самарский университет, 1999. – 153 с.

509. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003.- 441 с.

510. Кононова Т.Б. История социальной работы : учебник для бакалавров Москва : Издательство Юрайт, 2022. 356 с.

511. Костина Е.Ю. История социальной работы : учебное пособие для студентов направлений 040400 "Социальная работа" вузов региона. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2012 г. 353 с.

512. Кузьмин К.В., Сутырин Б.А. История социальной работы за рубежом и в России (с древности до начала XX века) [3-е изд., доп. и испр.]. – М.: Трикста, 2005. – 620 с.

513. Мельников В.П. История социальной работы в России : учебное пособие / В. П. Мельников, Е. И. Холостова. - 2-е изд. - Москва : Издательско-книготорговый центр "Маркетинг", 2002. - 343 с.

514. Менщиков, И. С. Методология истории : учебное пособие для вузов / И. С. Менщиков. — М.: Издательство Юрайт, 2023. — 208 с.

515. Пашенцев Д.А. Благотворительное законодательство Российской империи // История государства и права России: курс лекций. - М.: Эксмо, 2010. - 448 с.

516. Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Издание 2-е, дополн. и перераб. / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». – М.: Буки Веди, 2021. – 567 с.

517. Семенова Е.Ю. Благотворительные учреждения Самарской и Симбирской губернии в годы Первой мировой войны: Учебное пособие. Самара, 2001.- 60 с.

518. Сергеева З.Х. Социальная стратификация: учебное пособие / З.Х. Сергеева, Д.А. Гатиятуллина. – Казань: Изд-во Казан. гос. технол. Ун-та, 2011 – 412 с.

519. Смирнов С.Н., Сидорина Т.Ю. Социальная политика: Учебное пособие. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. — 432 с.

520. Смоленский Н.И. Теория и методология истории : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 030401 "История" направления подготовки 030400 "История". - 2-е изд., стер. - М.: Академия, 2008. – 270 с.

521. Теория и методология истории : учебник и практикум для вузов / А. И. Филюшкин [и др.] ; под редакцией А. И. Филюшкина. — М.: Издательство Юрайт, 2023. — 323 с.

522. Фомина Т.И. Законодательные акты Российской империи в области социальной работы (1910-1914 гг.) : Учеб. пособие / Т. И. Фомина; Моск. гос. соц. ун-т. Каф. соц. истории России. - М.: Союз, 1999. - 156 с.

523. Холостова Е.И. Генезис социальной работы в России : учебное пособие. - 6-е изд. - Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2021. - 230 с.

524. Холостова Е. И. История социальной работы : учебное пособие для вузов . Москва : Издательство Юрайт, 2023. 137 с.

525. Шарин В.И. История социальной работы : учебное пособие. Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2018. - 368 с.

526. Шестаков Ю.А. История социальной работы : учебное пособие. Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2021. 176 с.

527. Ширшов В. Д. История социальной работы : учебное пособие / В.Д. Ширшов. М.: ИНФРА-М, 2020. 269 с.

X. Литература на иностранном языке

528. Bradley, Joseph Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society (1795-1890). Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2009. 366 pp.

529. Gatrell, Peter: Russia's First World War. A social and economic history.- Harlow: Pearson/Longman, 2005.- 318 p.

530. Gatrell, Peter Tsarist Russia at War: The View from Above, 1914–February 1917 // The Journal of Modern History 2015 87(3): Pp. 668-700.

531. Grant, Peter Philanthropy and Voluntary Action in the First World War: Mobilizing Charity. New York ; London : Routledge, Taylor & Francis Group. 2014. 254 p.

532. Holquist, Peter Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914 - 1921. Harvard University Press. Cambridge, Lnd. 2002. 360 p.

533. Hofmann, David L. Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939.-Ithaca, NY: Cornell University Press, 2011.- 344 p.

534. Lindenmyer A. Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies, Issue: 807. - Pittsburgh (Pa) : Univ. of Pittsburgh, 1990. - 1990, Pp. 1-44.

535. Lindenmyer A. Public Life, Private Virtues: Women in Russian Charity, 1762-1914 // Journal of Women in Culture and Society. 1993. Volume 18, № 3. P. 562-591.

536. Lindenmyer A. Poverty Is Not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia. Princeton: Princeton University Press. 1996. 335 p.

537. Lohr, Eric Nationalizing the Russian Empire: The Campaign Against Enemy Aliens During World War I.- Harvard University Press, 2003 г. – 237 p.

538. Melancon, Michael S. Social Conflict and Control, Protest and Repression (Russian Empire) // 1914-1918-online. International Encyclopedia of the First World War / ed. by Ute Daniel, Peter Gatrell, Oliver Janz, Heather Jones, Jennifer Keene, Alan Kramer, and Bill Nasson, issued by Freie Universität Berlin, Berlin [Электронный ресурс].- Режим доступа: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/social_conflict_and_control_protest_and_repression_russian_empire (дата обращения: 21.08.2023).

539. Porshneva, Olga: Civil-Military Relations during World War I (Russian Empire) // 1914-1918-online. International Encyclopedia of the First World War / ed. by Ute Daniel, Peter Gatrell, Oliver Janz, Heather Jones, Jennifer Keene, Alan Kramer, and Bill Nasson, issued by Freie Universität Berlin, Berlin 2014-10-08. DOI: 10.15463/ie1418.10205. Translated by: Goldberg, Gary [Электронный ресурс].- Режим доступа: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/civil-military_relations_during_world_war_i_russian_empire (дата обращения: 21.08.2023).

540. Richter, Jude Philanthropy and Welfare in Russia, 1914–18 // Russia's Home Front in War and Revolution, 1914-22 / edited by Adele Lindenmeyr, Christopher Read, and Peter Waldron Bloomington: Slavica Publishers, 2016. Pp. 11-30.

541. Russia’s Home Front in War and Revolution, 1914–22, Book 2: The Experience of War and Revolution / Adele Lindenmeyr, Christopher Read, and Peter Waldron, eds. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2016, 497–507. https://muse.jhu.edu/book/45518

542. Sanborn, Joshua A. Drafting the Russian nation : military conscription, total war, and mass politics, 1905-1925 / Joshua A. Sanborn. - DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 2003. - 278 p.

543. Sanborn, Joshua A. The Zenith of Russian Progressivism: The Home Front during World War I and the Revolution // Russia's Home Front in War and Revolution, 1914-22 / edited by Adele Lindenmeyr, Christopher Read, and Peter Waldron Bloomington, Indiana: Slavica Publishers, 2016. Pp. 497-508.

544. Stockdale, Melissa Kirschke Mobilizing the Russian nation: patriotism and citizenship in the First World War / Melissa Kirschke Stockdale. Cambridge : Cambridge univ. press, 2016. - XVII, 284 c.

545. van Dijk, Paul Assemblies, Associations and Autocracy: on civil society in imperial Russia, 1850-1917: Research Tutorial. Geesteswetenschappen: Utrecht University, 2014. 27 p.

Список сокращений

ВЗС – Всероссийский Земский Союз помощи больным и раненым воинам

ВСГ – Всероссийский Союз Городов помощи больным и раненым воинам

ВУИМ – Ведомство учреждений императрицы Марии

ГАОО – Государственный архив Орловской области

ГУЗиЗ – Главное управление землеустройства и земледелия

Елизаветинский комитет – Комитет великой княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну

ИЧО – Императорское человеколюбивое общество

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИА – Российский государственный исторический архив

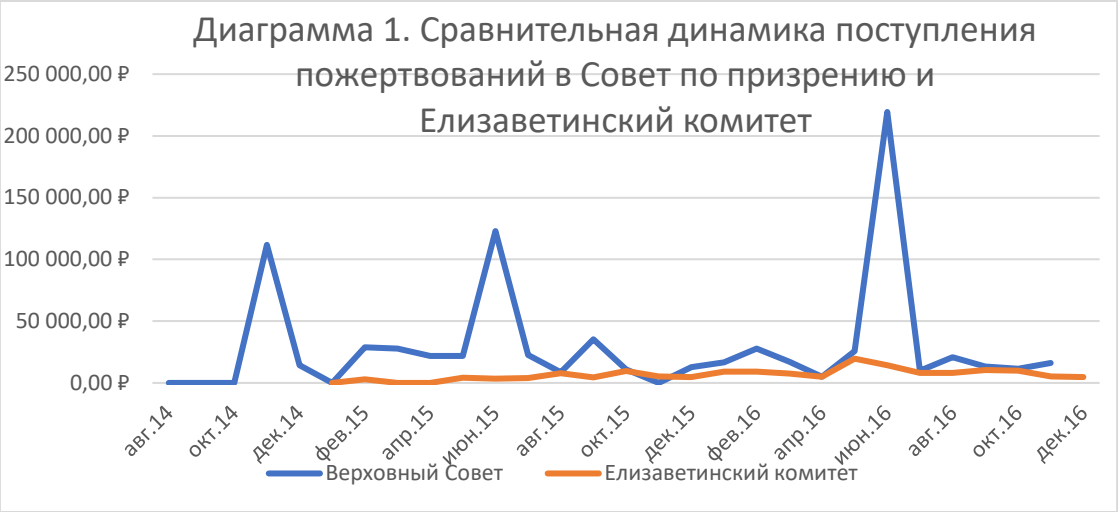
РОКК – Российское общество Красного Креста

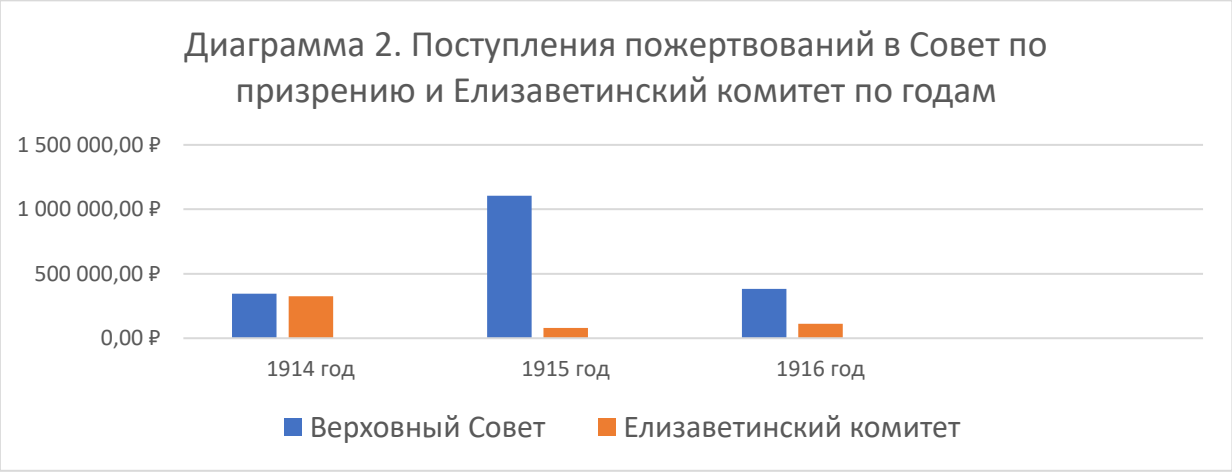
Совет по призрению - Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, и семей раненых и павших воинов

ЦАГМ – Центральный государственный архив города Москвы

Приложение 1

Финансовые показатели Совета по призрению и Елизаветинского комитета[891]

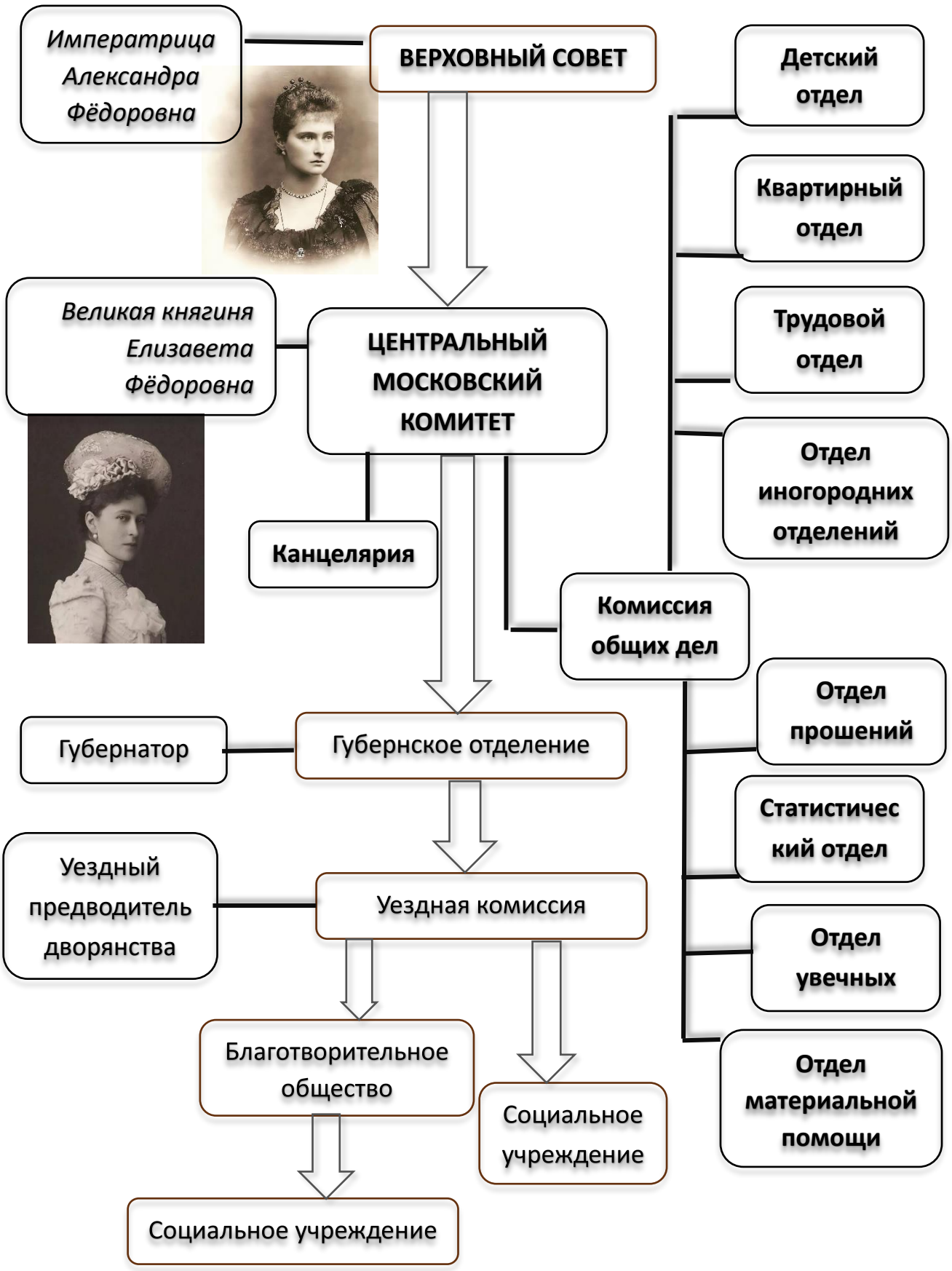




[891] Приведены абсолютные цифры поступлений без поправки на инфляцию, которая к началу 1917 года по отдельным категориям товаров могла достигать 300%.

Приложение 2

Организационная схема Елизаветинского комитета



Приложение 3

Сводная ведомость о видах помощи семьям запасных нижних чинов, оказанной Комитетом Её императорского высочества великой княгини Елизаветы Фёдоровна и его отделениями по 5 мая 1915 г.[892]

Отделения	Квартирная	Детская	Топливная	Продовольственная	Медицинская	Учебная	Трудовая	Одежная	Агрономическая			Увечным воинам	
									Сев и уборка	Восстановлен-е хоз-ва	Скот	Убежища	Другое
Астраханское	+	+	+	+	+	x	x	x	+	+	x	x	+
Архангельское	+	x	+	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x
Бессарабское	+	+	+	+	x	x	x	x	x	x	x	x	x
Вятское	+	+	+	+	+	x	+	+	x	x	x	x	x
Волынское	+	+	+	+	+	x	x	+	x	x	x	x	x
Владимирское	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Вологодское	+	+	+	+	x	+	x	+	x	x	x	x	x
Воронежское	+	+	+	+	x	+	x	+	+	x	x	x	+
Витебское	+	x	+	x	+	x	x	+	+	+	x	x	x
Гродненское	+	+	+	+	x	x	+	x	x	x	x	x	x
Екатеринославское	+	+	+	+	x	x	+	+	+	+	x	x	x
Казанское	+	+	+	+	x	x	+	x	+	+	+	x	+
Костромское	+	x	+	x	x	+	+	x	+	+	x	x	x
Минское	+	+	x	+	x	x	x	x	+	+	x	x	x
Могилевское	x	+	x	x	x	x	x	x	+	+	x	x	x
Нижегородское	+	+	+	+	x	+	x	+	+	+	x	x	x
Новгородское	x	+	x	x	x	x	x	x	+	+	x	x	x
Орловское	x	x	x	x	x	x	+	+	+	+	x	x	x
Одесское	+	+	+	+	+	x	+	+	x	x	x	x	x
Олонецкое	+	+	x	x	x	x	+	+	x	x	x	+	x
Оренбургское	+	x	+	+	x	+	+	+	+	x	x	+	+
Псковское	x	x	+	+	+	x	+	x	+	x	x	x	+
Пензенское	x	+	+	+	x	x	+	+	x	x	x	x	+
Саратовское	+	+	+	+	x	x	+	+	x	x	x	x	+
Самарское	x	x		x	x	x	x	x	x	x	x	x	x
Симбирское		+	x	+	x	+	x	x	x	x	x	+	+
Смоленское	x	+	x	+	x	x	x	x	x	x	x	x	x
Тамбовское	+	+	+	+	x	x	x	+	+	+	x	x	+
Тверское	x	+	x	x	x	x	+	+	x	x	x	x	x
Тульское	x	+	x	x	x	x	x	+	+	x	x	+	x
Таврическое	x	+	x	x	x	x	x	+	x	x	x	x	x
Уфимское	+	x	+	+	x	+	x	+	x	x	x	x	x
Херсонское	+	+	+	+	+	x	x	x	x	x	x	x	x
Харьковское	x	+	x	+	x	x	+	+	+	x	x	x	x
Черниговское	x	+	+	+	x	+	x	+	x	x	x	x	+
Ярославское	x	+	+	+	+	x	x	+	+	x	x	x	x
Всего	28	33	30	30	9	9	15	22	18	12	2	5	11

[892] ЦГАМ Ф.113 оп. 1 Д.204 Л.133-136.

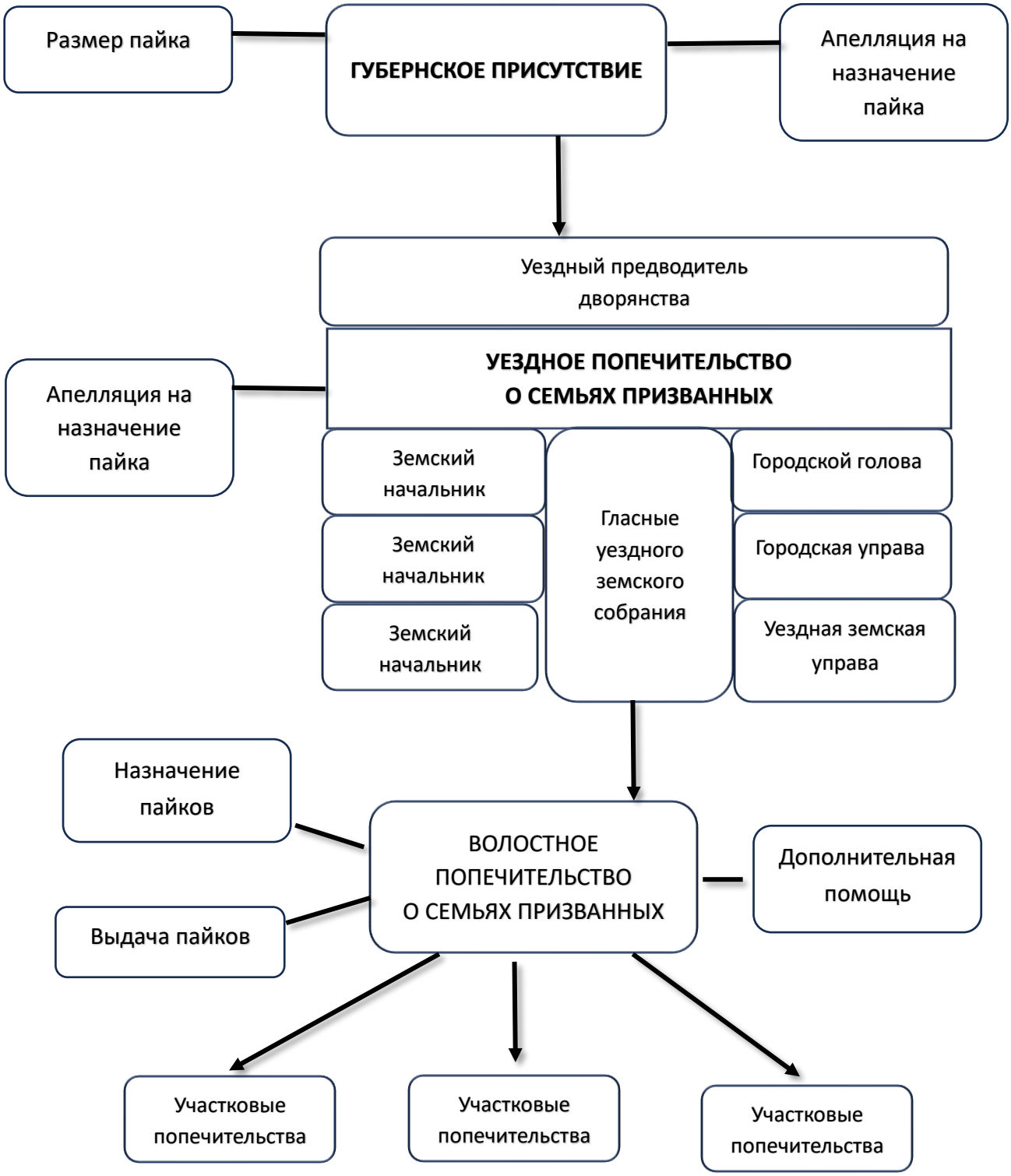
Приложение 4

Распределение средств по видам деятельности, данные по Центральному комитету великой княгини Елизаветы Фёдоровны и его губернским отделениям[893]

[893] Ежемесячник… 1916 № 13. С. 18-21. Два года деятельности Комитета.

Приложение 5

Схема устройства и полномочий попечительств о семьях мобилизованных



Приложение 6

Сравнительная таблица зарплат, цен и социальных пособий в годы Первой мировой войны[894]

Зарплаты и цены		**Пособия**	
Наименование	**Сумма**	**Наименование**	**Сумма**
Зарплата регистратора Симбирского губернского правления, 1915 год	100 руб. в месяц	Единовременное пособие от приходского совета на семью	0,5-2 руб.
Содержание 1 ребёнка в приюте в Петрограде, 1914 год	10 руб. в месяц	Пенсия вдовы нижнего чина	48 руб. в год
Содержание 1 призреваемого в убежище для военно-увечных в Петрограде, 1916 год	65 руб. в месяц	Пенсия нижнего чина по инвалидности	30-216 рублей в год
Стоимость 1 экземпляра №1 Известий Совета по призрению, 1914 год	30 коп.	Средний паёк на душу в Орловской губернии, 1916 год	3,75 руб.
Оклад непременного члена губернского отделения Елизаветинского комитета по Особой Комиссии, 1916 год	3600-2400 рублей в год	Денежное пособие для офицерских сирот от Алексеевского комитета, до 6 лет	75 руб. в год

[894] Асташов А. Б. Сестры милосердия в годы Первой мировой войны: повседневность и труд // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 10. С. 122. Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2003. С.50. Соловьева Е.А. Материальное обеспечение служащих губернского правления Симбирской и Казанской губерний во второй половине XIX – начале XX вв. // Власть. 2013. № 1. С. 155. Зимин И.В. Царские деньги : доходы и расходы Дома Романовых : повседневная жизнь Российского императорского двора. М.: Центрполиграф : Русская тройка-СПб, 2011. С. 48.

О пенсиях и единовременных пособиях чинам военного ведомства и их семействам // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37442. 23 июня 1912 г.

Об утверждении статута императорского военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, принадлежащего к сему ордену Георгиевского Креста и причисляемых к тому же ордену Георгиевского оружия и Георгиевской медали // ПСЗРИ Собрание 3-е. – Петроград, 1916. – Т. 33, отд. 1. – № 40135. С. 1047–1079.

Отчет образованной в составе Верховного совета Особой комиссии по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжение настоящей войны, а также их семей за 1915 год. Петроград: Гос. тип., 1916. С. 46.

Государственная дума. Стенографические отчеты. Сессия 12. Заседания 1-33 (9 февраля - 22 июня 1916 г.). — Пг. : Государственная типография, 1916. Стб. 1610.

Известия Совета по призрению… 1914. №1. С. 35. Там же, 1914. №2. С. 15, 35. Там же, 1915. № 4. С. 35-36. Там же, 1916. № 13. С. 24-27. Там же, 1916. № 14. С. 18. Там же, 1916. № 15. С. 16.

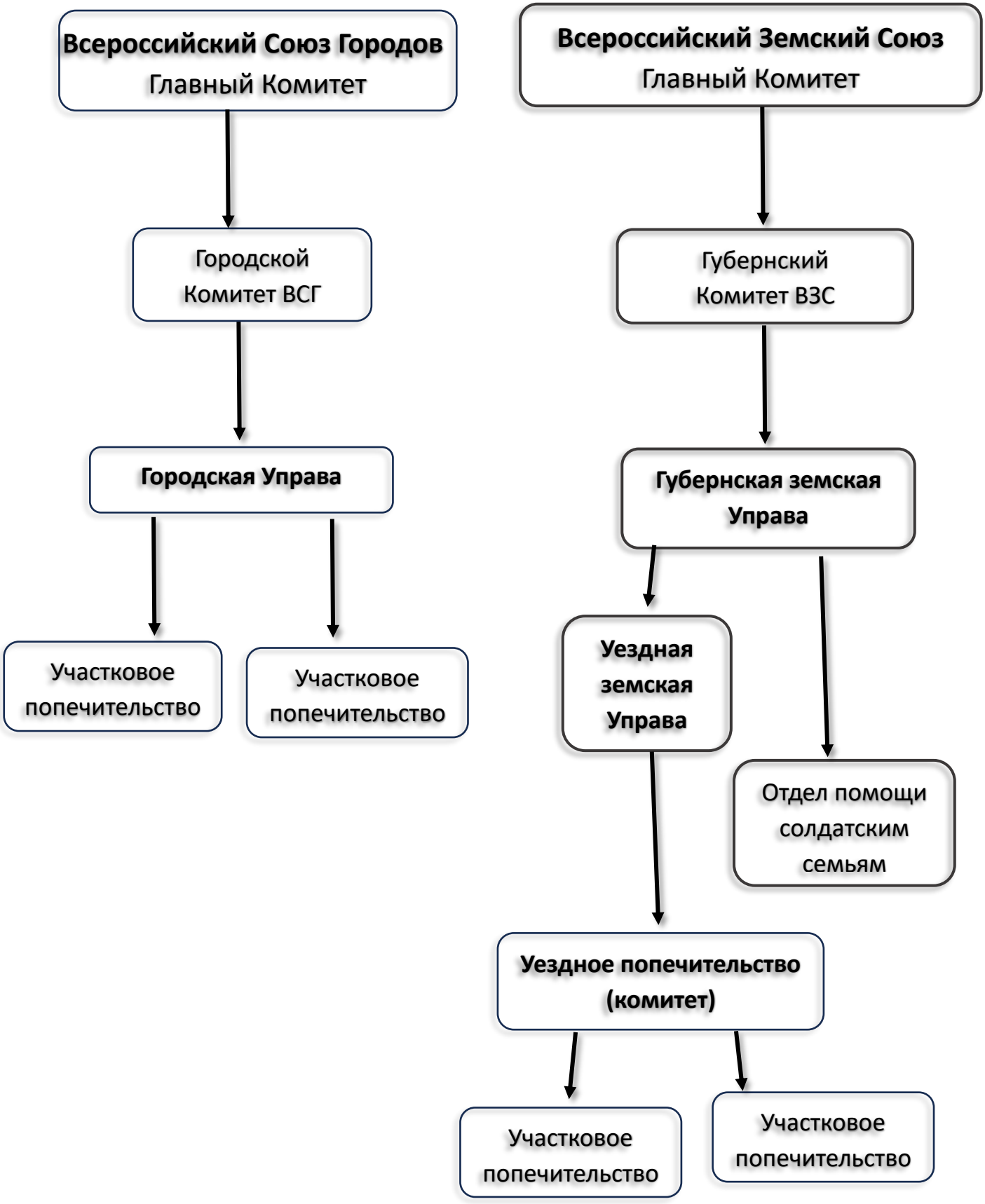
ГАОО. Ф.593. Оп.1. Д.1241. Л.17, 53-55. Ведомость справочных цен по городу Орлу. ГАОО, Ф.580. Ст.1. Д.6168. Л.5 Рапорт Брянского уездного исправника. 23. 03. 1916 г. ГАОО. Ф.2. Оп.1. Д. 64. Л.115.

РГВИА. Ф.12564. Оп.1. Д. 1177. Л.235.

РГИА. Ф.1253. Оп.1 Д.86. Л. 25. РГИА. Ф.1253. Оп.1. Д.46. Л.34. РГИА Ф.1253. Оп.1. Д.63. Л.134.

Сравнительная таблица зарплат, цен и социальных пособий в годы Первой мировой войны (продолжение)

Денежное довольствие нижним чинам, уволенным в отпуск, 1914-1916 годы	25 коп. в сутки	От 6 до 10 лет	125 руб. в год
Стоимость пуда соли, Орловская губерния, 1916 год	1,2 руб.	от 10 лет	300 руб. в год
Стоимость пуда мяса, Орловская губерния, 1916 год	6,5-7,5 руб.	Единовременное пособие от Александровского комитета, 1915 г.	6 рублей
Оклад управляющего делами Особой Комиссии, 1916 год	500 руб. в месяц + премии	Содержание в приюте одного призреваемого нижнего чина, 1917 г.	400 руб. в год
Оклад бухгалтера Особой Комиссии, 1916 год	200 руб. в мес.	Содержание в приюте одного офицера, 1917 г.	1600 руб. в год
Оклад заведующего Статистическим отделом Особой Комиссии, 1916 год	4500 руб. в год + премии	Затраты на оборудование убежищ и приютов, 1916 год	100 руб. на одно место
Зарплата делопроизводителя-регистратора в губернском городе	50-75 руб. в месяц	Затраты на оборудование мастерских, 1916 год	85 руб. на одно место
Минимальный расход на найм квартиры с отоплением в Севастополе для одинокого, 1915 год	3 руб.	Выплата за Георгиевский крест 1-й степени	120 руб. в год
Дневной заработок рабочего Брянского рельсопрокатного и железоделательного завода, 1916 год	3 руб. в день	2-й степени	96 руб. в год
Оклад госпитальной сестры милосердия, 1914-1917 годы	40 руб. в месяц	3-й степени	60 руб. в год
расходная часть бюджета Министерства двора, 1913 год	17,4 млн руб.	4-й степени	36 руб. в год

Приложение 7

Участие органов местного самоуправления в оказании помощи жертвам войны